АЛЕКСАНДР III

ИСТОКИ РУССКОСТИ

ВЛАДИМИР
ГРЕЧУХИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данная книга необычна и посвящена взгляду из Провинции на образ и дела Александра III, одного из правителей России. Её повествование начинается с краеведческих находок о прикосновенности этого великого человека к маленькому городу Мышкину, а продолжается размышлением об историческом значении этого Государя и Человека для нашей страны.

Александр III идеально сочетал в себе твердость настоящего русского самодержца, гибкость ума и четкого понимания национальных интересов России: мир с позиции силы, ускоренное индустриальное и научно-техническое развитие, самобытность культуры.

В его устах знаменитая триада «Православие, Самодержавие, Народность» звучала не как защита обветшавшего прошлого, а как прорыв в будущее.

Он создавал новые заводы и фабрики, строил дороги и броненосцы, но для развития страны выбрал не войну, а мир, не растрату народных сил в дальних походах, а сосредоточенность внутреннего развития.

Александру III удалось доказать, сколь многого может достичь страна, когда сосредотачивается на внутреннем росте. Она развивалась, сделав обеспечение мира средством, а не целью. Именно при Александре III европейской цивилизации ничего не угрожало. Русский царь удил рыбу, и Старый Свет просили не шуметь.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

- Владимир Гречухин
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○ Авторское вступление
  - ○ Раздел I
    - ■
    - ■ Следы яркой жизни
    - ■ Царевы служившие люди
    - ■ «Наставница Скрыпицына»
    - ■ Первые графы
    - ■ Граф и графская
    - ■ Серый кардинал
    - ■ Мышкинская часть путешествия
    - ■ Усадебные люди
    - ■ В числе учредителей

        - «Нам не дано предугадать…»
        - «Царь-батюшка»
        - Главные дела и средства
    - Раздел II
        -
        - Европейская политика (Россия и Запад)
        - Конкистадоры и востоковеды
        - Российская экономика
        - Наука в помощь
        - Отношение к русской культуре
        - Вера Царя-Хозяина
        - Отношение к национальному искусству
        - Семейная жизнь
        - Былые времена
        - Домашнее хозяйство
        - Привычки и увлечения
    - Раздел III
        -
        - Уходящая эпоха
        - Прошлое и настоящее
    - Вместо эпилога
    - Библиография
    - Об авторе
    - О народности русской власти
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Владимир Гречухин
Александр III
Истоки русскости

© Гречухин В. А., 2022
© Книжный мир, 2022
© ИП Лобанова О. В., 2022

* * *

Предисловие

…С чего это я, автор, всегда сохранявший сугубо ярославскую почвенность своих повествований, вдруг обратился к всероссийской теме? К личности громадной правительной силы и мощной европейской значимости? К образу монарха великой империи и человека выдающихся личных качеств?

Причин, побудивших к такой решимости, было не мало. И самая первая – это глубокая несходственность Александра III (Третьего) со всеми иными правителями России. Вторая причина – это его неповторимая русскость. И третья причина по сравнению с двумя первыми совсем, казалось бы, невелика, но она глубоко побудительна. Это прикосновенность громозвучной жизни императора к тишайшей жизни моего родного края и его маленькой столицы – города Мышкина.

В России великое множество самых разных городов. Среди них есть славные и безвестные, громадные и крошечные, ближние и дальние… Их так много, а страна так велика, что редкий из них может иметь живую прикосновенность к дням жизни правителей России. Но моему родному городу исторически посчастливилось такие отношения иметь. И мы об этом кратко рассказывали в своей книжечке «Правители России и город Мышкин» (Мышкин, 2009).

О разных временах истории она сообщала, к разным эпизодам родного прошлого обращалась. Не обошла она своим скромным вниманием и век Александра Третьего. Но время на месте не стоит, наше краеведение не прекращает своих родиноведческих исканий и размышлений о судьбах великой страны России и нашего маленького края. А стало быть, оно как обретает новые примечательные сведения, так и приходит к новым выводам и осознаниям. И они свежей и глубже прежних.

И они оказываются способными будить увлечённые воспоминания о былых временах и гражданское стремление внимательней вглядеться в их течение и лучше его понять. Вот это и привело нас к работе над новой книгой, которая, начинаясь со страниц краеведческих, желает прийти к российским историческим оценкам.

Мы – русские, и где бы мы не жили, и какими бы делами не занимались, нам свойственно обращаться к мыслям о том, кто мы, для чего мы приходим в мир, завещанный нам предками. И, конечно, о тех, кого историческая судьба вознесла к правлению бескрайне великим и безмерно особым государством – Россией.

Уважаемый читатель! Давайте вместе обратимся к памяти

одного из таких людей, к образу Александра Третьего.

Автор

Авторское вступление

Время правления и личность Александра Третьего до сих пор вызывают противоречивые оценки

А. Сорокин,

«Как водворить в России новую эпоху»

…С портретным обликом императора Александра III (Третьего) я впервые познакомился в своём раннем детстве. Оно пришлось на Великую Отечественную войну (мне удалось родиться всего за день до её начала). И вся тогдашняя наша жизнь впала в великую скудность, и эта скудность властвовала над всем, а в том числе и над бытием нашего детского деревенского сообщества. И, конечно, над мирком наших игр и игрушек. Тогдашние игры были в немалой мере «военными», а тогдашние игрушки – это великая беднота и великая убогость…

Деревенские девчушки играли самодельными тряпичными куклами, а у мальчишек весь игрушечный «арсенал» из разных деревянных самоделок. Часто это были сообразительно примысленные для игрушечного пользования какие-то обрубочки или даже обломочки. А ежели кто-то имел несусветную отцом наспех сгороженную каталку на колёсах-кругляшах, то ему все искренне завидовали.

Очень у всех нас ценились осколочки старинной фарфоровой посуды, попадавшиеся при вскапывании огородов, а самым драгоценным сокровищем были либо «царские» монеты, либо «царские» же бумажные деньги. Они всегда знались как великая редкость. Некоторые взрослые люди, а чаще всего старенькие бабушки, их имели и бережно сохраняли в своих сундучках наравне с другими особо ценными для них вещами. А нам лишь иногда показывали, да в качестве великого поощрения давали поиграть.

Такой счастливец, получивший в своё недолгое владение царскую «деньгу», с гордым переживанием показывал её всем нам, и мы все с восхищённым волнением разглядывали эту роскошную диковину, явившуюся средь нас неким посланцем какого-то несравнимого с нашим, едва ли не сказочного мира. В ней всё дышало и светилось красотой и богатством, всё было лучезарно и сиятельно, и не шло ни в какое сравнение с нашим

бедным, убогим бытом.

Царские деньги были для нас даже и не деньгами, а бессомненными произведениями какой-то невероятно далёкой и столь же невероятно красивой культуры. Картина – вот самое для нас подходящее определение, которое сколько-то приближалось к этим чудесным «полотнам» красоты и эффектности. Да они и были именно полотнами и по богатству изображений, и по их дивной эффектности, и даже по размеру – ведь сотенные и пятисотенные с красавцем Петром Первым и Екатериной Великой были некими громадными «простынями», заставляющими нас или восторженно загалдеть или восхищённо умолкнуть.

И мы замечали, что эти драгоценности вызывают не только наш восторг, а и молчаливое, но несомненное уважение взрослых мужиков и баб. И я полагаю, что причиной тому была, конечно, не столько их прежняя (давно утраченная!) материальная ценность, сколько вот эта сказочно чарующая парадно-торжественная краса. Ведь в нашем быту было так мало вещей, впечатляющих красотой… И такая ассигнация в простой деревенской среде, к нашим дням страсть как обедневшей, оказалась подлинным предметом высокого искусства, о котором говорила каждая её мелочь.

Там всё впечатляло, всё было красивым и торжественно убедительным: все колонны, мантии, троны, венки, гирлянды, ленты… А в первую и главную очередь – портреты царей. О-о, какие это были люди! И рыцарственно грозно красивый Пётр, и богоподобно прелестная Екатерина, и элегантно благородный Николай Первый, и богатырски могучий Александр Третий. Александр средь всех царей был для нас явлением особым, он настолько выделялся из их блистательного ряда, что сразу привлёк нас своей как бы русской деревенскостью. Широкоплечий, бородатый, прямовзглядый – это был какой-то Царь – Мужик! Это был какой-то Главный Мужик России! Явно крепко зажиточный, явно строго хозяйственный и явно очень смелый, и правильный в делах, во всём своём большом хозяйстве.

Мы вглядывались в царские лица и дивились им: о-о-о, какие! Их всех можно было зауважать с первого взгляда и почтительно впечатляться их имперским видом, осанкой, мундирами. Но Царь – Мужик оставался особым случаем. Он вглядывался в нас столь несмягчённо прямо и столь настойчиво, словно хотел спросить, а помогали ли мы сегодня родителям на сенокосе или по домашним делам, да и в целом чиста ли наша ребячья совесть перед деревенскими нескончаемыми заботами?!

Мужицкость в этом самодержце жила во всём: от прямого разворота необъятных плеч и грузновато-коренастой осанки до

русско-деревенской причёски, простецки понятных усов и бороды. И взгляд! Опять же взгляд! Ведь так всегда и глядели самые укоренённые в своей жизни мужики – хозяева, самые твёрдовластные коноводы в семье и в деревне, самые несокрушимо уверенные в своей вековечной русской почвенной правоте. Да-да, вот это Царь!

Такой оказалась первая «встреча» деревенского мальчишки с «царём-батюшкой», как порой всё ещё называли его самые древневозрастные деревенские жительницы. Они ведь не отказывались от такого именования даже в безжалостно суровое время, когда любые «царские» проявления карались и изничтожались на каждой малости житейского пространства.

А у нас такие наклонности и зародиться не могли, царское время России на всяком шагу нашего обучения и воспитания клеймилось как «проклятое прошлое». Но оно как-то исподволь тихонько напоминало о себе… И старинными (красивыми!) крестьянскими домами. И старинным кроем бабушкиных сарафанов и шубеек. Тоже очень красивых… И диковинными страницами давних книжек, и ярким богатством бережно сохранённых пасхальных открыток – тоже очень красивых! Всё это таинственно проглядывало сквозь бедняцки убогую нашу жизнь и всякий раз заманчиво напоминало о неких неведомых нам (уж не сказочных ли?) временах. И эти осколочки давно рухнувшего мира как-то могли уживаться с указанным определением «проклятого прошлого». Одно другому, вроде бы, и не мешало… Словно речь шла о разных явлениях…

Так было и в мои юношеские годы. Так было и в моей взрослости. И в школе, и в техникуме, и в институте… И в армии, и на комсомольской стройке, и в районных строительных и газетных буднях. Всё так же вещали о себе старинные дома – терема, так же дивили взгляд красивые обломочки прежнего быта, так же безмолвно вопрошали нас портреты людей давно ушедшей эпохи. И особо упорным, обращённым ко мне, казались взгляд, и вся жизнь, и правление Александра Третьего. Бог весть почему…

Может, сказались моя изначальная (с самой детскости) приверженность к собиранию и хранению всей музееподобной старины? Может, это шло от моего глубинно крестьянского происхождения? Или же от неуклонного желания быть не «гражданином мира», а именно русским человеком?

Не знаю. Сам не знаю. Но любопытство, а потом и интерес к жизни и делам предпоследнего императора России определялись всё больше и пристальней. Его жизнь и судьба интересовали меня всё более серьёзно. А потом поиски всё новых и новых сведений

привели меня к знанию о его прикосновенности к событиям моего родного края! Надо ли говорить, что для краеведа это «волшебная лоза», особо ярко раскрывающая суть больших и малых явлений? Это та «нить Ариадны», которую искатель уже не отпустит из рук. Это то обретение, которое будит в душе самые национально-отеческие отзвуки…

Я уже не прерывал своих исканий и размышлений. Сперва они были совершенно нерадостными. Советские исторические материалы согласно твердили о крайней реакционности Александра Третьего. О крайней жестокости его дней. О малой культурности и слабой образованности как самого царя, так и его окружения. Впечатление непроглядной мрачности этой эпохи господствовало нераздельно.

Первые проблески иных оценок прозвучали отнюдь не в строках исторических трудов, а в художественной исторической литературе. Оценки сперва очень сдержанные и осторожные, а потом даже сочувственно положительные…

А затем и тон научных сообщений стал приметно изменяться. И чем дальше, тем больше. От однозначно осудительного – к спокойно размыслительному. Слава Богу! Ведь реальная жизнь как малого человеческого сообщества, так и огромного государства состоит отнюдь не из одних чёрных и белых тонов. В ней всё гораздо сложней и многоцветней.

И в этой великой многоцветности скромным маленьким оттеночком всегда неистребимо живут тихая любовь и душевный интерес к своей малой родине, самому заветно дорогому для тебя уголку России. А поэтому, когда профессиональные историки внимательней (или честней?), нежели прежде, стали вглядываться в Россию времени Александра Третьего, мы с ещё более возросшим интересом обратились к случаям его прикосновенности к нашему мышкинскому краю. И, конечно, нас уже привлекал не только сам событийный ряд, но и возможность при его помощи лучше рассмотреть личность императора, чей «деревенский» облик ещё в детстве удивил и привлёк нас своей некой самой простой русскостью. И чей взгляд встревожил нас, словно прозвучавшим, вопросом о нашем участии в больших и малых русских делах.

Может быть, сквозь такую знакомую и понятную нам «призму» малого попытаться понять большое? Может быть, и так… Но в этих поисках и размышлениях невозможно идти в одиночку. Тут неизбежно нужно обращаться к миру учёных мнений и соизмерять нами наблюдённое с их выводами.

А ещё вот такая есть неизбежность. Краевед, пронаблюдавший и по-своему оценивший последовательную

череду местных событий, непременно пожелает сделать и следующий шаг. Он пытается отойти от скромных краеведческих уровней поиска и попробует сформировать своё собственное видение главной значимости Правителя и Человека. Так и мы, начав с чисто краеведческого исследования и посвятив ему первую часть нашей книги, в её второй части обратились к всероссийскому значению забот и трудов императора Александра Третьего. И пытались ясно сказать, каким мы видим этого правителя в ряду главных героев нашего Отечества.

Автор

Раздел I
Здешняя память из древнего рода

…Все мы родом из детства

Антуан де Сент-Экзюпери

Да, все начала наших жизненных путей лежат в том далеком, милом сердцу времени, когда земная жизнь лишь только начинается и обретает первые позывы к делам и поступкам, основным и главным. Это истоковое время жизни человеческой, славно родник, питает всё дальнейшее движение судьбы. Детство, счастливое ли – нет ли, было у каждого, и в его тихо отступающих в прошлое картинах и можно разглядеть и первые радости, и первые неудачи, и первые открытия. И, конечно, первых друзей, первых спутников всех твоих детских обретений и открытий.

Эти спутники украшали и оживляли дни и будущих простых людей, и будущих замечательных деятелей, и будущих всевластных императоров. И всегда интересно всмотреться в тихие дали детских лет и приметить, понять, что за детское сообщество тогда сложилось вокруг человека, начинающего свой большой путь, какими были товарищи его детских лет… И, наконец, кто они?

Эти вопросы могут оказаться почти безответными относительно самых обыкновенных людей (многим ли из них приходит в голову положить на бумагу хотя бы имена и фамилии героев детских дней?!) Но такая безответственность может случиться лишь для людей малозначимых. А у будущих великих мира сего запечатленных сведений об их детстве сохраняется отнюдь немало. Что и говорить о тех, в чьих руках впоследствии были судьбы великих государств!

В этих случаях мемуары и архивы хранят многое и многое, и исследователи бывают счастливы рассмотреть в туманах далеких лет образы сверстников своих героев, их имена и фамилии.

Именно так и было с изучением ранних лет жизни императора Александра III. Историкам его царствования хорошо известен весь круг друзей его детства. Они перечисляют более десятка фамилий участников детских игр Александра и его братьев. Во дворец для создания детской компании приглашались дети из ряда самых приближенных ко Двору фамилий. Так что ни имя – то громкая известность рода, высокая приближенность к

высшей власти, большие заслуги и высокие титулы…

Барятинские, Дадиани, Юрьевские – это князья; Толстые, Ламберты, Мейендорфы – бароны и графы. Кажется, что всё детское сообщество, сложившееся вокруг царских детей, – это потомки особ с сиятельными титулами, но вот среди них упомянут мальчик, кажется, без такой степени родовитости. Его фамилия – Опочинин, он не из князей, но это, по всему, равный среди равных. Так кто же такой этот мальчик, приятель детских лет будущего всемогущего императора вся Руси?

Это Федя Опочинин. Будущий известный библиофил и издатель редких исторических документов. Будущий известный просветитель, и будущий руководитель Мышкинского уездного земства, и предводитель дворян Мышкинского уезда.

Для наших мышкинских краеведов этим уже всё сказано, они прекрасно знают весь жизненный путь и добрые дела нашего замечательного земляка… Но наша книга (как и всякая другая о русском прошлом) может оказаться Бог знает в какой отдаленности от наших родных мест, и её «иногородний» читатель может быть в недоуменном незнании как о нашем достойном земляке, так и о его роде. А стало быть, не сможет себе ясно ответить на вопрос, как и почему он оказался не вдали от царского трона и почему его потомок вошел в число приятелей царского сына?

А чтобы такая неясность не возникла, мы кратко расскажем и про всех Опочининых, и про связи с нашим краем, и, конечно, о само́м друге детских лет русского императора.

…В «Описании архива помещиков Опочининых», найденном рыбинской исследовательницей Ю. Чубуковой указано, что этот «старинный род насчитывает в своей родословной 238 представителей и известен с XV века». К упоминанию о том, безмерно далеком сведении можно добавить, что там чуть слышен самый первый известный нам человек – некий Семен Опочинин. От этого служивого человека к его потомку Василию перешло поместье на речке Святице. И за Василием в 1622-м и 1637 годах значатся хорошо знакомые мышкинцам селения – Бывалищи, Каюрово, Текусеино…

Да, с XVIII века все они относились к Мышкинскому уезду и памятны нашим краеведам многими примечательными именами, средь которых самое знаемое это, конечно, Петр Арсеньевич Смирнов, водочный «король» России. Но не станем спешить, и из яркого победами и именами XIX столетия, куда мы лишь заглянули, возвратимся в отдаленный век XVIII, где слышны слабые, но отчетливые весточки об Опочининых. Упоминается, что уже тогда их было несколько человек, например, возле

владений Василия древние грамоты называют и поместье его родственника Степана. А о самом Василии документы скорбно вещают, что он на царской службе убит в сражении под Чигирином. Что ж тут сказать – за данное царем-батюшкой поместье, за возможность прокормить семью дворянину надо было служить до самой смерти. А она многих заставала в боях и в походах…

Но вот его родственник Степан оказался посчастливей – и свою жизнь при царской службе сохранил, да и по служебной лестнице шибко приподнялся – в 1685 году он был воеводой в Переславле-Залесском. И вот именно он и получил за свою верную службу усадьбу Шишкино, ставшую родовым гнездом всех наших Опочининых.

Служба его успешно продолжалась, есть упоминание, что в 1710 году он занимался описанием Мологского стана Угличского уезда. И об отдаленности его служебной карьеры да и всей судьбы говорит и то, что кроме Шишкина с окрестными деревнями, он имел поместье на недальней от Мышкина реке Посне, какие-то владения села Богородского и деревни возле Углича. Можно полагать, что это был энергетический и предприимчивый человек, потому что он много хлопотал по обмену и приобретению земли в разных ярославских и тверских местах.

А XVIII век являет нам уже многих и многих Опочининых: от некоего «артиллерии ученика» Алексея до вполне авторитетного майора Василия, немало повоевавшего и даже помаявшегося в шведском плену. Все Опочинины того громкого и грозного века – это люди долгой и строгой царской службы. Чины и звания у них самые разные. Тут и какой-то совсем не значительный «унтер-цейхвахтер», но тут же и весьма солидный генерал от инфантерии, и Тифлисский комендант Алексей Опочинин, и Михаил Опочинин, даже и президент Берг-коллегии!

И с этих лет идет непрерывное возвышение рода, Опочинины уверенно поднимаются по служебной лестнице. Александр Опочинин начинал службу в 1732 году и нес её до 1770 года, получив высокий чин генерал-поручика.

А в 1779 году пришел в мир земной и самый успешный и громкий среди тогдашних Опочининых. Это Федор Петрович Опочинин. Он служил в армии с 1784 года, служил успешно и славно. Отлично заявил о себе в печально знаменитом сражении при Аустерлице. Прекрасные перспективы открыла ему служба при дворе; он стал адъютантом и личным другом великого князя Константина Павловича, наследника русского престола. Казалось, блестящая военная карьера стопроцентно обеспечена! Но неожиданно для всех близких он в 1808 году подал в отставку…

А нужно напомнить, что не только служебные, а и семейное положение этого человека к тем дням было завидным: он породнился с Голенищевыми-Кутузовыми, женившись на младшей дочери Михаила Илларионовича Кутузова. Полководец весьма симпатизировал зятю, высоко оценивая его служебные способности и очень расстроился, узнав о его отставке. Он немалой печалью отозвался об этом: «Не знаю, что сказать… Жаль в такие молодые леты себе затворить карьеру…»

Но оказалось, что она только ещё начиналась. Правда, уже не военная, а гражданская. Но – великолепная! Он дослужился до чина тайного советника и стал обер-гофмейстером Высочайшего Двора. А список его прочих должностей тоже впечатляющ: Президент Гоф-Интендантской конторы, член комиссии по строительству Исаакиевского Собора, член Попечительских советов обществ Презрения ближних… И наконец, член Государственного Совета России. Он ушел из жизни в 1852 году, оставив у современников высокие мнения о себе, убедительно звучавшие, например, в таких отзывах:

«…Он играл видную роль при Дворе…»

«…Это был человек энергичный и разносторонний».

«…Он был в близкой дружбе с цесаревичем и вел с ним большую переписку…»

А наши современные исследователи, как это мы уже отмечали, отзываются о нём как о «самой яркой и видной фигуре в роде Опочининых».

О славном и видном положении Федора Петровича говорят и его многочисленные и весьма достойные ордена – орден Александра Невского, орден Белого Орла, орден Анны I степени с алмазами, орден Владимира II степени, орден святого Георгия, прусский орден «Достоинства», саксонский «За гражданские заслуги» большого креста, вюртембергский «Фредерика большого креста», гессенский «Людвига большого креста». И ещё одна российская награда – Знак за беспорочную службу.

Впрочем, и его супруга Дарья Михайловна (урожденная Голенищева-Кутузова), имела высокое награждение, она являлась кавалерственной дамой ордена Святой Екатерины.

Вот в этот период истории рода и утвердилось его достойное положение при дворе, которое сохранялось всегда. И на его прочность не повлияли даже серьёзные «помарки» в судьбе некоторых его людей. И одна из таких «помарок» была более чем серьёзной!

Если, например, Михаил Опочинин допустил растрату казенных денег и поплатился за это лишением дворянства, то Ипполит Опочинин «отличился» куда более опасно!

Ипполит Александрович Опочинин – подпоручик, адъютант генерала (своего отца, Александра Васильевича) – в возрасте семнадцати лет имел страшную дерзость: в кругу своих знакомцев объявлять себя «сыном императрицы Елизаветы Петровны и английского короля!» Вот как…

Конечно, Россия знавала немало всяких отважных самозванцев, в том числе и присваивающих себе якобы очень высокое происхождение, но «сын короля и императрицы» – это уж, как говорится, из ряда вон! И в доносе на самозванца значатся и ещё более страшные слова: «говорил, что может статься, что и я буду императором!»

После таких слов с высот императорского российского трона должна была гроза разразиться и изничтожить дерзкого молодца. Но приговор 1777 года хоть и был суровым, но отнюдь не самым страшным. Ипполита Опочинина за его «зараженный буйностью и бесстрашием дух» постановили сослать на Иртышскую пограничную линию, сохранив его офицерский чин. Там он и служил семь лет.

Куда страшней оказалась участь его «сообщника» Ильи Батюшкова, которого в оковах сослали на вечное пребывание в заполярной Мангазее для употребления на тяжелые каторжные работы.

Что спасло Ипполита Опочинина от заполярной каторги? Наверное, это была безупречная служба его отца, генерал-майора, депутата комиссии Уложения. Через семь лет отец даже смог вызволить его из Сибири и вернуть домой – жить в своих деревнях. Но, должно быть, сибирская служба тяжко отразилась на его здоровье, и он вскоре «умер в деревне своего отца». Об этом в столицу сообщил ярославский наместник Алексей Петрович Мельгунов, которому было поручено присматривать за несчастным претендентом в императоры.

Как видим, в истории рода бывали и непростые годы. Но они не оказали плохого влияния на его уверенное возвышение.

И в XIX столетии фамилия достигла новых успехов, и в первую очередь это связано с Константином Федоровичем Опочининым. Он родился в 1808 году, имя мальчик получил в честь великого князя, светлейшего друга своего отца. Находясь на службе с 1820 года, Опочинин дослужился до звания полковника и придворного чина флигель-адъютанта и был весьма способен и на дальнейшее продвижение в чинах и званиях. Но очень ранний уход из жизни (в сорок лет) остановил его прекрасные успехи.

Впрочем, и за свою недолгую жизнь он сделал немало и оставил о себе яркое впечатление и благодарные воспоминания современников. Он был весьма достойно и счастливо женат, его

супругой стала дочь генерал-лейтенанта, коменданта Петропавловской крепости И. Н. Скобелева. Фрейлина Высочайшего дворца Вера Ивановна. Женщина высокой души и благородных поступков.

Должно быть, супруги очень подходили друг другу, будучи весьма расположены к жизни в культурном обществе, и именно при них в высшем свете глубоко укоренилось представление о фамилии Опочининых как о содружестве просвещенных людей, чей дом – это очаг интеллигентного общения и теплой преданности культуре.

Глава семьи, Константин Федорович, в 1830-е годы участвовал в военных действиях на территории Польши при подавлении польского восстания, а потом служил в Конногвардейском полку. А стало быть, это время его жизни проходило в столице. И его дом был всегда открыт для просвещенных людей.

Исследователи истории семьи особо отмечают, что род Опочининых «известен не своей знатностью, а культурностью, любовью к званиям, к искусству и любовью к археологии. Сам дом их уже свидетельствует об интересах его обитателей – коллекции фарфора, хрусталя, оружия, библиотека». (Кстати, о «доме»: все Опочинины, кроме Александра, всегда жили в Петербурге на Набережной Мойки.)

Вот здесь они и принимали своих многочисленных гостей, многие из которых были людьми высокого творческого труда. Может быть, среди них стоит особо отметить композитора Мусоргского. К Опочининым Модеста Петровича ещё совсем юным ввела его матушка Юлия Михайловна, и здесь он нашел и близкое дружество, и тонкое взаимопонимание, и прекрасную атмосферу для творчества.

Стасов об этом сказал замечательно точно: «Ничто не могло быть благоприятнее той обстановки, в которой находился Модест в продолжение всего периода, когда он сочинял своего “Бориса”…»

Добавим к этому, что Модест Петрович все эти годы не просто бывал у Опочининых, а постоянно жил у них. Отношения были едва не родственными, ведь его матушка с давних пор дружила с Надеждой Петровной Опочининой, а семьи Опочининых и Мусоргских хорошо знали друг друга ещё чуть не издревле, их предки – это наши ярославские дворяне, чьи владения находились недалеко от Мышкина. (Мусоргским принадлежало село Большое Ивановское в пяти верстах от Мышкина, а Опочининым – большая группа селений в рождественской округе, из которых древнейшее владение – это

село Кузьмадемьян.)

У Модеста Петровича сложились самые добрые отношения со всеми Опочиниными, и с шестью братьями, и с сестрой их Надеждой. А наиболее теплыми они были с Александром Петровичем и Владимиром Петровичем. Да и могло ли быть иначе? Ведь контр-адмирал А. П. Опочинин интересен отнюдь не только успешной военной карьерой, а и своей большой музыкальностью. Этот представитель семьи Опочининых обладал прекрасным голосом, его бас высоко оценивали знатоки пения. Он был своим человеком в музыкальной жизни столицы, известна его близость с композитором А. С. Даргомыжским и хорошее знакомство с М. И. Глинкой.

Потом, когда Александр Петрович жил в Инженерном замке, то Мусоргский поселился у него, завершая работу над оперой «Борис Годунов». Александр Петрович создал другу самые лучшие условия для творческой работы, предоставив ему полный покой, свою богатую библиотеку и свою верную дружбу.

Возвратимся к свидетельству Стасова: «У Опочининых по субботам собирался весь музыкальный и литературный цвет Петербурга. ‹…› Музыка в кружке Опочининых занимала большое место. Вдохновителем и руководителем музицирования на опочининских советах всегда был Мусоргский». А так сказать, хозяином суббот всегда оставался Александр Петрович. Он тактично руководил всем ходом вечера, и мог порадовать гостей своим певческим мастерством. (Кстати, Мусоргский посвятил другу несколько своих романсов. Но ещё больше его музыкальных произведений было посвящено Надежде Петровне, женщине музыкальной и обаятельной… Мусоргский обожал её ещё со своей юности…)

…Опочинины, где бы они не находились (не только в столице) всегда оказывались непременными участниками музыкальной и в целом культурной жизни. Так А. Г. Рубинштейн, приехав в далекий Тифлис, вошел в добрые отношения с П. А. Опочининым – поэтом, литературным критиком, журналистом и редактором газеты «Кавказ». Этот многогранно одаренный человек был большим поклонником музыки и сам создавал музыкальные произведения. Не случайно его прощальным подарком Рубинштейну стало не что иное, как музыкальная миниатюра!

А вот другой пример – хорошо известный исследователям представитель рыбинской ветви Опочининых Евгений Николаевич – это писатель, хорошо ведомый известным столичным литераторам, журналист и … коллекционер странных вещей и особенно книг. Не случайно исследователи отмечали особую

склонность Опочининых к «археологии». Напомним, что археология в тогдашнем понимании это вовсе не только поиск в земле материальных остатков старины. Это понималось как собирание любых старинных вещей, а в первую очередь книг и рукописей.

Но возвратимся к петербургской жизни Опочининых, прямых предков нашего земляка Федора Константиновича.

Мы уже рассказывали о том, что их дом всегда был открыт для широко культурного общества. Но и они сами в не меньшей мере бывали охотно принимаемы в других просвещенных собраниях столицы. Так, например, сам Константин Федорович часто бывал у Карамзиных. И хозяйка салона С. Н. Карамзина вспоминала об этом госте как о «замечательно приятном и остроумном».

А другой её отзыв о нём же ещё более замечателен и интересен: «Я не знаю другого русского офицера, который бы соединил в себе столько природного ума с тонкой общей просвещенностью. Такую начитанность с легкостью в разговоре». Этот чудесный отзыв увековечен в сборнике «Пушкин в письмах Карамзиных» (1836–1837 г.)[1].

Константин Федорович был хорошо знаком с Пушкиным. А ещё более близок с Лермонтовым. Дружба его с Михаилом Юрьевичем являлась общеизвестной, они много и разнообразно беседовали, много играли в шахматы и обменивались впечатлениями о жизни высшего света.

Литературоведы нередко цитируют дружескую записку Лермонтова, посланную Константину Федоровичу, которая начинается словами: «О милый и любезный Опочинин!», а кончается подписью: «И весь Ваш Лермонтов». Может ли быть ещё более живое подтверждение самых непосредственных душевных отношений? (Не случайно внимательная исследовательница С. В. Кистенева ещё весьма давно подметила как теплоту их отношений, так и немалое влияние образа Опочинина на творческое впечатление поэта…)

А яркие отзывы о Константине Федоровиче принадлежат вовсе не только Карамзиной и Лермонтову. Обратимся к такой тонкой ценительнице дворянской культуры и нравов высшего света как А. О. Смирнова-Россет. Рассказывая о придворном бале, она с немалым удовольствием пишет: «…я то и дело танцевала с Опочининым (…) он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно. Императрица это заметила и мне сказала: “Вы с Опочининым очень красивая пара…”»[2]

…Вот какой явно замечательный человек предстает перед нами в воспоминаниях современников. Натура привлекательная и

оказывающая на людей очень большое и благородное впечатление. Однако. Каков же он был внешне? Можем ли мы его себе представить?

Ответ на этот вопрос оказывается самым счастливым, совсем недалеко от нас. В Угличском историко-художественном музее сохранены сразу три портрета К. Ф. Опочинина. И, благодаря исследованиям и публикациям Светланы Владимировны Кистеневой, они хорошо известны россиянам. Это миниатюра неизвестного автора, рисунок Веры Ивановны Опочининой и акварель художника В. И. Гау, созданная в 1848 году. В музей все они попали в своё время из Шишкина, родовой усадьбы Опочининых в Мышкинском уезде.

Обратимся к акварели художника Гау. Она запечатлела человека, по-видимому, отличавшегося от многих своих современников, обладающего глубокой и тонкой внутренней жизнью. Это один из людей всегда немногочисленной военной интеллигенции, в облике которых подлинная культура, несомненно, преобладает над какой-либо воинственностью. В облике Опочинина тихо властвует печальная серьёзность и серьёзная внимательность к окружающему миру. Невольно сразу вспоминаются слова Карамзиной о единстве ума с тонкой просвещенностью.

Мы полагаем, что художнику удалось в облике Опочинина верно отразить сочетание блистательной придворности с большим, печально внимательным к жизни разумом его героя и прекрасно подметить его раннюю усталость в восприятии окружающего мира. У зрителя сразу и безошибочно возникает душевная симпатия к этому герою давно прошедших лет. И он уже не может не согласиться с предположением С. В. Кистеневой о том, что для М. Ю. Лермонтова именно этот спутник жизни мог явиться прототипом Печорина. (В ком ещё из ближнего окружения Михаила Юрьевича мы можем видеть столь органичное единство придворного блеска, благородного воспитания, больших знаний и грустной усталости от бытия высшего света?)

Человеку уже наших дней, созерцателю былых дней, не хочется расстаться с этим печально мужественным молодым военным, с его нерадостным умным взглядом, очевидно рассмотревшим в роскошном цветении придворных событий и не всем видимую их непростую и не всегда радостную глубинную суть. Но мы сделаем это и расстанемся с ним ради встречи с человеком не менее значительным – с его сыном, достойно продолжившим древний и славный род. Для встречи с нашим земляком Федором Константиновичем Опочининым.

Следы яркой жизни

Возникал в ярославской усадьбе потенциал духовного возвышения, воспитывался новый человек

Е. Ермолин

Рассказывая о Федоре Константиновиче Опочинине, мы не собирались от года к году пройти весь его недолгий жизненный путь. Другой была наша цель, она заключалась в желании рассмотреть и понять то, чем этот человек сущностно отличался ото всех своих дворянских предшественников и от многих своих современников. Мы желали на его примере показать те значительные гражданские новшества, что пришли к середине XIX столетия в среду лучшей части дворянского сословия.

Знакомясь с материалами о трудах и заботах Федора Константиновича, мы не могли не убедиться в том, что этот человек ярко воплощал в себе все добрые содержательные веяния, которые тогда овладели граждански мыслящими представителями русского дворянства. Эти люди широко и ново понимали суть своего служения Отечеству, возводя это служение от узкоусловных до общенациональных понятий. Мы полагаем, что пример жизненных трудов Федора Константиновича Опочинина ярко свидетельствует о достойной содержательности того периода истории лучшей части русского дворянства.

Но прежде чем говорить об этом, нам нужно кратко перечислить чисто библиографические вехи судьбы этого замечательного человека. И мы переходим к ним.

Федор Константинович родился 26 сентября 1846 года в Петербурге в доме на Гагаринской набережной. Его отец – флигель-адъютант императора Николая I, его мать – фрейлина Двора Ея Императорского Величества. Его назвали в честь деда, флигель-адъютанта Цесаревича Константина Павловича. В счастливой семье, соединявшей фамилии Опочининых, Кутузовых и Скобелевых, он был третьим и последним ребенком, пришедшим в земной мир после своих сестер Кати и Даши.

Федя сперва учился в Ларинской гимназии, затем в Санкт-Петербургском университете и пришел на службу в канцелярию Государственного Совета России, где был не раз отмечен за «усердную и ревностную службу». За свою недолгую жизнь Ф. К. Опочинин успел обрести чин действительного статского советника (это пятый класс известной «Табели о рангах») и камер-

юнкерство при Императорском Дворе.

А главную часть его земных дней заняла служба в русской Провинции, в Мышкинском уезде, где его избрали председателем уездного земского съезда, предводителем уездного дворянства, председателем Училищного Совета и председателем иных уездных обществ.

Во все возглавленные им в Мышкине дела он принес вдохновенную энергичность и теплую заботу. Земская жизнь здесь пробудилась и закипела его трудами. За время его деятельности в уезде было открыто 18 школ и земских училищ, а первое из них он открыл в своей родовой усадьбе Шишкино за свой счет. И им было исполнено много иных добрых земских дел, вплоть до трудов по созданию в Мышкине первой по Ярославии общедоступной научной библиотеки.

… Начиная эту главу нашей книги, мы предусмотрительно оговорились, что отнюдь не собираемся вести полный рассказ о днях жизни Федора Константиновича (это уже сделано в ряде публикаций, а особенно полно и интересно в книге Т. А. Третьяковой «Венок Опочинину», вышедшей в Мышкине в 1999 году). Наша цель заключается в другом: мы желаем с посильной четкостью выделить в его делах те замечательные гражданские качества, которые отличали саму передовую и мыслящую часть русского дворянства в середине и второй половине XIX века. К этому мы сейчас и переходим.

Старинная «археология». Дореволюционные исследователи отмечали, что Опочинины всегда отличались не столько знатностью, сколько культурностью их рода, было известна их преемственная любовь к искусству и истории, в частности к археологическим занятиям. Это было свойственно и Федору Константиновичу, но его археологические увлечения были совершенно иными, нежели у его предшественников. Если их всегда увлекало собирательство свидетельств старины ради создания семейных коллекций раритетов, то он был обращен к публикации редких исторических свидетельств, чтобы сделать их достоянием общества.

Он первым осознал большой смысл популяризаторской издательской работы и много потрудился для этого. Он издал переписку Ф. П. Опочинина с Цесаревичем, воспоминания о графе Чернышеве, часть архива М. И. Кутузова и ряд других исторических материалов.

Он шагнул гораздо дальше извечного дворянского любительства в работе с письменными свидетельствами истории и повел эту работу совместно с учеными. Лучшим результатом этих трудов были совместные с историком М. И. Семевским

издания «автографов» – писем знаменитых русских людей. Причём, один из выпусков был сопровожден фотографическими снимками этих бумаг. Кажется, это было сделано впервые в России.

Иногда исследователи как бы сближают по своей гражданской значимости образы двух Опочининых – Федора Константиновича и Евгения Николаевича. Полагаем, что это совершенно ошибочное сближение.

Напомним, что Евгений Николаевич – это известный в своё время писатель, автор более трех десятков книг. И его перу принадлежат десятки газетных и журнальных публикаций. Он являлся и театроведом, и фольклористом, а также в немалой мере историком и в очень большой мере – коллекционером. Он был дружен с Ф. М. Достоевским, Я. П. Полонским, А. П. Милюковым; читающей России он хорошо известен как автор прекрасной серии литературных портретов своих современников. То есть это человек культуры, живущий в мире культуры. Но мы не решимся сближать образ его как деятеля с образом Федора Константиновича уже потому, что Федор Константинович и искал, и собирал, и публиковал с качественно иной целью, нежели его родственник. Главной целью было желание донести всё найденное и узнанное до знания возможно более широкого российского общества. Гражданский мотив здесь преобладает над всякими другими.

От любопытства к науке. Эту направленность трудов Ф. К. Опочинина выше мы уже отмечали, но находим полезным обратиться к этому ещё с одной позиции рассмотрения прошлого. Это участие в организационном общественном изучении настоящего и прошлого своего Отечества. В тот период по названным направлениям повели работу русские научные общества. И все, кто желал объединить усилия в изучении былых времен своей Родины, обратились к этим исследовательским центрам. Среди них и Федор Константинович Опочинин. В Императорское Русское Географическое Общество он вступил в 1870 году (24 года), а в Императорское Русское Археологическое – в 1874 году.

Примечательно, что в названных обществах он пребывал отнюдь не в качестве «почетного члена», не ради удовольствия значиться среди весьма просвещенных современников. Нет, он занимался в обществах реальными полезными делами: так Федор Константинович являлся секретарем отдела Археологического Общества.

И нужно отметить, что его исследовательское внимание было обращено не только к вопросам русского прошлого, но в немалой

мере уделяло время и русской современности. Это весьма предметно отразилось, например, в решении о приеме его в члены Императорского Археологического Общества: «Господин Опочинин состоит на службе в государственной канцелярии, занимается исследованиями, относящимися к истории России, и может быть полезен Обществу своими статистическими сведениями». По своему личному пожеланию Ф. К. Опочинин в Обществе и был причислен к отделению статистики. То есть к вопросам своей живой и непосредственной современности.

Книги для всех. Глубоко общественный характер забот и трудов руководителя мышкинских земцев ярко проявлялся и в книжном деле, в создании сети народных библиотек нашего уезда. Опочининский кружок, объединяющий здешних поклонников книги, одной из своих главных задач изначально имел учреждение народных библиотек. Его участники подошли к выполнению задуманного очень деловито и много сделали для воплощения своего замысла. Каждый из них помог и личными стараниями, и пожертвованиями своих собственных книг. А наибольшим было участие семьи Федора Константиновича и его супруги Натальи Федоровны (урожденной Нарышкиной). Их дарение включало книги, журналы, мебель…

Как видим, Федор Константинович и в этом деле шел много дальше прежнего дворянского библиофильства, когда богатые собрания хороших книг создавались лишь для своей семьи и узкого круга друзей. Он и здесь был деятельным общественником.

До всего было дело. Воистину так. Кажется, в нашем крае Федор Константинович стал первым земским руководителем, относившимся ко всему уезду как к большому, но сердечно родному хозяйству. Его увлеченная заинтересованность касалась всего, от школ до больниц, и он одинаково радел как о центральной уездной библиотеке, так и о сельской школе грамоты.

Это горячая искренняя забота так сильно действовала на людей, что они словно пробуждались от долгого безразличия и шли к новой, очень деятельной жизни. Во всех волостях уезда у него находились помощники и последователи. Не боясь красивых слов, можно говорить, что он горел сам и зажигал других.

Мне он издали порой напоминает некрасовского Гришу Добросклонова, но только «Гришу» в этом случае имеющего реальные возможности для некоторого улучшения народной жизни на одном конкретном участке России, в масштабах одного уезда. И он смело и активно пользовался этими возможностями. А во главу угла своих забот и трудов, как и все лучшие шестидесятники, ставил задачу «Сеять разумное, доброе,

вечное…» (Кстати, этот некрасовский поэтический призыв он избрал девизом своих земных трудов и запечатлел его текстом на стене своего рабочего кабинета в Шишкине).

Стоит обратить внимание на его письма из Петербурга, в которых он, уже будучи сильно больным, пишет в Мышкин о своих хлопотах по ряду здешних конкретных дел. А истинный хозяин не прекращает старательных хлопот по своему большому хозяйству, даже чувствуя близость своего земного предела. Таким и был вождь мышкинских земцев Федор Константинович Опочинин.

Быть русским человеком. Для Опочинина это являлось необходимым условием подлинных гражданских чувств и подлинной любви к своему Отечеству. А такое, увы, было свойственно далеко не всему русскому дворянству, не говоря уж о его аристократии. Ведь известно, что в Европе не находилось людей более космополитичных, чем русские аристократы. Русская народная национальная жизнь, народный быт, народная культура для них были столь же чужды и далеки, как реальность папуасов с Новой Гвинеи или туземцев с острова Пасхи. Многим из них был слабо известен сам русский язык. (Достаточно напомнить, что многие государственные документы ещё в начале XIX века для народного понимания приходилось переводить с французского на русский…)

Истинная жизнь, истинный смысл земного существования многим русским аристократам виделся лишь в Европе, но никак не в России. И у Запада они пытались учиться этой истинной жизни. Но научались лишь красивым манерам, красивой трате средств, а не созданию материальных и культурных основ достойной национальной действительности. Они не стали создателями новой России и смогли достичь ничего, кроме печальной известной «благородной скуки».

Федор Константинович Опочинин стал одним из тех русских аристократов, кто всей душой и всем разумом до боли сердечной остро осознали, что российское дворянство, строя Российское государство, совсем не строило русскую *нацию*. Осознал, что гибельное отчуждение между господами и народом всё углубляется, и возложил искренние надежды на то, что, просвещая народ, можно будет устранить это ужасное отчуждение.

Мысли о парламентаризме? Конечно, Федор Константинович – это представитель русского дворянства, более того, его высшего аристократического слоя. Стоит напомнить о высоких придворных постах его ближайших родственников. Стоит напомнить о детской дружбе с самим Цесаревичем; наконец,

стоит сказать и о том, что его сестре Дарье (Долли), бывшей замужем за Евгением Романовским, герцогом Лейхтенбергским, был пожалован графский титул. Да, она стала графиней Богарнэ, носившей славный титул, пришедший от родственников Наполеона I.

Федор Константинович, конечно, был плоть от плоти дворянского сословия. И первую народную школу нашего уезда, открытую в Шишкине, он посвятил памяти сестры Долли, графини Богарнэ. И мы полагаем, что Опочинин, в определенной мере размышлял и о некоторой демократизации государственного управления Россией. Что склоняет нас к таким предположениям?

После Федора Константиновича, скончавшегося 14 июня 1881 года всего на тридцать пятом году жизни, осталась незавершенная рукопись «История Государственного Совета» и громадное количество сведений и материалов по этой теме, говорящих о внимании его к некоторой коллегиальности действий Совета.

Сразу определим возможные возражения читателей, ведь нам могут сказать, что и в целом архив Федора Константиновича очень велик и богат! Да, в нём чего только и не было: там и бумаги Константина Федоровича, в том числе дневники, в которых немало сведений о предках; там и рукописи, оставшиеся от его бабушки, Голенищевой-Кутузовой, а в их числе дневники заграничного путешествия 1815 года; там и множество бумаг и писем разных известных русских людей. Наконец, в этом архиве были и дневники юношеских лет самого Федора Константиновича и его собственноручные записи о заграничном путешествии.

Но нас интересует другое. Это многочисленные наброски газетных и журнальных статей и, в первую очередь, по уже названной теме – «История Государственного Совета». Мы полагаем, что хорошо зная содержание работы этого учреждения, Опочинин желал видеть в нём обращение к некоторой коллегиальности в обсуждении и решении важнейших государственных вопросов.

Что могло склонять Опочинина к таким мечтам? Да сама жизненная реальность, хорошо прочувствованная им при работе в русской Провинции. Он лично сам на деле осуществлял большой демократизм в мышкинской земской деятельности, вовлекая в неё всех мыслящих людей. И мы думаем, что большой и интересный опыт практической земской работы мог отразиться в завершении об истории Государственного Совета.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. И он дал Федору Константиновичу яркий, но недолгий земной

век, окончившийся 14 июня 1881 года и завершившийся торжественно-печальным многолюдным прощанием и погребением 21 июня на погосте Каменка, возле любимой им усадьбы Шишкино.

* * *

Уважаемый читатель! Мы посильно перечислили те главные качества, которыми по нашему разумению Федор Константинович Опочинин отличался и от своих дворянских предков и от большинства своих дворянских современников. Это важные качественные отличия. Ими новые дворяне (просветители и созидатели) были решительно несхожи с прежними дворянами, слишком мало промышлявшими о простом народе России и жившими в лучшем случае узкосословными, а в худшем – только сугубо личными интересами.

Приход в российскую жизнь таких людей, как Федор Константинович Опочинин, являл некоторую надежду на смягчение и примирение её глубоких социальных и культурных противоречий. И он давал шанс на мирное развитие русского общества. К великому сожалению, число таких тружеников и старателей оказалось совершенно недостаточным для удержания общества и страны от сползания к катастрофе революционных событий.

Вот одним из тех немногих мирных созидателей и был Федор Константинович Опочинин, товарищ ранних детских лет будущего императора Александра III.

И как мы далее увидим, эти рассветные дни жизни правителя России не стали им позабыты. Но… Но в нашем крае жили и другие люди, оказавшиеся очень примечательными спутниками жизни императора. Один из таких людей нам виден особо интересным и примечательным, это мышкинская дворянка Вера Николаевна Скрипицына – его первая учительница. И в нашей книге мы желаем рассказать о ней, но сперва о её роде, роде старинных дворян Скрыпицыных.

Царевы служившие люди

Петр I заставил дворян служить, издав об этом специальный указ. Все дворяне сделались военными

Э. Колотилова, архивист

Письменно этот род известен с XVI века. Тогда дворяне Скрыпицыны (а именно так даже и в XIX веке писалась их фамилия) имели поместья под Переславлем-Залесским. И в конце того же далекого XVI века одна ветвь этого очень многочисленного семейства появилась в Угличском уезде. Здесь они за службу получили деревни и землю сперва в Городском стане, а потом и в Кацком, вот с тех пор они наши земляки-мышкинцы.

Семейство всё разрасталось. Каждый его мужчина пребывал на царской службе, а стало быть, множились и их владения, государево пожалование. И в XVII веке они выходят своими поместьями на реку Посню, где у Василия Невзорова Скрыпицына появились пустоши Фетеево и Харилово, вскоре ставшие деревнями со скрыпицынскими крестьянами.

XVIII век принес этому роду новые владения в нашем крае. Старинные бумаги отмечают их владения в центральной, южной и западной частях Мышкинского уезда и в соседних Угличском и Мологском уездах, а также в Тверской губернии.

Старинный род к тому времени уже имел красивый герб, представлявший собой вертикальный щит с перпендикулярным делением на две части, «из коих в правом верхнем голубом поле изображена рука, в серебряные латы облаченная, с мечом, поднятым в верх». Эта рыцарская рука опиралась на крепостную стену, а под стеной в нижнем поле изображена масличная ветвь. А в левой части герба, в золотом поле, лев на задних лапах.

Герб был эффектно украшен пышным наметом, сверху увенчан европейским рыцарским шлемом с забралом и с дворянской короной. Из-за неё выступали черные крылья и меж них высилась «рука в латах с занесенным мечом». Всеми этими элементами герб подчеркивал давность и заслуженность рода.

И род действительно таким и был. В 60-х годах XVII века Скрыпицыны в государственных бумагах значились как «дети боярские», как служивые военные люди, среди которых было немало воевод. Например, они воеводствовали в Муроме, Тобольске, Нерчинске. На царской службе имели не только

успехи, но и потери. Так известно, что в боях при взятии Казани в 1552 году погиб один из них (Бестуж Скрыпицын).

XVII век принес Скрыпицыным серьёзные продвижения по службе и придворное возвышение фамилии (в этот период они служили при Государевом дворе стряпчими и стольниками). Это уже весьма престижная служебная значимость.

Но главной значимости и славы Скрыпицыны достигли совсем на другом поприще, на службе духовной. Самым известным из них стал Иоасаф Скрыпицын, принявший иночество в Троице-Сергиевой лавре. Отличаясь высокой духовностью и образованностью, Иоасаф стал одним из самых чтимых старцев этой знаменитой обители, а потом и возглавил её.

Лаврой он правил долго, более десяти лет, в этом сильно отличаясь как от своих предшественников, так и от своих преемников. Он обладал чрезвычайно высоким авторитетом и был любимым духовным собеседником Василия III. Ему доверили крестить будущего Ивана IV, а потом в 1553 году и его брата Юрия. Василий III, обладающий суровым и властным характером, очень выделял Иоасафа изо всех старших духовных лиц и дорожил общением с ним. Иоасаф и сам, будучи человеком строгих правил и большой властности, являл для царя пример очень достойной духовности.

И случилось так, что именно Иоасафу довелось исполнить обряд пострижения умирающего Василия III, проходивший в очень непростых придворных обстоятельствах. Он же привел всех придворных к крестному целованию на верность малолетнему Ивану IV.

А в 1539 году судьба Иоасафа достигла самой высокой точки своего восхождения – он стал митрополитом всея Руси и одним из самых близких людей молодого царя.

На митрополичьем престоле Иоасаф был известен независимостью дел и суждений и большой любовью к книжным занятиям, он и сам писал их. Но ещё более замечательным качеством его было чувство высокой справедливости, которой он служил поистине бесстрашно. Он смог добиться освобождения из тюрем и ссылок многих страдальцев и даже смог освободить самого несчастного и самого безвинного из них – угличского князя Дмитрия Андреевича, 49 лет пребывавшего в тюрьме. Её порог он переступил ещё ребенком и покинул её стены уже стариком…

Иоасаф, управляя Русской Православной Церковью, проявил себя как непреклонный сторонник книжности и справедливости (мы решимся сказать, что, в нашем понимании, это был как бы некий «просвещенный монарх» на митрополичьем престоле. Или

даже, в немалой мере, «церковный демократ»!).

Иоасафа свергли с митрополичьего престола в результате боярского заговора 1543 года, его глубоко унизили и сослали на Север, в Кириллов монастырь, где в строгих условиях он провел четыре года.

В 1547 году эта ссылка закончилась, и бывшего митрополита всея Руси перевели в его родную Троице-Сергиеву Лавру простым иноком. Вот какова судьба…

Но в Лавре к нему относились с уважением и участием и определили Иоасафу самый любезный его сердцу род занятий – «книжное списание».

И он занимался этим до края своих земных дней, также находя возможность для создания своих собственных письменных трудов. Он много работал с русскими летописями и имел в своём распоряжении собственную ценную библиотеку.

Лавра опять подарила Иоасафу некоторые счастливые минуты жизни: здесь он встречался и беседовал с известным книжником Максимом Греком, здесь он имел переписку с новыми правителями Церкви и здесь у него случилась трогательная встреча с Иваном Грозным, возвращавшимся домой после взятия Казани.

…Иоасаф – это самое знаменитое имя в истории скрыпицинского рода. Никому из них больше не доводилось достигать таких всероссийских высот служения Богу и Отечеству. Но род признавался и древним, и знатным. В XVIII веке Скрыпицыны имели владения в Ярославском, Кашинском, Угличском и Мышкинском уездах. И тот век для Скрыпицыных ознаменовался особой духовной радостью: в их семье, в доме секунд-майора Николая Дмитриевича, была обретена чудотворная икона Божией Матери Шестаковой, ставшая одной из чтимых в России.

В нашем уезде Скрыпицыны всегда значились среди самых богатых и влиятельных землевладельцев. Их стараниями были построены храмы в селах Богородское и Георгиевское Мышкинского уезда и в соседней Тверской губернии (в Шелдомежи).

История иконы божией Матери Шестаковой хорошо рассказана в книге священника о. Александра Тяжелова («Летопись Шелдомежского монастыря Шестоковской иконы “Божией Матери”»), изданной нами в Мышкине в 2002 году.

А история рода дворян Скрыпицыных достаточно полно показана в нашем издании, вышедшем в 2010 году (В. А. Гречухин и Т. А. Третьякова «Дворяне Скрыпицыны»), и читателя, особо интересующегося этими темами, мы и направляем к двум этим

книгам. Сами же сейчас обратимся к рассказу о замечательной спутнице детских лет Александра III, его первой классной наставнице, Вере Николаевне Скрыпицыной.

«Наставница Скрыпицына»

Душа моя – Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных

Ф. Тютчев

В повествовании об этом, по-своему весьма замечательном, человеке мы станем использовать не столько свои познания, сколько сообщения старинного историка С. С. Татищева. Сергей Спиридонович Татищев – это широко осведомленный историк-фотограф, скрупулезно собиравший и хранивший все сведения о прошлом и настоящем. Его судьба – уже сама по себе великолепная история больших и добрых деяний. Мы не станем детально углубляться в неё, а лишь схематично отметим её главные этапы.

… Блистательная дипломатическая служба в Австрии и на Балканах.

…Успешное участие в русско-турецкой войне под командованием М. Д. Скобелева.

…Чиновник по особым поручениям в Министерстве Внутренних дел.

…Финансовый атташе России в Лондоне.

…Кавалер четырех русских военных орденов и шести иностранных орденов, в их числе такая престижная награда как французский орден Почетного Легиона.

…Автор интересных и богатых сведений, книг по истории России, посвященных временам императоров Александра II и Александра III.

Эти книги содержат великое множество интересных и ярких деталей и воскрешают в русской памяти образы многих примечательных русских людей той эпохи, и одна из них «царская наставница Скрыпицына». У Татищева она сразу же обозначена совершенно четко: «Скрыпицына Вера Николаевна, инспектриса Воспитательного общества благородных девиц, первая наставница великих князей Николая и Александра Александровичей».

Нам было отчего счастливо содрогнуться, и было отчего испытать чувство большой гордости: ведь первой наставницей Цесаревичей могли взять лишь очень достойного человека и знающего педагога, могущего и обучать и воспитывать.

А как всё начиналось? Родителей будущего императора рано стала занимать мысль о правильном образовании и воспитании

детей. И их старшему сыну Николаю не было ещё трех лет, а будущему императору едва минул год, как к ним уже пригласили для обучения «первоначальным молитвам и грамоте» умелую и опытную наставницу. Это и была «вдова ярославского помещика Вера Николаевна Скрыпицына». Случилось это 18 мая 1846 года, вот с этого момента наша землячка и взяла в свои руки всё первоначальное образование и воспитание всех троих царских детей, и оба брата и сестрица стали звать её едва не второй матерью.

Почти два года Вера Николаевна одна занималась с детьми. А после этого срока появился и второй воспитатель, старый унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка Тимофей Хренов. Этот «военный дядька», или, как его официально именовали, «комнатный унтер-офицер» уже должен был учить маленьких царевичей фронту, маршировке и ружейным приемам. Но вскоре он стал им и верным другом и вместе с Верой Николаевной создал для детей теплое и душевное общение. Их всех можно было увидеть и на прогулках в Царском Селе и Петергофе, и в дворцовых помещениях, и при встречах с родителями царственных детей.

Потом воспитателей возглавил заслуженный гвардеец, генерал-майор Зиновьев, число учителей постоянно увеличивалось, и день императорских детей был во многом подчинен самым разным занятиям. А первоначально он выстраивался так: утром детей мыли и одевали няни-англичанки, затем, после завтрака, они все, включая и трехлетнего Владимира, поступали под надзор военных воспитателей, постепенно прививавших им глубокое знание армии и уверенное следование её правилам и порядкам.

С 1850 года два часа в день они по-прежнему занимались с Верой Николаевной Скрыпицыной, затем отправлялись на занятия фронтом, маршировкой и ружейными приемами у «дядьки» Хренова. Непременно полагались им уроки гимнастики, танцев. Круг учителей пополнился привлечением полковника Гогеля, учителя гимнастики и плавания Линдена и танцовщика Огюста.

Самый старший, Великий князь Николай вскоре уже перешел к начальному изучению Священной и Русской истории. Вера Николаевна и Гогель попеременно знакомили его с главными событиями этих историй, а вслед за такими занятиями пришло и время знакомства с географией. Вера Николаевна и Гогель этот предмет преподавали по книге Дюмен-Дюрвиля «Путешествие вокруг света».

С 1850 года уроки Веры Николаевны начинались ровно в

полдень и продолжались до обеда, который подавали в два часа. Чай пили в четыре, а после него дважды в неделю снова шли занятия по предметам их наставницы. Танцы тоже проходили дважды. День царских детей оказывался четко организованным и плотно заполненным занятиями, а непринужденное общение с родителями приходило лишь в семь часов вечера и продолжалось только один час.

Наибольшее старание будущий император проявлял на уроках наставницы Скрыпицыной, танцы ему нравились гораздо меньше, военными науками он тоже не был увлечен, а артиллерийское дело его всерьёз сердило и раздражало.

В жизнь Цесаревичей уже пришли уроки Закона Божия, верховой езды, командования строевыми занятиями солдат, основы фортификации. И по-прежнему с ними были неразлучны Вера Николаевна и «дядька» Хренов. Трогательные общения с этими первыми учителями очень радовали их руководителей.

Генерал Зиновьев так и писал царственным родителям: «Считаю себя счастливым, что могу донести до сведения Вашего Высочества такие утешительные новости». Очевидно, генерал был способен понимать, как важно детям иметь добрые задушевные отношения со своими первыми и любимыми воспитателями.

В 1861 году великому князю Александру ещё не было восьми лет, а он уже начал обучение французскому языку. Стоит заметить, что с английским у него уже было твердое, хорошее знакомство, ведь няни – англичанки говорили с ними только на английском, и он оказался для царевичей едва ли не родным. Уроки француза Куриара чередовались с занятиями Веры Николаевны, которая тогда уже вела русское чтение, русское письмо, Священную историю и начальную математику. С Верой Николаевной её воспитанники временно разлучились лишь однажды, во время поездки в Гапсаль, где занятия не прерывались, но наставницу заменял преподаватель русского языка Класовский. С этими уроками соседствовали стрельба в цель, владение холодным оружием и офицерские приемы с саблей.

А когда в сентябре императорский двор вернулся в Царское Село, то обучение возобновилось прежним порядком, «великие князья занялись со своей старушкой наставницей».

Но близилось время серьёзного изучения «высших наук». Старший воспитатель Зиновьев и родители царевичей пришли к мысли, что Вера Николаевна очень серьёзно подготовила мальчиков к гимназическому курсу. Старшим преподавателем привлекли словесника и историка Грота из Финляндского университета и ещё целый ряд других учителей.

Январь 1853 года как раз и ознаменовался для юных Романовых началом нового этапа обучения. А что же их старые, сроднившиеся с ними учителя? Хренов ещё целый год тренировал их в ружейных приемах и маршировке, а наставница Скрыпицына осталась при них для помощи в подготовке всех домашних заданий и репетиторства. Эти свои занятия она вела с большим старанием и с присущими ей умением и тактом, добиваясь старательного отношения царевичей к домашним заданиям. Проверка качества их совместных трудов состоялась в самом конце 1853 года, когда в присутствии родителей старшие сыновья сдавали свой первый годичный экзамен по всем предметам преподавания. И к большому удовольствию их «старой наставницы» они выдержали его «весьма успешно».

Отношение братьев с Верой Николаевной были очень душевными и доверительными и скорей напоминали отношение внуков к бабушке. Они рассуждали с ней обо всём, что их интересовало и привлекало их юные души. Так однажды, по восшествии их отца на престол, они откровенно разговорились с нею о том, как трудно будет их папе управлять Россией, ведь у него ещё нет надобного правительного опыта, а они сами ещё очень молоды и в помощники пока не годятся! Вера Николаевна всегда была свидетельницей и участницей самых открытых и искренних детских бесед и размышлений.

Волей судьбы в то время при царском дворе был целый круг людей, в немалой мере связанных мышкинским родством или старыми земляческими отношениями. Это князь В. П. Мещерский и граф С. Д. Шереметьев и фрейлины Тютчевы, дочери поэта, и Опочинины, и некоторые другие наши земляки, а несколько поздней появился наш будущий предводитель дворянства Н. Д. Томановский. Но Вера Николаевна к царской семье была всех ближе.

Высокое положение царской наставницы сохранилось и уважалось впоследствии. И в день совершеннолетия Наследника Цесаревича и Великого князя Николая Александровича она была среди приглашенных и участников великого торжества, когда в Георгиевском зале Зимнего дворца Наследник принял присягу на верность Отечеству.

Торжественный зал заполнили придворные, высшая знать России, люди стояли на нижнем пространстве зала и на верхних галереях. В зал были внесены славные знамена и штандарты, четыре из них осеняли аналой со святыми предметами, перед которым юный Николай Александрович произносил слова присяги.

В день присяги Александр II наградил всех людей,

участвовавших в воспитании и обучении его старшего сына. Генерал Зиновьев получил золотую с бриллиантами табакерку. Гогель – аренду (денежное содержание) на двенадцать лет. Казнаков – орден святого Владимира III степени. Рихтер – звание флигель-адьютанта. Гроту обращено в пожизненную пенсию его учительское содержание. Грим произведен в действительные статские советники. Каждому из награжденных было пожаловано по драгоценному перстню. «Не была забыта и первая наставница Цесаревича, обучавшая его русской грамоте, Вера Николаевна Скрыпицына. Ей дарована аренда на пятьдесят лет в размере двух тысяч рублей ежегодно».

…Вот такие сведения о нашей землячке, первой наставнице царских детей, а в их числе будущего императора Александра III донесли до нас страницы исследований С. С. Татищева. Но немаловажные замечания можем сделать и мы сами. Общеизвестно, что при русском императорском дворе почти всегда очень сильным было немецкое влияние. И царским детям обычно давали воспитание и обучение не только в чисто европейских взглядах и правилах, но и в немалом недостатке внимания к родной русской истории и культуре.

Не стало исключением и воспитание детей Александра II. Его супруга предпочитала видеть возле своих детей лишь немецких преподавателей, а те предпочитали чисто немецкое содержание обучения. Нередко они оказывались явными посредственностями как в педагогической науке, так и в знании своего предмета и вовсе не разумели русского языка. Так, например, Гримм решительно отрицал надобность знакомства детей с русской литературой по причине «её крайней бедности». Таковым же было и его отношение к преподаванию русской истории, а народная культура русского населения страны вовсе не рассматривалась.

И мы имеем все основания полагать, что будущему императору Александру III его великую любовь к национальным началам и его глубокий русский патриотизм уже с ранних лет привили его самые первые русские учителя, и особенно дорогим было участие его первой наставницы, Веры Николаевны Скрыпицыной. Она обучила его русской грамоте, познакомила с русской словесностью и основными событиями русской истории. Имя её должно оставаться незабвенным и почитаемым всеми, кому ведомы истинные национальные чувства и теплая любовь к Отечеству.

Нам известно, что такие теплые благодарные чувства к своей первой учительнице сохранил и сам Александр Александрович. Он уже в зрелых годах имел прекрасную встречу со своей старой наставницей, посетив её в нашем мышкинском крае. Но наш

рассказ об этом ещё впереди.

Первые графы

…И Шереметев благородный, и Брюс,
и Боур, и Репнин…

А. Пушкин

Шереметевы как уважаемый старинный род известен с XV века, а их более далёких предков историки различают ещё и в XIV столетии. Сила и знатность набирались уверенно и быстро, и в середине XV века сразу пятеро Шереметевых уже обрели боярское звание. И современники единодушно признавали их богатейшими землевладельцами того времени. А в 1642 году они достигли и высшей государственной значимости, весной того года при царе Михаиле Федоровиче Федор Иванович Шереметев стал главой правительства.

Все остальные Шереметевы той эпохи видны на достойных постах, все они воеводы и участники всех тогдашних военных событий. Не каждому из них сопутствовала удача, на службе государевой случались и тяжкие беды, и полные крушения судеб. Так Василий Борисович Шереметев в своей военной судьбе пережил тяжкое унижение: он в 1660 году сдался полякам под Чудновом, полная капитуляция со всеми своими военными людьми…

И с того дня он стал жертвой чужих политических комбинаций. Подержав его у себя, поляки обменяли знатного пленника на кого-то из крымцев. В Крыму, в неволе, он и провел 21 год горестного невольничьего бытия.

Всякое бывало на службе царской, но звезда шереметевского рода от отдельных неудач её людей не блекла, не тускнела и не закатилась. А в зенит славы она взошла трудами и подвигами Бориса Петровича, жившего с 1652-го по 1719 год. С 1682 года он уже получил боярство и участвовал во всех тогдашних военных кампаниях: воевал с крымскими татарами и участвовал в Азовских походах Петра I. При царском дворе он занимал видное положение ещё с 1671 года. Немало занимался дипломатией, выполняя поручения при дворах правителей Польши, Австрии, Италии и Мальты.

О нём, в равной мере, можно говорить и как о дипломате и как о полководце. Но полководческую известность Борис Петрович Шереметев заслужил гораздо большую, нежели дипломатическую. В русской армии на командных должностях он

служил с 1700-го по 1717 год, и был известен как весьма способный, но предельно осмотрительный военачальник. Ему принадлежала честь первых побед над шведами в той очень долгой войне. Командуя нашими войсками в Лифляндии, он победил в сражениях при Эрастфере и Гуммильдорфе и отбил у врага Копорье и Дерпт. Великолепные успехи в тяжкой войне, которая до тех дней шла крайне неудачно!

До 1705 года Борис Петрович предпринимал успешные боевые действия против шведов, постепенно вытесняя их из южного и западного приморья, но в тот год неожиданно получил назначение совсем на другие дела.

«Фронт», на который его направили, был в глубоком тылу русской армии. В далекой Астрахани – там разразилось восстание против петровских нововведений, которое возглавил одаренный ярославский купец Носов, человек предприимчивый, но авантюрный и рискованный… Петр I счел это восстание весьма опасным и способным найти поддержку в соседних местностях и послал на его подавление испытанного полководца Шереметева. Тот действовал с присущими ему твердостью и осмотрительностью и, начав боевые действия в 1705 году, в следующий год подавил все очаги восстания.

И правитель России, весьма довольный успехами своего военачальника, роскошно одарил его титулом и большим земельным владением, Юхотщиной (бывшим в своё время Юхоцким удельным княжеством). Напомним, что графский титул Шереметевы получили первыми в России. И с тех пор о владельцах Юхотщины мышкари могли говорить как, в немалой мере, о своих знаменитых земляках.

Но возвратимся к судьбе Бориса Петровича. А она была осенена громкой заслуженной славой. В битве под Полтавой он командовал центром русской армии, выдержавшей самый мощный удар шведов. А в 1710 году его войска взяли Ригу. В боевой судьбе Шереметева были и участие в Прутском походе Петра I, и командование войсками на турецкой границе, и руководство русским корпусом, действовавшим против шведов в Померании и Мекленбурге.

Заслуженный воин давно уж страдал от тяжелых болезней и воинских лишений, но Государем он не был отпущен со службы едва не до самой смерти, последовавшей в 1719 году.

Его высокое государственное положение достойно продолжил сын, Петр Борисович (1713–1788), обер-камергер, генерал от инфантерии и генерал-адъютант. Он сохранял положение видного государственного деятеля при императрицах Елизавете и Екатерине II. И был известен как коллекционер дорогих вещей и

создатель крепостных хоров, театров и оркестров.

Высота придворного положения сохранялась и при Николае Петровиче (1751–1809), обер-гофмаршале, действительном статском советнике, сенаторе. Но особую историческую известность он, пожалуй, обрел совсем в другой сфере деятельности: он создал в Москве странноприимный дом (нынешний институт скорой помощи имени Н. Ф. Склифосовского).

Дмитрий Николаевич (1803–1870) – это гофмейстер Высочайшего Двора, попечитель Странноприимного дома, видный коллекционер, меценат и благотворитель.

А завершали родословную это громкой фамилии граф Сергей Дмитриевич (1844–1918) и граф Александр Дмитриевич (1859–1919).

Эти люди – особое явление в истории древнего рода, они изо всех его представителей отличались наибольшей любовью к науке, искусству, культуре. Младший из них Александр Дмитриевич – это весьма известный в своё время музыкальный деятель и композитор, основатель музыкально-исторического общества, руководитель придворной певческой капеллы.

А Сергей Дмитриевич – это человек, которому Россия должна быть признательна за многие труды по изучению её истории, он автор целого ряда произведений по истории России в XVI–XVII веках, редактор журнала «Старина и новизна» и председатель Археологической комиссии.

А мышкинцам он весьма близок по-землячески. В жизни нашего Заволжья и в жизни самого города Мышкина он принимал немалое участие. Об этом человеке и пойдет наш следующий рассказ.

* * *

…Зная глубокие национальные чувства императора Александра III и его внимательное отношение к славянским основам русского народа, мы не можем обойти своим вниманием труды одного из лидеров славянофильского движения И. С. Аксакова, знавшего Мышкин и оставившего о нём хорошие отзывы.

Напоминаем читателям, что семья Аксаковых – это прекрасный пример доброй преемственности в почитании русского национального уклада жизни и теплой любви к русской природе и русскому провинциальному бытию. Люди двух поколений семьи Аксаковых, каждый по-своему, верно служили

Отечеству и русскому народу.

Сергей Тимофеевич, автор «Детских годов Багрова внука» и других книг о дворянской усадебной жизни русской провинции, был всею читательской Россией признаваем как талантливый живописатель скромных, но прелестных красот родной природы и её живого и частого восприятия россиянами. Книги С. Т. Аксакова – это драгоценная часть нашей классической литературы, рассказывающей русским об их Родине проникновенной речью любящих сердца и разума.

А сыновья великого прозаика Иван Сергеевич и Константин Сергеевич – это признанные идеологи и лидеры русского славянофильства и панславизма.

Константин Сергеевич (1817–1866) во главу своих представлений о сильном национальном государстве ставил гармонию в отношениях двух главных движущих сил – народа («земли») и его руководителей («власти»). Размышляя об истории Отечества, он находил, что Власть до Петра I и его реформ была органичной и естественно правильной, а реформы Петра эту правильность нарушили и повернули весь ход русской жизни к чуждым западноевропейским порядкам.

По его мнению, главным неблагополучным результатом этих действий стало фактически полное закрепощение народа и отстраненность дворянства от остального населения страны.

Константин Сергеевич был последовательным сторонником отмены крепостного права и введения либеральных преобразований. А также он много призывал изучать жизнь простого населения, его культуру и быт, чтобы смягчить и устранить опасную оторванность интеллигенции от русского всенародства.

Всё это ярко отразилось в его поэтических и прозаических произведениях, там ясно слышны славянофильские мотивы, антикрепостнические настроения, критические отзывы об излишнем деспотизме Власти и призывы к интеллигенции о сближении с простым людом.

По целому ряду причин (в том числе и родиноведческих) нам будет ближе и интересней его брат, Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Россия его знает как поэта, публициста и общественного деятеля, выступающего за отмену крепостного права и телесных наказаний. А в оценках внешней политики России он был увлеченным сторонником панславянских действий, сближения с южными и западными славянами и сплочения их федерации вокруг мощной Российской империи. В 1858–1878 годах Иван Сергеевич имел в русском обществе большое влияние как один из руководителей Славянского

комитета. В русско-турецкую войну он организовал обширную кампанию поддержки южных славян, в своих речах и журналистских выступлениях Аксаков проявлял себя сторонником гармоничного единства самодержавия и православия и высокого значения идеи славянофильства и панславизма. Это ярко отразилось в тематике и идеологии редактируемых им газет и журналов, особо выразительно это звучало в выступлениях таких периодических изданий как «День», «Москва», «Русь»…

Всем этим Иван Сергеевич хорошо известен всероссийскому обществу. А мы, мышкинцы, к нему имеем и несколько особую близость. Начинаем рассказывать о ней с того, что Иван Сергеевич был зятем великого поэта Ф. И. Тютчева (а вся мужская линия Тютчевых произошла из нашего края, и в Мышкинском уезде находилась их родовая усадьба Знаменское, которой здешняя ветвь семьи владела до 1918 года).

Нужно отметить, что Аксакова с великим поэтом связывало не только близкое родство. Оба они были убежденными сторонниками сплочения всемирного славянства вокруг России. (Тютчев и в своей поэзии призывал: «Славян родные поколения под знамя русское собрать!»)

Отношения Ивана Сергеевича и Федора Ивановича были не только граждански единомысленными, но и глубоко дружественными. Федор Иванович Тютчев тепло отзывался о своём зяте, высоко оценивая его разум и творческие способности. В свою очередь, Иван Сергеевич одним из первых (если не самым первым) достойно оценил глубину и силу тютчевской поэзии и высокое значение его личности для российского общества. (Достаточно напомнить, что это им была написана первая биография великого поэта.)

Но для мышкинского краеведения имеется и ещё одна особо значимая связь И. С. Аксакова с нашими местами. Не забудем, что Аксаков находился на особо ответственной государственной службе: он являлся чиновником для особых поручений при Министерстве внутренних дел Российской Империи. То есть он был одним из тех внимательных исследователей, которых Министерство посылало в Провинцию для самого реального и точного анализа состояния её жизни, для извлечения конкретных сфер жизнедеятельности различных губерний.

Вот таковыми были главные служебные обязанности И. С. Аксакова. В соответствии с ними в 1849 году Министром внутренних дел он был послан в Ярославскую губернию для исследования состояния городского хозяйства и для его реалистически обоснованной оценки.

Аксаков отнесся к этому поручению со свойственными ему внимательной заинтересованностью и высокой ответственностью. Исследователям хорошо известен отчет И. С. Аксакова о городском хозяйстве Ярославской губернии (кстати, высоко оцененный директором хозяйственного департамента Н. А. Милютиным), как известен и прекрасный отзыв Ивана Сергеевича Аксакова о мышкинском городском самоуправлении и о мышкинском городском главе Тимофее Васильевиче Чистове.

А простому русскому читателю, интересующемуся жизнью старой России, столь же знакомы такое интересное и богатое полезными сведениями издание как книга писем Аксакова из русской Провинции.

К этим материалам профессиональные исследователи обращались достаточно часто. А из научно-краеведческих изысканий следует отметить работу О. Б. Карсакова «Ф. И. Тютчев, его приятели и друзья. Город Мышкин в общественной жизни России»[3]. И, чтобы не повторяться, мы лишь отметим, что Ивана Сергеевича весьма привлекал особый экономический характер жизни Ярославии, как коммерческого и цивилизационного коридора между Петербургом и Москвой, и в этом плане его отзывы о Мышкине представляются весьма положительными.

В нашем городе он побывал летом 1850 года, его очень порадовали деловая активность и современная цивилизационная продвинутость мышкинских предпринимателей и их деятельное участие в гражданской жизни города. А самой замечательной частью его отзыва о Мышкине стали слова, посвященные нашему городскому вожаку Тимофею Васильевичу Чистову: «городской глава умница и знаток своего дела».

* * *

Вот отсюда нам следует обратиться к образу ещё одного человека, всю жизнь сопутствовавшего императору Александру III и хорошо знавшего Мышкин. Это князь В. П. Мещерский. О нём наш следующий рассказ.

Граф и графская

…И внятно звучит напоминание В. Г. Белинского о том, что дворянское сословие, по его мнению, всё ж таки, являлось лучшим в России

И. Григорьев

Многие россияне знают, что Шереметевы – это первые графы России, это храбрые воины и щедрые меценаты. Но немногим известно, что эти люди с самых первых своих графских времен были близко связаны с Мышкином.

Их заволжские владения (Юхотщина) вплотную подходили к нашему городу, а в нём само́м были шереметевские промышленные предприятия и даже улица Графская, принадлежавшая им. Всё это построил граф С. Д. Шереметев, один из самых интересных и ярких представителей славного рода. Кратко рассказываем о нём нашим читателям.

* * *

…Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) с самого начала своей государственной службы имел высокое положение, будучи адъютантом великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III. Отсюда и начинается его близость к Царю-Миротворцу. На военной службе Шереметев поднялся до чина генерал-майора, но решил перейти на службу гражданскую, в которой тоже был успешен, получив чин действительного статского советника и став членом Государственного Совета России и членом Особого совещания по делам дворянского сословия.

Но граф С. Д. Шереметев гораздо более чем успешной государственной службой, известен бескорыстными стараниями для русской исторической науки. Главным увлечением его жизни стала забота о сохранении национальной исторической памяти и национальной культуры. Он был самым активным участником создания и всей работы Общества любителей древней письменности (ОЛДП), Общества ревнителей русского исторического просвещения (ОРРИП) и Русского Генеалогического общества (РГО).

Все эти общества, в создании и делах которых Сергей Дмитриевич Шереметев принимал самое активное участие, ставили перед собой задачи серьёзные: так ОЛДП старалось ознакомить ученых с древними русскими документами, издавая их «буква в букву». И сохранять старались всё – от рукописных документов до рисунков и фольклорных материалов.

Сам Сергей Дмитриевич стал заведующим вторым отделом Общества, а с 1888 года и председателем всего Общества, и перевел его работу не только на издание древностей, но и к публикациям исследований. Стали печататься и сообщения, сделанные на заседаниях Общества. Всего за время председательства Шереметева ОЛДП выполнило более 140 разных изданий и 170 выпусков «Памятников древней письменности», причём с замечательной фотографической точностью. Все эти издания отличались великолепным качеством исполнения.

Вся эта работа требовала не только многих сил, но и немалых денег. Лишь за пять лет самим Шереметевым и четырьмя членами его семьи, состоящими в Обществе, на издательскую работу и собирательские труды было изведено около десяти тысяч рублей.

Научные интересы Шереметева простирались широко. Так по стараниям Шереметева из Общества выделялся комитет попечительства о русской иконописи. Шереметев много меценатствовал для русской исторической науки, в своём доме на Фонтанке он сделал специальную пристройку, где в шести комнатах разместился замечательный музей предметов русской старины, в котором хранились тысячи икон, много вещей церковного обихода и декоративно-прикладного искусства и более полутора тысяч древних рукописей. Все они свободно предоставлялись для изучения, а потом поступили в Отдел рукописей Публичной библиотеки. Эти заседания Общества каждый раз были подлинными очагами научных исканий.

Общество росло, обретало всероссийский масштаб и приток участников работы. К 1903 году в Обществе значилось 10 почетных членов, 35 действительных и 114 членов-корреспондентов.

Другое научное общество (ОРРИП), для которого Шереметев тоже сделал очень много, издавало два раза в год сборник «Старина и новизна», а также собственные «Известия» и создавало в больших городах страны свои отделы и бесплатные народные библиотеки. Сергей Дмитриевич оставался его бессменным председателем и мог испытывать глубокое удовлетворение, что к 1905 году в России уже действовали около ста библиотек, скомплектованных по целевому специальному принципу. Десять

из них были открыты самим Шереметевым. Общество имело 16 местных отделений, а всего в нём состояло 1200 человек.

Главным принципом работы этого Общества было ведение разумных просветительских дел, которые могли бы защитить страну от «разъедающей политической заразы».

Особой отличительной чертой работы этого Общества была заинтересованность эпохой Александра III. Общество очень часто публиковало источники, рассказывающие именно о годах правления этого императора. Состав общества был достаточно аристократичен, но никто бы не смог упрекнуть его участников в праздном провождении времени. Его бессменный председатель всегда старался направлять всю его работу в русло практических дел: от выпуска своих изданий до создания народных библиотек.

Общество, возникшее в 1895 году, когда уже закончилось царствование Александра III, видело в нём некий идеал в созидательской и миротворческой деятельности, столь необходимой России. Оно полагало, что таковой характер правления, как это было при Александре III, мог удержать страну от социальных потрясений и мог укрепить в народе веру в истинно русские национальные идеалы.

Было ли Общество единым в таких оценках? Нет, в нём имелось и крыло, склонное к парламентаризму, но все они сходились ко мнению, что любые существенные политические перемены в стране должны достигаться лишь мирными способами. И век Александра III весьма привлекал их исследовательское внимание как продемонстрировавший уверенное хозяйственное развитие страны, достигнутое без социальных потрясений.

…А в третьем Обществе, генеалогическом, С. Д. Шереметев был вице-председателем. Оно тоже издавало свои «известия», но его работа была менее яркой и активной, несмотря на то, что сам Шереметев трудился очень старательно. Может быть, малая успешность этого общества имела одной из важных причин равнодушие к нему императора Николая II, но царская незаинтересованность не охлаждала стараний Сергея Дмитриевича Шереметева, и, со своей стороны, он и в этом Обществе сделал немало полезного.

Вот таким научно-патриотическим делам С. Д. Шереметев посвятил значительную часть своей жизни. Он горячо любил Россию и был вспыльчив и нетерпим к любому проявлению неуважения к русскому историческому прошлому.

Современный исследователь Мещенина сказала о нём вот как: «Не будь таких людей, бесконечно преданных России и её истории, способных понимать проблемы науки в целом и при

этом входить в её частности, умевших привлечь к работе лучших ученых и добиться разрешения работать в закрытых архивах Императорского Двора, сегодня мы были бы лишены многих исторических источников и написанных на их основе сочинений, но и достойного примера служения своему Отечеству, славу которого они видели в его многовековой истории и культуре».

Главной целью всех трудов Шереметева была забота о распространении русского исторического просвещения и сохранении русской национальной культуры; этой цели Шереметев был верен до своих последних дней, в революцию он и его друзья вели всю работу Общества за свой счет.

Вот о таком человеке напоминает нам старинное название улицы Графская. После революции её переименовали в Заводскую, а потом Большая Волга почти уничтожила её. Но осталась старинная земляческая память. Она широка и разнообразна. И мы находим не лишним ещё раз кратко отметить её основные вехи.

1. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев – последний владетель Юхотщины, которая исстари экономически была тесно связана с Мышкином.

2. В Заволжье он построил Графскую узкоколейную железную дорогу, идущую из-за реки Молокши до приволжского села Угольники.

3. Все грузы для строительства Графской дороги шли через Мышкинский уезд, в частности, через станцию Волга.

4. В строительстве дороги принимали участие многие мышкинцы, включая военнослужащих и заключенных здешней тюрьмы.

5. В самом Мышкине граф построил свой промышленный комбинат, включавший лесопильное производство, мельницу и маслобойню. И многие мышкинцы работали на «шереметевском» комбинате.

6. У Мышкина граф арендовал прибрежную землю «для выкатки леса», перерабатываемого на комбинате.

7. Граф С. Д. Шереметев состоял в мышкинском городском списке избирателей в Государственную Думу России и являлся самым состоятельным выборщиком в нашей группе владельцев недвижимости.

8. Наш город был одним из значительных потребителей лесной продукции шереметевского комбината, потому что он изначально испытывал очень большие затруднения с материалами для строительства и ремонтов. (Ведь даже дрова приходилось возить… из Мологи! В самом безлесном, самом распаханном уезде Ярославской губернии собственного хорошего

дровяного леса сильно не хватало, не говоря уж о строительном…)

9. И коль продукция здешнего лесоперерабатывающего производства оказалась хорошо востребованной, то комбинат начал успешно развиваться, и граф Сергей Дмитриевич для его сотрудников и работников построил целую улицу жилых домов, приобретя землю от городской окраины, возле усадьбы Мещериных, почти до реки Радиловки. Улицу назвали, конечно, Графской.

10. Среди друзей и соратников Сергея Дмитриевича по научным трудам имелось немало людей, хорошо знавших Мышкинский уезд. Так, например, в комитете учредителей ОЛДП состоял известный верхневолжский исследователь Н. Н. Селифонтов, родственник мышкинских дворян Селифонтовых, владельцев усадьбы Артемьево.

…Вот таковы были прямые и косвенные связи с нашим краем у графа Сергея Дмитриевича Шереметева, начавшего свою государственную службу адъютантом будущего императора и на всю жизнь сохранившего тесные добрые отношения с ним. Нам будет достаточно сказать, что Император не только активно поддерживал все начинания Шереметева по изучению родной истории, но и сам нередко принимал участие в занятиях его общества. (И об этом мы в дальнейшем расскажем более подробней.)

С графом Сергеем Дмитриевичем их сближал глубокий русский патриотизм и искренняя любовь к русским национальным началам. Они оба считали, что одной из главных государственных забот в нашей стране должно быть развитие и укрепление национальных чувств русского народа. Последовательная русская политика императора Александра III собрала вокруг много людей, сердечно откликнувшихся на такие действия правителя России, и граф Сергей Дмитриевич Шереметев был одним из них.

Он всю свою жизнь душевно принадлежал эпохе Александра III. Он был уверен, что при этом императоре не случилось бы ни японской, ни германской войн, а была бы старательная и последовательная работа по хозяйственному развитию России и по укреплению национальных чувств русского народа.

* * *

В книге, имеющей краеведческий характер, наверное, нельзя

не сказать и о завершающей части жизни графа С. Д. Шереметева, русского историка и популяризатора русского исторического прошлого, нашего земляка. Каким был закат судьбы этого человека, чья государственная служба начиналась в армии, в полку кавалергардов; кто с 1868 года служил флигель-адъютантом цесаревича Александра Александровича, всецело разделял его политические взгляды и нравственные и духовные принципы и имел с ним близкие товарищеские отношения?

Сперва напомним, что ему довелось с Александром Александровичем быть на войне 1877–1878 годов, потом он сопровождал Цесаревича в Данию и всю жизнь оставался в дружбе с императором (они ведь хорошо и душевно дружили и семьями). В прощальные, предсмертные дни императора Сергей Дмитриевич находился при нём, в Ливадии, и смерть Царя – Славянофила он воспринял как великое горе для всей России и как великое горе лично для самого себя. Он ведь расценивал царствование Александра III как важный качественный этап истории страны, который ознаменует начало блестящей и подлинно русской эпохи России.

Граф всегда был в полной осведомленности обо всех важных и всех детальных событиях придворной жизни при Александре III, и даже и поздней он всегда являлся человеком, очень близким к высшим сферам государственной власти. Его собственное придворное положение всегда оставалось либо высоким, либо почетным. Сперва он – начальник Придворной певческой капеллы, потом – московский предводитель губернского дворянства, с 1892 года – егермейстер Императорского двора, с 1900 года – член Государственного Совета, с 1904 года – обер-егермейстер.

Да и родственные связи графа неизменно были весьма высоки: например, он находился в родстве с четырьмя министрами (П. А. Столыпиным, Д. С. Сипягиным, П. Д. Святополк-Мирским и А. Г. Булыгиным)

Правда, при Николае II «прежние люди» были уже не очень востребованы, и им чаще всего уделяли лишь официальное внимание, а должности представляли более почетные, нежели влиятельные. В то время политический салон графа Шереметева утратил своё прежнее значение, и Сергей Дмитриевич оставался при «старом дворе» Аничкова дворца, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны (в 1899 году она крестила его внука Сергея).

Теперь всё большую часть своего времени и трудов граф отдавал участию в Обществах изучения русской истории. От политики он совершенно отстранился и никак не участвовал в

ней даже и при событиях 1905 года. Особенно много внимания он уделял аристократическому Обществу ревнителей русского исторического просвещения, созданному им в память императора Александра III. Первое заседание Общества состоялось в 1895 году. А последнее, под его руководством, было проведено 9 декабря 1916 года, в его петербургском доме на Фонтанке.

Всю работу исторических Обществ Сергей Дмитриевич возглавлял и направлял целых тридцать лет. И эти общества являли большую жизнестойкость, действовали полезно и содержательно и некоторое время продолжали свой путь даже и после революции. А граф С. Д. Шереметев свой земной путь закончил в 1918 году, и можно полагать, что судьба милостиво избавила его от последующих, ещё более тяжелых и жестоких, лет.

Они могли бы самым сокрушительным образом смести его лучшие надежды на возобновление успешного александровского этапа истории России. Этот этап Шереметев в своих мечтах и надеждах видел счастливым и многообещающим. Он верил, что именно такое развитие страны выведет Россию на путь великого всемирного успеха.

…И не один Сергей Дмитриевич Шереметев так мыслил. Близкие взгляды на русскую внутреннюю политику всегда высказывал и его замечательный современник, много сделавший для развития русского патриотического движения и хорошо знавший русскую Провинцию и, в частности, наш город. Это известный русский мыслитель Иван Сергеевич Аксаков. Мы переходим к рассказу о нём.

Серый кардинал

Искать главные элементы сочетания интересов центра и губернии, власти и населения

И. Савельев

Князь Владимир Петрович Мещерский родился в 1839 году и жил до 1914 года. Изо всего окружения императора Александра III – это человек самых долгих и содержательных отношений с Государем, и, без сомнения, это один из тех, кто оказывал самое серьёзное влияние на идеологию и политику Царя Миротворца.

С ранней молодости Мещерский был не только приближен ко Двору, но и всегда входил в круг друзей молодых членов императорской фамилии. С 1862 года по 1872 год он близко дружен с наследником престола Цесаревичем Николаем, его братом Александром (будущим императором Александром III) и герцогом Евгением Лейхтербергским.

И в этом дружеском сообществе молодых знатных людей он стал весьма значительным участником, ведь Россия уже знала его и как литератора и как общественного деятеля; с 1860 года Владимир Петрович немало печатался в таких популярных изданиях как «Русский вестник», «Московские ведомости» и «Северная пчела».

Но у Мещерских была и ещё одна немаловажная грань общения с царскими детьми. Грань трогательная и глубоко сердечная: первой любовью будущего императора Александра III была родственница Владимира Петровича, княжна Мария Мещерская.

Первая любовь просияла для Великого князя Александра таким восторгом и такой красотой чувств, что он был глубоко предан своей избраннице и готов был ради счастья с нею отказаться от царского престола. Их любовь сияла чистой взаимностью и светлой надеждой на общее будущее. Но наследник престола не властен распоряжаться своей судьбой, и Александру пришлось пожертвовать своим счастьем во имя высоких целей российской политики.

Княжну Марию отослали за границу, и последним моментом их сердечных отношений была прощальная встреча, полная взаимного горя, и прощальный поцелуй, малый и последний дар первой любви будущего великого правителя России. Русский

императорский двор, не отличавшийся строгостью нравов, был подлинно удивлен и восхищен благородством и глубиной чувства Цесаревича Александра.

…Но возвратимся к дружескому и гражданскому общению с ним князя Владимира Петровича. Все знатоки жизни и правления Царя Миротворца согласно говорят о большом влиянии Мещерского на формирование политических взглядов Наследника российского престола. Какими же были эти влияния?

Князь Мещерский последовательно и неуклонно проявлял себя сторонником постепенности в реформировании России и сторонником определенных перерывов (пауз) в реализации реформ («чтобы жизнь могла сложиться»). Располагая сегодняшним знанием истории Отечества, горьким опытом стремительного проведения реформ и в советское и в послесоветское время, можно ли не признать немалую правоту князя Мещерского?

Каждый раз стремительный ход нововведений буквально сшибал наше государство с его исторического пути и опрокидывал в подлинную катастрофу…

Располагая сегодняшним, дорого купленным нерадостным пониманием лучшей успешности отнюдь не одномоментных, а постепенных преобразований, мы, наконец, можем признавать немалую правоту суждений князя Мещерского. Свои политические суждения он отстаивал повсюду: от книжных и журнальных выступлений до придворного и салонного общения. Салонное общение имело большую значимость в формировании русских общественных настроений. И Мещерский, конечно, создал свой собственный салон, оказывающий немалое воздействие на интеллигентные слои российского общества. С 1872 года его литературный и политический салон неизменно посещали самые видные столичные и региональные чиновники, литераторы и общественные деятели.

Мещерского не мог не смутить разгул революционных страстей, наметившийся, а потом и разыгравшийся в период Великих Реформ и достигший своего апогея в дни убийства правящего императора Александра II. И Мещерский не только утвердился в правильности своих представлений о постепенном реформаторстве, но и пришел к мысли о некоторой необходимости даже и «контрреформ», чтобы русское общество успокоилось и устоялось в своей повседневности. Исходя из этого, он видел известную пользу в корректировке Великих Реформ, находя в ней необходимый стране «конец эпохи шатания и возвращения твердой, знающей свои желания власти».

(Кто из наших современников, хорошо знающих постыдные

«шатания» времен М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, сегодня не согласится с князем Мещерским? Ведь мы, наконец-то, снова возвращаемся к разумному пониманию того, что любая власть лучше любого безвластия…) То есть Мещерский в корректировке реформ видел возращение (возрождение!) исконного русского принципа самодержавия. Из уст Владимира Петровича Мещерского это звучало так: «…чтобы одна власть управляла и никто больше. А мы были бы управляемы».

Эта точка зрения потом, уже в советское время, принесла Мещерскому четкое политическое определение – идеолога русской дворянской реакции. Но сегодня, видя государственный курс на всемерное укрепление центральной власти и пережив уже не одну эпоху подлинного безвластия, мы едва ли осудим князя Владимира Петровича столь однозначно строго.

А он сам тоже хорошо почувствовал жуткое дыхание безвластия, пронесшееся над Россией в 1904–1905 годах. Тогда его смутили даже не сами вооруженные революционные выступления (с ними-то можно было справляться с помощью ещё послушной Царю армии), а гораздо более потряс его размах либерального движения, буквально захлестнувшего Россию. С этим-то как и какими силами можно справиться? Это казалось ему подлинным безумием, охватившим общество.

И мы, зная, какая судьба постигла это общество, начиная с 1917 года, должны признать, что князь был прозорливо точен в своих определениях. Русское просвещенное общество само привело себя на свою собственную Голгофу.

А в чём же сам, этот «идеолог дворянской реакции», видел возможное спасение России? Его главной политической идеей было «сочетание духа свободы с духом царства». Уважаемый читатель, не спешите назвать это неожиданное «сочетание» явной нелепостью и даже полной невероятностью! Разве не узнаете в этом сегодня вновь популярный мотив некой, как бы «народной монархии»? И к этой теме мы обратимся подробней во второй части нашей книги. А сейчас мы лишь подчеркиваем очень серьезную сердцевину политического суждения князя Мещерского, в политических воззрениях опережавшего своё время и, конечно, не понимаемого многими и многими своим современниками.

Каким образом князь В. П. Мещерский продвигал и популяризировал свои взгляды?

Для этого он располагал неплохими возможностями. Пора сказать, что судьба в равной мере наделила его способностями как писателя, так и публициста.

Как писатель Мещерский сегодня вполне забыт, и это вполне

закономерно. Его романы, повести и комедии были сплошь посвящены жизни великосветского общества. И в этом обществе они имели и спрос и популярность. Великосветский читатель хорошо знал его книги «Женщины из петербургского большого света» (1874), «Один из наших Бисмарков» (тоже 1874 г.), «Хочу быть русской» (1877), «Ужасные женщины» (1878), «Тайны современного Петербурга» (1876–1877) и многие другие. (А некоторые из них имели недолгий, но отнюдь немалый успех у читателей, а «Тайны…» на какое-то время стали и неким бестселлером тогдашней литературной жизни…)

Но Мещерский работал отнюдь не только с литературой легкого великосветского содержания. Его перу принадлежат серьёзные работы о Ф. И. Тютчеве, Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском и весьма содержательные три тома мемуаров «Мои воспоминания» (1897–1912).

Разумеется, Мещерский, в своих литературных трудах издавал свои взгляды на политическую реальность России, но главной сферой для их закрытого и ясного продвижения была публицистика. Им были посвящены его главные книги об устройстве России и его перспективах – двухтомник «Очерки нынешней общественной жизни в России» (1868–1870), «Речи консерватора» (1876), «В улику времени» (1879). А главной трибуной для обнародования его идей стали издаваемые Мещерским газета «Гражданин» (1872–1914) и журналы «Добро» (1880–1881) и «Дружеские речи» (1905).

«Гражданин» издавалась при финансовой поддержке правительства и была постоянно руководима самим Владимиром Петровичем, который редактировал газету во всё время её действия.

Но книги, газета и журналы предназначены для системного воздействия на российское общество, а князь Владимир Петрович Мещерский считал по-гражданski совершенно необходимым и самое непосредственное влияние на верховного руководителя России, на императора.

И это влияние оказывалось немалым. Князь всегда оставался близким сомыслителем Александра III и, как полагали современники, неким «серым кардиналом», принимавшим активное участие в формировании внутренней политики России и в её успешной реализации. В её основу князь старался вносить едва не самый крайний консерватизм, который он считал лучшим проявлением патриотизма.

Дружеские отношения с Цесаревичем Александром позволяли князю в самой непринужденной форме личных бесед и личных писем высказывать свои политические взгляды и свои оценки

современного состояния российской жизни. И одним из лучших периодов такого общения стало путешествие Цесаревича, предпринятое в 1866 году по Волге от Твери до Казани.

Цель этого путешествия была традиционной для наследников русского престола – по возможности ближе познакомиться с имперской Провинцией, получить личное представление о её центральных территориях. Но на сей раз у этого странствия имелось и новое назначение – увидеть, почувствовать, как действует на жизнь провинциальных местностей реализация Великих реформ, какой становится преображенная ими Россия.

Это путешествие не раз описано как современниками, так и позднейшими исследователями и хорошо отражено как в дневнике самого Цесаревича, так и записках князя Мещерского, находившегося в составе свиты Цесаревича. И мы сейчас не станем возвращаться к перечислению участников поездки, но подчеркнем, что среди них находились К. П. Победоносцев и В. П. Мещерский – два главных идеолога консервативного курса России. И это давало им немалые возможности для иллюстрирования своих взглядов встречаемыми житейскими примерами.

Цесаревич и сопровождающие его лица в то памятное лето посетили Мышкин и оставили об этом свои воспоминания. Но мы внимательней коснемся этого в одной из последующих глав своей книги, а здесь лишь отметим, что Мышкин произвел на князя Владимира Петровича благоприятное впечатление, а особо хорошее мнение сложилось у него о нашем городском голове Т. В. Чистове.

И, очевидно, уже тогда у Мещерского сложилось пожелание побывать здесь ещё раз и, в этом случае, ближе познакомиться не только с городом, но и с его уездом. И это намерение реализовалось. Будучи чиновником для особых поручений Министерства внутренних дел, князь Владимир Петрович предпринимал поездки по разным губерниям России для личного изучения их повседневности. С такой целью и была предпринята его новая поездка в Мышкин. О ней стоит сказать несколько подробней.

Она состоялась в 1867 году, на этот раз «серый кардинал» намеривался почти два года посвятить близкому знакомству с российской Провинцией. Намерения, кажется, были столь основательными, что князь покидал Петербург в самый разгар зимнего бального сезона, отказываясь от больших возможностей великосветского общения.

Путешествие Мещерского на этот раз опять пролегало через Тверь и продолжалось по Ярославской губернии. Путевые очерки

князя хорошо известны, они вскоре были дважды опубликованы. Но, может быть, для нас особенно интересны его письма к великому князю Александру Александровичу. Это очень яркие и интересные материалы, живо передающие взгляды человека – наблюдателя провинциальной жизни и содержащие немало примечательных оценок новшеств в её бытии.

В этих оценках Мещерский весьма критичен, а нередко даже и иронически резковат. И этот тон не бывает смягчен даже встречами с провинциальными предпринимателями, осуществляющими солидные коммерческие проекты. Таковы, например, его отзывы о могущественных купцах Рыбинска и Торжка. И на этом общем фоне благоприятностью своих содержания и тона резко выделяется июньское письмо из Мышкина. Для нас оно интересно целым рядом своих особенностей.

И самая первая из них – это искреннее проявление близких товарищеских чувств к Цесаревичу. Вот пример такого сообщения: «Поклон Вам от Волги, поклон, задушевный, Александр Александрович! Стихи, предпосланные письму, выражают мое настроение души: вспоминаю про наше осеннее плавание и жалею искренне, что Вы так далеко. Из Ярославля, как нарочно, пришлось плыть на “Поспешном” до Рыбинска, а из Мышкина, куда забросили мои похождения, на “Наяде” до Твери…»

Вторая – это хорошее знание князем хозяйственных особенностей Мышкинского уезда. Он отмечает в своих письмах, что этот уезд его особенно интересует как наиболее земледельческий в Ярославской губернии. И князь пишет, что на сей раз его особенно привлекает жизнь крестьянского мира, и он желает с нею познакомиться поближе.

Третья важная особенность заключается в том, что письма Мещерского содержат отсылки – напоминания о путешествии с Цесаревичем. Они углубляют благонадежность интонации рассказа. И особо важной особостью этого повествования мы видим весьма приятное (и отчасти даже удивительное) мнение о культуре быта мышкинских крупных предпринимателей. Если в ряде других мест оценка купеческого быта резко отрицательна, то в мышкинском случае она является самой благонадежной. И мы находим уместным подтвердить это обращением к запискам Мещерского.

Сперва приведем извлечение из его путевого очерка, в котором звучит отзыв о мышкинском купце первой гильдии Петре Евгеньевиче Чистове (племяннике Тимофея Васильевича Чистова): «… владелец другого дома считается одним из

богатейших хлебных торговцев. Он принял нас очень любезно и прежде всего повел нас осматривать дом. Поднявшись по лестнице на бельэтаж, хозяин сказал нам: “Всё, что вы видите, всё это от Тура”, как бы для того, чтобы приготовить нас к ожидавшему великолепию: и действительно, в этом бельэтаже, где давались балы для окрестных помещиков, мы нашли много роскоши и туровского вкуса, причем заметили, что хозяин живет в этом бельэтаже и устроил себе безупречный по удобствам кабинет: роскошь, значит, успела сделаться потребностью жизни».

Далее мы обратимся к материалам второго посещения Мещерским нашего города, к его письму Цесаревичу: «Из Рыбинска поехал я сухим путем в Мышкин, где захотел взглянуть на крестьянский мир, так как этот уезд более других промышляет земледелием. Остановился в доме у богатейшего хлебного торговца и на этот раз был поражен умением жить и её (жизнью) наслаждаться в купеческом быту. У этого купца нашел прекрасный дом, устроенный и меблированный Туром, великолепный сад, оранжереи, каких видел не много, где сотнями насчитывают ананасов, потом конюшню с двенадцатью рысаками, весьма порядочными и, наконец, псарню с десятью гончими, борзыми и двумя породистыми сеттерами.

Он человек приятный и любезный и образовался в постоянных сношениях со здешними помещиками».

Как видим, отзывы о Мышкине у «серого кардинала» самые непринужденные и одобрительные. Этим как бы подчеркнуто его упоминание о праздничном обеде в доме Т. В. Чистова, который был в своё время дан в честь приезда Цесаревича. Эти моменты приводимых материалов прекрасно подмечены в работе О. Б. Карсакова («Тютчевский дом», 2019, № 1).

В этом исследовании внимательно подмечены все моменты доброжелательного отношения князя Мещерского к заинтересовавшему его маленькому городу, преуспевавшему в крупной торговле и несколько неожиданно явившему ему достойную цивилизованность купеческого быта.

И нам остается лишь добавить ко всему сказанному, что род князей Мещерских имел в своё время как владельческие связи с мышкинским уездом, так и родственные, в частности, с графами Апраксиными и князьями Волконскими, владельцами усадеб и селений в нашем уезде. Поэтому мышкинский край уже по семейному историческому прошлому был не чужд главному идеологу русского дворянства…

И путешествие по Волге в свите Цесаревича впервые привело князя к встрече с местами, отнюдь не чужими для его предков. И сейчас мы можем внимательней обратиться к теме того

путешествия 1866 года.

Мышкинская часть путешествия

Как выглядели в эти, туманом времени, заволочённые годы давние судьбы людские?

И. Григорьев

В начале нашей книги мы уже обмолвились, что император Александр III – это не только единственный из российских венценосцев, в личном окружении которого многие люди хорошо знали город Мышкин, но он и сам побывал в нём и сохранил об этом посещении благоприятные впечатления.

Собственно, мышкинская часть его волжского путешествия состоит из трёх, в равной мере интересных и содержательных, моментов. Для него здесь особо значимыми были не только сам город Мышкин, но и дворянская усадьба Кучино и историческое село Учма. Эта часть путешествия Цесаревича и его брата великого князя Владимира освещена в отчёте о путешествии, в дневниках Цесаревича и В. П. Мещерского и в работах местных исследователей. И мы не видим необходимости повторять эти достаточно известные сведения, а лишь сведём их в единый мышкинский отрезок путешествия Государя Наследника.

…Он начинался с отбытия парохода «Наяда» из города Углича, где встреча царственных гостей имела торжественный праздничный характер, и местные исторические материалы повествуют об этом и полно и подробно. И есть в них одно особо замечательное сообщение. Его обнаружила в тогдашних городских документах директор Угличского филиала Государственного Архива Ярославской области Т. А. Третьякова.

Текст об отплытии «Наяды» из Углича говорит, что далее пароход следующей целью своего пути имел… село Учму. Да, не города Мышкин, Мологу и Рыбинск, а названное село.

Это момент отнюдь не из обычных, на всём протяжении волжского путешествия Наследника престола мы не знаем упоминаний о подобных сельских местах особого внимания царственных путешественников.

Может возникнуть недоуменный вопрос: чем был вызван их интерес к Учме? Но на этот вопрос нам не придётся долго искать ответа. Мы знаем, что в немногочисленном окружении Наследника самым значительным лицом был К. П. Победоносцев, обёр-прокурор Синода и главный идеолог православно-консервативного пути России. Направляясь в волжское

путешествие, он в центре своего внимания держал главные святыни этого маршрута и места, связанные с историей царского дома. И он не мог не знать о Кассиане Греке (Касьяне Учемском), о котором древние документы говорят не только как о замечательном святом, но и как о приближенном царицы Софьи и даже как о «царицыном дяде».

Да, князь Константин (будущий инок Кассиан) являлся лицом императорской крови, родственником византийских императоров. И в глазах обер-прокурора Синода такой уникальный святой не мог не обладать особой значимостью для членов императорской фамилии. Вот потому-то Учма – это следующий после Углича ключевой момент путешествия.

Мы не имеем сведений о том, сходили ли царственные путешественники в это месте на берег, посещали ли Кассианову пустынь или же ограничились осмотром старинной обители с борта парохода, но мы хорошо знаем, что на следующей мышкинской остановке «Наяды» они покинули пароход и отправились в усадьбу Кучино. Чем она их так привлекла? Но и здесь ответ на вопрос лежит, как говорится, на поверхности событий: Кучино – это родовая усадьба дворян Скрыпицыных и принадлежала она сыну первой учительницы будущего императора. П. Н. Скрыпицыну. И в этой родовой усадьбе и проводила свои старческие дни первая царская наставница! А её сын являлся главным лицом ярославской губернской депутации, встречавшей Цесаревича в Угличе, потому что он был предводителем ярославского губернского дворянства.

И когда недалеко от села Кабаново пароход остановился, то высоких гостей на берегу уже ожидали экипажи для поездки в Кучино!

Недальняя живописная дорога всех порадовала и картинами богатырского соснового бора, и хорошо обжитой долинкой тихой полевой речки, и провинциальным уютом старого барского парка, встречавшего гостей. Здесь всё хранило приметы вековечного уклада сельской помещичьей жизни и в то же время ясно говорило о глубокой культурности древнего дворянского рода. Гостям всё было интересно, это были встречи с русским провинциальным прошлым и настоящим, а главной, конечно, была встреча с милой для их памяти старенькой царской наставницей.

Осмотр усадьбы, её фамильных древностей, праздничный обед, воспоминания о детских годах великих князей, о событиях и спутниках их тогдашней жизни – всё это наполнило тот необыкновенный день на мышкинской земле. И документы волжского путешествия особо отмечают его очень трогательной

фразой о том, что старушка-наставница была сердечно рада удивительной встрече и благодарной внимательности своих царственных питомцев. Право, уж не самый ли это был сердечный момент всего волжского путешествия Государя Наследника?

Но и пребывание в городе Мышкине тоже обещало встречу, способную пробудить воспоминания далеких детских лет. Ведь в Мышкине их ждала встреча с одним из товарищей раннего детства, а теперь мышкинским дворянским предводителем, руководителем мышкинских земцев Фёдором Константиновичем Опочининым.

Приезд Цесаревича в Мышкин неоднократно отражался в разного рода публикациях. Эти тексты достаточно кратки, но содержательны, они упоминают и о встрече царственных гостей, и о молебне в Успенском соборе, и о праздничном обеде в доме Т. В. Чистова, и об общем сожалении, что во всех этих событиях не мог участвовать всеми уважаемый предводитель дворянства Ф. К. Опочинин, который «был отчаянно болен». Его встречу с товарищами детских лет совершенно не допустило глубокое обострение болезни, которая и унесла в могилу этого замечательного человека.

Но, в целом, впечатление о Мышкине у его высоких гостей осталось приятным и благожелательным, а князь Мещерский обращается к этим воспоминаниям в письме из своего второго приезда в Мышкин. О. Б. Карсаков в своём исследовании о круге друзей и добрых знакомых Ф. И. Тютчева тонко подмечает ряд деталей княжеских писем, в которых ясно звучит весьма положительная оценка мышкинской купеческой жизни (особенно в сравнении с бытом купечества других посещенных им городов). Эти письма сохранили и приятственное воспоминание князя о первой встрече с Т. В. Чистовым, и его напоминание Наследнику о тёплой непринуждённой обстановке того общения.

…Припомним, что Мещерский, исполняя обязанности чиновника по особым поручениям Министерства внутренних дел, свои поездки в Провинцию во многом посвящал изучению того, как преображается русская жизнь после реализации Великих Реформ, какие хорошие новшества начинают заявлять о себе в городском хозяйстве, в жизни местного общества, в купеческом и крестьянском быте и хозяйствовании.

Этим наблюдениям и выводам посвящены и письма Владимира Петровича из города Мышкина и Мышкинского уезда. И если местная земская жизнь, по его мнению, в административной деятельности на селе ещё не проявила себя достаточно положительно, то город и его управление оставили у гостя самые лучшие впечатления. Мы полагаем, что таковые же

впечатления сложились и Государя Наследника как от своего собственного посещения Мышкина, так и от писем друга, «серого кардинала» его царствования.

Усадебные люди

Если вглядываться в историю любой старинной дворянской усадьбы, то перед твоим мысленным взором возникнет отнюдь не перечень дат и событий, а скорей поток сюжетов, бледно сияющее шествие манящих далеких образов

В. Гречухин

…Размышляя о веке Александра III, мы часто обращаемся к окружению Императора-Миротворца, к его друзьям и соратникам, а это окружение, конечно, было в основном дворянским. И его нравы, традиции, привычки, как и вся культура, так ярко расцветшая в XIX веке, пришли из мира русской усадебной жизни. Просвещенный русский дворянин XIX столетия – это своеобразный Усадебный Человек.

Таких людей не было в русском средневековье, нет и сейчас. Их создала и сформировала усадебная жизнь, обретшая свой исток в конце XVIII и оборвавшаяся в начале XX века. Люди, её создавшие, являли собой особый тип, неких русских европейцев, чья содержательная суть имела как бы два истока – Русь и Европу.

Мы полагаем, что наиболее органично два этих начала слились и сроднились воедино именно в век Александра III, Царя-Славянофила. И, может быть, нам стоит попытаться проследить и эти начала, и это развитие, и это слияние на примере какой-то одной достойной дворянской фамилии?

Может быть, в её истории, словно в неспешном историческом кинофильме, мы увидим все периоды созревания Усадебных Людей, начав от едва не сказочных средневековых лет? И, может быть, череда этих образов приведёт нас ко временам императора, желавшего на основе двух выше названных начал построить особую самодостаточную русскую цивилизацию?

Мы подумали о том, что ежели весь первый раздел нашей книги во многом посвящён местнокраеведческим событиям, то, очевидно, уместным будет взять для рассмотрения одну из здешних мышкинских дворянских фамилий. И мы внимательней, чем прежде, обратились к роду дворян Опочининых.

Годы начальные. Это мы с уважением сказали о XV веке, в котором Опочинины видели и знали свои начала.

Где-то там, либо немного поздней, они помнили своего

родоначальника Семёна, от которого и пошла уже твёрже знаемая родовая линия. И она усматривалась именно у нас, в Ярославии, в угличском верхневолжье (Мышкинского-то уезда ещё не было…). Например, в 1665 году мы видим краткие сведения об отставном служивом человеке «из детей боярских Малюте Обрамове, сыне Опочинине». Видать, он много служил царю, потому что в тогдашних бумагах упомянуто о нём, что он «стар и увечен глазами».

Но, несмотря на свои старость и «увечность», он много счастливей своего родственника Тимофея, «сына Опочинина», который «убит на службе в 1659 году! И тот и другой – наши земляки, их владения с 1629 года находились в Кацком и Елецком станах, то есть в последующем Мышкинском уезде. Их потомки Даниил, Степан, Василий, Родион, Никифор, Алексей – все «испомещены» именно здесь, им принадлежало село Кузьмадемьянское (что в нынешнем Глотовском лесу) и в разных местах находившиеся пустоши.

«Разносортица» чиновная. В XVII и XVIII столетиях Опочининых уже много, это семейство уже обозначило свои родственные линии, и обозначилось множеством служб, должностей, званий. Каких только должностей и чинов ни имели тогда Опочинины… Но все начинали с самых скромных и низших и все они – военные люди.

Сурово начиналась у них служба военная. Вот Родион Опочинин – это просто «драгун», Василий – «солдат», такое же рядовое состояние, только в пехоте. Однако, пехота эта гвардейская, славный в будущем Семёновский полк. Фёдор – это капрал. А Тихон – это некий «ундер цейхвартер» (Господи, что за чин?). А Алексей – вовсе «артиллерии ученик», куда уж скромнее… Но впереди у них нелегкое, но уверенное продвижение по службе. Никифор становится капитаном. Василий, сполна испытав суровости войны и даже побывав в шведском плену, становится майором. Пётр Опочинин – это тоже секунд-майор…

И в эти годы Опочинины уверенно повышают своё служебное положение. Даниил получает чин стольника, Степан уже служит воеводой в Переславле-Залесском. Александр служил с 1732-го по 1770 год и добрался до высокого чина генерал-поручика. Служил он с шестнадцати лет, из родного дома ушёл рано, а возвратился очень поздно. А этот самый его родной дом – это мышкинская усадьба Нечаевское!

Столь же успешен Алексей Опочинин, «генерал от инфантерии», и он занимал важные военно-административные должности. Серьёзно возвышается значимость рода. И об «ундер

цейхвартерах» можно было лишь с улыбкой вспоминать!

А лучше и вовсе не вспоминать, ведь по всем статьям Опочинины уже твёрдо вышли на, казалось бы, надёжную дорогу к доброму преуспеянию. Они уже хорошо известны, заслуженны и не бедны. И следует заметить, что среди их тогдашних владений неизменно значится усадьба Шишкино, полученная ещё в 1680 году воеводой Степаном. То есть у Опочининых давно есть свой родовой очаг, неизменно сохраняемый от поколения к поколению.

Но стоит ли думать, что с этих пор судьба фамилии была сплошь благодатна и её дорога к высшим кругам русской знати была идеально ровной и лёгкой? Увы, нет.

Бури житейские. Весьма известный в недавнее время писатель В. Пикуль однажды обмолвился, что мир русского дворянства генеалогически был так сложен и запутан, что едва ли не все его старые фамилии оказывались между собой в той или иной степени родства, в ближней ли – в дальней ли, а то и в едва угадываемой в туманах веков. Но состояли в родстве!

Вот так и Опочинины, чей род страсть как разросся и распространился не только в наших местах, а даже и по всей Ярославии, да и по некоторым иным губерниям России. Однако основное «ядро» людей этой фамилии обреталось в наших краях, в Мышкинском уезде.

Татьяна Анатольевна Третьякова в своей книге «Венок Опочинину», касаясь дворянских некрополей села Потапово и погоста Каменка, перечисляет чуть не два десятка носителей этой фамилии. Кого только нет в этом печальном списке, какие только родственные связи ни обнаруживаются, какие только жизненные перипетии ни приоткрываются.

Перед мысленным взором читателя проходят генералы и подпоручики, тайные советники и коллежские асессоры, «мечтательные барышни и гордые юнцы» и среди них (этих «юнцов»!) даже такая удивительная фигура как …самозванец, имперских якобы кровей! Да, подпоручик Ипполит Александрович Опочинин, выдававший себя за сына императрицы Елизаветы Петровны!

Бури житейские XVIII столетия, с их дворцовыми переворотами, попытками ниспровержения властей, заговорами или же дерзкими вольными разговорами так взбудоражили дворянство, что порой даже и самые фантастические домыслы могли приниматься за правду, а самые безосновательные заявления – смелую надежду на прекрасный успех. Вот и юный Ипполит Опочинин каким-то образом уверился в том, что он вовсе не кровный потомок генерала Александра Васильевича

Опочинина, а не кто иной, как сын… императрицы Елизаветы Петровны и английского короля! И дерзко говаривал своим знакомцам, что «может статься, что и я буду императором».

Искателю престола «было семнадцать годиков», пребывал он в скромном чине подпоручика, а своими сумасбродными соображениями поделился со знакомыми и провинциальными родственниками в округе города Устюжна Железнопольская. Дорого же обошлись им все эти несусветные фантазии. Самого «принца» сослали в Сибирь, в рядовую службу… И это было отнюдь не самым тяжким наказанием, ведь его главный собеседник, отставной корнет Батюшков навсегда «загремел» в кандалах в каторжные работы. В невероятно суровое место, в заполярную Мангазею!

Крутым был XVIII век и на фантазии и на наказания за них. И глупых слов он не прощал. Но «потомок императрицы Елизаветы и английского короля» отломав в Сибири то ли семь, то ли даже десять лет немилосердной службы, вернулся-таки в родные мышкинские места. По горячим просьбам его отца, заслуженного генерала, «принцу» было велено безмерно доживать в здешнем сельце Нефёдково, где на относительной воле он прожил всего один годочек и упокоился на погосте Каменка. Не прошли даром годы тяжкой Сибири.

Ох, суровы дни XVIII столетия и несравнимы с дворянским золотым XIX веком.

Среда аристократическая. Да, именно в ней светятся лучшие дни рода Опочининых. Они начались с Фёдора Петровича, адъютанта и друга великого князя Константина Павловича. Его карьера отмечена чином тайного советника, должностью обер-гофмейстера высочайшего Двора, он являлся членом Государственного Совета и его список наград способен вызвать большое почтение к их обладателю.

А Константин Фёдорович – это флигель-адъютант императора, непременный участник придворной жизни высшего общества, близкий друг М. Ю. Лермонтова. Российские литературоведы высказывали мнение, что именно он во многом и являлся прототипом образа Печорина в знаменитом произведении «Герой нашего времени». Он немногим менее отца был украшен значительными орденами: Святой Анны 3 степени, святого Владимира IV степени, имел дармштадтский орден Святого Людовика, польский орден «Виртути Милитари».

Его супруга Вера Ивановна – это дочь заслуженного генерал-лейтенанта Ивана Николаевича Скобелева, видного администратора и довольно известного литератора.

Мы много рассказывали о его сыне, нашем Фёдоре

Константиновиче Опочинине и его столичных связях, которые ярки и интересны. Но для лучшего пояснения участия Опочининых в аристократической среде Российской империи, должно быть, нужно упоминание о судьбе одной из его сестёр, Дарьи Константиновны.

Фрейлина императрицы Марии Александровы и близкая подруга великой княгини Марии Николаевны, она пользовалась большой доверительностью и любовью этой особы императорского рода; была пожалована титулом графини Богарне. Такое пожалование являлось очень высоким и даже вызвало некоторый международный царственный резонанс, на это пожалование откликнулись королева Швеции и императрица Бразилии. Т. А. Третьякова в своей книге «Венок Опочинину» опубликовала часть переписки великой княгини, касающейся этого вопроса и её дружбы с Долли (Дарьей Опочининой).

Письмо к Долли было отправлено в 1869 году из Рима, оно замечательно уже большой теплотой отношения к подруге. Стоит здесь привести часть этого глубоко дружеского послания: «Милая душка, многолюбимая Доля, вчера Владимир передал мне твоё сердечнее письмо, которое согрело мне сердце и за которое очень искренне благодарю. Мне так грустно и пусто после твоего отъезда, мы так сошлись в это короткое время, что свыклась тебя видеть… слышать и с тобой говорить. И я промечтала не менее твоего о наших разговорах…» (Письмо семейное, в нём много сказано об улучшении поведения её сына, герцога Евгения), внука императора Николая I.

Семейные моменты письма вполне понятны, ведь дружба Дарьи Константиновны с великой княгиней привела к ещё одному возвышению рода Опочининых – Долли вышла замуж за человека, занимавшего весьма высокое место в императорской семье. За Его Императорское Высочество Евгения Максимилиановича князя Романовского герцога Лейхтенбергского, то есть за сына великой княгини. Вот так Опочинины вошли в родство с русским императорским домом.

Как в высшем свете был принят этот брак? А весьма неоднозначно. Сам великий князь Александр Александрович (будущий император Александр III) его совершенно не одобрил. Зная крайнюю несерьёзность герцога Евгения, он не ожидал от его супружества ничего хорошего и не верил в благотворность таких семейных уз. Известно его письмо по этому поводу, в котором он без обиняков говорит: «…Могу Вам передать самую новую новость о свадьбе Евгения Максимилиановича с Опочининой, которая была у нас фрейлиной. Каково, как Вам нравится это? Просто комедия, да ещё преглупейшая».

Но, кажется, Александр Александрович в этом случае ошибся. Женитьба на немалое время остепенила герцога, который дотоле имел плохую репутацию буяна и гуляки, много «шатавшегося» по заграницам и проказившего в Париже. Его мать, великая княгиня Мария Николаевна, имевшая четырёх сыновей, за Евгения особенно переживала. И её письма говорят, что брак с Долли Опочининой её утешил, сын стал вести себя благопристойно. В молодой семье появилась дочка, которую все ласково звали «Долинька»…

А в высшем свете блистательный брак Опочининой у некоторых людей вызвал и откровенную зависть. Так её родственница О. Н. Скобелева откровенно заявляла, что брак её племянницы Долли с Евгением «ей просто невыносим». Она всерьёз рассердилась на обеих племянниц и за глаза, не стесняясь, называла их «противные опочалки».

Но, впрочем, причина таких неудовольствий вскоре прояснилась. Когда тяжёлая болезнь унесла в могилу графиню Богарне, то её тётушка О. Н. Скобелева приложила все усилия для того, чтобы сблизить овдовевшего герцога со своей дочерью Зинаидой. И преуспела в этих усилиях, герцог своим вторым браком сочетался с Зинаидой.

Но на этот раз в браке любви и согласия не случилось, и Евгений снова загулял и повёл жизнь вполне несерьёзную. Впрочем, это уже не касалось Опочининых, а милая их сердцу «Долинька» (Дарья Евгеньевна) оба своих брака имела с людьми высокого светского положения. Её первый супруг – это князь Лев Михайлович Кочубей, а второй – барон Гревениц, сенатор, директор общей канцелярии министерства финансов, и, кажется, отсюда мы уже можем перейти к портретам подлинных «усадебных людей» Опочининского рода.

Мы полагаем, что среди Опочининых первого такого человека нам следует усмотреть ещё во второй половине XVIII века. И это будет уже явная и несомненная личность мира усадебного – книжного, мечтательного, философического… Мира во многом идеалистического и трудно примиряющегося с реальной российской действительностью. Без сомнения, личность незаурядная, яркая и даже трогательная. Нам пора назвать этого редкостного героя тех дней.

Иван Михайлович Опочинин. Молодой, для своего времени весьма просвещённый помещик жил уединённо, в своей ярославской усадьбе, посвящая свои дни книгам и философическим размышлениям. Большая усадебная библиотека стала его лучшим миром общения, за пределами которого он не находил равного ей разумного и культурного общения. Это

добровольное одиночество всё больше уводило его в «страну» идеалистических мечтаний, которая была так несхожа с повседневным бытом соседей-помещиков.

Иван Михайлович всё более отчуждался от их простого и невысокого бытия и всё глубже уходил в печальное философствование о незначительности и неценности современной ему русской жизни. Она становилась для него лишённой надежд на светлое и благородное общение, на возвышенные мысли и деяния. И всю современную ему российскую повседневность он оценивал столь же низко, как совсем не способную благородному человеку дать смысл его существования.

Молодой уездный философ до полной безнадёжности разочаровался в русской реальности и пришёл к полному отрицанию возможности жизни, достойной мыслящего и душевно чувственного человека. А коли так, то для чего же такому человеку эта, с позволения сказать, жизнь? Он совсем не дорожит ею, она для него неценна, более того – тягостна и нелюбезна? Эти прощальные, трагически безнадёжные мысли он доверил своему последнему философическому писанию, предсмертному письму.

В этом письме он отказывает современной ему жизни во всякой благородной значимости и едва не приходит к отрицанию её божественной изначальности. (Не случайно это письмо профессор Е. А. Ермолин назвал «манифестом выношенного философского атеизма»…) Опочинин совершенно отрицает для себя возможность соглашения или хотя бы примирений с такой реальностью. Более того, не желает своего собственного существования в ней, не допускает его продолжения. Единственный предмет, расставание с которым его сокрушает – это усадебная библиотека. Он восклицает: «Друзья мои, книги, на кого я вас оставлю?! Я не вижу людей, которые могли бы понять и оценить вас…»

Этот усадебный затворник, книжник и философ, покончил свою молодую жизнь 7 января 1793 года, не найдя пути из мира книжного в мир житейский. Но… Но чётко обозначив путь многих последующих Опочининых. Тоже книголюбов, тоже мыслителей. Но уже видевших реалистическое применение своих идей и прилагавших старания претворить их в земные добрые дела.

Фёдор Константинович Опочинин. Должно быть, этот замечательный провинциальный просветитель, которого мышкинские земцы с глубоким чувством называли «своим вождём», в роду Опочининых являлся самым ярким воплощением «усадебного человека», обретшего лучшие гражданские чувства и предпринимавшего активные гражданские действия. Мы много

раз обращались к рассмотрению его жизненных трудов, а потому сейчас будем краткими и лишь обозначим основные вехи этой весьма примечательной жизни.

…Начиналась она в 1846 году, в семье флигель-адъютанта императора Николая I Константина Федоровича Опочинина и его супруги Веры Ивановны (урождённой Скобелевой). Раннее детство Фёдора прошло в родовой усадьбе Шишкино Мышкинского уезда, а затем следовали учёба в петербургской Ларинской гимназии и Петербургском университете. Не закончив университет, Фёдор Константинович поступает на государственную службу, которую несёт «с усердием и ревностностью» (это отмечают служебные характеристики) и одновременно обращается к общественной гражданской деятельности. Он быстро достигает чина статского советника и звания камер-юнкера Двора его Величества, но всё более интересуется не государственной службой, а общественными и гражданскими делами. С 1870 года он – член Императорского Географического Общества, а с 1674 года – член Императорского Русского Археологического Общества.

В работе этих обществ он принимал активное участие, а в Русском Археологическом Обществе являлся секретарём отделения славяно-русской археологии и принимал практическое участие в её трудах весь мышкинский период своей жизни, который пришёлся на 70-е годы XIX столетия. Особенно яркой стала их вторая половина, когда, возглавив Мышкинское земство, Фёдор Константинович развил широкую деятельность по созданию в уезде сети начальных школ и по открытию первых библиотек. Представление о размахе его работы можно получить из того факта, что к завершению земных трудов Фёдора Константиновича в уезде уже действовали 18 школ и земских училищ. А самую первую школу он открыл на свои средства в своей усадьбе Шишкино ещё в 1870 году. А первой библиотекой, созданной им в Мышкинском уезде, была наша нынешняя районная Опочининская библиотека, ставшая первой в губернии общедоступной научной библиотекой.

Председатель Мирового съезда Мышкинского земства и одновременно предводитель дворянства нашего уезда давал местному обществу прекрасный пример гражданской активности, деятельного участия во всех уездных попечительских обществах и во всех гражданских начинаниях. И его участие в таких трудах не ограничивалось пределами уезда, он также много содействовал и угличским земцам. А возвращался он из Петербурга или из Мышкина в дорогое сердцу гнездо предков и место душевного отдохновения и творческих трудов, в усадьбу Шишкино. Его

кабинет сохранял большой архив, включавший богатое собрание писем и иных автографов известных русских деятелей, дневники старших Опочининых, дорожные журналы их путешествий (в том числе и заграничных). Очень многие материалы были связаны с жизнью и службой Константина Фёдоровича Опочинина. И всё это соседствовало со множеством семейных снимков, рисунков, альбомов. Федор Константинович много занимался систематизацией всех этих материалов и начал публикацию документов из своего собрания редких бумаг, делая это и в журнале «Русская старина» и совместно с этим изданием выпуская отдельные сборники редких документальных материалов. Всего он собирался опубликовать до 300 документов. Вот таковы были многообразные труды нового «усадебного человека», Фёдора Константиновича Опочинина, интересы которого красиво и уверенно вышли далеко за пределы усадебного «земного рая» и приняли деятельный гражданский характер. Не случайно в его шишкинском рабочем кабинете стену украшал большой плакат-призыв – «Сейте разумное, доброе, вечное!»

Опочинины, Опочинины… Их род к концу XIX века был очень многочисленным и разветвленным. Следы пребывания их и их родственников без труда, и во множестве, можно найти в Петербурге, есть они на Кавказе, в Вятке и других местах… А в российской литературе Опочинины тоже оставили заметный след, к их судьбам обращались такие значительные авторы как Ольга Форш и Булат Окуджава…

Столичные связи Опочининых весьма широки и разнообразны. (Так мы уже упоминали о шестерых братьях «Петровичах» и их сестре Надежде, живших в большой дружбе с композитором М. Д. Мусоргским), к этому следует добавить и близость с композитором Даргомыжским и со всеми участниками музыкального Балакиревского кружка. Нам уместно снова вспомнить слова музыковеда К. А. Орловой: «У Опочининых по субботам собирался весь музыкальный и литературный цвет Петербурга. Бывали также и известные художники, но музыка в кружке Опочининых занимала, пожалуй, самое большое место».

Даже если заниматься темой только музыкальных связей Опочининых, то можно встретить самые неожиданные, но замечательные свидетельства их близости к лучшим создателям российских музыкальных произведений. Так музыковед Т. Л. Болычева, изучая жизнь и творчество А. Г. Рубинштейна, встретила среди его кавказских друзей одного из Опочининых. Это Алексей Петрович, человек отнюдь не чуждый музыкальной культуре; поэт, много печатавшийся в кавказских (особенно

грузинских) изданиях.

Опочининых было много, и их занятия и круг общения весьма достойны внимания. Однако, к сожалению, архивные материалы этого рода весьма рассеяны по стране. Отдельные комплексы материалов есть в Петербурге, Москве, Ярославле, Рыбинске, Угличе, а немалая часть, кажется, совершенно потеряна или даже полностью утрачена. Ближайшим примером может послужить судьба большего собрания опочининских материалов, хранившихся в Рыбинском архиве. Среди них особенно значимыми были дневники и документы К. Ф. Опочинина. В 1921 году вся эта группа материалов ещё сохранялась в Рыбинском архиве и даже имела своё хорошее архивное описание. Кто бы сказал, где они все сейчас?

Однако возвратимся к нашей главной линии собеседования, к теме Усадебных Людей. И назовём среди Опочининых ещё одного Усадебного Человека.

Евгений Николаевич Опочинин. Следы деятельности Опочининых порой встречаются совершенно неожиданно. Например, это Опочининский сквер в Петербурге; это посвящение одного из прекрасных произведений Мусоргского Н. П. Опочининой; например, это либретто для музыки Рубинштейна, написанное А. П. Опочининым. Вот столь же неожиданно в самых разных случаях можно встретить следы разнообразных занятий Евгения Николаевича. И неудивительно, ведь этот, по-своему весьма яркий, «усадебный человек» жил в мире широчайших увлечений, он в равной мере известен русскому культурному обществу как писатель, журналист, археограф, фольклорист, театровед, историк, коллекционер. (Всё это в одном лице, потому следы его земных занятий и увлечений страсть как многочисленны.) Но начнём сначала.

Евгений Николаевич родился в 1858 году в усадьбе рыбинской ветви рода Опочининых и принадлежал к его одиннадцатому колену. Его отец много занимался любительскими поэтическими трудами, он постарался дать сыну достойное гуманитарное образование. И тот получил его, окончив Киевский университет. И в те же годы он приобрёл уже неплохую журналистскую практику.

А с 1879 года Евгений Николаевич жил в Петербурге, где свёл знакомство с президентом Общества любителей древней письменности П. П. Вяземским. Павлу Петровичу понравился разумный и энергичный выпускник университета, и он принял его на службу в своё Общество. Служба эта оказалась весьма интересна в научном плане и очень содержательна – он стал хранителем библиотеки Общества – музея древностей. Служба не

только обогатила Опочинина обширными знаниями, но и сблизила с целым рядом знатоков и ревнителей русской старины, в числе которых был граф С. Д. Шереметев. Евгений Николаевич стал своим человеком в литературных салонах А. П. Милюкова и Я. П. Полонского. Он и сам уже много и успешно писал, особенно о людях и нравах русской провинции.

Широкое общение с литературной и театральной общественностью столицы, большая переписка с выдающимися писателями, историками и театральными деятелями позволили Опочинину впоследствии создать весьма ценные мемуары, в которых ярко отразились встречи с Ф. М. Достоевским, А. Н. Майковым, В. В. Крестевским, Д. В. Григоровичем и другими знаменитыми современными ему литераторами.

В этих кругах сам он был уже известен как писатель, немало знающий русскую Провинцию, а особенно мир русской провинциальной усадьбы и был столь же авторитетен как знающий археограф. (Очевидно, именно поэтому ему и было поручено разобрать и систематизировать архивы графа С. Д. Шереметева и С. А. Соболевского, друга А. С. Пушкина.) Русское культурное общество отдавало ему должное также как знающему театроведу и журналисту с быстрым и лёгким пером. (Евгений Николаевич долгое время исполнял обязанности редактора внутреннего отдела газеты «Правительственный вестник».)

Как мы уже говорили, круг увлечений и занятий Опочинина был весьма обширным. Так, кроме ОЛДП, он состоял ещё в Русском литературном обществе и в Русском Обществе поощрения художников.

Вот именно здесь открывается ещё одна сфера особенно активных занятий этого человека – сфера собирательства и коллекционирования. И в этих трудах Е. Н. Опочинин не менее успешен, нежели в литературной работе. (Хотя его литературное наследие очень велико, и в нём немало весьма удачных, умело и крепко прописанных картин ярославского провинциального бытия.) Но собирательство…

Но собирательство стало едва ли не главным содержанием и главной целью неутолимых странствий по Ярославской губернии, особенно по её северным уездам, включая и наш Мышкинский. Если его литературное наследство насчитывает более тридцати книг и целую «вселенную» газетных и журнальных публикаций, то встреченные (и частично приобретённые им) русские древности могли бы исчисляться никак не менее, чем сотнями экземпляров.

Изо всех Опочининых это самый плодовитый писатель и самый азартный искатель вещественной старины – книг, икон,

рукописей и всего, что несёт яркий и впечатляющий отпечаток старины. Правда, его собирательство, по мнению ряда исследователей, имело в не малой степени и негативный характер, имевший целью последующую перепродажу найденного.

Мы не можем судить, насколько это справедливо, но вслед за внимательным рыбинским искусствоведом С. Н. Овсянниковым и авторитетным ярославским деятелем культуры И. А. Тихомировым можем лишь повторить, что Опочинин «прошелся по Рыбинскому и соседним уездам в своём роде археологическим Мамаем, забирая всё, что попадалось на глаза», а потом «продавая кому придётся».

Возможно, в этом суждении есть и немалая доля истины, ведь домашняя коллекция вещей, имеющих историческую или культурную ценность, поступившая в Рыбинский музей из опочининской усадьбы Максимовское, вовсе не слишком богата. Кажется, она составляла не более 30 предметов, из которых, на сей день, сохранны лишь десять.

Можем заметить, что очень слабая доля сохранности в целом оказалась весьма характерна для собраний Рыбинского музея. Так хорошо известно, что 7 марта 1926 года из Мышкинского музея в музей Рыбинска были переданы 18 «портретов и картин разных», 22 «гравюры и картины разные», 23 предмета бытовых и скульптуры (в том числе скульптур имелось семь). На сегодняшней день обнаружены лишь 18 живописных произведений, три графических листа и… ни одной скульптуры!

Всё словно испарилось чудесным образом… Но ещё более страшной и жестокой была судьба нашей Опочининской библиотеки, тоже вывезенной в Рыбинск. Она почти целиком погибла в сыром неотапливаемом каменном сарае во дворе центральной библиотеки имени Энгельса. Со всеми своими многочисленными редкостными изданиями. Увы, это мы видели своими собственными глазами… Видели мы и остатки этого уникального книжного собрания, перевезенные в Ярославль. К сожалению, это была лишь малая часть того, что погибало в Рыбинске и, к тому же, далеко не лучшая часть.

Но возвратимся к нашему «усадебному человеку» – писателю, журналисту, археографу, фольклористу, театроведу, историку и коллекционеру Е. Н. Опочинину. Он не только уцелел в бурях революции, но до конца своей жизни (до 1928 года) являлся членом Всероссийского Союза писателей и Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). Последней значительной публикацией Евгения Николаевича были «Русские народные сказки. По новым записям», вышедшие в Москве ещё в 1913 году. И в РГАЛИ есть

фонд его материалов. Очевидно, на склоне жизни его поддерживала дочь, тоже писательница, много печатавшаяся с 1923-го по 1929 год. Кстати, и для неё рыбинская усадьба Максимовское тоже была родной, там прошло её детство…

…А с Мышкином Евгений Николаевич Опочинин был связан много и разнообразно. И через наших Опочининых, и Тучковых, и через С. Д. Шереметева, и через хорошо известных ему здешних старинных дворян Скрыпицыных. Отразился Мышкин и в его произведениях, и особенно им проникнут рассказ «В городке». Но ещё ярче мышкинский сюжет прозвучал в его большом литературном обозрении: «Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины (Из наблюдений и воспоминаний)». Там очень трогательно и жизненно явственно ожил образ старинного коллекционера, мышкинского дворянина Валериана Михайловича Скрыпицына. Этот забавный и по-старомодному привлекательный человек словно ожил под «лёгким пером Е. Н. Опочинина.

…Вот таким был ещё один здешний «усадебный человек», ещё один из большого и долговечного рода дворян Опочининых. Этот человек прожил интересную жизнь, немалая часть которой была современна веку императора-славянофила Александра III. Отвечал ли этот человек своими жизненными занятиями идеям и принципам эпохи этого подлинно русского царя?

Мы полагаем, что он не обладал высокими гражданскими устремлениями, свойственными его родственнику Фёдору Константиновичу, но в целом разделял большой и живой интерес к чисто русской культуре и нашей русской истории и, сколько мог и умел, активно участвовал в их изучении и популяризации. Во всяком случае, этот Опочинин тоже был одним из людей усадебного мира, который достоин сочувственной памяти о себе и который соответствовал русской национальной политике Царя-Хозяина.

В числе учредителей

…В краеведческих исканиях случается так, что сведения о каких-либо интересных делах давних наших земляков встречаешь вполне неожиданно. И даже там, где их, казалось бы, и ждать не с чего. Но «тотальность» краеведческого поиска, его характер сплошного «прочёсывания» старинных публикаций порой дарит такие интересные и приятные встречи.

Нас, мышкинских краеведов, издавна привлекали воспоминания земляков о посещении нашего края Александром Александровичем Романовым, будущим императором Александром III. Тема увлекала, вела по старинным документам и публикациям и приводила к материалам о многих трудах и начинаниях Императора – Славянофила. Одним из таких начинаний является создание знаменитого Русского музея.

С молодых лет будущий царь собирал работы русских мастеров живописи, мысля о том, что его собрание станет основой будущего музея русского художественного искусства. Так это и случилось.

В 1895 году этот музей был учрежден как художественный и культурно-исторический и заслуженно получил имя своего зачинателя, громкое и славное имя русского императора Александра III. Его разместили и открыли в Михайловском дворце, построенном Карло Росси в 1819–1825 годах. Открытие состоялось в 1898 году. Александровскую основу коллекций пополнили произведения, поступившие из Эрмитажа и ряда императорских дворцов. Собрание пополнялось до самого 1917 года путем как приобретений, так и пожертвований.

После революции собрание произведений этого музея значительно увеличилось за счет национализации художественных ценностей, ранее принадлежавших императорской фамилии, церкви или частным коллекционерам. И в 1917 году собрание этого музея уже насчитывало семь тысяч единиц хранения. А к настоящему времени это число возрастало до 316 тысяч.

Сегодня в музее представлены многие выдающиеся памятники иконописи, произведения Андрея Рублева, Симона Ушакова и других древних художников. И, конечно, здесь широко представлены работы Р. С. Рокотова, Д. Г. Левицкого, О. А. Кипренского, С. Ф. Щедрина, А. Г. Венецианова, К. П. Брюллова, И. Н. Крамского, Н. И. Шишкина, Е. И. Репина и многих других русских мастеров кисти.

Великолепное здание Русского музея на площади Искусств в

Петербурге ежегодно посещают десятки тысяч людей. Любуясь произведениями искусств, выставленных в залах музея, зритель и не задумывается о тех, кто стоял у начал этого великолепного собрания. Слава Богу, что теперь и в самом учреждении и в печати уже не молчат о том, что самым первым собирателем начального собрания замечательных произведений был император Александр III. Но рядом с ним мысль о создании музея национального искусства несли и сохраняли и многие его современники и сподвижники. И если поинтересоваться именами инициаторов решительных шагов к созданию музея, то возможны неожиданные и интересные открытия. И одно из них напрямую касается нас, мышкинцев. Скажем о нём.

Мышкинцам, конечно, хорошо известна такая замечательная личность, как Федор Константинович Опочинин. Нам он особенно близок и дорог как основатель нашей Опочининской библиотеки. Наши краеведы знают и о том, что он был собирателем редких книг, документов, автографов замечательных людей. Знают, что он был и популяризатором знаний о русской истории и активно сотрудничал в журнале историка Семевского «Русская старина». Большой и достойной научно-популяризаторской заслугой К. Ф. Опочинина было издание сборников писем замечательных русских людей. Эти сборники он издавал в содружестве с журналом «Русская старина».

Мышкинские краеведы немало обращались к вопросам деятельности нашего славного земского просветителя Ф. К. Опочинина, отмечая многообразие его столичных творческих связей и отношений. Например, важной находкой из темы таких связей явились сведения о его дружеских отношениях с художником-популяризатором древнерусского искусства Ф. Г. Солнцевым.

И в целом тема столичных связей и отношений Опочинина весьма широка и сейчас ещё изучена вполне недостаточно. И обращения к ней дарят интересные находки, одна из них пришлась на долю председателя «Мышкинского землячества» Г. И. Махаева. Он выяснил, что одним из инициаторов учреждения музея Александра III был ни кто иной, как наш Федор Константинович Опочинин.

А происходило это ещё в 1870 году. Петербургское собрание художников учреждает комиссию для составления проекта «Русского музея», тогда ожидавшего открытия в Соляном городке в Санкт-Петербурге, недалеко от Летнего сада на Набережной Фонтанки.

В состав комиссии вошли архитектор Виктор Александрович Гартман, Василий Александрович Прохоров, Гендрих Богданович

Пранг, Павел Алексеевич Черкасов, Валентин Иванович Беккер, Федор Константинович Опочинин, Михаил Иванович Семеновский. Как видим, в этом ответственном коллективе вместе оказались друзья, соратники М. И. Семеновский и Ф. К. Опочинин.

Комитет под председательством князя А. Б. Лобанова-Ростовского провел большую работу по подготовке проекта. Были составлены чертежи, сметы. Подсчитаны средства для устройства музея. Проект был даже одобрен Государем Императором и … отложен. По причине бюджетных трудностей его надолго отложили. На целых двадцать пять лет. Музей был, в конце концов, открыт. Только, к сожалению, Федор Константинович этого уже не увидал. К тем дням его тело давно уже будет покоиться в родной мышкинской земле.

…В годы создания музея в его основу легла большая коллекция произведений, собранных Александром III, большим ценителем русской живописи, коллекционером и меценатом. Своё личное собрание картин он создавал именно с целью основания музея русского национального искусства, которое горячо и глубоко любил.

А участие Ф. К. Опочинина в комиссии по учреждению музея совершенно закономерно: Федор Константинович являлся знатоком русского искусства, известным собирателем материалов о русском прошлом, активным членом русских научных обществ и, как мы об этом рассказывали, одним из друзей детства Александра III.

«Нам не дано предугадать…»

Задумчиво мудрая Тютчевская фраза о неведомости отзвука сегодняшних свершений во днях будущих, должно быть, обладает вечной истинностью. И в наши дни, обращаясь к далёкому былому, порой неожиданно встречаешь его живой отзвук совсем рядом, уже в твоё собственное время и в твоём родном крае. Никем не предугаданный, но несомненный!

…Выше мы уже говорили, что руководитель мышкинского просветительского кружка Федор Константинович Опочинин – это спутник детских лет Александра III и близкий друг и соратник его современника историка Семевского. Нам доводилось рассказывать о том, что в доме Семеновских Фёдор Константинович свёл близкое знакомство и установил тесное сотрудничество со многими достойными людьми того времени (в том числе со знаменитым художником-археологом Федором Григорьевичем Солнцевым). Очаг творческого исследовательского общения, создавшийся у Семеновских, породил немало содержательных и интересных дел. Одним из них стало совместное издание Ф. К. Опочинина и журнала «Русская старина» сборников писем местных русских людей. А другим благим начинанием явилась кампания по сбору средств на обновление надгробного памятника князю Артемию Волынскому.

Русские читатели, интересующиеся историей Отечества, помнят, что Артемий Волынский – это один из «птенцов гнезда Петрова», сподвижник великого императора, а впоследствии кабинет-министр императрицы Анны I.

Князь Артемий трагически закончил свою жизнь. Погубленный интригами временщика Бирона, он мученически погиб вместе со своими друзьями и единомышленниками. И их могилы в Петербурге у Самсониевской церкви вскоре были почти забыты, а надгробие горестно постарело и изветшало. Вот круг друзей Семеновского и стал хлопотать о возобновлении надгробного памятника несчастным сторонникам национальных начал в русской государственной жизни. Ими была объявлена подписка, и начался по всей России сбор средств.

Самый крупный единовременный взнос (тысяча рублей) поступил из мышкинской усадьбы Артемьева, принадлежащей древнему роду дворян Селифонтовых. И это не было случайностью. Ведь в нашем уезде издавна были владения князей Волынских, и последний представитель мужской линии этого рода являлся мышкинским помещиком и жил в мышкинской усадьбе. А его дочка вышла замуж за героя наполеоновских войн

генерала М. П. Селифонтова! Так что в их лице породнились два славных рода, и потом не раз высказывалось желание объединить и фамилии, чтобы сохранить живую память об угасших князьях Волынских.

Селифонтовы – род с глубокой историей, идущей от виднейших новгородских бояр, вожаков республиканской самодостаточности «господина Великого Новгорода». Его прошлое сурово-трагично, но потомками сберегаемо и памятуемо. И Селифонтовы всегда считали себя относящимися к древнейшим и достаточно аристократичным русским фамилиям. И эта аристократичность с годами даже прибывала. Так, потомки последней Волынской династии соединили судьбу своих детей с рядом известных семей. Так Наталья Сергеевна Селифонтова стала женой князя Арчила Чавчавадзе, который и был затем хозяином Артемьева.

Род князей Чавчавадзе не нуждается в пространных «рекомендациях», он чрезвычайно древен и насчитывает немало знаменитостей.

Большинство их значительную часть своей жизни провели в российской Грузии, а вот князю Арчилу случилось пожить в нашем Артемьеве. Здесь он завёл конский завод и занимался разведением породистых лошадей.

Дальнейшие события жизни как всей России, так и усадьбы Артемьево были нерадостны – Первая мировая война, революция, коллективизация… Их волны смели и смыли, казалось бы, всякую память об имперских временах. Но «нам не дано предугадать…» Воистину не дано, и вот совсем неожиданно Артемьево по приглашению его новых ярославских хозяев посетил ни кто иной, как князь Зураб Чавчавадзе! Родственник князя Арчила, он с большим вниманием вникал в историю усадьбы и в беседах наших уважительно связывал её с историей всего нашего Отечества.

Особое внимание в разговорах наших с ним и его спутником князем Голицыным уделялось веку Александра III.

Наши гости отзывались о нём как о лучшем времени русского имперского XIX века, и как об упущенном историческом шансе без великих потрясений создать могущественное национальное государство. Они оба отмечали, что Царь-Миротворец обладал большой способностью «мягкой силы», включавшей личный пример, силу духа и разума и большую человеческую обаятельность.

Наши собеседники полагали, что Александру III в очень высокой степени было присуще чувство России, чувство родины, а его патриотизм был не казенно словесным, а трудолюбивым.

Помнится, князь Голицын с тактичной аккуратностью (дабы не обидеть не слишком знакомых собеседников) оттенял в своих высказываниях мысль, что для этого императора, кажется, главным была даже не его собственная семья, которую он очень любил… И тем более не царская фамилия. А главным для него, должно быть, являлось всё русское общество, а особенно его национально мыслящая часть.

Князь Зураб был прямей в своих высказываниях. Он твердо подчеркивал, что, по его мнению Александр III относился к личностям, отличавшимся очень высокой энергетикой созидания. То есть этот правитель – один из тех редких людей, которые видят и понимают окружающий мир не только прекрасным, но и как бы нетерпеливо ждущим их активных забот!

…Вот такой была та богатая на размышления встреча. И постепенно и она тихо отошла в прошлое. Но вдруг, словно отклик на её главную тему, в центральной газете «Культура» целой страницей вышел материал Андрея Самохина, его интервью с Еленой Чавчавадзе.

Заслуженный деятель искусств России, создательница кинофильмов о больших событиях русской истории, Елена Чавчавадзе хорошо известна русскому обществу. В 2017 году на первом канале российского телевидения проходил её документальный фильм «Революция. Западня для России», рассказывавший о событиях 1905 года. А в дни своего интервью с «Культурой» Елена Чавчавадзе уже завершила фильм, посвящённый Александру III. Поэтому и всё общение с сотрудниками уважаемой газеты главным образом посвящалось личности и трудам этого императора.

Если говорить кратко, стараясь не повторять дословно все основные моменты собеседования, то Елена Чавчавадзе говорила об Александре III как о «мощной государственной фигуре, отодвинувшей на четверть века российскую смуту». Она спокойно размышляла о том, что Царь-Славянофил «не свернул, а развил, скорректировал реформы своего отца». А рассуждая об Александре III как о человеке, она с симпатией отмечает, что «он действительно был огромный, как былинный богатырь, с окладистой бородой вопреки тогдашней моде высшего света. Он воплощал, казалось бы, сам наш национальный дух…»

Автор серии исторических кинофильмов о предреволюционной и революционной России не избегает острых моментов советских исторических повествований об Александре III и решительно отметает их явную тенденциозность и откровенную лживость.

Она развенчивает мифы об антисемитизме императора, его

малой культурности и столь же малой образованности и всю иную откровенно намеренную дезинформацию, которой революционеры подвергали его образ при жизни и после смерти. «Смешно говорить подобное о человеке, чьим любимым писателем был Ф. М. Достоевский, и кто одним из первых прочитал и внимательно изучил фундаментальный труд Н. Данилевского “Россия и Европа”».

Чавчавадзе не скрывает, что решающим поводом к созданию кинофильма о Царе-Славянофиле стало открытие в Ялте памятника Александру III, знаменующее определенный поворот не только в восприятии образа этого правителя, а и поворот от угодливого следования интересам Запада к самостоятельному суверенному пути России.

«…Нам не дано предугадать…» Но нам, краеведам, желающим ясней разглядеть наше русское прошлое, дано посильно проследить пунктирно слабую, но подлинную ниточку исторических перекликов, идущих от царского детства, от Фёдора Константиновича Опочинина, Михаила Семевского, князей Волынских, дворян Селифонтовых, князей Чавчавадзе в сегодняшний день, в котором образ Александра III, подлинно русского императора, воскрес в своей исторической подлинности. Он вновь привлекает и ободряет русских людей и в их числе и жителей самой срединной России, чьи предки имели счастье видеть этого могучего россиянина в своих родных местах.

«Царь-батюшка»

В душе русского человека – неосознанная тяга к патронимичной власти, мечта видеть главу государства не равным себе, но «отцом», «хозяином»

Ю. Бессмертный, историк

…Конечно, время всесильно. Конечно, в его власти туманом прошедших лет закрывать даже самые яркие былые события. И, конечно, его ветер уносит из людской памяти живую яркость даже и того, что безмерно волновало и восхищало наших предков Новые свершения, новые события, новые беды и радости – всё это встаёт неодолимой завесой между прошлым и нынешним. И всё же… И всё же…

И всё же людям новых времён бывает безмерно жаль прежних незапечатленных событий, подробные сведения о коих в своё время никто не догадался хорошо и полно положить на бумагу. Вот так и нам сегодня жаль, что касания жизни Царя-Миротворца судеб нашего края в своё время запечатлены были столь отрывочно и слабо, столь пунктирно и недостаточно. И чувство это, должно быть, свойственно не только нам. Краткий александровский век, предпринявший могучую попытку повернуть характер жизни гигантской империи на национальный путь, издавна привлекал многих и волновал их души сожалением о невозвратности таких земных деяний и желанием раздвигать завесы времени и обретать посильную различимость картин былого.

Вот, например, в рабочем кабинете замечательного национального писателя России Владимира Солоухина главную стену украшал большой портрет Александра III. Этого советского писателя (монархиста!) весьма интересовало именно александровское время, и он желал ясней разглядеть его.

Вот и нас в русском прошлом особенно интересует именно оно. И мы сожалеем, что наши предшественники, мышкинские просвещённые люди, текстуально не запечатлели всего, что знали и помнили о касательствах судьбы царя – всероссийского Хозяина – к жизни нашего края. Но… Но, может быть, мы не совсем правы?

Может быть, такие материалы ими были созданы и имелись даже в немалом числе? Во всяком случае, поводов для этого было

немало, мышкинцы ведь не только принимали Александра Александровича в своём уезде, а многие из них присутствовали на различных событиях, связанных с его участием, проходивших в иных местах. Наши старые краеведы полагали, например, что А. А. Тютчев был в числе людей, неоднократно видевших высокого гостя, П. Н. Скрыпицын встречал его при въезде в нашу губернию и сопровождал до своей усадьбы, до города Мышкина и в пределах всей губернии. Они оба были высокопросвещёнными людьми и едва ли могли не коснуться тех замечательных событий в своей переписке с друзьями и близкими и в иных материалах. Мы уж не говорим о Фёдоре Константиновиче Опочинине, который непременно должен был отозваться на эти события.

К таким же материалам мог обратиться и ещё один мышкинец, весьма достойный внимания потомков. Это Алексей Ильич Пятунин. Именно он стал после Фёдора Константиновича предводителем уездного дворянства и пребывал в этой должности до 1884 года.

Что это за человек? Чин у него был скромный, всего лишь коллежский регистратор. Но его жизненный путь отчасти схож с опочининским. Пятунин не заинтересовался продвижением по чиновной лестнице, а обратился к учёбе в Лазаревском институте восточных языков. (Такой выбор высшего образования сам по себе уже интересен.) А что было далее?

А далее этот тридцатилетний дворянин возвращается в Мышкинский уезд, где у него имелось триста десятин земли, и значится мышкинским помещиком. Очевидно, он обладал неплохими хозяйскими наклонностями, потому что приобретает 682 десятины земли в Вологодской губернии и часть акций угличской фабрики Варгуниных. В тридцать четыре года он всё ещё холост, и 9 сентября 1881 года его избирают предводителем уездного дворянства. Конечно, он был и здешним почётным мировым судьей. Жил он в своей усадьбе Ростовцево Муравьёвской волости (недалеко от тютчевской усадьбы Знаменское).

Похоже, что свою судьбу он решил навсегда связать с нашим краем, потому что есть упоминания о его дальнейшем участии в здешней земской работе. В частности, в 1906 году он – гласный уездного земства. Но мы хотели сказать о другом. А, именно, о его личном участии в одном из важнейших событий александровской эпохи: Алексей Ильич Пятунин как предводитель мышкинского уездного дворянства присутствовал на коронации Александра III, и это присутствие не было эпизодическим. Алексей Ильич находился при всех коронационных торжествах с 15 по 23 мая 1883 года.

Вот такой свидетель и участник величайшего события тех дней едва ли мог не отозваться на всё виденное и знаемое в своих письмах и воспоминаниях. (Но где теперь, да и целы ли вообще, тогдашние дворянские усадебные архивы?! Жестоко не повезло даже тем из них, которые сперва и оказались, было, в государственных хранилищах. Мы упоминали о полном исчезновении из рыбинского архива большого фонда К. Ф. Опочинина и его родственников.)

Упоминали мы и о случайном спасении лишь жалких остатков Знаменского архива Тютчевых. Случалось нам рассказывать и о бесследно исчезнувших богатых библиотеках и архивах мышкинских дворянских усадеб. А потому стоит ли дивиться едва не полному отсутствию письменных сведений о встречах царственных особ? И всё же… И всё же…

И всё же, хоть удивления может и не быть, а глубокое сожаление остаётся. Как остаётся и желание что-то всё-таки разглядеть в сумерках былого. Желание безнадёжное?

А не скажите! Приезды Александра Александровича Романова на ярославскую землю могли отразиться (и отразились!) отнюдь не только в мышкинских записях. Например, его приезды в Рыбинск и Ярославль имеют несколько большее число письменных свидетельств. И для нас особенно интересны публикации, связанные с путешествием императора Александра III в Ярославль в первый год своего царствования. Они помогают представить не только ход событий, а саму атмосферу этих встреч. Разумеется, они как по своей официальной торжественности, так и по народной сердечности не слишком отличались от мышкинских.

А атмосфера большого события уже сама по себе драгоценна для историков. Как драгоценны и малые, казалось бы, второстепенные детали. И это хорошо понимали и наши далёкие предшественники. Послушаем, что об этом говорил А. Шевелёв, одним из первых начавший собирать сведения о царствовании Александра III. Свой труд он скромно назвал «Некоторые материалы к истории жизни и царствования Великого Государя Царя-Миротворца Александра III Александровича» (М., 1897).

И в этой своей работе он с глубоким уважением размышляет об избранной теме: «В настоящее время рано ещё, конечно, думать о написании полной и беспристрастной истории прошлого царствования, но с другой стороны, чувство восторженного благоговения к памяти Царя-Праведника, которое ныне владеет сердцами всех русских людей и разделяется всем просвещённым миром, побуждает нас интересоваться всеми подробностями, так или иначе относящимися к событиям царствования Государя

Александра Александровича».

И автор разумно продолжает: «…множество таких мелких, на первый взгляд, но для русского человека весьма любопытных подробностей рассеяно по всем нашим журналам и газетам, где им грозит опасность не только ускользнуть от пытливого взгляда исследователя, но и погибнуть совсем, так как многие из таких изданий, в особенности газеты, сделались редкостью, а в скором времени могут сделаться и совершенно ненаходимыми».

Мы, право же, не напрасно привели такую обширную выдержку из размышлений (опасений…) Шевелёва. Она была довольно основательной уже и для своего времени, а сейчас эти опасения и совершенно справедливы. Волны времени, и ураганы российских социальных катаклизмов смели и сокрушили не только детали былой русской имперской жизни, а и саму грандиозную империю. Где уж тут было уцелеть таким малостям, как личные воспоминания или газетные упоминания…

И всё же… И всё же… Водовороты времени иногда (словно после гибели большого корабля) выносят на поверхность жизни какие-то обломки сообщений о прошлых российских веках. Такое случилось и с остатками сведений о царских посещениях ярославского края. Они касаются Ярославля и Рыбинска и в своём рассказе об александровском веке мы, наверное, не сможем ими пренебречь по двум существенным причинам. Первая такова, что в этих встречах принимали участие и мышкинцы (об этом упоминается). А вторая заключается в том, что сама народная атмосфера таких встреч была во многом вполне родственна, что в Угличе, что в Мышкине, что в Рыбинске или Ярославле. Потому нам и кажется важным обратиться к таким упоминаниям.

Кроме сведений чисто официальных, до нашего времени дошла и такая публикация как «Воспоминания очевидца о посещении Императором Александром Александровичем III г. Ярославля в 1881 году». Она интересна живостью и непосредственностью своего рассказа обо всём виденном и слышанном в тот день.

Автор сразу заявляет о своей сердечной растроганности и о сильном впечатлении от всего происходившего: «Живу шестой десяток на свете, не раз имел счастье быть очевидцем Высочайших посещений, но никогда не видал, да и не представлял себе ничего подобного этому посещению. Никогда не забуду этого глубоко затрагивавшего душу зрелища». И официальные материалы и упоминаемый нами очевидец внимательно прослеживают весь ход ярославского события, от самого его начала: «Наконец послышались издали и быстро разрослись раскаты несмолкающего “ура”. Точно искрой

электрической дрогнуло всё существо ожидавших…»

Все письменные свидетельства об этом дне отмечают как общую радостную взволнованность встречающих, так и большую душевную простоту общения царской семьи и ярославцев. Простые и понятные слова говорил царь, просто и открыто общалась с людьми императрица, простые и душевные слова говорили встречавшие их люди.

Таким было даже и обращение к царственным гостям Владыки ярославского и Ростовского Ионафана. Никаких церковных славянизмов, никаких заумностей и книжных сравнений: «На долю жителей отдалённых от столицы городов редко может выпасть счастье лицезреть Тебя, Благочестивейший Государь и царственную семью Твою…», и Владыка завершил свое совсем недолгое и тёплое приветствие столь же краткими и простыми словами: «Твоё благоденствие составляет наше благоденствие и счастье».

В этой приветственной речи слова «Благочестивейший Государь…» не были данью официальному славословию. Александр III, в сравнении со своими предшественниками, действительно, был подлинно благочестив, и это восхищало иерархов Русской Православной Церкви. И слова приветствия Владыки Ионафана были сказаны от души, без глянца. Да и в целом среди русских людей, кроме разве что верхушки самой космополитичной аристократии, русский Царь оставался почти священным личностным воплощением Государства, озарённым Божиим благословением.

Это самое Государство ещё не было расшатано ни социальными беспорядками, ни революционной агитацией, ни интеллигентским нигилизмом. И ещё далеко было до страшного дня 9 января, когда правительством была расстреляна не столько рабочая демонстрация, сколько вера в царя – народного заступника.

Всё оставалось ещё в немалой мере спокойно и патриархально. И вера в царя-батюшку, и надежда на него, и восторг от встречи с ним ещё оставались в полной своей силе. Потому и общая взволнованность, и общая радость, и раскаты «ура» были искренними. (Кстати, это «ура» гремело везде, где видели царский пароход, а в Романово-Борисоглебске и под Ярославлем толпы народа с таким криком долго бежали за ним по берегу…)

Вспомним, как Александра Александровича встречали в Рыбинске, ещё в бытность его не императором, а только наследником. Позволим себе вновь обратиться к свидетельству «Писем о путешествии Государя Наследника…». Рассказывая о его

ночлеге в Рыбинске, автор говорит о многочисленных пришельцах из ближних и дальних окрестностей этого города: «…многие из них провели ночь на улицах, ни одним криком, ни шумом не тревожа дорогого гостя, многие из них не имели, впрочем, и пристанища, потому что пришли из-за нескольких десятков верст. Здесь сошелся коренной Великороссиянин, собравший и скрепивший во едино нашу матушку Россию. Пришёл он из Мологи, из Мышкина, из Романова…»

Вспомним, что в этой же части «Писем» рассказано о глубочайшей растроганности нашего городского головы Т. В. Чистова, не осушавшего счастливых слез при встрече с Александром Александровичем. Тогда всё ещё было исполнено сердечной непритворной радости.

В представлении простого люда не только Царь-Батюшка (защитник и заступник, государь Милостью Божией!) но и вся его семья и даже вся императорская фамилия являлись людьми, осененными божественной благодатью, озарёнными благословлением Божиим. И хотя бы издали увидать их, быть в числе многочисленных встречающих было для простых людей (особенно крестьян) проявлением великой благосклонности судьбы, великим её даром. Так семья моего прадеда Зиновия Тимофеевича из дальней мышкинской деревни Левцово пешком за сорок вёрст отправилась в Углич, прослышав об ожидавшемся приезде туда членов императорской фамилии.

Оставив свои срочные полевые работы, поручив всё хозяйство добрым старикам-соседям, они вместе с другими земляками отправились в Углич по старой Питерской дороге, на которую всё выходили и выходили люди из многих других селений, чтобы идти в Углич и обрести счастье лицезреть «цареву ближнюю родню».

Должно быть, точно таким же было настроение «очевидца» ярославской встречи. Он говорит: «Невольно думалось, вот когда Бог привёл воочию стать и всею душой любоваться и благоговеть пред живою и животворною картиною в истом исторически русском духе: воистину впервые имел небывалое счастье видеть русского Царя-Батюшку и Царицу Матушку…»

Очень впечатлило «очевидца» посещение царской семьёй женского училища для девиц из духовного сословия. Он постарался, насколько мог, выразительно рассказать о самых волнующих минутах той встречи: «Воспитанницы не то что окружали, но просто облепляли Государя и Государыню, на душе шевелилось, будто видишь пред собою что-то вроде давно жданного, но внезапно наступившего, и потому особенно радостного, свидания добрейшего Отца и любящей Матери с

горячо любимыми детьми. Воспитанницы наперебой целовали руку Государыни, и Она вся, видимо, растроганная такой смелой и искренней их радостию, Сама, сияя добротой и столь же искренним благоволением, осчастливила каждую и словом и тем пленительно-ласкающим взором, о котором говорят во всей России».

Некоторые из воспитанниц бросались к Государю, чтобы поцеловать Его руку, но Его Величество поднимал её и с ласковой улыбкою повторял: “Только не у меня, только не у меня!” Когда воспитанницы с настойчивостью сердца, спросили Его Величество: “А у великих князей можно?” Государь тем же отцовским тоном ответил: “А у них и по возрасту не нужно”. Теснясь около матери-Царицы, воспитанницы бережно подбирали лепестки роз, падавшие из букета. Заметив это, Ея Величество нарочно отряхивала букет, чтобы каждой досталось по лепестку».

Видно, что автор находился среди тех, кто мог быть допущен в совсем недальнее окружение встречающих и сопровождающих царскую семью, им увидены и запомнены моменты, точно передающие атмосферу события. Вот одно из таких упоминаний: «Позади их Величеств мне удалось подслушать такой возглас: “Господи, какое счастье! Какие у них глаза! Не знаешь, которыми больше любоваться!”»

В нашем понимании, оно исключительно драгоценно, каждый из царственных супругов, действительно, обладал даром взгляда поразительней силы и в последующих главах мы об этом ещё станем говорить больше и понятней. А сейчас лишь касаемся этого Божьего дара, очаровывающе действовавшего на простых людей и едва не сказочно возвышающих Царя с Царицей.

Император Александр III обладал счастливой способностью при встречах с простыми людьми проявлять большую доступность обращения, при этом сохраняя величественность. И его супруга всегда угадывала настроение царя и с искренним старанием поддерживала его. «Очевидец» свидетельствует и о таких моментах встречи. Так, к начальнице училища Е. П. Шиповой Царь обратился почти по-дружески: «Давно мы не виделись, с шестьдесят шестого года я не был в училище» и очень приветливо беседовал с нею. Ощущение сердечной доступности было так велико, что «при обратном шествии Их Величеств в одном месте коридора сделалось так тесно, что вуаль Императрицы запуталась между воспитанницами, и Ея Величество должна была приостановиться. Одна из классных дам приняла это за непростительный беспорядок и, спеша приостановить его, как бы в извинение воспитанниц волнующимся голосом осмелилась сказать Государыне: “Простите, Ваше Величество! Но мы так

счастливы, что не помним себя от радости". Отвечая на эти вырвавшиеся из сердца слова милостивой улыбкой и приветливым наклонением головы, Ея Величество изволила сказать: "И мы очень рады быть здесь".

Войдя в одну из больших светлых зал в семь аршин высоты, найдя её почти пустою и получив ответ от доктора и смотрителя училища, что это спальня и что спальная мебель за отсутствием воспитанниц вентилируется, Его Величество изволил спросить о числе кроватей и кубической вместимости воздуха и одобрительно прибавил "прекрасно". Проходя по зале и подойдя к одной из растворённых дверей, Его Величество изволил спросить: "А здесь что?" Едва доктор-смотритель ответил, что это жилая комната классной дамы, как у этой дамы вырвалось из сердца: "Ваше Величество, осчастливьте меня, войдите в мою комнату".

Государь тотчас вошёл, нашёл комнату "прекрасной" и милостиво расспросил даму, где она воспитывалась, давно ли служит в училище и сколько в её классе воспитанниц. Едва вышел Государь, как в ту же комнату изволила войти Императрица с Великими Князьями, подала руку классной даме, выразила одобрение простому убранству комнаты и сказав в заключение: "Какая миленькая комната, и какой у вас прекрасный вид из окна".

Нужно ли прибавлять, что счастливица классная дама на другой день праздновала шоколадом своё счастие и не перестаёт, да и едва ли перестанет повторять, что одной её комнате выпало на долю Высочайшее посещение. Но всего не перескажешь, потому что не всё же пришлось видеть и слышать».

Но все же «очевидец» смог увидеть и оценить отнюдь немало. А самое главное, он мог видеть открытое и дружелюбное настроение этих встреч. Видеть и слышать это довелось и представителям Мышкина и, конечно, нашему предводителю дворянства. Тогда в нижнем этаже здания училища, в его актовом зале, царской семье были представлены уездные предводители дворянства. Повествование об этом много сдержанней и суше, нежели рассказ про общение с учащимися и чаепитии у Елизаветы Павловны Шировой и о приёме крестьянских депутатов села Великова. Царь и в этом случае умел внести во встречу с простыми людьми уместную и искреннюю простоту и доступность.

Крестьяне «имели счастье поднести Его Величеству кусок тонкого полотна, Ея Величеству – кусок такой же тонкой новины, а Их Высочествам – по куску носовых платков – все превосходной крестьянской работы. Милостиво приняв эти работы и сказав за

них Царское “спасибо”, Его Величество изволил сказать: “Объясните же Государыне, который кусок Мне и который Ей”. Ея Величество также удостоила крестьян милостивей благодарности…»

И во всём этом, большом и красивом, многолюдном событии торжественность не только не преобладала над тёплой простотой общения, а решительно уступала ей. Кажется, в этом случае как бы и не имелось официальной многозначимости, а царствовала самая непосредственная доступность, сама собой устранявшая холодность и отчуждённость.

Стоит припомнить, что со старенькой начальницей училища император здоровался и беседовал очень дружественно и тоном приветливым и радостным. «Очевидец» отмечает, что после того, как Государь приложился к иконе и продолжал «милостиво и донельзя просто беседовать с Елизаветой Павловной как со старой знакомой». Он шутил с учащимися, не допуская их ни к своей руке, ни к рукам своих детей. Когда старенькая начальница «волнующимся голосом» просила не оставить училище своей милостью даже и после её кончины, царь доброжелательно заверил её в своём обязательном внимании к этому учебному заведению и сердечно благодарил «за всё, что видел». А Императрица обняла старую начальницу, поклонилась её воспитанницам и не раз повторила, что «очень тронута всем, что видела».

Добрая расположенность царя ко всему виденному и ко всей трогательной встрече с прошлым (с шестьдесят шестым годом!) тепло отразилась и в его прощальных словах: «До свидания, быть может до скорого свидания». Во всём этом не было и тени официоза, во всём этом светло жили искреннее почитание Царя и Царицы и искреннее восхищение их царственными красотой и величием.

Мы, не имея подробных описаний встречи Александра Александровича и Великого князя Владимира в Мышкине, прибегли к рассказу об атмосфере такового события в Ярославле, справедливо полагая, что она по всем обстоятельствам соответствовала встрече у нас. А может быть, в малом уездном городе непосредственности, трогательности и взволнованности было и ещё больше.

Как лучше завершить эту часть нашего повествования и в целом весь мышкинский раздел нашей книги? Наверное, словами о том, что в век Александра III во всей России, а особенно в её Провинции, были не утрачены и не поколеблены вера в светлое величие верховной власти и чувство царского единства русским простым всенародством. И тринадцатилетнее правление Царя-

Миротворца достойно поддерживало и укрепляло эту веру и это чувство. И в следующей главе нашей книги мы постараемся быть внимательными ко всем главным делам и средствам, которыми это достигалось.

Главные дела и средства

В предшествующей главе мы коснулись вопроса желательности хорошей связи правителя с обществом своей страны и высказали сомнение, что в России второй половины XIX столетия такое общество, кажется, ещё не сложилось. (Не только выкристаллизировалось, но даже и не оформилось достаточно ясно…) Неким гражданским обществом желала заявлять себя тогдашняя российская элита. Но если вести речь о ней, то она совсем не являла собой хоть бы заметного идейного и мыслительного единства. Отчетливо просматривались лишь три совсем не единых общественных настроения. Попробуем разглядеть основную суть каждого из этих «течений».

Очевидно, сразу нужно сказать, что большая часть творческой интеллигенции (а особенно писатели) откровенно сочувствовали революционерам и желала скорых революционных перемен. Она считала террористов-народников провозвестниками желанного нового мироустройства. Им сопереживали, их жалели, им покровительствовали и нередко весьма серьёзно помогали.

Ярчайшими выразителями этого сочувствия, кажется, можно назвать великого писателя Льва Николаевича Толстого и выдающегося русского философа Владимира Сергеевича Соловьева. Их обращения к императору Александру III – это подлинный манифест всепрощения террористам и полного признания их едва не богоблагосклонности.

Сегодня, когда мы располагаем гражданским горьким опытом русских революций, мы можем ясно понимать, какое громадное дезорганизующее влияние эти люди оказывали на русскую интеллигенцию, а особенно на её разночинную часть, по сути даже интеллигенцией ещё на ставшую.

Очевидно, нужно особо остановиться на личностях знаменитых авторов обращений к императору. Мы не сможем чего-либо нового или весьма существенного добавить к образу Льва Николаевича Толстого, к его величайшей знаменитости для всей читающей России. Но непременно мы должны сказать, что сегодняшний день отчетливо показал глубину гражданско-христианских ошибок великого классика. За великой истинной любовью к ближнему он не смог рассмотреть ещё более великую истину любви ко всей России.

А любовь к Отечеству в первую очередь требует заботы о его разумном государственном устройстве, его законах, его твердом порядке. Вот от этой заботы классик в своих исканиях очень далеко откачнулся, и его обращение к царю оказывалось

враждебным и человеческой справедливости и законному порядку.

А о В. С. Соловьеве сегодня хорошо знает уже не каждый простой русский читатель. И нам уместно будет напомнить главные вехи его философских исканий.

Очевидно, стоит упомянуть, что уже само детство в замечательно просвещенной семье известного историка и полученное мальчиком элитарное воспитание во многом помогли развитию очень тонкого подхода к главным вопросам европейской духовности и всей европейской цивилизации. Соловьеву была свойственна особая творческая зоркость в отыскании ориентиров духовного развития России и Европы. Но одновременно ему был свойственен и немалый идеализм в восприятии путей к достижению таких целей. Уже современники философа в немалой мере осуждали «мечтательность» его умозаключений и их глубокий отрыв от суровых реалий жизни.

Таковых соловьевских «мечтаний» было немало, а пожалуй особо сильное неприятие российской читающей общественности пробудили его призывы к некоему «вселенскому синтезу», примирению и последующему слиянию главных мотивов русской государственности с главными принципами общехристианской духовности. Упрощая это учение, можно говорить бы о том, что Соловьев мечтал о некоем соединении сути русского самодержавия как носителя мирской власти с сутью римского папского главенства как носителя власти духовной.

Соловьев полагал, что такой синтез двух верховных властей сможет обеспечить христианизацию всего мира и установление вечных благ и глубинных духовных отношений между всеми странами и народами.

А другим «мечтательным» действием философа стало его обращение к императору Александру III о прощении убийц его отца. Этот призыв оказался почти совершенно единомысленным с нравоучениями Льва Толстого о непротивлении злу силой. И он едва не дословно совпадал с его письмом к царю.

Получалось, что главные светочи русской просвещенной общественности напрямую заявляли о всепрощении. О признании едва не святости поступков террористов, а фактически о полной капитуляции власти перед ними. То есть перед неограниченным правом бомбы и револьвера. Так что же с этим обществом, что ли, императору следовало бы идти на соглашение, жертвуя законным порядком в стране?

А ведь имея в виду Толстого и Соловьева нужно понимать, что в этом случае речь шла о людях, которые признавались подлинными вершинами русской гуманистической мысли. А что

было чуть ниже этих «вершин»? А там была столичная элита, которая ко времени высшей фазы разгула терроризма совершенно утратила не только контроль за жизнью страны, но и способность мыслить трезво и решительно. Вышеприведенные слова о «банкротстве Петербурга» относились именно к этим людям. Это очень меткое наблюдение и не менее меткое высказывание были совершенно справедливы по отношению к веку Александра III…

Но разве только к нему? Ведь все мы хорошо помним, что даже и при поздней советской власти происходило почти точно то же самое. А именно – чем выше был властный этаж, тем хуже оказывался образовательный и творческий уровень кадров. Талантливые люди с низов населения на эти этажи попадали достаточно редко и с немалым трудом. Стареющей и стагнирующей власти «нужны были не таланты, а лояльности». Это слова современного политолога Сергея Волкова. И они справедливы не только для позднего советского периода нашей истории и не только для правления Царя-Освободителя, но, к сожалению, и для царствования Николая II. Ни императорский двор – ни вся столичная элита в те времена не явили стране ни мудрости, ни решительности.

А ведь вся здравомыслящая и законопослушная Россия к моменту восшествия на престол Александра III ждала от власти именно этого – твердого и решительного наведения порядка в стране, уставшей и от реформы и от террора. Население желало спокойствия жизни и её устойчивости и всем видного и понятного её хозяйственного продвижения.

Всего этого ждали, конечно, не от столичных элитариев, а от Государства и в первую очередь от Государя.

При Александре II ни такой смелости – ни такой решимости не случилось, и многие россияне сожалели об этом. И сознавали, сколь самоубийственным может стать путь соглашательства и капитуляции, к которому призывали «светила русского гуманизма». Может быть, особо точно об этом в своё время высказался весьма близкий ко Двору князь И. Д. Жевазов: «Императорское правительство честно и благородно насколько умело и могло, отбивало поклоны и атаки революционеров и стремилось предотвратить гибель России. Кто же виноват, что глупое общество с писателями во главе не понимало положения вещей и поддерживало не правительство, а революционеров?!»

Увы, среди этих самых «непонимающих» были и многие (если не большинство) флагманы русского крупного предпринимательства. Хорошо известно, что, например, Мамонтов, Морозов, Хлудов и своим сочувствием, и своими средствами почти открыто поддерживали революционеров. То

есть против законного правительства фактически почти едино с революционерами выступала и предпринимательская элита России. И в её числе оказывались и многие крупные предприниматели-старообрядцы, чьи деньги тоже ощутимо потрудились для расшатывания, а потом и разрушения империи. Как нам сегодня оценить этот путь, избранный предпринимательской элитой? Едва ли это было их строго осознанным выбором, то есть полным идейным согласием с террористами и социал-демократами. Скорей это было плохо скрываемым желанием напрямую прийти к власти. К непосредственному участию в ней. А может быть и не вполне осознаваемое желание как-то мощно, неординарно и судьбоносно проявить себя, дать выход своему куражу, своей (почти разинской или пугачевской) энергии?

Но, так или иначе, а необузданные террористы, великие гуманисты и видные предприниматели фактически оказывались по одну сторону баррикады. И это совершенно неформальное, но крайне опасное единство угрожало смести имперскую Россию со страниц истории.

В те дни государству и Государю как никогда требовались твердость и решительность. Смог ли их проявить новый правитель России? На это надеялись все реально мыслящие люди страны. И именно такую надежду очень ясно выразил К. П. Победоносцев: «…история свидетельствует, что самые существенные плодотворные для народа и самые прочные меры и преобразования исходят от центральной воли государственных людей или от меньшинства просветленного высшей идеей и глубоким знанием».

Может быть, ещё ясней и выразительней впоследствии писал об этом Н. А. Бердяев, уже располагавший горьким опытом русских революций: «Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его».

И, продолжая эту мысль, философ пояснил, что для такой страны как Россия слишком мало будет одного «того что было». Он подчеркивал, что «охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истина же вера есть лишь у свободных».

Мы полагаем, что здравомыслящее общество и ждало именно смелого и искреннего творчества. Творчества со свойственной русским людям надеждой. И Бердяев опять же особо подчеркивает такое качество русского народа: «Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым».

Стало ли при Александре III таким «организатором» русское государство, смогло ли оно быть «положительной мощью

русского народа» и олицетворением «смелого и искреннего творчества»?

Мы полагаем, что царствование Александра III смогло продемонстрировать эти способности уже с самых своих первых дней. М. Н. Катков об этом сказал с изумительной точностью, что «правительство вернулось. Что отличительной чертой правительственной политики сделались связность и последовательность основных мероприятий, твердое проведение их в жизнь».

Уже сама решительная непримиримость императора к террористам, уже их неуклонное преследование и уже само появление «Положения о мерах при охране государственного порядка и общественного спокойствия» ясно сказали об этом. «Временные правила», очевидно, явились лучшим ответом на разгул террора и смятение населения, лучшей реакцией смелой и решительной государственной самообороны. Беззаконность пресекалась сразу и бесспорно.

А что касается «светил русской гуманистической мысли», то здесь лучшей иллюстрацией царского отношения к ней может стать «вопрос Льва Толстого», возникший у придворных. Царское окружение, а особенно придворная элита настойчиво склоняли Александра III вызвать во дворец графа Толстого за его вызывающее поведение. Тем более что и сам классик желал встречи с императором и даже досадовал, что его «не призывают к ответу!».

Но император спокойно ответил своим советчикам: «Пока я царь, Толстого не тронут!» Этим самым он ясно показал, что не станет обращать строго внимания на идеалистические заблуждения великого писателя. (Его талант выше его заблуждений!) И одновременно нежеланием такой встречи царь не менее ясно показал, что в этом мире каждому нужно заниматься своим делом. Императору – своим, писателю – своим. И что вопросы творческих исканий Льва Толстого не могут быть равными вопросам императорской компетенции.

Новый император своим решительным отказом от встречи с самым признаваемым русским писателем отнюдь не проявил высокомерия или глубокой отчужденности от мыслей и чувств интеллигенции, а скорей проявил обостренное чувство личной ответственности и присущий ему здравый смысл. Очевидно, царь не обязан углубляться в анализ высоких гуманистических подходов к преступлению и наказанию, а обязан исходить из норм законности и государственной целесообразности. Современники нередко подмечали известную негибкость его мышления и случавшуюся неготовность к компромиссам, но

никто не отрицал его государственного здравомыслия.

Среди современников Александра III было немало тех, кто не одобрял и даже сильно порицал близость царя к славянофилам. Но и эти люди признавали, что эта склонность к славянофилам (и особенно к русским) и их ценностям никак не говорила о его желании идти путем славянофильской «соборности». Нет, его известное славянофильство никак не мешало ему оставаться самодержавцем. И, очевидно, на том историческом перекрестке жизни России именно это и было необходимо.

Сколь не демократичными были «контрреформы» Александра III? Внешне они выглядели весьма и весьма реакционными. Для примера можно взять положение с городским самоуправлением. После александровской «контрреформы» число избирателей в городах резко понизилось. Например, в Петербурге с двадцати одной тысячи до восьми тысяч человек, а в Москве – с двадцати до семи тысяч. Казалось бы, катастрофическое сжатие гражданских прав и свобод и полное скукоживание городского самоуправления. Но в реальности всё было точно наоборот: города обрели органы самоуправления, где стали вести всю гражданскую деятельность материально крепкие люди. Их больше не равняли с неимущими, и эти состоятельные горожане почувствовали вкус к власти и возможность более уверенного обустройства своих городов.

Всё очень схоже и в крестьянском и земском самоуправлении. В крестьянский мир государство сколько-либо основательно не вступало, и здесь почти всецело сохранялось крестьянское «обычное право», в котором решающими оставались не сила законов, а сила традиции.

А земство не оказалось сильно перестроенным, здесь тоже возросла роль людей материально обеспеченных и реально способных по-хозяйски здраво мыслить и разумно обустраивать свои города, уезды, губернии. Более того, земство добивалось серьёзных успехов в вопросах развития цивилизованности своих территорий, в этих трудах оно совершенствовалось и взрослело, неуклонно повышая свой авторитет и набирая свою гражданскую значимость. И, очевидно, не ошибался Витте, полагавший, что дальнейшее развитие земского дела, в конце концов, совершенно мирным путем приведет страну к конституционному строю. Подводя итог размышлениям этой главы, уместно будет сказать, что все главные действия внутренней политики Александра III отнюдь не были выдуманы и предложены им самим. Нет, они все и обсуждались и предлагались ещё при Александре II, но у Царя-Освободителя не нашлось ни смелости идти этим путем – ни способности крепко держать в руках управление грандиозной

империей, вступившей в период великих и сложных перемен. Но этими качествами уверенно обладал его преемник Император Александр III.

* * *

… Каждый человек – это целый мир больших ли – малых ли идей, страстей и представлений о жизни и о своём месте в ней.

Каждый человеку – это целая «вселенная» исканий и устремлений, мысленных и чувственных обретений и твёрдо воспринятых понятий о её смысле.

Каждый человек – это великая непростота дарованных свыше способностей и одновременно с ними проявившихся недостатков: это удивительное соседство благого и неблагостного, и каждый человек – это и яркий успех, и одновременно немалый успех творения Жизни.

Есть ли в литературе задача трудней, нежели писать о человеке? Полагаем, что трудней этой задачи в книжной словесности ничего нет. По сравнению с нею всё остальное воспринимается гораздо более лёгким и посильным. Пока литератор ведет рассказ о внешних событиях судьбы человеческой, его путь вполне ясен и достаточно ровен, его взгляду свободно открываются и былое, и нынешнее, и его перо легко летает по ещё чистым страницам. Но как только доходит дело до внутреннего мира героя, его повествований, а даже и до общей характеристики его душевных свойств, так исчезают и ровность пути, и ясность взгляда, и тяжелеет перо, словно к нему тягость великую привесили. А страницы его писания перестают быть привлекательно чистыми, они уже пестрят поправками, переделками, вычерками, да порой так и не складывается их строй в гладкое изложение главного рассказа, то есть в словесный портрет неповторимого душевного облика своего героя. Господи, как же бывает трудно идти к верному рассуждению о нём! Вот с этой великой трудностью мы и повстречались, когда подошли к рассказу об императоре Александре III как правителе и человеке.

Как же легко и приятно нам было вести непринужденное изложение воспоминаний современников о касаниях судьбы императора к бытию нашего города и нашего края! Приятственное было писание… А далее-то, как быть?! Ведь перед нами открылась громадная задача – разумно и связно рассказать о человеке, громадном своими делами и замыслами; о человеке, душевно очень отличном ото всех своих предшественников и потомков; о человеке исключительно близком к русской

национальной душе и русскому национальному характеру…

Чтобы хоть сколько-то достойно соответствовать рассмотрению этой задачи, мы допытались найти для себя возможно более посильные пути к ответам на обозначенные вопросы и поделить этот раздел нашей книги на отельные главы, каждая из которых сможет говорить о какой-либо из значительных сторон правления и бытия императора. Их, этих глав, оказалось много (от дел политических до отношений семейных!) Но начать, очевидно, следует с того, что для Государя является главным – с искусства правления. Попытаемся этому следовать.

Раздел II
Характер правления

…Помните, уважаемый читатель, что Александр Александрович Романов взошёл на российский престол при сокрушительно горестных обстоятельствах: убийстве «народовольцами» его отца, императора Александра II. Страшный день 1 марта 1881 года потряс российское общество и опрокинул общественные настроения во всеобщее замешательство и в великую растерянность. Казалось, что управление государством совершенно выпало из рук власти, которая и сама была тяжело поражена громом страшного злодейства. Растерянность и бессилие поразили весь верхний эшелон государственного управления.

Вот в такой обстановке сын погибшего Государя принимал на себя решение трудной задачи: не поддаться скорби и унынию, не впасть в безверие о российском обществе и вывести страну на путь надежного порядка.

Готов ли он был к этому? Трудный вопрос. Изначально Александра Александровича не готовили к престолу, который естественным образом предназначался его старшему брату. Поэтому о серьёзной разносторонней подготовке Александра к управлению государством беспокоились мало. Даже достаточная образованность оказалась не вполне достигнутой, что впоследствии он и сам хорошо сознавал. Конечно, после безвременного ухода его брата из земной жизни Александра стали готовить к престолонаследию, с 1865 года его старались, как можно ближе, знакомить с экономикой, национальной духовной культурой и военным делом. Александр был добросовестен в изучении этих дисциплин, но отнюдь не увлечён ими и вовсе не мечтал о восшествии на российский престол. И его подготовку к царствованию многие современники тогда вполне обоснованно считали недостаточной.

Как же он начал царствовать в дни всеобщего смятения, в дни гибели российского самодержца, во время, когда борцы «за народное дело» едва не каждый день кого-то убивали, и им немало сочувствовала российская интеллигенция. Более того, многие её представители поддерживали народников со всей увлечённостью и искренностью! Достаточно вспомнить, что их едва не святыми видели такие выдающиеся творцы русской культуры как великий писатель Лев Толстой и великий философ Владимир Соловьёв! Как и что в таких обстоятельствах было

делать преемнику убитого самодержца?!

Деморализация власти в те дни была такова, что в немалой мере был утрачен хоть какой-то контроль за оперативными действиями народников. И лишь едва не случайно в первые дни после смерти Александра II (уже 5 марта) был обнаружен пятидесятикилограммовый фугасный заряд на углу Малой Итальянской и Невского проспекта, то есть буквально поблизости от Аничкова дворца, где в то время жил Александр Александрович. И в те же дни напротив дворца арестовали Софью Перовскую, готовившую покушение на наследника престола! Казалось, что народовольцы вездесущи и никакая сила от них никого не спасет. Да и если не вся свободомыслящая интеллигенция едва не боготворила их самопожертвование и их гремящий по всей России террор…

На кого и на что было опереться в те горестные и безумные дни начинающему правителю гигантской страны, которую закачало, словно на всемирной силы волнах? Самые близкие люди, составлявшие его двор, когда он стал Наследником – это граф С. Г. Строганов, генерал О. Б. Рихтер, князь В. А. Барятинский, князь В. П. Мещерский, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и другие – все пришли ещё из прежнего времени, и, казалось, были не слишком подходящи для сегодняшних, совсем иных обстоятельств: крайней потрясенности государственного аппарата и крайней опасности для государства. Как никогда дотоле, со страшной силой появилась всеразрушающая сила русской революционности. Это очень точно подметил М. А. Бакунин, сказав, что русский нигилист переживает свою разрушительную работу «как творческое наслаждение» и испытывает мучительное удовольствие от тоски по концу существующего мира. Кстати, уже не извечная ли это болезнь русской интеллигенции, ведь некоторые ещё у Гоголя усматривали нечто подобное…

И вот в этой, казалось бы, бесспорной обстановке уже на следующий день после погребения Александра II был обнародован манифест об основных принципах внутренней и внешней политики нового императора. Он предельно четок и ясен. И сразу стала понятно, что с широкой либерализацией будет покончено и от либеральных витийств государство перейдет к насущным созидательным делам. Стало ясно, что новому венценосцу будут нужны не рассуждатели, а работники-практики, профессионалы своего дела.

Кого новый Государь призвал для государственных практических дел? Стоит внимательно поглядеть на основные посты в его Комитете министров. Его председателем стал

М. Х. Рейтерн. Михаил Христофорович в своих экономических взглядах исходил из мнения, что благосостояние государства может держаться лишь на хорошем достатке его населения и достойном развитии производительных сил страны. Он сам был искушённым практиком банковского дела и смог к середине 70-х годов XIX века добиться бездефицитности российского бюджета.

Новый император возвратил его на государственную службу и поручил Михаилу Христофоровичу председательство в Комитете министров, состав которого тоже говорит о многом. Назовём основные посты и тех, кому они были поручены.

Министерство путей сообщения. Его возглавил князь Михаил Иванович Хилков, человек необычной судьбы, проведший молодость в США, имевший там большой опыт труда на самых простых работах, например, в рудниках Пенсильвании.

Министерство финансов. Им стал руководить профессор Иван Алексеевич Вышнеградский, талантливый экономист, оригинальный мыслитель по финансовому делу. Он смог очень серьёзно усовершенствовать и укрепить русское финансовое дело и немало помог развитию промышленности.

Военное министерство. Оно было поручено генералу Петру Семеновичу Ванновскому, которого император хорошо знал по его участию в русско-турецкой войне и верил в его хорошие знания, опиравшиеся на практический опыт боевых действий.

Морское министерство. Его руководителем был назначен адмирал Иван Алексеевич Шестаков, дотоле широко известный непримиримой критикой состояния нашего флота и даже высланный за это за границу. Его возвращение обещало большие полезные новшества.

Министерство внутренних дел. Его возглавил граф Дмитрий Андреевич Толстой, человек крайне не либеральных взглядов, проповедавший жесткие ограничения всех хоть сколько-то демократических, гражданских свобод. Вот в этой кандидатуре всех ярче проявилось намерение нового Государя жестко откорректировать великие реформы от отца и немало «подморозить» царившую в стране «ростепель». Однако граф Толстой был близок к императору и ещё одной существенной стороной своих взглядов – настойчивым требованием постоянной государственной заботы о сельском населении страны.

Министерство иностранных дел. Многих современников удивило и опечалило назначение министром Николая Карловича Гирса. Все знали, что он не блещет остротой и самостоятельностью политического мышления и не отличается дипломатическими талантами, а отличается лишь безукоризненной исполнительностью. Очевидно, Государь и

ожидал от своего министра иностранных дел именно такого профессионального достоинства. И в этом Гирс его отнюдь не разочаровал, волю царя он всегда выполнял прямо так с «железной» стойкостью, не смущаясь никаких возможных международных осложнений.

Прогрессивная Россия расценила такой состав Комитета министров как первый шаг царя к решительному «закручиванию гаек» в российской общественной жизни. Так всё и случилось: последовал запрет ряда периодических изданий, ограничение университетской автономии, предоставление полиции дополнительных полномочий.

«Временные правила» о печати, усиление цензуры, увеличение в судах процента заседателей от дворянства, отмена выборности земских начальников и ужесточение контроля над земствами в городах (всё это для либеральной части населения России явилось ничем иным как откровенными контрреформами). И, с либеральной точки зрения, это определение было совершенно точным. Но, по происшествию времени с тех пор, сейчас историки всё чаще ставят вопрос так: что это было – контрреформы или коррекция великих реформ? И многие исследователи полагают сегодня, что это была именно строгая, но разумная коррекция.

Доказательств этому сегодня уже очень много. Возвращаясь к кадровому вопросу при формировании высшего эшелона имперской власти, стоило бы отметить, что практически во все его звенья, кроме первых фигур, уже хорошо известных всей России, были привлечены новые люди, это чаще всего были умелые практики. Уместно привести два убедительных примера: товарищем министра путей сообщения стал С. Ю. Витте, а к разработке экономических программ привлекли Д. И. Менделеева.

Такой подбор кадров делает честь новому императору. И нужно отметить, что он всегда был озабочен подбором способных работников и нередко после долгих размышлений нерадостно говорил: «Как труден выбор людей! Но я думаю, что нужные сотрудники всё же найдутся…» То есть эту работу он старался проводить вдумчиво, отнюдь не рубя с плеча.

И так, созданием Комитета министров Государь начал перевод страны на путь коррекции реформ. Но перед ним неотложно стояла и другая (гораздо более срочная!) задача – решение судьбы террористов, убийц его отца. Вся благонамеренная Россия ждала и требовала самых суровых мер наказания. А вот властители дум её, интеллигенция, желали совсем противоположного – помилования и примирения! В эти

дни и случались знаменитое письмо Льва Толстого к императору и публичное выступление Владимира Соловьева об их полном прощении!

На оба эти удивительных воззвания, на письма к императору сразу же отозвался обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, умоляя правителя России не поддаваться на подобные увещевания о прощении убийц. Он заклинал царя: «Злое семя вырвать можно только борьбой с ним на жизнь и на смерть – железом и кровью!»

Какое решение на этом невероятном перекрёстке мнений и требований мог принять новый правитель России? Его ответ Победоносцеву был красноречиво тверд: «Будьте покойны, с подобными предложениями (О помиловании. – *В.Г.*) ко мне не посмеет никто прийти и что все шестеро будут повешены, за что я ручаюсь!» Так и случилось, и 3 апреля 1881 года в Петербурге состоялась последняя публичная казнь в России.

Так было. И мы полагаем, что было справедливо. И это с достойным мужеством признал впоследствии один из осужденных по делу «Террористической фракции» движения «Народная воля» – Александр Ульянов, старший брат В. И. Ленина. Он сказал своей матери на последнем свидании: «…что не может иначе, что есть цели выше, чем счастье его матери». А когда Мария Александровна сказала ему, что его средства ужасны, ответил: «Что же делать, если других нет, мама. Надо примириться».

К этой мужественной справедливой фразе мы можем добавить лишь то, что группа террористов, в которую входил Ульянов, совсем не смущалась неизбежными большими жертвами со стороны ни в чём не повинных людей, которые каждый раз происходили при террористических актах. Свои бомбы эти злоумышленники начиняли множеством мелких осколков, шариков, обломков, чтобы достигать наибольшего поражающего эффекта. И хорошо известно, сколько простых, самых обыкновенных людей эти смертоносные устройства покалечили… Что ещё, кроме заслуженной смерти, можно было воздать сеятелям этой смерти? Ничего…

Но возвратимся к годам «закручивания гаек». Что об этом думают мыслители наших дней? Их мнения достаточно разноречивы, но в целом все согласны, что великие реформы Александра II были вызваны глубоким застоем николаевской эпохи, и страна нуждалась в серьёзных изменениях своей жизни. Но могли ли эти изменения совершиться вполне мирно? Очевидно, следует признать, что столь глубокие и масштабные новшества, заявленные Царем-Освободителем, могли быть достигнуты достаточно мирно лишь при очень твердом и даже

жестком государственном управлении.

Осуществить таковое правление Александр II не мог уже по своим собственным личным качествам. Ему было не дано установить столь суровый порядок при реализации задуманного, а потому реформы шли при бурном протесте с обеих сторон: и от крайних радикалов, и от крайних консерваторов. Обе стороны российского общества едва не в равной мере не принимали происходящего. А остальное население… А остальное население России в условиях разбушевавшегося, расхлестнувшегося по всей стране террора, в равной мере, было охвачено чувствами боли, ужаса, негодования и полного непонимания того, где же истина и где же выход из страшной мешанины реформ и злодеяний?! Для огромного числа россиян непонятное оказалось едва ли не главной чертой лет правления и гибели Царя-Освободителя. И на таком непроглядном фоне наступавшая эпоха Александра III явилась временем приятных и обнадеживающих действий. Твердость правления сразу и неоспоримо заявила о себе. И, как выражается современный американский историк Д. Схиммельпенninк: «Это стало периодом мирной передышки». Российский историк А. Боханов развивает эту мысль: «Политика 60-х годов слишком “забежала вперёд”. Ещё цесаревичем Александр III видел разброд и шатания правящих кругов в конце 70-х годов и переживал беспомощность власти против террора. Он сразу же занял твёрдую и ясную позицию, вызвавшую энтузиазм и поддержку многих людей. И как-то сразу прекратились все сетования и недовольства».

Да, Александр Александрович, ещё будучи наследником престола, немало сожалел, что в жизни государства болезненно не хватает проявлений властной последовательности и зачастую вместо плановых уверенных действий наблюдается некая поспешная импровизация.

Наше современное российское общество, пройдя большой путь социальных и политических изменений и обретя немалый опыт, наконец, способно понимать, что импровизация нужна, но нужна, так сказать, «в рамках канона», при полном порядке в стране. И это есть единственный надежный способ введения серьезных перемен. Он позволяет всему обществу сориентироваться, освоиться, спокойней перейти в новое состояние всем вместе, сохраняя достаточное согласие и взаимопонимание.

Понимал ли это в такой мере сам новый император? Может быть, и нет, но его реакция на происходящий разгул террора и гибель Царя-Освободителя, должно быть, оказывалась сродни реагированию самому естественному и непроизвольному – «так

отдергивают обожженную руку, так поступают перед внезапно открывшейся пропастью». Мы процитировали слова нашего современника Константина Белова, размышляющего о времени прихода к власти Александра III. Он говорил, что после такой реакции Правителя и Общества наступает, наконец, время размышления, разумных оценок происходящего, время отрезвления от очарования кумирами-ниспровергателями, которые толкнули страну к разверзшейся перед ней пропастью.

После такой спасительной, отрезвляющей реакции наступает время достаточного спокойного анализа общественной жизни и поиска общественных компромиссов. А вслед за этим может открываться новый, дорого доставшийся путь. То есть «приходит очередь мысли и разума».

С такими суждениями, например, вполне согласна современный историк Т. Филиппова, размышляя о том, что «реванш консерваторов в ту эпоху был скорее интуитивен, чем сознателен». Такое происходило в своё время и в Германии, и во Франции (то есть эффект «отдергивания обожженной руки» наблюдался повсеместно, а даже и в обществах, много более зрелых, нежели российское).

И рассуждая в этом направлении, мы решимся сказать, что тогдашнее российское общество являлось не только весьма не зрелым, но во многом ещё и не сложившимся. Ведь существовало не столько обширное и понятное общество, а скорей его отдельные островки, группы и группочки. И если вспомнить обращения либералов к Александру III с призывами идти навстречу обществу, то невольно можно задать себе вопрос: существовало ли тогда ясно сложившееся социальное и политическое общество, навстречу которому и можно бы идти? Думается, что его не было. И, очевидно, главной задачей нового императора был не поиск «под микроскопом» этой, якобы уже имеющейся, великой общности, а отведение страны от гибельной черты.

А близость к *этой* черте ещё долго заявляла о себе – так, в 1887 году, ещё остающиеся силы народников вновь сделали попытку покушения на императора.

И идти навстречу такому «обществу», чьими аргументами были пуля и бомба, явилось погибельной слабостью. И твёрдая последовательность нового императора в наведении порядка одобрили и поддержали все трезвомыслящие люди, все слои населения России. Может быть, понятней многих высказал разумную поддержку Власти великий исследователь Д. И. Менделеев: «Создание нового строится на основе старого. Преемственность может сохраняться только при эволюционном

развитии общества. В связи с этим важно не только сохранить материал – технические основы общества, но и его цивилизационные особенности, его культурно-исторический тип».

И здесь нам уместно сказать, что Александр III громадное значение придавал сохранению национально-исторического типа. Сам являясь глубоко русским человеком, он выше всего ставил задачи сохранения и развития нации. И к этому мы ещё обратимся детальней и внимательней. А заканчивая этот период наших собеседований с читателями, приведем слова нынешнего русского историка А. Боханова, сказанные им об императоре Александре III*: «*Перед нами достаточно цельная натура, человек, вписавшийся в обстоятельства своего времени. Он правил государством удивительно легко и естественно, вполне сознавая при этом всю ответственность монарха. Наиболее сильные стороны его личности – честность и порядочность. Он был очень чутким, отзывчивым человеком, примерным семьянином, безусловно счастливым в семье».

Наверное, мы несколько поспешили коснуться уже чисто человеческих качеств правителя России, но ведь нам всем и всегда далеко не безразлично, каковы качества того, кто стоит у руля громадного «корабля» нашего Отечества…

И возвратимся к характеру правления Александра III. Уставшая от громких событий и сильных страстей, страна желала мира и покоя. Населению больше не хотелось никаких потрясений, большинство россиян ожидало прихода налаженных трудовых дней, спокойствия за свои жизни и обретения добрых надежд на будущее. И новый император своими делами совершенно соответствовал этим надеждам и желаниям. Это был убежденный государственник, последовательный сторонник надежного порядка. Это сближало его со всеми созидателями. (Например, с Витте его сближали именно такие взгляды. Сам Витте считал, что в такой стране как Россия государство может совершить решительно всё, и в экономике оно, в первую очередь, обязано это «*всё*» совершать).

В сравнении с Александром II и Николаем II император обладал несомненным и явным преимуществом – силой и твердостью характера. Человек здравомыслящий и волевой, он не желал быть в чей-либо тени. И тем более не желал становиться конституционным монархом с урезанными правами. Современный историк С. Мироненко называет его «прагматиком на троне» и подчеркивает, что этот монарх проводил политику, максимально приближенную к действительным потребностям страны. Действительно, недолгое тринадцатилетнее царствование Александра III стало подлинной эпохой прагматического

содержания.

И эта яркая эпоха (оставившая после себя множество исторических мифов, верно отражавших её суть) совсем не отличалась ни крайней суровостью – ни тем более – жестокостью, ведь даже после гибели отца Александр III не предпринял никаких массовых репрессий. И тем не менее он смог достигнуть того, что в годы его правления не произошло ни каких крупных террористических действий.

Уважаемый читатель, давайте попробуем посмотреть, как и с какими людьми Александр III осуществлял такой характер правления? Сразу оговоримся, что в молодости будущий император бывал горяч и запальчив, и не обладал умением ладить с окружающими, и бывал способен обижать людей. Он нередко бывал неправ как в общении с конкретными современниками, так и в оценках дел государственных. Один из друзей его молодости князь В. П. Мещерский немало пытался его сдерживать и успокаивать, поясняя, что горячность и несдержанность наследника могут вызвать у людей обоснованные обиду и неуважение, но и неверные представления о его, якобы несомненной, оппозиционности к правительству!

И можно полагать, что Наследнику удалось проделать большую работу над собой, потому что Цесаревич Александр Александрович и император Александр III по своему поведению в обществе – это, во многом, очень разные люди. Император не давал воли своим страстям и постоянно старался быть сдержанным и осмотрительным. А в работе с людьми это – главное.

…Россия – страна необозримая, и многие мыслители полагали, что уже по этой своей особенности она должна быть изучаема, так сказать, «на месте», то есть через поездки Государей по её губерниям. И императоры, предшественники Александра III, это практиковали. Особенно часто и содержательно такими путешествиями по России занимались Петр I и Екатерина II. Царскому поезду по губерниям они уделяли очень большое внимание, их объезды губерний имели своей целью добросовестное исследование конкретных местностей. (Таковы, например, были путешествия Екатерины II в Остзейский край и в Тавриду.)

Будучи наследником престола, Александр Александрович тоже проводил поездки по стране, но, став императором, в условиях борьбы с жесточайшим террором, он не мог поступить так же. Любая таковая поездка несла бы для него опасность не меньшую, чем скажем, появление на передовой линии фронта. В этих обстоятельствах Государь особое внимание стал уделять

отчетным документам, поступающим из губерний, основанным на статистических данных об экономической жизни. Важным рабочим материалом для него стали губернаторские отчёты. Они поступали лично к самому императору, а от него с пометками Государя рассылались по министерствам, чтобы потом вернуться к работе с этими материалами уже на заседаниях Комитета министров. И в те же годы император начал публикацию Сводов высочайших резолюций на отчёты с мест.

Современный нам историк Минаков отмечает: «Не было такого направления внутренней политики, которое не затрагивалось бы в резолюциях Александра III на губернаторских отчетах. Император нередко хвалил (да нередко и ругал) своих соратников, давал советы губернаторам, указывал министрам на важнейшие проблемы местной жизни. Исполнение императорских резолюций на губернаторских отчетах становилось важнейшей очередной задачей правительства». Нужно отметить, что Государь внимательно знакомился с *каждым* губернаторским отчетом. Губернаторский отчёт был для императора и важным источником формирования своих представлений о руководителях губерний, и об их профессиональных умениях и способностях. Качество работы и губернаторов, и министров Государь оценивал строго и не способных либо нерадивых решительно отстранял от дел. По этим происшествиям уместно привести отзыв такого широко сформированного человека как хозяйка одного из великосветских салонов генеральша А. В. Богданова: «У теперешнего царя есть сильная черта – это быстрое удаление людей, которыми он за что-то недоволен. Он быстро выкидывает и близких к нему людей, если узнает про их поступки, не внушающие уважения».

Царь был крайне нетерпим к грязным делишкам и сурово наказывал провинившихся. Так, уличив в таковых махинациях министра финансов Абазу, он прилюдно назвал его «свиньёй» и отовсюду уволил с запрещением занимать руководящие посты такого уровня.

Сумел ли Александр III создать свою эффективную систему государственного управления империей? В основном он сохранил прежнее её построение, но весьма повысил требовательность ко всем эшелонам государственного аппарата. А вот действительность работы управления значительно повысилась. Единственное звено, которое ему улучшить не удавалось – это самое ближайшее, которому надлежало быть между ним самим и Министерствами.

Уже сама природа и сами принципы самодержавия были таковы, что издавна к Правителю всё время шла подлинная лавина самых разных документов, требовавших именно его

собственного рассмотрения и утверждения.

Впервые Александр Александрович с этим столкнулся в 1868 году, когда Александр II уехал в Европу лечиться и оставил управление страной Наследнику, которому тогда исполнилось 23 года. Вот тут будущий царь и узнал, какое море бумаг, в том числе и совершенно несерьёзных (а то и совсем нелепых!) поступает на рассмотрение императору.

Он изумлённо писал тогда брату Михаилу: «…право, иногда смешно становится, какую мелочь приносят Государю, и всё это требует его разрешения. Невольно спрашиваешь себя, как можно было дойти до этого и отчего это произошло?»

Но и унаследовав российский трон, он не смог изменить эту неразумную практику. Как до него российские императоры не имели даже личных секретарей, так и при нём всё замыкалось на самом верхнем уровне власти. Ежедневно на его стол ложились громадные кипы бумаг (как важных, так и малозначительных), и императору нужно было каждый день просмотреть груды всяких отчетов, посланий, челобитных и жалоб. Любопытно, что у Александра III не было даже и признаков своего секретариата, который мог бы взять на себя хотя бы техническую работу. Нередко получалось, что император сам запечатывал конверты и через камердинера отдавал их фельдъегерям. Кстати, и министры работали примерно так же! Из сегодняшнего дня это выглядит явной нелепостью и, во всяком случае, никак не воспринимается нормальным ведением работы. И в поисках ответа на причины такой ненормальности невольно приходишь к мысли, что и царь, и министры… боялись кому-то уступить хотя бы какую-то часть своей власти? (Или же, как мифологический Антей, никак не могли это на кого-то переложить?)

Должно быть, и царь, и министры опасались, что активный и деятельный статс-секретарь при внешнем сохранении самодержавия легко может стать сильной теневой фигурой и станет, по существу, второй (если не первой?!) фигурой в государстве?

Кажется, Александр III задумывался над этими обстоятельствами и, чтобы избежать фактора наличия сильного официального секретариата, одно время выдвигал идею создать некий «приватный секретариат» из самых близких и доверенных лиц. В число таких помощников он включил людей вполне достойных его доверия: графа И. В. Воронцова-Дашкова, генерал-адъютанта О. Б. Рихтера и генерал-адъютанта П. А. Черевина – и просил их помогать в разборе докладов и отчетов.

Но! Но все четверо с глубоким уважением поблагодарили за честь и вежливо… отказались! Кажется, причиной их отказа был

фактор придворной этики, предполагаемые «триумвиры» опасались, что министры воспримут их деятельность как явную примету недоверия к себе и усмотрят в этой троице явных теневых вершителей судеб отчетов и докладов из министерств. Да, кажется, и должных способностей для работы с документами «триумвиры» совсем не имели, так, генерал Черевин был человеком очень простого склада ума и столь же простых жизненных принципов.

Однако Государь повелел им всем четверым заниматься бумагами. И что же? Его избранники не преуспели во вникании в суть и значимость поступающих бумажных документов, а неприятности с министерствами, вполне ожидаемо, начались и «триумвиры» всеподданнейше попросили освобождения от нежеланной им обязанности. «И вы меня покидаете…» – упрекнул их царь и, по причинам присущего ему чувства долга, продолжал единолично заниматься с бумагами до двух-трех часов ночи. Пожалуй, единственное на этом пути удавшееся ему новшество – это введение в Канцелярию Дежурного, а при его Величестве штатной должности журналиста, который должен был отвечать «за связи с общественностью».

Нужно помнить, что Александр III всегда был расположен замечать и продвигать способных людей (пример Витте, должно быть, является самым убедительным), но ему был присущ и определенный скепсис в оценке гражданских качеств современного ему российского общества. И это ясно проявилось в его «контрреформах», например, в судебной сфере, где его весьма печалили действия судов присяжных, которые почти всегда имели живую готовность мирволить правонарушителям и оправдывать явных врагов существующего государственного устройства.

В этом самым авторитетным сторонником императора был К. П. Победоносцев. Например, в 1885 году подал весьма убедительную записку о том, что учреждение судов присяжных для России оказалось делом «совершенно ложным» и совсем несообразным с условиями нашего быта!

И в условиях, когда суды присяжных выносили оправдательные вердикты убийцам-террористам, мог ли император не прислушаться к этому гневному обращению преданного государственника? Ведь действия судов присяжных по своей сути и впрямь немало способствовали «гибельной деморализации общественности» и извращали само существо судебной практики, воспитывая у населения полную небоязнь законов и веру в правоту «бомбистов».

И, очевидно, можно лишь одобрять решения правительства, которые при сохранении института судов присяжных постепенно

изымали из их компетенции разряды наиболее серьёзных и опасных дел?

Кстати, Победоносцева либералы считали неким злым гением царствования Александра III, полагая, что император во многом руководствуется именно советами этого человека. С таковым мнением затруднительно спорить, царь действительно имел немалое уважение к обер-прокурору Синода как к убежденному государственнику и строгому моралисту, но едва ли он смотрел на события русской жизни «из рук Победоносцева».

Вспомним, что при Александре II Победоносцев идеальной государственной системой считал французскую, в своё время разработанную социологом Ф. Ле Пле, согласно которой сословия должны различаться не столько извечными привилегиями, сколь функциями. Константин Петрович находил её верной для реализации. Однако следует помнить, что влияние Победоносцева при Александре III не только не возросло, а неуклонно падало, и император не оставался закоренелым, каким-то неподвижным к нормам и правилам. И он готов был сотрудничать как со всеми сторонниками мирного развития страны, так и с образумившимися противниками. Пожалуй, самый яркий пример тому, это прощение Л. А. Тихомирова и предоставление ему больших возможностей для созидательной работы.

Напоминаем читателям, что историк и философ Лев Александрович Тихомиров в молодости являлся известным и авторитетным революционером. Но, анализируя исторические процессы влияния революционных действий на судьбы государства, он пришел к глубокому осуждению народнического революционного пути и в 1888 году в Париже издал брошюру «Почему я перестал быть революционером?» И в тот же год он подал Александру III прошение о помиловании. Он написал о том, что своими глазами увидел, как невероятно трудно восстановить или заново создать государственную власть, однажды потрясённую или попавшую в руки безответственных честолюбцев.

Лев Александрович полностью раскаялся в своей активной революционной деятельности, просил простить его и разрешить возврат в Отечество. В своём прошении он достойно оговорил, что никогда не будет участвовать в каких-либо практических акциях против своих вчерашних соратников-революционеров, но будет искренне и честно служить сегодняшней монархической России.

Прощение он получил в тот же год. А возвратившись на родину, он стал одним из ведущих публицистов монархического

лагеря и редактором «Московских ведомостей».

На этом примере хорошо видно, что император готов был сотрудничать даже с таким человеком как Тихомиров, который являлся одним из создателей «Народной воли» и одним из её признанных вожаков. (Представим, что могло бы ожидать такого «возвращенца», например, при И. В. Сталине, скорее всего либо достаточно быстрый расстрел – либо столь же скорая Колыма, примеров тому было множество…)

Но многие ли из народников одумались и пришли к мирному сотрудничеству, или хотя бы к мирной жизни в Отечестве? Увы, совсем не многие… А в таких условиях даже само существование императора долгое время находилось бы под угрозой. Его соратники старались обеспечить ему постоянную охрану, с которой он постепенно смирился и, по воспоминаниям близких, стал воспринимать её «как неизбежное зло». Но это «неизбежное зло» было достаточно малопрофессиональным и даже численно совсем небольшим, так, его секретная служба составляла всего двадцать восемь человек. Старших секретных агентов имелось только трое, а младших – семеро.

А, когда в стране стало потише, император велел и это число охраны убавить. И очень ругал её начальника (вплоть до письменных выговоров) за то, что охрана везде желает следовать за ним. Царь считал такую меру «глупой» и «не приличной» и вскоре повелел «Следовать за собою положительно запрещаю». Его очень тяготила и угнетала необходимость иметь меры строгой предосторожности. Начальники охраны это сознавали и пытались разработать систему защиты Государя более аккуратную и малозаметную и для него, и для посторонних. Император ознакомился с их проектом и невесело посмеялся: «Всё это весьма разумно, но где найти людей, способных на такую службу?»

…В данном случае речь шла о службе весьма конкретной – а именно о разумно и цивилизованно охранительной. Но думается, что в тогдашних российских жизненных условиях было нелегко подобрать людей для очень многих важных государственных служб и дел. Ведь страна находилась на роковом пересечении решения неотложных задач своего развития и крайней затрудненности в их скором решении. В своё время Ф. Энгельс назвал такое положение «трагической коллизией, порождаемой противоречием между исторически необходимыми требованиями и практической невозможностью их осуществления».

И трагизм этой коллизии очень многим в стране остался непонятным. Непонятна была невозможность скорых (обвальных) реформ. Непонятна была опасность, идущая от «перестроечной» спешки. Непонятна была и драматическая разобщённость

интеллигентной части населения. И радикалы обеих мастей не могли осознать, что в период реформ крайне опасно взволновать, приводить в движение многомиллионную массу простого люда.

Об этой грозной опасности аккуратно, но решительно сказал В. Г. Белинский: «…ты можешь знать, что не должен знать мужик, потому что эта мысль может сделать тебя лучше, но погубила бы мужика, который, естественно, понял бы её ложно…» Уважаемый читатель, разве не удивительно слышать это из уст «пламенного Виссариона», которого наше старшее поколение привыкло считать заведомым революционером и, безусловно, другом скорейшего и максимального прогресса? Но Виссарион Григорьевич Белинский вовсе и не был никаким революционером, он был принципиально строгим в оценке российской действительности, в оценке желаний и возможностей к её улучшению. И в этих оценках он нередко оказывался вполне единомысленным сторонником твёрдости и порядка со сторонниками ясной определенности, лучшим выразителем которых был император Александр III.

Люди такого склада, как император Александр III, обладают способностью излучать уверенность в себе и умением приказывать. Таким людям, обычно, суждено стать истинными народоводителями и заслуженно обладать подлинной харизматичностью. Весьма хорошо о них сказал Кнут Гамсун: «Человека, который может приказывать, слушаются с восторгом. С восторгом слушались, например, Наполеона. Слушаться – наслаждение! И у русского народа это ещё осталось…!»

Да, норвежский классик в России ещё застал время нерасшатанного послушания и почти неколебимого авторитета верховной Власти. И такая Власть могла в стране установить порядок и уверенно вести национальную мировую политику. Какой эта политика была при Александре III?

Европейская политика (Россия и Запад)

…Когда я горестно листаю
Российской летопись земли,
Я тех царей благословляю,
При ком войны мы не вели.
При ком границ не раздвигали,
При ком столиц не воздвигали,
Не усмиряли мятежей,
Рождались, жили, умирали
В глухом углу, в семье своей.
Мне стали по сердцу те поры,
Мне те минуты дороги,
Те годы жизни, о которых,
Ища великого, историк
Небрежно пишет две строки

Александр Солженицын

…Масштабы российской политики издавна имели отнюдь не региональный, а поистине межконтинентальный характер. Её государственные интересы были в равной мере великими как в Европе, так и в Азии. И основные векторы политических действий имели свою весьма значительную направленность на Юг, Восток и Запад. И если во времена Александра III восточное направление ещё не представлялось исключительно важным, то южное и западное всегда имели первостепенное значение. А на самом первом месте не могло ни быть дел европейских, эта политика всегда оставалась самой главной. Как её понимал и осуществлял император Александр III?

Нередко можно слышать мнение, что у больших политиков уже в молодые годы весьма заметно складываются некие политические симпатии и намечаются ориентиры будущих правительных дел. Может быть… И если посмотреть на молодые годы будущего императора с этой стороны, то ясно увидим, что Александру Александровичу была свойственна яркая германофобия. Более того, к любому немецкому началу он относился весьма холодно и даже с немалым отчуждением. И даже в русской Прибалтике он был весьма холоден с тамошним немецким дворянством и недостаточно внимателен к нему.

В молодости Александр Александрович в великосветском общении нередко проявлял несдержанность и излишнюю откровенность. Так, во время обострения отношений между

Францией и Германией, он не скрывал горячих симпатий к французам, и в свете стали хорошо известны его слова: «Эти поганые немцы… Я уверен, что французы ещё дадут себя знать свиньям-пруссакам. О, как бы я был счастлив!»

Разумеется, став Наследником, а потом и императором, Александр Александрович научился лучше владеть своими чувствами, но далеко не всегда скрывал свою антипатию к «свиньям пруссакам», не придавая значения тому эффекту, который такие отзывы смогут создавать и в высшем свете, и в международных дипломатических отношениях. Большой знаток придворной жизни фельдмаршал Д. А. Малютин в своих «Воспоминаниях» отзывается об императоре как о человеке вполне добродушном, но о нём как о политике говорит гораздо сдержанней, подчеркивая «способность открытого и осознанного пренебрежения общественным мнением».

Могло ли такое «пренебрежение» приводить к политическим неприятностям, к крайностям в международных отношениях и к военным действиям? В молодости, в канун русско-турецкой войны, Александр Александрович был среди тех, кто горячо призывал к войне. Когда она стала совершившимся фактом, он был направлен в действующую армию и, как это было принято, получил под своё командование крупное воинское соединение. Это был Рущукский отряд, включавший целых два корпуса, почти в 60 тысяч человек. Отряд участвовал в ряде боёв, наиболее значительное сражение провёл в ноябре 1877 года, у села Мечка.

Военные действия показали, что Александр Александрович не обладает значительными военными дарованиями и, более того, совсем не разделяет устремлений на завоевательную политику. Война, представ перед будущим императором во всей своей неприглядности, жестокости и растратности средств, стала для него самым нежелательным международным действием. С тех пор засчитал её неразумной тратой людей и средств.

Стал ли он совершенным пацифистом или же всегда являлся сторонником осторожной внешней политики? Безусловно, пацифистом император никогда не являлся, и придавал большое значение укреплению армии и флота для сдерживания агрессивных наклонностей любых сильных держав. Сдерживание захватнических поползновений было главным вектором его отношений и с молодыми, и со старыми европейскими «хищниками». А особенно недоверчивым он по-прежнему оставался к Германии. Последующие исследователи международных отношений отмечали, что, не обладая выдающимися дипломатическими талантами, император тем не менее четко улавливал хищническую суть германских

территориальных поползновений и будущую большую опасность для России видел именно с этой стороны.

И он не желал скрывать этих своих опасений. Известны многие его отрицательные высказывания о направленности германской внешней политики. Например, вот одно из них: «Да, покажут нам пруссаки, что значит союз и дружба, и увидим мы тогда, что за дураки мы были всё время. Да, грустно очень видеть, как мы сами приготавливаем для себя неизбежную опасность». И, став императором, он постарался аккуратно, но решительно и последовательно отходить от тесных союзнических отношений с Германией, создавать противовес её опасным поползновениям.

Отрицательное отношение императора к «канальям – пруссакам» явно распространялось и на российских прибалтийских немцев, которых царь в немалой мере подозревал в больших симпатиях к Германской империи. Кажется, эти его опасения в дальнейшем оказались излишними, но он сохранил их во всё своё царствование и старался попригасить в российской Прибалтике как «немецкий дух», так и местную немецкую особость в самоуправлении.

А в своей европейской политике предпочитал не связывать себя никакими новыми серьёзными обстоятельствами с Германией. Поясняя причины таких действий, он писал князю В. П. Мещерскому: «…поневоле приходиться подумать о нашей родине, и до неё скоро доберутся поганые пруссаки…» Нам, нынешним людям, читая такие суждения Царя Миротворца, нельзя не признать его политической прозорливости. «Пруссаки» уже при его сыне, а потом в 1941 году «добрались» до России и залили её кровью в двух ужасающе опустошительных и жесточайших войнах…

Политика сдерживания, твердо проводимая Александром III, хотя и была во многом антианглийской, но ничуть не в меньшей степени была направлена и против Германии. Укрепляя российские армию и флот, демонстрируя непреклонность в защите национальных интересов, Александр III был совершенно уверен, что даже в самом нежелательном случае (при открытии крупномасштабных боевых действий) Россия сможет выиграть любую оборонительную войну. Захватнических войн она вести не собирается и не будет. А оборонительную выиграет! Соберет все свои силы, поднимет русский народ, обратившись к его беззаветному патриотизму, и отбросит любого дерзкого хищника к его пределам.

Будучи спокойно уверен в этом, император нередко позволял себе не слишком учтивые выражения про германских политиков и, в том числе, про императора Вильгельма. Так, однажды граф

Голенищев-Кутузов сообщил ему об очередных дерзких высказываниях германского правителя. Последовавший царский ответ оказался до крайности недипломатичным: «Что же удивительного? – простодушно спросил царь. – Вильгельм век свой был в стороне, сидел мирно и вдруг – Германский Император. Ну, голова и закружилась…»

А вот Вильгельм, кажется, не только признавал величественную твердость императора России, но и уважал ее и даже немало пленялся образом его правления и поведением. А порой и не стеснялся показать своё уважение, граничащее с преклонением. Было ли это преклонением? Было ли это рассчитанным ложным низкопоклонством неразборчивого в средствах политика, или это были поступки, вызванные искренним опасением решительных действий России? Этого мы не знаем. Но знаем, что Александр III на такую внимательную предупредительность никак не реагировал, принимал такие моменты как должное по отношению к нему как правителю величайшей в мире империи.

Может быть, наиболее яркий подобный случай произошел однажды на маневрах, в которых как гость принимал участие германский император. Садясь в повозку, Александр III обронил свою шинель, до того накинутую на плечи, и она упала на землю. Всё это было на виду у парадно построенных войск, Вильгельм выскочил из своей коляски, демонстративно поднял шинель и накинул её на царские плечи. Это, конечно, всеми было замечено, и многим послужило поводом для искреннего восхищения любезной расторопностью гостя. Был ли с его стороны мгновенно рассчитанный ход или же он искренне подчеркнул первостепенную значимость российского монарха в любом европейском сообществе? Мы не ответим на этот вопрос, но отметим, что русский царь отнюдь не рассыпался в ответных любезностях, а проявил спокойное благородное достоинство.

И в отношениях с Вильгельмом так было всегда. Русский император спокойно подчеркивал первостепенную значимость России в любых контактах с германскими политиками. Особенно ярко это проявилось при подготовке встречи императоров в Киле. Тогда Вильгельм выдвинул ряд своих условий встречи, которые Александр III расценил как принижающие достоинство России и сказал, что если германцы не согласятся на русские условия встречи, то такой встречи и вовсе не будет. Вильгельм поспешил согласиться. (Никакие любезности Вильгельма не обманывали Александра III, но они впоследствии совершенно позволили усыпить бдительность его сына, императора Николая II…)

Спокойное достоинство – это важное правительное качество

он постоянно и проявлял в европейской политике, всегда заявляя себя непременным сторонником спокойного достоинства в мировых делах, совершенно отрицающего суету, нервозность и спешность.

Но такое спокойное достоинство всегда граничило с жесткой готовностью отрезвить слишком зарвавшихся оппонентов. Так широко известен случай, когда австрийский посол несдержанно пригрозил царю, что его империя для поддержания своих действий может придвинуть к русской границе не менее двух или даже трех отлично подготовленных армейских корпусов. Царь не удостоил посла дипломатичным ответом. Он взял со стола большую серебряную вилку, скрутил её в штопор и бросил послу со словами: «Вот я что сделаю с вашими корпусами!»

…И этот случай с «корпусами», и вся политика двух немецких империй давали ясно понять, что «пруссаки» уже дерзко бряцают оружием и готовятся к решительным шагам по пределу Европы и всего мира. Да и промышленность Германии бурно развивалась и становилась всё более опасной для соседей как доминирующая экономическая сила. Русский император сознавал необходимость защиты не только российских территорий, но и её ещё очень молодой, и ещё слабой промышленности.

Об этом мы полней скажем в главе, посвященной экономическому развитию страны. А сейчас лишь отметим, что царь и его ближайшее окружение пришли к мысли о необходимости пересмотра своих международных отношений и к поиску союзников против всё усиливающейся и всё более дерзостной Германии. Таким союзником могла быть Франция, до этого «пруссаками» совершенно разгромленная и буквально поставленная на колени.

Но! Но союз или, по крайней мере, сближение консервативной монархии с республиканской Францией?! Могла ли такое представить себе Европа. Могла ли представить это себе русская аристократия?! И мог ли на это пойти сам глубоко самодержавный правитель России? Мог. И пошел на это, ясно предвидя близящуюся опасность со стороны «пруссаков» и насущную необходимость создания в Европе сильного противовеса против немецкой опасности.

Как восприняла такое сближение с Францией российская интеллигенция? Неоднозначно. А вот вся Франции впала в полный восторг! Граф Игнатьев говорил об этом: «Живущая воспоминаниями о разгроме немцами в 1870 году Франция видела в России свою спасительницу. Вот почему прием русской эскадры адмирала Авелара в Тулоне, первый приезд Александра III во Францию, грандиозный, ставший историческим

парад в его честь. Все эти события медового месяца франко-русской дружбы врезались в память целых поколений, и воспоминания о них дожили до моих дней. Французский генералитет, рассказывая об этом, захлебывался от восторга».

И та память, и тот восторг жили и гораздо дольше. До сих дней один из лучших мостов Парижа в память союзного договора 1896 года носит имя императора Александра III.

Европа с величайшим вниманием следила за развитием русско-французских отношений. И каждый момент дипломатического сближения вызывал живейший интерес политиков. В том числе и эпизоды дипломатических встреч, они ведь в глазах высокой дипломатии тоже имели немалое значение.

Поэтому такой случай, как встреча Александром III французской эскадры в Кронштадте, и то приковал внимание всей Европы. Ведь коли император лично сам встречал гостей то (и это был великий знак понимания общих задач и целей!), то… То в этом случае ему приходилось бы не только выслушать ответный французский гимн, но и отдать честь этому яростно революционному напеву! Как на это пойдет самодержавный император? А он пошел на это спокойно и ровно – высшая политика не терпит идеологических условностей!

Опираясь на соображения жизненно важной для России политики, Александр III окончательно, почти демонстративно, разорвал условия старого Парижского договора 1856 года о запрещении для России иметь военный флот на Чёрном море, и приказал построить здесь сразу несколько броненосцев и сделать это именно в Севастополе, дав Европе предметный урок самостоятельности российских действий.

Уже в 1881 году была создана судостроительная компания по строительству кораблей всех морских классов, в том числе двадцати четырех линкоров (то есть эскадрильных броненосцев и пятнадцати крейсеров). А для убедительности воздействия на Европу сухопутную армию император распорядился довести до одного миллиона человек. А в военных условиях она могла быть развернута и до четырех миллионов. Господа европейцы, едва ли вы теперь помыслите о каком-либо давлении на Россию с угрозами военных действий…

Император ориентировал своё военное министерство на внимательное слежение за всеми новинками военной техники и сам находил время знакомиться с успехами лучших оружейников мира. Например, 8 марта 1888 года, интересуясь изобретением американца Хаймера Максима, Александр III лично сам в манеже Аничкова дворца стрелял из его пулемета. Вот, таким образом, и пришёл в нашу армию знаменитый станковый пулемет «Максим»,

в 1945 году с нашими солдатами дошедший до столицы «проклятых пруссаков».

Многие современники Александра III (а в их числе и много размышлявший о его правлении С. Ю. Витте) говорили, что император вовсе не обладал глубоким политическим мышлением и свои решения принимал на перспективу не слишком далекую. Но никто не мог обвинить его в отсутствии реализма таких решений. Поэтому правителю совершенно не были свойственны ни благодушная доверчивость к ведущим державам Европы – ни политическое легкомыслие. Он отчетливо понимал, что его страна обладает весьма специфическим вектором внешней политики, и четко выразил это в своих знаменитых словах о наличии у России всего двух, но очень мощных союзников (её собственной армии, и её собственного флота). А завершение этой широко известной фразы звучало ещё более понятно: «Император говорил, что во всей Европе он может полностью верить лишь маленькой Черногории» (Всецело находящейся на русском обеспечении. – *В.Г.*), а «все остальные при первой же возможности сами ополчатся на нас!» Господи, как реалистичен и для сегодняшних дней такой взгляд… И как он разумно далек от глупой наивности наших Ельцина и Горбачёва…

Император, несмотря на несложность своих взглядов и суждений, умел вовремя менять политический курс своей громадной страны, делая это лишь в её собственных интересах. Так, первоначально он ориентировался на содружество с Австрией и Германией, находя в этом значительный смысл, но летом 1881 года на смену Конвенции, принятой в 1873 году, отчетливо проявились новые политические тенденции. Ещё существовавший союз трех императоров приносил политические облегчения на Балканах и в отношениях с Турцией, отводя нежелательное влияние других европейских лидеров. Но в 1886 году случились неприятности с Австрией по поводу Болгарии, и соглашение с Австрийской империей перестало существовать. Договор с Германией прервался своим действием, но в 1870 году немцы не пожелали себе связывать руки с этим документом.

А быстро сформировавшийся союз Германии, Австрии и Италии ускорил начало сближения России с Францией. Как мы говорили, Александр III подчеркивал важность начавшегося сближения, летом 1890 года лично сам участвовал во встрече в Кронштадте с правительственной французской делегацией. Переговоры с французами пошли медленно, но в целом завершились успешно. И в 1893 году была заключена русско-французская Конвенция, направленная против Германии и её союзников.

Русский царь, просчитывая свои дипломатические ходы, первостепенное значение придавал своему личному участию в их важнейших актах. Так, идя на разрыв кабальных условий, навязанных нам Европой на Чёрном море, он сам в 1886 году посетил Севастополь, и этот визит имел большое историческое значение. Именно здесь, едва не демонстративно, император и подписал приказ, возвещающий о возрождении Черноморского военного флота: «Прошло тридцать с лишним лет, как Черноморский флот, свершив славные подвиги, принёс себя в жертву для блага России. Нынче этот флот возникает вновь на радость скорбевшей о нём России». Мы уже упоминали, что первые черноморские броненосцы была заложены в Севастополе. И одновременно с этим возобновили военное судостроение в Николаеве. Россия вновь твёрдой ногой вступала на черноморские берега, с демонстративной непреклонностью заявив о себе как о мощной морской державе.

В целом, вот такими были основные направления и этапы европейской политики Александра III. Как её оценивали сами россияне? Оценивали по-разному. Большинство реально мыслящих людей одобряли прагматический курс императора, целиком направленный на защиту русских национальных интересов. Но была и группа политологов, осуждавшая такую политику, усматривая в ней большой недостаток динамичности. Например, такой широко информированный человек как А. А. Киреев говорил, что он глубоко разочарован ею. Он крайне низко оценивал личный состав Министерства иностранных дел, а всю внешнюю политику Александра III считал крайне невыразительной и неинтересной: «Наша бесцветная политика не мешала нашему росту. Почему? Потому что за нас время: время, которое сейчас против Запада. Запад сходит вниз, а мы хоть и неумело, да идем в гору… И такого инстинктивного поворота к самостоятельности достаточно было, чтобы мы сделались грозными. Что же было бы, если бы мы знали, чего желаем, к чему идем. К сожалению, мы этого не понимали, не понимаем и по-прежнему придерживаемся выжидательной политики. Но эта выжидательность не подкреплена, не мотивирована. Просто сидим и растем! Иностранцы же этим пользуются, радуются нашей неподвижности и гадят нам, обделывая свои делишки».

Вот и такие отзывы о европейской политике Александра III тоже имели место. Правы ли были их сторонники? Немалое число таких людей находилось в армии, где император не пользовался высоким авторитетом уже из-за своих миролюбивых взглядов. Там же проявился и самый горячий проповедник смело наступательной политики, подлинный национальный герой

генерал М. Скобелев. На наш взгляд, в отношениях России с ведущими европейскими государствами некоторое время даже существовал достаточно серьёзный как бы «фактор генерала Скобелева». В чём он заключался, и каково было отношение Царя-Миротворца?

Звезда генерала Скобелева взошла и ярко засияла после его победной экспедиции в Среднюю Азию и особенно после взятия туркменской крепости Геок-Тепе. Этот «Карфаген пустыни» долго не уступали русским войскам, и он даже обрел славу неприступной твердыни. Скобелев, возглавлявший решающую военную экспедицию против туркменов, прекрасно соединял высокую степень организованности наступления (вплоть до прокладки железной дороги) с чисто суворовскими решительностью и отвагой. Победа была достигнута, и слава едва не суворовского сияния осияла полководца. И эта слава, очевидно, всерьёз встревожила императорский Двор и принесла немалую досаду и самому императору. И она была тем ощутимей, что до царя, конечно, доходили весьма нелестные отзывы Скобелева о его военных способностях, без заметной славы проявившихся при боевых действиях в Болгарии. Скобелев ведь бывал до неприличия искренен, и его жесткие откровенные замечания сразу становились общеизвестными.

Более того, в высшем свете установилось устойчивое мнение, что доблестный генерал совершенно нетерпим к политике и к самой личности царя. Так барон Н. Врангель, вспоминая об этом, говорил, что «Скобелев Александра III презирал и ненавидел». Может быть, ведь и сам император не находил нужным скрывать своё нелестное мнение о полководце. И царь явно не желал ему оказывать больших почестей. Об этом, пожалуй, всего ярче говорил прием Скобелева после его возвращения из Туркмении. Атмосфера всеобщего восторга перед героем Геок-Тепе была столь широкой и восхищенной, что ироничный князь Долгорукий произнес фразу, подлившую масла в огонь царской неприязни: «Это было словно возвращение Бонапарта из Египта».

Император вместо проявления радости и признательности первый вопрос задал строго и буднично о состоянии дисциплины в экспедиционном корпусе Скобелева. И это уже являлось прямым проявлением императорского неудовольствия (ведь кто лучше самого царя мог знать о демократизме, доступности Скобелева и о свободных отношениях в его войсках!). Царь не проявил интереса к деталям экспедиции, и прием прошёл кратко, сухо и сдержано.

Горячего и до безрассудства отважного Скобелева это совершенно вывело из себя. Он обратился к бывшему при

Александре II министру, графу М. Т. Лорис-Меликову, с крайне возмущенным рассказом об этом. Слушатель был выбран неслучайно, Лорис-Меликов в свете считался человеком, способным как на известный демократизм, так и на очень решительные поступки! (Покойный Александр II для борьбы с революционными непорядками в стране желал назначить его, ни много ни мало, а диктатором!)

Лорис-Меликов, человек наблюдательный, мог вполне убедиться в крайней возмущенности генерала и даже в его годности к неким протестным действиям. «Он меня даже не посадил!» – говорил Скобелев о минутах царского приема, и, продолжая разговор, вдруг перешел на очень крайние высказывания: «Дальше так идти нельзя… Всё, что Вы прикажете, я буду делать беспрекословно, я пойду на всё…» Конечно, после таких слов граф мысленно сделал вывод, что речь идет о возможности дворцового переворота. Он осмотрительно не продолжил обмена мыслями в эту сторону, но Скобелева это не озадачило и не остановило. Чувствуя в себе сильнейшие лидерские качества, он попытался найти понимание и поддержку военных кругов, где Александр III не пользовался значительным авторитетом.

Б. А. Костин в своём исследовании о Скобелеве замечал: «… весьма конкретные мысли высказал Скобелев об участии армии и коренных преобразованиях». «В революцию … стратегическую обстановку подготовляют политики, а нам, военным, в случае чего, предстоит только одна тактическая задача. А вопросы тактики… не предрешаются, а решаются во время самого боя…» Без сомнения, слухи о таких высказываниях (а, может быть, и сильно приукрашенные) доходили до резиденции императора, а это никак не могло смягчить отношение царя к полководцу.

А атмосфера всеобщего восхищения неблагостно влияла на славного генерала. В умном, хитром и отважном до безумия Скобелеве постепенно зрело убеждение в своей ежели не исключительности, то, несомненно, в своём высоком предназначении совершить какие-то решительные перемены в жизни российского государства. Многие современники предполагали: таким решительным шагом вполне может стать государственный переворот. И великосветская камарилья охотно подхватывала эти предположения и слухи и активно разносила их по столице. И в Москве, и в Петербурге в салонах много шептались о том, что Скобелев желает стать императором; что называться он будет Михаилом II; что даже назначен день коронации. (После таких «сведений» мог ли царствующий император относиться к Скобелеву с доверием и теплом?)

А, кстати, ожидание серьёзной активности со стороны Скобелева царило и в среде революционеров. С. М. Степняк-Кравчинский писал об этом: «Говорили, что либо в это время, либо несколько поздней смелый план дворцовой революции был задуман генералом Скобелевым». За этим следовали слова о серьёзной убежденности в том, что «способность Скобелева возглавить антиправительственное движение сомнению не подлежит».

Кажется, это была едва не всеобщая уверенность в тогдашнем великосветском обществе. И К. П. Победоносцев сразу же настоятельно посоветовал царю привлечь Скобелева к себе, дабы заранее устранить опасность от неразумных действий «отважного до безумия» генерала. Победоносцев писал императору: «Вы принадлежите не себе, а России и своему высокому служению. Хотя Скобелев и безнравственен, но он стал великой силой». Однако император на этот раз ничего не предпринял и Скобелев, глубоко недовольный, уехал за границу. Там он снова общался с Лорис-Меликовым, в обществе несдержанно отзывался о русской внешней политике, и всё это ещё более тревожило наше правительство.

Особенно неприятным стало известие о резком выступлении генерала на парижском банкете в ресторане Бореля, жестком, заостренном против немецких государств. За этим последовал не менее жесткий ответный демарш Австрии, добавивший недовольства Александру III. В светском обществе открыто говорили, что Скобелев действует, словно испанский генерал-заговорщик. Но действует совершенно открыто!

Русское правительство предложило Скобелеву отпуск, но этот отпуск генерал использовал самым нежелательным образом. На встрече с сербскими студентами он произнес речь, в которой заявил, что главный враг России и всего славянства – это Германия, и война с нею как неизбежна, так и необходима для спасения общеславянского дела!

Конечно, и вольные речи генерала в России, и особенно его выступления в Париже были невероятным (неслыханным!) превышением своих прав и полномочий. Его парижскую речь правительству пришлось срочно дезавуировать, а его самого вызвать домой через Голландию и Швецию, минуя немецкие земли. Его действия в Париже очень помешали официальной русской политике, и такие резкости необходимо было как-то сгладить. Высшее российское общество замерло в ожидании: какими будут действия императора относительно самовольника Скобелева?! И вот 7 марта 1882 года для него была назначена царская аудиенция. К сожалению, информация о ней была и

остается очень ограниченной, её свидетелем был лишь только один из дежурных флигель-адъютантов. А придворные слухи оказались противоречивы и, может быть, не вполне надежными. Будто бы генерал вошел в царский кабинет со словами: «Несу повинную голову, русское сердце заговорило!» И встреча с царем, не в пример первой, продолжалась очень долго, они беседовали целых два часа. Кто бы знал о чём? Никто этого не знает… Но хорошо известно, что накануне этой встречи открылись интересные и отнюдь не простые международные перспективы. Князь Болгарии Александр Баттенберг обратился к Александру III с просьбой отпустить Скобелева в Болгарию, чтобы в этом юном государстве он стал военным министром. Император вежливо отказал правителю нового балканского государства, сказав, что Скобелев очень нужен России.

Чего больше было в этом отказе? Искреннего признания ценности прославленного генерала или же глубоких опасений о том, что, став военным министром, Скобелев втянет Болгарию и её соседей во всебалканскую войну с Турцией, в которую так или иначе придется вступить и России? Такие царские опасения были более чем вероятны. Скобелев, с его жаждой военной славы и с безумной отвагой, оказавшись в Болгарии, мог создавать немало серьёзных политических проблем. Да легко мог бы и возмечтать о болгарской короне, вот тогда уж балканская ситуация обрела бы самый угрожающий характер!

Но это – предположение. А беседа царя с генералом шла долгих два часа и, очевидно, была весьма содержательной. Можно полагать, что её участники как обсудили ряд важных вопросов, так и многое прояснили друг для друга, ибо Скобелев возвратился с аудиенции весьма оживленным и совершенно довольным долгой встречей. А отзывы влиятельных современников о той встрече кратки и противоречивы. Так министру Гирсу Скобелев будто бы сказал, что царь устроил ему «порядочную головомойку». А наблюдательный А. Витмер считал, что разговор был не только взаимно интересным, но примечателен и тем, что «талантливый честолюбец сумел увлечь миролюбивого государя своими взглядами на политику».

Так или иначе, но, должно быть, два эти человека обрели понимание друг друга, потому что в апреле того же года Скобелев снова имел аудиенцию у императора, и она вновь была долгой и благожелательной. Сестра генерала княгиня Белосельская-Белозерская писала брату: «Его Величество говорит о тебе с большим уважением… Император сказал более чем ясно, что рад всегда тебя видеть, когда ты этого захочешь…»

Казалось, что всё устраивается наилучшим образом, и можно

верить в устойчивость добрых отношений. Но безвременная смерть Скобелева остановила развитие взаимопонимания и сотрудничества. И можно верить в полную искренность императора, в подлинность душевного сожаления, прозвучавшего в его письме родственникам, окрашенного истинной горестью: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. А потеря для русской армии трудно заменимая и, конечно, всем военным сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных своему делу деятелей».

Мы полагаем, что эти слова были исполнены искренним глубоким сожалением и сочувствием. Да и могло ли быть иначе после долгих содержательных встреч императора с прославленным военачальником? Ведь у них были совершенно одинаковые политические ориентиры, оба в равной мере усматривали германскую опасность и оба не терпели германской агрессивности. «Проклятые пруссаки» были безусловными врагами как в глазах генерала, так и в глазах его самого талантливого полковника. Этих людей могла разобщать только степень остроты в отношении к международным проблемам. Царь занимал выжидательную позицию, всемерно укрепляя армию и флот, уверенный в успешности оборонительной войны, а Скобелев готов был вступить в бой с немцами хоть сейчас и даже начать его первым.

Скобелев относился к объединенной Германии не только как к главной геополитической опасности для России, но и как к особому феномену народно-государственной ментальности. Во время свой служебной командировки в Германию он пристально интересовался не только организационными и техническими вопросами, но и проявлениями чисто этнической народной психологии и сделал для себя, и для русских военных аналитиков ряд весьма глубоких и точных выводов о качествах германских вооруженных сил. Вот одно из них: «Дисциплина в германских войсках весьма строгая и, что главнее всего, она соответствует складу народных понятий и симпатий общества. Я позволю себе назвать германскую дисциплину врожденной народностью…» «Эта дисциплина не только наружная, но и проникающая всё существо как офицера, так и солдата, не есть продукт какой-либо системы, а результат совокупности современных народных понятий, которые в свою очередь суть последствия истории этого народа». Тут связь народа с армией!

Кстати, отдавая должное тонкому военному психологизму суждений Скобелева, нельзя вновь не вспомнить столь же глубокий документ государственно-психологического характера, говорящий и о само́м «белом генерале». Это письмо

К. П. Победоносцева Александру III о государственном значении феномена Скобелева. Автор этого послания исчерпывающе точно характеризует полководца как личность, потенциально весьма опасную не столько её якобы имеющейся «революционностью, сколько её сущностью генерала с психологией участника дворцовых переворотов».

Эту опасность, таящуюся в столь незаурядной и столь сложной личности, чувствовали многие. Например, учитель Скобелева и почитатель его военного таланта генерал Витмер, вспоминая о словно громом поразившем его известии о смерти «белого генерала», добавляет: «…но великое благо для России, что сошел со сцены этот талантливый честолюбивец, возводивший войну в божественный культ. Задача наша – мирное обновление, а он непременно втянул бы нас в войну!»

Это сказал тот самый Витмер, который в дни русско-японской войны страстно жалел, что «нет с нами Скобелева»… У старого генерала строгий реализм в оценке феномена харизматичности Скобелева решительно преодолел восхищение и преклонение. Тем более реалистичен был сам Александр III, ведь целью своего правления он считал отнюдь не победоносные войны, а мирное обустройство России, для которого жизненно необходим мир «между сильнейшими государствами Европы». Французские издания, оценивая эпоху Александра III, почти единогласно отмечали, что в его царствовании «в Европе нельзя было воевать без разрешения русского царя, а он такого разрешения не давал».

Боялся ли миролюбивый император грядущей войны с немцами? Пожалуй, что не боялся. Ему при всех мировых осложнениях была свойственна твердость духа и хорошо памятен его суровый и более чем жесткий ответ послу Австрии. И хорошо известно его знаменитое выражение, бывшее его подлинным девизом в кризисных международных ситуациях: «Мужество – есть терпение в опасности»… Этим разумным терпением царь в полной мере обладал. А нередко и показывал свою бесстрашную способность «показать зубы» державам – противникам. Например, это ярко проявилось при демонстративном разрыве Парижского договора. Было это в 1886 году при, казалось бы, совершенно невозмутимом политическом решении московского городского головы Алексеева, который в своей приветственной речи ярко заявил о русских надеждах на возведение православного креста на константинопольский храм Святой Софии. Политики всерьёз взволновались, и международная ситуация обрела напряженный характер. Все ждали, что император непременно дезавуирует речь Алексеева и даже сурово накажет возмутителя международного спокойствия. Но царь вынес совершенно неожиданную

резолюцию: «Константинополь – наша традиционная политическая цель, это всем известно, а потому речь опубликовать! Им не стоит бояться какого-либо гнева держав Европы, Россия никогда не смутится сказать о своих национальных государственных интересах».

* * *

…Вот таковыми видятся нам основные проявления личности императора Александра III в его европейской политике. Случались ли у него там серьёзные неудачи? Очень больших неудач, кажется, и не было. Это, разве что, утрата Россией своих позиций в Болгарии?

В апреле 1879 года Великое Собрание избрало князем Болгарии *указанного Россией* племянника императрицы Марии Александровны принца Александра Баттенбергского. В стране, просыпавшейся для политической жизни, сложились две первые партии. Богатые землевладельцы создали партию консервантов, а сельская демократия (в частности, народные учителя) – либеральную партию. Либералы разработали и провели в жизнь конституцию по образцу сербской.

Консерваторы при поддержке русских военнослужащих (русских офицеров болгарской службы) настаивали на усилении центральной власти и на двухпалатной системе. Это вполне отвечало российским взглядам на устойчивое государственное обустройство, и князь призвал к власти консерваторов, введя в правительство даже и двух русских генералов. Народное собрание распустили, но новые выборы снова дали подавляющее большинство либералов.

В молодом государстве возник острый политический конфликт, и Александр Баттенберг решился на явный государственный переворот, Россия помогала готовить это тяжелое действие. В мае 1881 года он приостановил действие болгарской конституции, а главой правительства стал русский генерал Эрнрот, выборы в Великое Собрание при громадном влиянии на избирателей (в том число и русском) дали консерваторам победу.

Официальный Петербург был вполне удовлетворен, российская верховная власть благоволила князю, проявившему жесткую решимость. Ему даже пожаловали ежегодное пособие из удельных сумм в сто тысяч рублей.

Но вскоре между Россией и болгарским правительством консерваторов возникли серьёзные трения. И сперва на чисто

экономической основе. Из-за строительства железной дороги. За её возведение заспорили группы русских и болгарских предпринимателей. Русские хотели строить стратегическую дорогу к Систру, а болгары – в австрийском направлении. Разногласия серьёзно углубились, и здесь русские дипломаты, кажется, проявили недостаточную информированность, заподозрив правителя Болгарии в неискренности.

И сделали ещё более резкий шаг: в Болгарию послали двух русских генералов – Соболева и Каульбарса. Фактически именно они и возглавили болгарское правительство, и начали весьма энергичные пророссийские действия. Но их энергия дала противный итог, болгар возмутили их грубые хозяйские распоряжения. И ими были уже в равной мере возмущены не только либералы, но и консерваторы.

Князь Александр Баттенберг увидел эту опасность и попросил убрать грубых неполитичных вояк, но Петербург ему в этом отказал. Генерал Соболев, несколько более дипломатичный, нежели его коллега, попытался в своих пророссийских действиях опираться на либералов, но было вполне поздно, потому что обе болгарские партии объединились в борьбе против русской опеки, и их общим девизом стало заявление: «Нам не нужно от России ни бича – ни пряника!»

Генералам пришлось уехать, и за этим последовал полный политический разрыв с Болгарией. В Петербурге негодовали на болгарскую неблагодарность, а в Болгарии упрекали русскую власть в явном стремлении к политической и экономической эксплуатации их страны.

Петербург пытался вмешаться в управление Восточной Румынии, которая сперва оставалась в ведении Турции. Но болгары правильно выбрали момент для присоединения Румынии. Александра Баттенберга фактически заставили принять титул правителя обеих Болгарий. Кажется, здесь русское правительство совершило непоправимую ошибку, высказав резкое осуждение болгарам за самостоятельные действия «вопреки желанию Императорского кабинета». Русские офицеры после этого были отозваны домой с болгарской службы. То есть Россия и словесно, и фактически не одобрила болгарское национальное воссоединение! Могло ли молодое государство стерпеть это?

Затем последовала война болгар с Сербией, и совсем не ожидавшаяся победа болгар. Недовольство России было нескрываемым, гнев Александра III теперь обрушился лично на князя Болгарии, царь считал его главным виновником болгарских самоуправства и неблагодарности. Он жестко высказал это болгарской делегации и этим углубил политический разрыв.

В Болгарии было неспокойно, прошла череда политических переворотов, и князь Александр Баттенберг уже и не желал править страной вопреки воле российского императора, но русский царь отказался иметь с ним какие-либо дела. И после этого уход Болгарии из сферы русского влияния стал неизбежным и необратимым.

В своей политике болгары стали опираться на Австрию, Пруссию, а Россия отвернулась от балканских дел. Крах русского влияния в Болгарии стал нерадостным фактом и имел весьма серьёзные долговременные последствия. Они имели значительный международный резонанс. После русских неудач в Болгарии стало проявляться австрофильство правительства Милана в Сербии, а затем и поворот в ту же сторону правительства Румынии. На Балканах единственной страной русской политической ориентации теперь оставалась лишь крохотная Черногория. В те годы и начался поворот русского внимания на Восток. (Роковой поворот, закончившийся русско-японской войной в 1904–1905 гг. и революцией 1905–1907 годов.)

А об утрате влияния на Балканах многие пожалели. Кажется, особо деликатно и тонко высказался Н. Н. Кнорринг: «В 1878 году на заре этих сношений перед нами в Болгарии было чистое невозделанное поле дипломатической деятельности, на котором можно было культивировать самые добрые всходы дружбы двух народов».

Опасность проявления на Балканах русской великой державности подчеркивал даже такой сугубо военный человек, как М. Д. Скобелев: «Никогда ни серб, ни чех не уступят своей независимости и свободы за честь принадлежать России…»

Об утрате влияния на Балканах теперь можно было лишь сожалеть… И в той утрате многие винят именно Россию, указывая на недостаточно гибкую русскую дипломатию в отношениях с новым государством, своим созданием всецело обязанным Российской империи. И эту частную, но весьма неприятную неудачу, царь принял достаточно спокойно, с полной уверенностью, что в дальнейшем всё удастся поправить. И тут отчетливо проявилась счастливая способность Царя-Миротворца сохранять твердость и казаться удачливым, всем вполне довольным даже при неудачах и значительных осложнениях в мировой политике. Александр II и Николай II в этом ему совершенно проигрывали во всех европейских делах. А какими были наши русские дела на Юге и Востоке?

* * *

…Начиная с XVI века, с завоевания Казанского и Астраханского ханства ясно определилось главное направление территориального расширения России – на Восток, и за Урал, и в Среднюю Азию. На этих необозримых просторах ещё не сложилось сильных государственных образований, и российские колонизации (как мужицкая, так и государственная) не встречали мощного организованного противодействия. XVII и XVIII столетия отодвинули границы России на Дальний Восток, к Алтаю и за Урал. И на ближнем политическом горизонте уже ясно обрисовывались вопросы взаимоотношений с Китаем и государствами бассейнов Сырдарьи и Амударьи. А на более дальние перспективы начался просматриваться тревожный фактор столкновения российских государственных интересов с британскими, то есть то, что потом стали называть «Большой игрой».

В эпоху Александра III постоянное продвижение России продолжалось с достаточно спокойной последовательностью, а вот на юге уже вспыхнули первые искры серьёзных противоречий с Англией. Как это всё происходило, и какой была на этих направлениях политика императора Александра III?

Царь не являлся сторонником крупных масштабных продвижений на юг Средней Азии, но его советники настаивали на некоторых приобретениях в районе хребта Копетдаг и долины рек Кушка и Атрек. Их смущала возможность проникновения туда английского влияния из Индии и соблазняла слабая защищенность этих территорий, а стало быть, возможность овладеть им без больших затрат и усилий. И было принято решение о присоединении к России Мервского и Пендинского оазисов, чтобы в этом месте обрести естественные географические границы и отсюда создавать угрозу британской Индии.

Британцы отреагировали быстро и решительно: послушный эмир Афганистана Абдрахман придвинул войска к русским пределам у реки Кушка, а вскоре перешел в наступление, полностью захватив Пендинский оазис, находившийся на берегу реки Кушка. Ситуация возникла уже отнюдь не дипломатическая, а совершенно военная. Что предпримет Царь – Миротворец? Его ответ оказался предельно кратким и суровым: «Выгнать и как следует проучить!»

Уже было известно, что афганцами командуют английские офицеры-инструкторы, что противник может на защиту захваченной территории выдвинуть в первом эшелоне до пяти тысяч бойцов и до десяти орудий.

Решающее сражение произошло в марте 1885 года при

местечке Таш-Кепри. С афганской стороны действовали четыре тысячи человек при восьми орудиях. Из них пятьсот человек погибли, русскими были захвачены вся артиллерия противника, два знамени и лагерь со всеми запасами. А английские офицеры бежали с таким проворством, что наши казаки не смогли их догнать, «чтобы достойно проводить». С нашей стороны потери были невелики: один офицер, десять солдат и 9 раненых. Но для очень многих политических деятелей главной потерей виделось резкое ухудшение отношений с Англией.

Действительно, возник острый политический кризис. Британский посол представил ноту протеста и потребовал дипломатических извинений. Принимавший ноту министр Гирс был немало смущён и хотел принести соответствующие извинения. Но Царь-Миротворец явил непреклонную твердость: «Нечего с ними разговаривать. Мы не только не сделаем этого, но я ещё и награжу начальника нашего отряда. Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию». И, действительно, генерал Комаров, командовавший русскими при Таш-Кепри, был награждён золотым оружием с бриллиантами и орденом Георгия третьей степени. А нужно помнить, что этот орден Александр жаловал своим военным очень редко, и награда за отражение диверсии англичан имела и немалый демонстративный характер.

Император взял под личный контроль события развивавшегося политического кризиса. На всех документах, сообщающих о развитии событий, есть его пометка: «Уступок нам делать нельзя». Англичане пытались проявить уверенную настойчивость, на что последовал возмущённый и презрительный отзыв императора: «Мы имеем дело с величайшими нахалами!» И эту свою помету он сам дважды подчеркнул. А его вывод был предельно кратким: «Главное – не теряться и не трусить».

А на откровенные намеки британцев о возможности военного решения вопроса царь ответил приказом о подготовке Балтийского флота к военной кампании. Позиция Царя – Миротворца оставалась непреклонной и бесстрашной. И…

И в результате через две недели Лондон предложил создать совместную комиссию по поводу случившегося военного конфликта. И в итоге почти все спорные территории отошли к России. Европа поняла, что на Юге англичане получили жёсткий отпор. Здесь они столкнулись с силой, которая ни отступать – ни даже извиняться никогда не будет. Так были обеспечены выгодные позиции России на среднеазиатском Юге.

А имела ли Россия в те годы какие-либо свои интересы в более дальних южных пределах, в африканских или в океанических просторах? Имела. Царь не являлся сторонником

колониальных захватов, но его привлекала мысль о создании где-то на дальнем юге экспедиционной базы для русского флота. Она была бы очень важна для наших кораблей, поддерживающих хозяйственные и военные связи с Дальним Востоком. Нужна была хотя бы стоянка для заправки водой и загрузки каменным углем. Россия в этом объективно нуждалась. (А военные не забывали о возможности крейсерской войны, например, против англичан. Для этого ведь тоже своя база нужна!)

Горячим сторонником океанских приобретений стал знаменитый русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай. В феврале 1886 года на корабле русской эскадры он покинул Австралию и в сентябре прибыл в Санкт-Петербург, где получил аудиенцию у императора. В живой беседе с царем он заинтересовал его идеей русского протектората над Папуасским Союзом. А начинать это большое дело Маклай предлагал опять же с самого малого, с создания на Новой Гвинее станции для снабжения судов водой, топливом и провизией.

Император приказал внимательно изучить такую возможность и для этого отправил в Индонезию корвет «Скобелев» капитан-лейтенанта В. В. Благодарёва. Сперва они должны были зайти в Сидней, а оттуда с Миклухо-Маклаем в Новую Гвинею. Было дано поручение на месте изучить все обстоятельства и тщательно картографировать интересующие нас побережья. И вскоре туда же направили крейсер «Африка» капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева, на нём в Новую Гвинею отправился контр-адмирал Н. В. Копытов для личного изучения всех обстоятельств возможного будущего большого дела. Разумеется, все держалось в тайне, ведущие колониальные державы не должны были ничего знать.

К большому сожалению Миклухо-Маклая, у адмирала Н. В. Копытова сложилось вполне отрицательное мнение о его идее. Военный специалист не нашел там больших выгод для России, а усмотрел немалые затруднения и опасности. Но великий путешественник не расстался со своими мечтами, и в 1883 году он вновь имел встречу с императором и сообщил ему немало интересного о событиях на дальнем Юге. В частности, он сказал об аннексиях, предпринимаемых голландцами в Индонезии и о создании их сильных опорных баз в ключевых пунктах этой островной страны. А также о том, что на Юге создается новое независимое государство. Оно будет очень значительным, это Австралийские Соединённые Штаты. То есть политическая карта дальнего Юга очень существенно меняется, и Россия может опоздать к разделу туземных «ничейных» территорий!

Царь не оставил это без внимания. Была создана правительственная комиссия по изучению вновь поднятого вопроса. С материалами знакомились все заинтересованные министерства. И мнение было отрицательным. Однако царь не спешил подписать их документ. И к этому делу возвратились вновь. Однако и на этот раз вердикт и министерств и комиссии оказался отрицательным. После этого 9 января 1887 года царь принял окончательное решение: «Считать это дело законченным. Миклухо-Маклаю отказать».

Но… Но император сознавал, что России очень желательно где-то на Юге иметь хотя бы один собственный военный порт! И об этом неоднократно заявлял С. Ю. Витте. Думал и об Индонезии, и о Южной Америке, и об Африке. И дело даже приняло практический оборот. Но не со стороны государственной, а со стороны совершенно частной и даже в немалой мере авантюрной инициативы. С нею выступил человек достаточно темного происхождения и неблагородных приемов, некто Николай Ашинов. С группой своих сторонников он в 1889 году высадился в Абиссинии в местечке Сагало и основал там русскую колонию. И успешно завел отношения с абиссинскими властями.

Александр III заинтересовался создавшимся положением, обратился за консультациями к морскому министру адмиралу И. А. Шестакову, ведь царя не покидала мысль о южном незамерзающем русском порте, а вслед за этим и о создании русско-африканской компании. И в целом он был очень благосклонен к «нашей» африканской инициативе. Но поддержке её решительно помешала перспектива близких союзнических отношений с Францией (инициатива Ашинова встревожила французов!) А к тому же царь получил достоверную информацию о том, что «африканец» Ашинов весьма нечист на руку, да и ответственность этого человека далека от хорошей. Конечно, у Александра III, отличавшегося высокой порядочностью, сложилось крайне отрицательное отношение к ашиновскому начинанию. И он отказался поддержать это «африканский проект».

Тем временем Франция действовала предельно решительно: она послала в Сагалово свою эскадру и провела бомбардировку русской колонии. Узнав о расстреле ашиновского порта, Александр III сказал об Ашинове предельно грубо, что «этот скот получил только то, чего заслужил». И велел всех колонистов доставить в Россию и этапным порядком разослать по домам.

Вот так и закрылась последняя страница едва начатой реализации возможных русских интересов на дальнем Юге.

Россия не стала колониальной державой, и это одних россиян обрадовало, а других опечалило. Опечаленные сетовали и в этом случае на нерешительность и «бесцветность» русской мировой политики, а обрадованные заявляли, что православному государству негоже искать выгоду от рабского труда нечестивых туземцев.

Мы не решимся указать, кто из них был более прав, но всё сложилось так, как сложилось. А как складывались русские дела на Востоке?

Конкистадоры и востоковеды (от Монголии до Тибета)

Может быть, в своей международной политике Александр III нигде не был столь осмотрителен и неспешен, как на Востоке. Никак нельзя говорить, что эти сопредельные России громадные территории никак не интересовали и не привлекали царя. Напротив! Он придавал величайшее значение сибирской и дальневосточной частям империи, очень заботясь об их заселении русскими людьми, и об устройстве там железнодорожного сообщения, и всей современной цивилизованной жизни. А вот территориальное расширение государства в тех направлениях он не находил ни разумным – ни необходимым.

Кажется, он ясно сознавал, что его государство ещё не успело надлежаще освоить и «переварить» даже те бескрайние пространства, что у него уже есть, и для него главной задачей было именно глубокое и надёжное освоение имеющегося, а не приобретение нового.

И это вовсе не означает, что Россия при нём вовсе не обращала внимания на сопредельные народы и страны. Как раз наоборот – при Александре III исследования далёких восточных сопредельностей весьма активизировались, и русские экспедиции в те края приобрели едва не системный характер! Они проникали в Китай, Монголию, Синьцзян, Тибет… И нет необходимости отмечать, что у всех этих экспедиций имелись цели и не только сугубо гуманитарные, но и разведывательно-военные. Внимательное картографирование, знакомство со стратегическими и тактическими важными объектами, оценка боеспособности гарнизонов и армий – всё это обязательно входило в круг серьёзных занятий тогдашних русских экспедиций. И, в первую очередь, это было свойственно экспедициям Пржевальского. В них всего ярче проявился характер военных исследований и, мы бы сказали, дух колонизаторства огромных территорий вплоть до Тибета и… Индии!

Темой нашей книги не является обзор всей русской исследовательско-разведовательной деятельности в дальней Азии и на Востоке, мы ведём речь о главных направлениях и свойствах восточной политики нашей страны при Александре III. А потому остановим своё внимание на политической значимости двух главных востоковедов России – Н. М. Пржевальского и Э. Э. Ухтомского.

…Пржевальский прекрасно известен современным россиянам

и потому наше обращение к его трудам будет не слишком пространным. А вот Эспер Эсперович Ухтомский забыт соотечественниками основательно, и нам, очевидно, следует сказать о нём, по возможности, полней и понятней. Но начнем с Пржевальского.

Эта яркая сильная натура, кажется, была из такого ряда людей как Колумб и Магеллан, а ещё более как Кортес и Писарро. Этого великого и замечательного человека снедало стремление к новым и новым горизонтам, и в нём неугасимо жило горячее желание не только проложить для России пути к Тибету и Индии, но и закрепить там российское влияние и достигнуть присоединения всех пространств до самых британских границ в Индии.

Душой это был не только прирожденный первооткрыватель, но и завоеватель, активно призывающий Россию покончить с промедлениями, и всей своей силой раздвинуть застоявшиеся границы, и максимально отодвинуть их к Востоку и Югу! Вот таков был Николай Михайлович Пржевальский – зоркий отважный исследователь, неутомимый открыватель новых земель и настойчивый продвигатель идей расширения пределов России. А каков был Ухтомский?

Князь Э. Э. Ухтомский – это потомок древнего ярославского княжеского рода, идущего от Рюриковичей. Владения Ухтомских располагались между нынешними Рыбинском и Пошехоньем. Предки Эспера Эсперовича имели доблестное прошлое, они участвовали в Куликовской битве и прославились в войнах с казанскими татарами, все они достойно служили России. Больших богатств Ухтомские не нажили, а вот научной известностью были богаты. Например, физиолог (создатель теории доминанты). А Эспер Эсперович – замечательный специалист по восточным религиям и восточному искусству. Он особенно увлекался исследованиями буддизма и в 1880-е годы ярко заявил о себе целым рядом научных экспедиций по Бурятии, Калмыкии, Монголии и Китаю. За свою жизнь он собрал огромную коллекцию произведений восточного искусства (сейчас она находится в Эрмитаже).

Авторитет его как востоковеда был так велик, что Александр III включил его в свиту Цесаревича Николая в заграничное путешествие для проведения уроков по восточному искусству. Современный американский историк Дэвид Схиммельпеннинк считает, что литератор и публицист Э. Э. Ухтомский являлся лучшей кандидатурой на роль наставника по восточным вопросам.

Современники знали Эспера Эсперовича как вдумчивого

писателя, печатавшегося в «Вестнике Европы» и «Русской мысли», и одно время издававшегося в «Санкт-Петербургских ведомостях». Его перу принадлежали солидные научные работы, а в их числе и фундаментальная книга о путешествии Николая II на Восток, переизданная на английском, французском и немецком языках. Вот такой человек старался много влиять на русскую восточную политику. Какими были его взгляды? Если высказать предельно кратко, то вот таковы: долг России на континенте – активней включаться в восточные дела! Он всегда заявлял, что Россия своей исторической судьбой призвана быть ведущей силой во всей Азии. Для подтверждения основательности таких заявлений он разработал оригинальную теорию, согласно которой между Россией и Востоком не существует никаких глубоких цивилизованных решений. Кажется, это он и есть один из самых первых русских евразийцев, задолго опередивший Л. Н. Гумилева. Вот его весьма красноречивое заявление по этой теме: «… пора же русским людям, хоть и не без греха, да выразить какие-нибудь определенные мысли по поводу своего наследия от весьма бывших и полезных Чингисхана и Тамерлана». (Уважаемый читатель! Узнаете в этих словах гумилевское евразийство, тоже обращавшееся к «наследству» монголов и едва не гуннов?)

А переходя к конкретным суждениям, Ухтомский говорил, что для русских в Азии нет никаких естественных границ, кроме океана. Он не смущался заявлять, что «наше» ещё не определено ни Алтаем – ни Байкалом. Остановиться здесь для России было бы проявлением геополитической слепоты. В обоснование своих взглядов он опять же приводил своё мнение о том, что Россия глубоко чужда Западу, а напротив, очень близка многим азиатским цивилизациям, например Индии.

Оригинальная теория первоначального евразийства, разрабатываемая Ухтомским, опиралась на нравственное и правовое равенство народов России (не в пример англичанам в Индии). Исходя из этого, её автор утверждал, что Россия, собственно, на Востоке вовсе ничего и не завоевывает, а просто самым житейским порядком бытийно и душевно сливается с инородцами. Эти мысли привлекали многих в царском окружении, тем более что Эспер Эсперович дружил с С. Ю. Витте и имел самое доброе знакомство с царем…

Вот так с двух очень разных позиций, но имеющих одинаковую цель, Пржевальский и Ухтомский влияли на российскую восточную политику. Пржевальский – как отважный «конкистадор», а Ухтомский как многодумный учёный. Продвигаемая ими идеология восточничества оказалась очень привлекательной и соблазнительной. Но, к чести Александра III,

он смог за её внешней очаровательностью разглядеть и немалые угрозы для устойчивости бытия Российской империи. И с уважением, и даже восхищением относясь к трудам Пржевальского, император оказался способен заметить за ними и немалый экстремизм, способный создать уклон к рискованным политическим действиям. Заранее скажем, что при его преемнике Николае II именно так и случилось: русская политика на Дальнем Востоке в немалой мере приобрела авантюрный характер, а закончилась катастрофой русско-японской войны.

Мыслящие люди тогда вспомнили эпоху Александра III, всемерно поощрявшего внимательное знакомство с дальней Азией и её глубокое изучение, но воспрепятствовавшего любой значительной территориальной экспансии в этом направлении. Время и здесь подтвердило осмотрительную мудрость политики Царя-Миротворца. Было самое время вспомнить его многозначительные слова: «Для России страшна не сама война, а её последствия…» И 1905-й, и 1917 годы зловеще подтвердили справедливость таких суждений.

* * *

Мы посильно рассмотрели внешнюю политику императора Александра III, проследив её главные проявления на Юге, Востоке и Западе, и можем судить о том, что миротворчество русского императора было его великой заслугой перед Россией и мировым сообществом. Мирная передышка позволила нашей стране начать индустриальное движение, которое к началу XX века обеспечило вхождение России в число ведущих промышленных держав мира. Этот рывок начался и развивался при Александре III: через выкуп железных дорог, поощрение иностранных инвестиций и налоговых реформ Н. Х. Бунге, облегчение хозяйственного положения крестьян и оживление русского внутреннего рынка.

И на этом нам, очевидно, следовало бы обратиться к внутренней политике Царя-Миротворца. Но наши предшествующие строки уже ясно сказали о том, что едва ли не главным её содержанием была экономическая деятельность. А потому мы переходим к посильному рассмотрению экономических стратегий и тактики императора Александра III.

Российская экономика

…Эпоха Александра III – это замечательный период в развитии российского общества, время существенного экономического подъёма

Дэвид Схиммельпеннинк

(Йельский университет, США)

Должно быть, рассуждение об экономике следует начать с того, что новому императору после его отца досталось весьма расстроенное хозяйство страны, не успевшей адаптироваться к новым порядкам, установленным великими реформами. Ряд исследователей тогдашней экономики заявляют, что после Александра II в ней царил хаос. Бюджет гигантского государства был сильно подорван войной, реформаторской перестройкой, разгулом терроризма.

При этом коррупция приобрела небывалый размах, процветавшая система частных железных дорог фактически не давала денег в казну. Отношения в сельском хозяйстве были ещё весьма не определенными и порой даже не понятными. К тому же его сильно подорвали несколько неурожайных годов, следовавших один за другим. Необходимость оздоровительных мер подлинно стучалась в двери России. Но каких мер? Каких перемен? И как эти перемены проводить? Не усугубят ли эти самые перемены и без того тяжелое состояние экономики? Ведь и реформ, и перемен уже было так много, а дожидавшейся доброй отдачи от них всё не было и не было…

И царствование Александра III началось при великих несогласиях в обществе о том, как же прийти к стабилизации и развитию экономики. И эти несогласия не стихали, а напротив, всё разгорались. В российском общественном мнении количественно явно преобладал некий «антииндустриальный консенсус». Как самые крайние консерваторы, так и самые левые радикалы были одинаково решительно против развития индустриального капитализма. Их, в равной мере, пугал такой путь развития страны, при котором неизбежно возникал «рабочий вопрос» и целый ряд социальных проблем.

И те и другие, казалось бы, самым неожиданным образом

сходились в искреннем желании того, чтобы Россия как-то миновала капитализм и из сегодняшнего состояния шагнула прямо в некий аграрный социализм. А изделия, производимые промышленностью, при этом можно безо всяких проблем за русский хлеб покупать на промышленном Западе. И их совсем не смущало, что при таких обстоятельствах Россия вскоре станет ни чем иным, как всего лишь сырьевым придатком Германии… (Не правда ли, все это живо и постыдно напоминает недавнюю политику Ельцина и Гайдара?)

В лагере таких мыслителей было подавляющее большинство, подавляющее большинство тех, кто видел Россию именно аграрной страной с сугубо хлебородной экономикой, начисто отрицающей идею её индустриальной независимости. Об экономической уверенности у них как-то даже и речь не заходила. Но если таких людей было подавляющее большинство, то кто же имел иное мнение?

Против большинства, настаивающего на сохранении практической неподвижности сельскохозяйственной национальной экономики, выступали совсем немногие. Они группировались вокруг известного публициста Михаила Каткова. На страницах его газеты выступали известный математик профессор Иван Вышеградский, молодой путеец Сергей Витте, великий химик и экономист Дмитрий Менделеев. Идеи этой небольшой группы, дерзко выступившей против подавляющего большинства, кратко и выразительно сформулировал Менделеев: России нужно развивать свою промышленность, осваивать свои природные богатства и защищать свой внутренний рынок твердым протекционизмом. Иначе России не быть в числе ведущих государств мира.

Новому императору было очень нелегко разобраться в непримиримой разноголосице мнений и сделать свой выбор в правильном развитии России, тем более что его образованность в ряде случаев оставляла желать лучшего. И он долго вникал в ход экономических дискуссий, долго воспринимал аргументы обеих сторон. Долго выяснял бюджетные возможности империи. И сделанный им выбор делает честь начинающему правителю громадной страны.

Он назначает Вышеградского министром финансов, Менделееву поручает разработку теоретической базы для развития национальной экономики, а Витте поручает железные дороги с чётким указанием: провести их национализацию и осуществить создание Великого Сибирского пути.

Этими кадровыми решениями император не только безошибочно создал свой «Генеральный Штаб» развития русской

экономики, но и начал свою «хозяйственную революцию сверху». (Не правда ли, это совершенно схоже со знаменитой японской «революцией Мэйдзи»?)

А для защиты молодой российской промышленности основное правило Александра III было кратким и выразительным: покровительственные таможенные тарифы – это первые и верные предпосылки для интенсивной индустриализации!

Россия при предшественниках Александра III первостепенное значение придавала внешней политике. При нём положение решительно изменилось: царь считал, что успешной внешней политики не может быть без экономической модернизации страны, без её активной индустриализации. И он начал эти модернизации, проявил себя в этой области жизни страны руководителем волевым, вдумчивым и не зависимым в мыслях и суждениях. Император пришёл к твёрдому пониманию, что успех на фронте внешнем в первую очередь зависит от успехов на фронте экономики.

Мы уже не раз упоминали, что Александра Александровича не готовили к престолонаследию, и в его образовании имелись существенные пробелы. Но, обладая трезвым русским рассудком, он понимал, что в экономике движение на ощупь будет гораздо менее эффективным, нежели если есть для этого научно продуманный путь. И его поручение Менделееву о разработке теоретической базы развития экономики явилось замечательным государственным решением.

Великий экономист и химик разработал действительно мощное обоснование защиты национальной экономики. В своём научном труде он подробно перечислил все отрасли хозяйства, где в интересах *импортозамещения* российский внутренний рынок остро нуждается в защите, и те отрасли, где он может быть открыт, к своей же выгоде. Его программу очевидцы справедливо называли «знамением самостоятельности и немечтательного прогресса России», специалисты много раз говорили, что для русской и мировой нации она, может быть, не менее ценна, чем менделеевская периодическая система элементов.

Вызвала ли реализация этой программы для Александра III какие-либо осложнения в мировой политике? Конечно, сразу обрисовалось ухудшение отношений с Германией и неизбежная перспектива таможенной торговой войны с этим государством, которое у своей бурно растущей промышленности сразу почувствовало весьма ощутимые убытки.

Как отнёсся к этому император? Он не смутился обострением отношений с прежними исконными политическими партнерами России, ведь речь шла о русской экономической суверенности и

об её политической субъективности. Императорский «Генеральный Штаб» в этих обстоятельствах ясно видел необходимость смены внешней политической ориентации. Министр Вышнеградский полагал, что есть большой смысл выстраивать хорошие отношения с Францией, а так как французские капиталы уже не находят выгодного применения дома, то могут весьма пригодиться для индустриализации России.

И император принял решение об экономической переориентации на Францию, и для привлечения инвестиций такая смена курса явилась правильным ходом. И в этом случае точка зрения Вышнеградского оказалась правильной. Внимательней остановимся на личности и взглядах этого министра финансов. Кто он и каковы его экономические взгляды?

Иван Алексеевич Вышнеградский имел провинциальное и отнюдь не благородное происхождение. Он сын священника из уездного города Вышнего Волочка Тверской губернии. Математическая одаренность и великое прилежание позволили ему стать выдающимся ученым, обладавшим мировой известностью. Доктор наук, профессор Петербургского технологического института, а впоследствии и его руководитель, отнюдь не являлся узким специалистом. Будучи блестящим исследователем в прикладной механике и машиностроении, он также живо интересовался финансовыми дисциплинами и провёл в этой области ряд весьма значительных исследований, выдвинувших его в число лучших российских экономистов.

Вышнеградский отличался от своих коллег учёных тем, что с глубоким проникновением в теоретические вопросы финансового дела он прекрасно сочетал практическую работу в хозяйстве страны. Он стал видным предпринимателем, возглавив сперва петербургское водопроводное общество, а потом – общество Юго-Западной железной дороги и целую группу иных производственных объединений.

Иван Алексеевич являл российскому обществу яркий пример ученого, смело работающего в практической экономике и уверенно вошедшего в сообщество весьма богатых людей страны (к началу 1880-х годов состояние Вышнеградского превысило один миллион рублей!). Он всегда заявлял, что научное познание финансового дела должно обретать реальное применение в практической деятельности, и сам был убедительным примером таких успехов.

Напомним, что к дням начала правления Александра III уже разгорелась горячая дискуссия о способах стабилизации российской экономики. Те люди, кого наша историческая наука

непременно называла консерваторами (хотя насколько справедливо такое именование?), требовали расширить государственное участие в хозяйстве страны, усилить контроль за крупным предпринимательством, выкупить в казну частные железные дороги, ввести винную и табачную монополию. (Уважаемый читатель, это вам не напоминает призывы лучших нынешних экономистов – государственников, в частности, Сергея Глазьева, о необходимости национализировать ведущие направления промышленности и торговли?)

Иван Алексеевич Вышнеградский являлся одним из крупных русских предпринимателей, обладателей более чем миллионного состояния. Но это был убеждённый и последовательный представитель отнюдь не компрадорской, а у истинно национальной буржуазии, для которой интересы государства и нации оказывались выше интересов личной выгоды. И он постоянно заявлял о неисчерпаемости внутренних ресурсов России и о будущем её экономическом процветании.

Со статьями по этой тематике Иван Алексеевич часто выступал в газете «Московские ведомости» М. Н. Каткова. В такой гражданской деятельности его всегда поддерживал давний друг императора князь В. П. Мещерский. Александр III не мог не обратить внимания на систематические выступления Вышнеградского, императора очень привлекали смелые суждения ученого о роли государства в национальном хозяйстве и его не менее смелые взгляды на будущие хозяйственные успехи России.

Человек, прекрасно соединявший в своих трудах блестящий разум ученого и крепкий деловой почерк практика – капиталиста, виделся императору самым лучшим примером полезных трудов для развития Отечества.

И император сперва поручил Вышнеградскому подготовить доклад о способах преодоления финансового расстройства в России, а потом назначил ученого министром финансов Российской империи. Разве не замечательно это решение царя, привлекшего на этот пост в одном лице ученого, капиталиста, гражданина?

И Вышнеградский полностью оправдал надежды. Этот миллионер стал решительно осуществлять программу национализации своих доходных отраслей русского хозяйства. Приверженец глубокой веры в неисчерпаемость ресурсов страны, в правильность не олигархической, а именно национальной экономики и введения сильных таможенных барьеров для её защиты. Новый министр проявил себя как один из лучших деятелей своей эпохи.

Принимая Министерство финансов, Вышнеградский ясно

понимал, что для модернизации всего хозяйства России необходим обширный достаточно постоянный рынок для займа. Острые торговые и политические противоречия с Англией и Германией не позволяли осуществить надежное финансовое взаимодействие с деловыми кругами этих стран. Оставалась Франция, возрождающаяся после войны с Германией и ищущая политической поддержки. Движение в её сторону и началось. Первый русский заем в июне 1888 года во Франции составил 500 миллионов франков и стал решающим шагом в политической финансовой переориентации Российской империи.

Теперь отношения с Германием и Францией уравнивались, наступила эпоха финансовой независимости, позволяющая развертывать политическую деятельность государства с большой самостоятельностью.

Коли Россия находила во Франции финансовую опору, давая ей взамен опору политическую, то ещё сохранявшаяся экономическая связь её с Германией обеспечивала европейский мир даже лучше, чем какие-либо писаные соглашения или какие-либо личные желания благомыслящих людей.

А внутри самой России громадный прилив иностранного капитала давал возможность решительно перестроить денежное обращение, направить средства на генеральные важные стратегические цели. И, в частности, произошел переход от частного к государственному железнодорожному строительству. Питаемые государственными заказами металлургические заводы чувствовали себя вполне комфортно, они обрели высокую доводимость, и это вновь привлекло французский и бельгийский капиталы. И в целом наступила эпоха очень высокой экономической конъюнктуры. Железнодорожное строительство оказывалось тем звеном, за которую удалось вытащить «цепь» экономики. Оно перерастало в мощную хозяйственную политику. И не только в хозяйственную!

Железнодорожная политика в движении на Восток – это могущественное орудие как наступления, так и обороны. Она была разработана и начата при Александре III, и она открывала пути к Китаю, Персии, Афганистану.

Как мы уже сказали, хозяйственная политика прокладывала дорогу к политике международной. Именно тогда и благодаря ей, возник персидский вопрос. Россия закрыла международный транзит через Закавказье и закрыла в Батуме порто-франко и этим решительно обеспечила своим товарам монопольный рынок в Персии.

Что дальше? Оставаться Персии бездорожной или строить дороги? Французы поддержали русские интересы в Персии, и

возникла идея строить трансперсидскую дорогу до Индийского океана. Идея красивая и увлекательная, но Александр III проявил осторожность, не желая дразнить Англию.

Политические и экономические интересы возникли и в Монголии и в китайском Туркестане. А строя Транссиб на Балканах Россия не создавала острых противоречий с этим соседом. Россия поддерживала Китай, спасая его от гибели, а за это приобрела право соединить наш телеграф с китайским, создала русско-китайские банки и получила железнодорожные концессии в Маньчжурии. Вот так железнодорожное строительство превратилось в большую и выгодную международную политику. Активная финансово-хозяйственная деятельность давала свои плоды и, очевидно, можно считать, что к концу 1880-х годов в России завершался первый период создания капиталистического хозяйства, сменившего хозяйство крепостническое. То есть произошел период первоначального наполнения.

Вышнеградский сумел добиться много: повысил налоговые поступления в казну, покончил со сверхсметными ассигнованиями, конвертировал часть государственного долга, упорядочил железнодорожное хозяйство, активизировал торговый баланс. И в результате постоянной научно-обоснованной экономической политики бюджет страны избавился от дефицита, а Россия обрела очень значительный запас золота (нам здесь будет уместно вспомнить, что такую же финансовую политику в обнищавшей Португалии провел профессор Салазар, научивший страну жить по средствам и на этом выстроивший её хороший достаток).

Все эти труды и успехи И. А. Вышнеградского уверенно вели государство по пути создания подлинно национальной экономики. Например, наши протекционистские тарифы 1891 года не имели равных в Европе по степени защиты своих производителей. И ещё в 1889 году Вышнеградский ввёл государственную монополию на железнодорожные тарифы. Хочется отметить, что для хозяйства России финансовая политика, проводимая Вышнеградским, Бунге и Витте, была глубоко оздоровительной и укрепляющей её положение в мире.

Эти выдающиеся экономисты обрели успех в своей деятельности, благодаря твёрдой и неуклонной поддержке императора. Витте писал об этом: «Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной, что страна без сильной обрабатывающей промышленности не может быть великой… Он неизменно

настаивал на введении протекционистской системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительной развитой промышленностью и недалеко то время, когда Россия будет одной из величайших промышленных держав».

…Твердость курса на развитие собственного российского хозяйства не изменяла Александру III на протяжении всего времени его правления. Но означает ли это, что в обществе в тот период стихли дискуссии о методах и способах ведения хозяйственной жизни? Нет, они не могли стихнуть уже потому, что и всей Европе были свойственны такие теоретические споры и практические поиски наиболее надежных путей в будущее. Ожесточенно сталкивались мнения либерального и протекционистского «лагерей» экономистов. И за каждым были свои весомые мыслительные аргументы. И, более того, за каждым были очень ощутимые практические успехи!

Совершенный либеральный путь в своей хозяйственной деятельности избрала Англия. (И она была – успешной!) Совершенно протекционистским путем уверенно шла Германия (И она тоже была успешной!) Что же больше подходит для России?

Как мы уже говорили, Александр III долго вникал в суть экономических достижений ведущих европейских держав и много интересовался суждениями русских ученых и практиков. А они (как Вышнеградский и Менделеев) во многом шли от германской теории и практики, которые в условиях английского господства на европейском рынке («Англия – мастерская мира!») верно избрали протекционизм как лучший способ создания собственной германской жизни.

Великий немецкий философ и общественный деятель Иоганн Готлиб Фихте ещё в 1800 году издал трактат «Замкнутое торговое государство», провозглашавший лозунг отечественной промышленности и торговли. Фихте ещё во время Наполеона писал: «…немцам был дан совет, сделать себя независимыми от мировой торговли и замкнуться в качестве торгового государства!» (Разве это не есть здравое зерно первоначального учения о спасительном для нации внутреннем рынке? Такой, какой сейчас есть в Китае!)

Так этот замечательный памятник теоретического протекционизма в России был впервые первоначально издан лишь при Александре III! (А потом издан… в советское время. И. В. Сталин хорошо понимал спасительность внутреннего рынка.) После Фихте самым видным немецким протекционистом, очевидно, был Фридрих Лист, доживший до 1846 года. Его идеи уверенно реализовал сперва в Пруссии, а потом и в объединенной

Германии знаменитый Отто фон Бисмарк.

Отдадим должное этому «железному канцлеру» – он прислушается к участникам популярной научной школы и, отказавшись от сотрудничества с обанкротившимися либералами, содействует практической реализации многих взглядов этих ученых. К чести германских промышленников они осознавали, что, кроме государственного протекционизма, в развивающейся стране должна иметь место и реальная забота о трудящихся. Забота самая насущная и всеми ощутимая. Сегодня уже давно признано, что пионером в области обеспечения работников жильем выступил «пушечный король» Германии Альфред Крупп. Ещё в 1856 году он возвел первое общежитие для рабочих на двести человек прямо на территории завода в Эссене; в 1863 году, когда число рабочих достигло 4229 человек, Крупп построил первый рабочий городок из девятиквартирных домов. Каждая из квартир состояла из трех-четырех комнат. Причем, газ и воду в жилье поставляло предприятие. Уже в 1874 году Крупп построил еще 2128 квартир, всё для найма, но по цене в два раза ниже чем в среднем по городу Эссену.

В 1880 году, когда на заводе работали порядка двенадцати тысяч человек, предприятие располагало не только собственным жилым фондом, но и автономным газоснабжением, водонасосной станцией, пожарной частью, школой, госпиталем, магазином. В обмен на постоянно расширяющееся социальное обеспечение Крупп требовал от рабочих безусловного отказа от распространения революционных экстремистских идей, проведения митингов и стачек. За соблюдением договоренности следила полиция. (Кажется, так и можно было предотвращать социальные неудовольствия или склонности к революционным действиям?)

Лист размышлял с чисто немецкой строгой рациональностью: «…при современных мировых отношениях молодая, не обеспеченная покровительством промышленность не в состоянии развиваться при свободной конкуренции с промышленностью, давно уже окрепшей, покровительствуемой на своей собственной территории». Казалось бы, как это просто и понятно…

Но это совершенно реалистическое мнение о создании сильного национального хозяйства было понятно далеко не всеми. Эта линия Фихте – Листа – Бисмарка – Александра III – Вышнеградского – Витте – Менделеева встречала большое сопротивление и на мировой арене, и в самой России. Ещё бы, в целом ряде ведущих отраслей хозяйства (например, в сети железных дорог) выросли целые «особые царства» тогдашних «олигархов», владельцы которых хотели жить не по

национальным, а по своим собственным законам. (Разве это не похоже на нашу нерадостную сегодняшнюю действительность?)

Но император не был смущен никакими неодобрениями и никакими противодействиями, он ясно понимал, что Фихтевская традиция «изолированного государства» и жесткого протекционизма необходима для любой национально мыслящей власти. А власть Александра III была именно таковой.

Более того, царь пришел к безусловному выводу о том, что русская национальная политика и либеральная экономика абсолютно несовместимы. Так было в Германии и так есть в России.

Вышнеградский, Витте и Менделеев обрели мощную опору в реализации своих экономических идей. С. Ю. Витте: «Фритредеры считают протекционистскую систему выдумкой взбалмошных умов. Но история свидетельствует, что система эта представляет собой средство к национальной независимости и могуществу… Большая нация должна базировать свою экономическую жизнь на внутреннем производстве и потреблении».

Не без улыбки можно отметить, что в этом направлении Витте мыслил почти по-марксистски: «Во всех отраслях современной промышленности основными материалами для изготовления орудий производства служат железо, чугун и сталь. Размер потребления этих металлов в стране является показателем её промышленного развития…» (Разве не так размышляет современный ведущий экономист Сергей Глазьев? Но многие ли его слышат?)

С. Ю. Витте старался разъяснять, что добросовестные займы и одновременно строгий протекционизм уже дали в странах Европы самый высокий экономический рост и самую высокую норму прибыли.

…Мы уже не раз цитировали высказывания С. Ю. Витте и не раз называли его в основном ряду русских хозяйственников, сторонников «национальной экономики». И, очевидно, нам следует полней и подробней сказать об этом человеке, занимавшем при Александре III пост главы Министерства путей сообщения. А после и Министерства Финансов. При Царе-Хозяине на этих ключевых постах не мог оказаться заурядный человек. А Сергей Юльевич Витте и не был таковым. Многими своими деловыми и личными качествами он выделялся из своих руководящих сотоварищей. И у современников, и у последующих знатоков того времени мнения о нём совершенно неоднозначны, а порой и совершенно противоположны.

Авторы этих различных суждений сходятся лишь в немногом. А именно в том, что Витте был весьма амбициозен, руководяще

резок с людьми. Очень целеустремлен и обладал твердой верой в свою высокую созидательную миссию. В какую именно?

Но вот здесь сложности и начинаются. Сергей Юльевич как русский мыслитель сложился в среде русских славянофилов, и он глубоко верил в совершенно самобытный путь развития России. Но! Но именно он, так много сделавший для модернизации России, сильно изменил её самобытность и сильно приблизил её к Европе.

Некоторые пытались объяснять его сложность мышления и действия личности старинными голландскими корнями реформатора. Другие вспоминали о родстве его предков в исконно русской фамилии Долгоруких и при этом ссылались на его изначальное славянофильство. Так или иначе, но этот молодой «русский голландец» изначально серьёзно интересовался теорией Фридриха Листа и её реализацией Отто фон Бисмарком. Он высоко оценит «национальную экономику» Листа и решительно предпочтет её космополитичной политэкономии Смита, Милля, Рикардо. Желая познакомить россиян с основными моментами суждений Листа, он в 1889 году издал брошюру о нём и его теории. Это было второе издание с красноречивым подзаголовком «К вопросу о национализме». В этом издании Витте очень принципиально заявлял: «Мы совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и национальными нуждами ради отдаленных и гипотетических интересов человечества».

Этой публикацией Витте прямо участвовал в общероссийских поисках ответа на нелегкий и всё ещё спорный вопрос – можно ли быстро превращать громадную аграрную страну в сильное промышленно развитое государство? Он заявлял, что пример Германии подтверждает такую возможность, но для успешных действий необходимо центральное государственное регулирование всего хозяйства.

Развивая эту мысль, наш «русский» Бисмарк (С. Ю. Витте!) заявил, что уже на стыке девяностых годов страна была готова перейти на золотой стандарт, потому что на эти годы удачно пришлись сразу несколько важнейших факторов, а именно: бурный прирост населения, увеличение производства хлеба (с 263 миллионов четвертей до 332 миллионов), рост экспорта (с 656,4 миллиона до 667,3 миллиона рублей) и рост сети железных дорог (с 21 195 до 34 500 верст) и был в целом большой прирост производства, так, если в начале 1890-х годов ежегодно утверждалось около 12 уставов новых акционерных обществ, то в конце 1890-х годов – свыше четырехсот.

При участии иностранных капиталов с нуля создали трубопрокатную промышленность, крепко встала на ноги горно-

металлургическая индустрия. И уже просматривался курс на постепенное настойчивое избавление от большого иностранного присутствия в экономике. Так мыслил Витте.

Протекционистская политика включала многое – от торговых тарифов до сети дорог, до банковской системы и даже до образования. И, кстати, вполне вероятно, что Менделеев, если б он сейчас был жив, то объяснял бы сегодняшний глубокий провал русского образования и науки как раз отсутствием протекционистской торгово-промышленной политики. Он припомнил бы, что, например, США, защищая своё молодое хозяйство, протекционистски действовали целых 150 лет!

«Госкапитализм в России был и остается, пожалуй, единственным способом при переходе общества из одного экономического состояния в другое, чтобы избежать перерастания тлеющего социального конфликта в открытый социальный коллапс» Об этом, вполне согласно со своими экономистами, мыслил и император Александр III.

Полемизируя со сторонниками английской экономической модели «открытых дверей», российские «александровские» экономисты нередко прибегали к аргументации как весьма масштабной (общероссийской), так и к аргументации использования «одного конкретного рубля». Может быть, наиболее предметно хотел рассуждать Витте. Он заявлял, что «из рубля уплачиваемое за изделие предприятие учрежденного хотя бы и при посредстве иностранного капитала приблизительно от 20 до 40 копеек должны остаться русскому рабочему, затем значительная часть пойдет на оплату сырья и вспомогательных материалов, и только от трех до десяти копеек придутся на прибыль самого предпринимателя.

При уплате же за товар, привозимый из-за границы, весь рубль уйдет из России, и ни производитель сырья – ни производитель топлива, ни, наконец, рабочий не получит ни копейки».

Мы не можем сказать, насколько искренни и точны эти цифры, но в своё время Витте смело выносил их на полемическую арену, и это позволяет предполагать, что их объективность, по крайней мере, значительна. И император был вполне согласен с основными мыслями своих сторонников-экономистов.

И в 1881 году с его приходом к власти он сразу заявил о себе как об убежденном стороннике протекционистской политики, и поворот в таможенном регулировании стал неизбежным.

И в последующие годы и даже десятилетия ставки тарифов пересматривались почти ежегодно, и каждый раз они возрастали. Как оценивали это в Европе?

Там четко поняли, что эпоха широко распахнутых для них дверей в хозяйстве России безвозвратно закончилась. А ведущие европейские экономисты признавали, что российский таможенный тариф по европейской торговле, утвержденный императором 11 июня 1891 года, является своего рода образцовым творением государственного попечительства о национальном труде в протекционистском направлении.

Для государственно мыслящих ученых-экономистов во второй половине XIX столетия протекционистская политика была явлением совершенно естественным и разумно неизбежным. Витте разъяснял эту объективную естественность очень доходчиво и просто: «Чтобы правильно судить о значении протекционизма и свободы торговли, надо рассматривать вопрос не вне времени и пространства, а применительно к условиям, в каких живет каждая страна… Свобода торговли – это для России идеал, к которому мы должны идти суровым протекционистским режимом». И этот режим и становился очень суровым, ведь если в семидесятых годах средняя ставка наших таможенных тарифов равнялась примерно 13 процентам, то после введения тарифа 1891 года она составила 31 процент!

Император мог гордиться тем, что его Министр финансов называет яркие подлинные цифры экономического продвижения России. В 1890-е годы обрабатывающая промышленность страны насчитывала более 30 тысяч заводов и фабрик. Выплавка чугуна поднялась до 35 миллионов пудов, а к 1897 году достигла и 114 миллионов пудов. А через всего один год этот показатель составил уже и 134 миллиона пудов!

Витте стремился искать государственную выгоду повсюду. Для этого он ввел косвенные налоги на предметы первой необходимости, и это приносило в среднем до ста миллионов рублей ежегодно.

Он же настоял на введении питейной монополии, и это дало новый приток средств в казну. И в руках государства сосредотачивалась громадная часть всего российского дохода. Возросло ли от этого благосостояние народа? Полагаем, что оно понизилось, ведь косвенные налоги всё равно изымали денежки из народного кармана. Но, очевидно, для перевода страны на капиталистические рельсы это было явлением неизбежным. Получается, что самодержавная империя активно и мощно строила капиталистическое общество?

Именно так. Это была решительная попытка насаждения капитализма сверху, но с желанием сохранить и прежнюю сословность общества, и привилегии дворянства. Современные ученые нередко называют все эти сложные действия «Имперской

индустриализацией». Это напоминает японский путь модернизации, но, разумеется, с российскими особенностями.

Что получилось в результате таких огромных и очень жестких усилий? Мы полагаем, что получался своеобразный государственный русский капитализм.

Многие специалисты говорят, что александровская модель весьма напоминает сталинскую – такой же форсированный марш к индустриализации за счет сурово притесняемого аграрного сектора. Не станем называть целый ряд и принципиально и фактических глубоких различий этих модернизационных явлений, но скажем, что для аграрной страны этот путь был, увы, естественен.

Иностранные инвестиции играли громадную роль, мирная передышка имела величайшее значение, но ещё большую значимость имел широчайший русский экспорт товарного зерна. В конце XIX и начале XX веков Россия стала мировым лидером по производству товарного зерна. На мировые рынки она поставляла больше половины всей ржи, пятую часть пшеницы, треть ячменя и четверть всего мирового овса. И это была очень напряженная торговая политика, она доставалась нелегкой ценой – при громадном вывозе зерна в отдельных губерниях ощущался его острый недостаток и даже случался голод.

Вот такой, дорогой ценой Россия смогла обеспечить себе мощный рынок в индустриализации. Капитализм в России становился безусловной реальностью, а главным «капиталистом», очевидно, явилось государство. Ведь именно ему принадлежали многие железные дороги, многие предприятия горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, а также и многие машиностроительные заводы, а в первую очередь военные и почтовая и телеграфная связь.

Как воспринимали С. Ю. Витте его современники? Воспринимали по-разному. Многие совершенно одобряли его действия. Но были и люди, резко порицавшие «русского Бисмарка». Ему приписывали глубокие масонские связи и продажу русских интересов еврейским банкирам. В частности, говорили, что крушение некоторых русских крупных фирм произошло именно по вине еврейских финансистов, которым немало посодействовал Витте.

Мы не можем определенно сказать, была ли в этих слухах доля правды, и насколько значительна она была. Но можем вспомнить, что за время деятельности этого человека из-за границы в Россию поступило более миллиарда инвестиций. И в российском хозяйстве наблюдалось большое оживление как государственного, так и частного секторов.

Оставался ли Витте неизменно верен своим взглядам, отразившимся в делах эпохи Александра III? В целом, кажется, это было именно так. Но ему была свойственна и определенная эволюция в восприятии экономической жизни страны. Но после александровского этапа развития России Сергей Юльевич стал думать, что, пожалуй, уже подошло время, когда частному капиталу можно дать и гораздо бóльшие возможности. Очень интересные мысли он высказывал о русском сельском хозяйстве. Он считал, что развитие деревни нужно значительно ускорить, а для этого нужно изменить суть крестьянской общины. Из неё можно будет выходить, но ещё лучше общину иметь в качестве ассоциации свободных производителей. (Разве это не приближает его к исканиям Чаянова о кооперативных объединениях?)

И, во всяком случае, Витте была свойственна трезвая оценка хозяйственной и политической жизни страны, и он до конца своей жизни оставался сторонником мирного развития, без войн и иных потрясений. В частности, он решительно не одобрял авантюристически начатую политику на Дальнем Востоке, в Китае и в Корее. И история вскоре подтвердила его правоту. Уверенная зависимость суждений русских экономистов и их успешное внедрение в государственную жизнь позволяют думать, что у нас германская модель развития была воспринята творчески и была продиктована не столько чувством разумного подражания, сколько разумным обращением к рациональному ведению хозяйства России.

Безусловным союзником Витте стал Д. И. Менделеев, последовательно продвигавший идеи развития русской добычи угля и нефти и их отечественной переработки. Дмитрий Иванович был автором идеи нового пространственного развития России. Этой идее была присуща громадная провидческая смелость. Например, ученый заявлял, что центр экономической жизни страны должен быть перенесен в её географический центр, в Западную Сибирь.

Для многих это заявление было большой неожиданностью, и оно породило немалую дискуссию.

Дискуссионность вопроса была вполне ожидаемой. Русские политики и русские предприниматели привычно воспринимали Сибирь отнюдь не ограниченной частью империи, а скорей её колониальным придатком. Это русское восприятие Сибири хорошо прослежено в трудах Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе. В них совершенно объективно отмечается, что для русских XIX века Сибирь была лишь территорией богатых природных ресурсов, некой громадной «торговой колонией».

Такая реальность глубоко огорчала передовых русских

экономистов как в столице, так и в самой Сибири. Экономическим размышлениям, например, горячо откликались труды сибирского историка А. В. Ремнева. Он верно отмечал: «…в империи господствуют стереотипы, что только та земля может считаться исконно русской, где прошел плуг российского пахаря».

И он продолжил это наблюдение выводом, что «крестьянская колонизация становится важным компонентом имперской политики, а крестьянин – эффективным её проводником. А ежели так, то давно пора изменить государственное отношение к Сибири как к торговой колонии, а сделать её полноценной частью империи, направив туда поток крестьянской колонизации».

Ремнев так и назвал свою книгу «Вдвинуть Россию в Сибирь». Её автор проявил себя наблюдательным политологом, весьма чутко улавливающим разницу между крестьянством коренной России и её посланцами на русский Восток. Он выразил это весьма четко, например, в таком умозаключении: «…империя направит на свои восточные окраины русских переселенцев, которые сознают себя как передовые форпосты России, что усиливает их национальную идентичность. Русские крестьяне здесь сильнее, нежели в центре страны, отожествляют себя с Русским государством, которое их защищает и которое они также призваны защищать».

Взгляды рационально мыслящих экономистов на развитие Сибири тогда являли много надежд на самые большие и интересные перспективы. Например, «Новое время» видело Сибирь в недалеком будущем чисто крестьянским регионом, где не было и не будет помещичьего землевладения. Известный специалист по Сибири М. В. Шиловский считал крестьянскую миграцию в Сибирь подлинной «переселенческой революцией» или же «деколонизацией» этого гигантского региона.

Оправдала ли Сибирь надежды Царя-Хозяина ещё при его жизни? В немалой мере оправдала. Поставки хлеба из Сибири начались ещё в 1890 году. А при большом неурожае и голоде 1891 года огромное значение получил поток хлеба из Сибири. Это и было началом «сибирской хлебной горячки». А в дальнейшем русский продовольственный рынок уже испытывал сильное влияние сибирских урожаев.

Так в 1897 году из Сибири вывезли 27,3 миллиона пудов зерна на экспорт. И включение Сибири в производительные силы империи сказалось на многом. Например, из них 11,8 миллионов пудов ушли на экспорт. Например, хорошо востребованной оказалась дотоле «усторонняя» железная дорога Пермь – Котлас.

…П. А. Столыпин говорил, что лишь та земля становится надежно закрепленной за государством, где уже есть достаточное

население государствообразующего народа. И отмечал, что, если за триста лет русских в Сибири набралось лишь 4,5 миллиона человек, то только за два года переселенческих трудов их там прибыло ещё два миллиона.

Александр III в рескрипте на имя наследника подчеркивал, что даже символическим открытием строительства магистрали Россия уже начинает активное освоение своих восточных пространств.

Менделеев пояснял, что при таком смещении центра страна много выиграет и выиграет практически во всех основных отраслях хозяйства уже от сокращений перевозок, от приближения переработки к добыче исходных полезных ископаемых, а, кроме того, это поможет созданию полной безопасности хозяйственного комплекса страны со стороны Запада!

И перенос центра экономической тяжести в Сибирь даст мощный толчок её развитию, которое опередит все европейские темпы. (А ведь эта задача не выполнена до сих пор, хотя частично её вынужденно пришлось решать в Великую Отечественную войну, эвакуируя промышленность на Восток…)

И эта менделеевская идея была воспринята императором со спокойной вдумчивостью, и Александр III хорошо осознавал её стратегическую ценность. Первым и главным делом царя по экономическому «уравновешиванию» частей страны и её экономической консолидации стало строительство транссибирской железнодорожной магистрали. Это было самым геополитическим масштабным решением Царя-Хозяина и самым главным производственным действием его эпохи. И нам здесь будет уместно полней и последовательней рассказать о строительстве Великого Сибирского пути и о его значении для России.

С самого начала мы хотим сказать, что император должен был обладать хорошей широтой хозяйственных взглядов и большой хозяйственной смелостью для принятия такого гигантского модернизационного проекта. И этими качествами он обладал в полной мере. Уже в мае 1882 года он поставил свою резолюцию на документах обсуждаемой идеи: «Изыскания провести безотлагательно и рассмотреть в Комитете министров». И в том же месяце император уже создавал для обсуждения вопроса особое совещание под руководством председателя департамента государственной экономики Государственного Совета А. Абазы.

Александр III лично сам следил за прохождением проектных материалов по государственным инстанциям и старался ускорить

переход к строительству. В июле 1890 года он потребовал: «Необходимо приступить скорей к постройке этой дороги».

Решение судьбы дороги шло нелегко. И виноваты в этом были отнюдь не бюрократические проволочки (которыми так преисполнено наше сегодняшнее время…). Поступило немало предложений о трассе великого пути, предполагались разные технические решения отдельных узлов дороги, возникали варианты отдельных её участков. И в феврале 1891 года император и Комитет министров приняли ряд решений, которые внесли ясность в судьбу большого числа участков дороги, и было принято важнейшее решение – прокладывать её до самого океана.

А в подтверждение этого судьбоносного для страны решения 17 марта того же года последовал Высочайший рескрипт Александра III именно о сплошном рельсовом пути до Тихого океана, исключающий отрезки с перевалкой грузов иными способами. И уже 5 марта 1891 года началось строительство самого первого отрезка дороги Миасс – Челябинск, а с 19 мая встречного участка Хабаровск – Владивосток.

Нужно помнить, что сама идея строительства Транссиба была осознана и воспринята императором гораздо раньше всех названных нами событий. Ведь впервые вопрос о таком гигантском железнодорожном пути встал ещё в конце 1885 года, когда создали первый в Сибири рельсовый путь Екатеринбург – Тюмень. И Александра III не столько восхитил этот производственный успех, а скорее опечалила его малость в сравнении с общими масштабами сибирских возможностей и надобностей. И эта печаль была совершенно обоснованной. Трезвомыслящие экономисты ясно осознавали недопустимость крайнего пренебрежения Сибирью. Так, известный сибиряк Н. Н. Ядринцев с немалым огорчением писал: «…техническая неумелость, и фабричная непроизводительность Сибири поражает. …Громадный край не может продовольствовать себя, … от гвоздя до деревянной ложки он нуждается во всём привозном и за всё платит втридорога». И Александр III стал первым правителем России, остро осознавшим всю недопустимость держать Сибирь лишь в качестве места каторги и ссылки и места добычи пушнины.

На отчет сибирского генерал-губернатора он наложил нерадостную, а скорей печальную резолюцию: «Должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора».

В этих строках хорошо слышно глубокое сожаление большого заботника, подлинного хозяина об отставании реальных

достижений от горячо желаемых целей. А Великий Сибирский путь был главной хозяйственной целью Александра III.

В его век железнодорожному строительству придавалось огромное значение, и на этом направлении достигались очень значительные успехи. Например, замечательным достижением стала Закаспийская железная дорога. Но Транссиб – это количественно и качественно совершенно иной и ни с чем не сравнимый случай. Это случай реализации совершенно уникального хозяйственного замысла.

Великий Сибирский Путь изначально мыслился как крупнейшее государственно-монополистическое предприятие. Он был задуман как мощный единый хозяйственный комплекс: пути, депо, мастерские, лесозаводы, шпалопропиточные предприятия, плавучие доки, склады, магазины, больницы, училища, школы, даже детский курорт на озере Кирачи и многое другое закладывалось в комплекс этого поражающего воображение, ещё нигде небывалого хозяйственного организма.

Мелочей не признавалось, царь мыслил, сочетая масштабность задуманного с дотошностью яркого хозяина. Вот пример такой въедливости: будки железнодорожных обходчиков должны были появляться не реже, чем через две-три версты; обходчиков следовало подбирать только из благонадежных людей. Каждый из них в полосе дорожного отчуждения мог пахать и сеять, косить траву, держать скот. На каждой железнодорожной станции следовало иметь жандарма в звании унтер-офицера. Ему предоставлялась казенная квартира. Каждая станция должна была располагать парком-садиком площадью около гектара, а в нём нужно было иметь крытую эстраду и площадку для танцев.

С большой строгостью выдерживалась комплексность строительства Пути – с очередным готовым участком дороги сдавались в использование и вся инфраструктура, и вся система социального обеспечения. То есть первый поезд приходил к уже совершенно готовой станции, располагающей жилым поселком, локомотивным депо, водокачкой, мастерскими, служебными зданиями, квартирами служащих, будками стрелочников, церковью, больницей, школой.

Нельзя не вспомнить о том, что Транссиб являлся не только великой хозяйской заботой Александра III, но и предметом его личного участия. В последний год жизни царя был создан специальный фонд для постройки по великому Сибирскому Пути школ и церквей, и до 1901 года при его помощи построили 118 церквей, и 184 школы на восемь тысяч детей. И, кстати, некоторые из этих зданий, построенных целевым порядком,

используются и сейчас. А на больших станциях открыли библиотеки и книжные магазины.

Глубоко и заботливо мыслил Царь-Хозяин о своём великом создании. Он постоянно настаивал: «Строить хорошо и прочно с тем, чтобы впоследствии не перестраивать!»

Чем был Транссиб для России? В понимании царя, это был «становой хребет хозяйства страны», который постепенно обрастет городами и заводами и создаст вдоль всей Сибири могучий хозяйственный организм. (Честное слово, на одной из главных станций этого нынешнего пути не лишним было бы запечатлеть резолюцию Александра III от 11 марта 1891 года, его размашисто энергичную подпись на рескрипте: «Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединять обильные дарами природы Сибирские области с сетью внутренних рельсовых сообщений…»)

А чем был Великий Сибирский Путь в глазах всего земного цивилизованного мира? Он стал глобальным явлением всемирного значения, это единственная в мире межконтинентальная магистраль. И она в мире до сих пор величайшая. Достаточно сравнить с ней два других столь же масштабных замысла. Знаменитая стратегическая дорога Берлин – Багдад – Басра (ББББ) была сделана гораздо позже и не оказалась сквозной. А разрекламированная трансафриканская трасса Каир – Кейптаун так и не была построена. И лишь Великий Сибирский Путь был построен и заработал на полную мощность, и принес Сибири сильное хозяйственное развитие.

И… И, оглядываясь на далекий александровский век, нельзя не признать, что бросок через всю Сибирь и Дальний Восток – это затея дерзкая, мужественная и… фантастически отважная!

Да, ведь если в начале 1860-х в стране имелось лишь 1,6 тысячи километров железных дорог, то один лишь Транссиб должен был преодолеть почти восемь тысяч километров. И это стало бы лишь началом; задуманное Царем-Хозяином железнодорожное строительство продолжилось – к 1900 году Россия имела уже 50 тысяч километров железных дорог. И в соединении с протекционизмом это дало хозяйству в России, например, рост текстильной промышленности в пять раз, а угледобыча к 1891 году возросла в двадцать один раз. И, в целом, создание развитой сети железных дорог дало стране единое экономическое пространство.

А как происходило само создание Транссиба, этого уникального хозяйственного объекта? Оно шло удивительно – за десять с небольшим лет удалось построить крупнейшую в мире магистраль от Челябинска до Владивостока, длиной в восемь

тысяч километров. И это стало абсолютным мировым рекордом в железнодорожном строительстве. Таких дорог и таких темпов строительства в мире больше нигде не было. С вводом этого великого пути русский мир менялся на глазах.

Расстояния переставали казаться грозными и неодолимыми. Ведь в XVII веке воевода из столицы со скоростью восемь верст в сутки ехал до Якутска три года! Вот это уж и впрямь было полное торжество расстояний! А в 1796 году курьер с вестью о воцарении Павла I шесть тысяч верст смог одолеть только за 34 дня. Хотя мчался со средней скоростью – 180 километров в сутки! Расстояния и тогда вполне господствовали! Но в XIX веке это было совсем не допустимым!

Если прежде от Москвы до Владивостока можно было добраться за три месяца, то по Транссибу – всего пятнадцать дней. (И хотя байкальский объезд закончили лишь в 1905 году, проложив 39 тоннелей, но и до него дорога уже исправно действовала.)

Темпы её строительства были в полтора раза выше, нежели сооружения строившейся одновременно Канадской железной дороги. Строили Транссиб в большинстве вольные русские люди. Работали в очень не легких условиях при большом объеме физических трудов: работали по 15–16 часов в сутки, удивляя иностранцев своим трудовым богатством и своей железной волей. (И ведь как-то умели обойтись без мигрантов, не завозя рабочих не из единой своей или чуждой азиатской провинции…)

Но оставим такие печальные шутки о нашей современности и возвратимся к строительству Великого Сибирского пути. Темпы его возведения действительно дивили весь мир. К зиме 1893 года уже имелось 413 километров пути, через год – 841 километр, ещё через год – более 1340 километров. Ряд дорожных объектов поражал своей необычностью. Таким был удивительный мост через Енисей. (Его уникальность начиналась уже с проектирования: сложнейший проект был разработан всего за четыре месяца, а экспертиза и утверждение прошли всего за месяц!)

Проезд моста был шириной в 5,85 метра, его вес – 5440 тонн. «Сибирский гигант» имел протяженность в 434,5 саженей (одна сажень тогда равнялась 2,13 метра), в свободное время от движения поездов он мог обеспечивать проезд конных экипажей.

Спроектировал этот небывалый мост русский инженер Л. Д. Проскуряков, своим талантом поразивший Европу. На встрече ведущих архитекторов и конструкторов в Париже Эйфель воскликнул: «Где этот генеральный конструктор?!» На вежливый поклон Проскурякова Эйфель горячо ответил: «Этим проектом Вы

сразили меня! Победа за Вами!» Зал, в котором собрались величайшие конструкторы (среди них, например, были Дизель и Маркони), дружно аплодировали этим словам великого француза.

А великий фантаст Жюль Верн (вспомните его роман «Из пушки на Луну!») провидчески приветствовал трудовой подвиг создателей Великого Сибирского пути уже в самом начале их работ: «Это был вызов, брошенный человеческим гением природе – и победа оставалась за человеком!»

А центральные французские газеты писали об этой дороге, например, вот так: «После открытия Америки и постройки Суэцкого канала история не отмечала события столь богатого прямыми и косвенными последствиями, чем постройка Сибирского дороги. Это был подвиг».

Что это подлинный подвиг, индустриальный мир Земли это отчетливо понимал. На Всемирной выставке 1900 года в Париже Великий Сибирский Путь стал главным российским брендом нашей части выставки. И что замечательно – всё, представленное в экспозиции, было *русского* производства – от средств связи до стрелок и паровозов. А сама экспозиция Великого Пути была великолепной придумкой русских инженеров, она являла собой… виртуальную поездку по Транссибу (движущуюся панораму окрестностей дороги!). Полотно этой «дороги» составляло 94 метра, на протяжении которых пассажиры железнодорожного вагона видели за окнами картины всех наиболее примечательных мест Великого Пути. Акварели, изображающие их, крепились на вращающихся барабанах, и это давало эффект либо просмотра кинофильма – либо и впрямь движения поезда.

Публика садилась в вагоны, и казалось, что поезд идет в дальний путь. А после этого «пути», выходя в другую дверь вагона, путники оказывались уже «в Китае»! То есть приезжали на конечный пункт Великого Пути.

А в целом русская часть Всемирной выставки имела очень большой акцент на неведомый европейцам мир Сибири и на её громадные богатства. Очень умелый показ был развернут с опорой на очень яркие экспонаты. (Например, в лесном отделе экспонировался двухметровый срез лиственницы, возраст которой насчитывал 450 лет!) Европа могла понять, какой богатейший «материк» Сибири сегодня открывает для себя по-хозяйски Россия. А сам Хозяин такого «материка» мог бы гордиться уже сделанным и уже замысленным.

Великий Сибирский Путь уже в ходе своего проектирования оказал огромное влияние на пробуждение и развитие русской промышленности: государственные заказы, связанные с этим величайшим строительством, стали мощным стимулом для

целого ряда отраслей хозяйства России. Ведь царь изначально требовал, чтобы на Транссибе всё делалось исключительно на русские деньги, из русских материалов и русскими руками.

Это стало небывалым для нашей страны протекционистским и патриотическим хозяйственным подходом. И стройка явилась мощным толчком для нашей промышленности, одновременно став гигантской внешнеполитической акцией России. Советская историческая наука предпочитала не отмечать как замечательную значимость Транссиба, так и исключительную роль в его создании императора Александра III, но сегодня, кажется, уже нет ни единого специалиста истории, способного принижать и то и другое. Время само привело к справедливым оценкам.

И сегодня эти оценки с разной долей сочувственности, но единогласно пришли к тому, что до строительства Великого Сибирского Пути столь высоких темпов железнодорожного строительства история ещё не знала, а участие императора в организации этого успеха было решающим. За год русские прокладывали на Транссибе от 500 до 700 километров Пути. За десять лет было сдано больше семи тысяч километров этой уникальной магистрали, и была полностью решена инженерно-экономическая задача комплексности Великого Пути. При изумительно кратких сроках выполнения работ русские смогли достигнуть безукоризненного качества.

Мировое сообщество высоко оценило замечательное трудовое свершение русских. Европейские издания не жалели для рассказов о нём сильных слов и глубоких замечаний. В газетах и журналах о Транссибе говорилось как о чём-то «колоссальном, и гигантском», и как о подлинно «позвоночном хребте русского великана». Деловитые американцы проявили полную уверенность в том, что великая дорога неузнаваемо изменит и оживит Сибирь. И в дальнейшем усматривали выводы и для самих себя.

А вот англичане в этом самом «дальнейшем» видели опасность для своего решающего влияния в Китае и в целом на Востоке. Ведь Россия железной рукой Транссиба неожиданно и очень цепко дотянулась до Приморья и Маньчжурии! Англичан успокаивало лишь то, что при громадных успехах в Сибири России долго будет не до Балкан, не до турецких проливов.

Благодаря сохраняемой мирной передышке и ряду выгодных займов, правительство смогло сконцентрировать на Транссибе большую часть финансовой мощи империи. За всё время строительства здесь освоено 1,5 миллиарда тогдашних полновесных российских рублей (а стоит напомнить, что тогдашний рубль был дороже американского доллара). Для России строительство транссибирской магистрали стало словно

торжествующе грянувшей весной промышленного пробуждения. Для всей разумной части общества оно явилось великолепной победой России, ободрившей национально-патриотическое самосознание.

Не лишним будет упомянуть, что реалистически мыслящая часть россиян сознавала значимость подъема национального хозяйства и значение возросшего престижа страны в глазах мирового хозяйственного сообщества. И глубокую приверженность царя к железнодорожному строительству высоко оценили современники. И, может быть, очень выразительным проявлением такого понимания стало изображение Александра III в форме железнодорожного кондуктора на петербургском памятнике!

Грандиозное строительство благодатно отозвалось на многих отраслях хозяйства России. Например, на создании и развитии своего собственного кадрового ресурса инженерно-технических работников. Приведем выразительный пример из этой сферы производственной жизни: первый костыль на западном направлении Пути было доверено забить петербургскому студенту-практиканту Александру Ливеровскому. (Даже и в этом имели место и Смысл, и Знак!). А впоследствии работы на самом сложном участке кругобайкальского обвода возглавит Ливеровский!

Он же станет прокладывать вторые пути от Челябинска до Иркутска, и он же закончит строительство самого последнего инженерного сооружения Великого Сибирского Пути – уникального в 600 метров моста через Амур. Ливеровский стал подлинным воспитанником и гражданином Транссиба, им обученным, выращенным и прославленным.

И в целом Великий Сибирский Путь создал для России целую армию прекрасно подготовленных технических специалистов, прошедших здесь несравненную школу трудной и увлекательной производственной практики. Созданный ими хозяйственно-производственный комплекс работал безупречно, а многие его объекты стали памятниками архитектуры и инженерного искусства.

Строительство Транссиба осуществило гигантское эффективное вложение государственных средств и дало России громадную перспективу хозяйственного освоения и развития бескрайних восточных территорий. Достаточно сказать, что создание и эксплуатация магистрали вовлекли в хозяйственный оборот территории общей площадью в два миллиона квадратных километров.

До появления этой дороги лишь на участке между Томском и

Иркутском в год перевозилось конным транспортом до четырех миллионов пудов грузов. Этим занимались 16 тысяч ямщиков и до 80 тысяч лошадей. На фоне этих цифр стоит указать, что на Транссибе одномоментно (не за всё время работ!) трудилось до 90 тысяч человек. И он уже вскоре после пуска в работу стал обрастать городами и заводами.

Сибирь – дотоле край в основном каторжный на глазах становился краем хозяйственно развитым. Так одного лишь русского масла в 1898 году Сибирь отправляла в Европу первые тысячи тонн, а в 1900 году отправила 18 тысяч пудов и в 1913 году целые 70 тысяч пудов. Эти успехи очевиднее всех, лаконичней и ярче отразил в своём выступлении П. А. Столыпин: «Восток проснулся, господа!»

Можно ли полагать, что Александр III уделял Транссибу столь большое внимание, сосредоточил свои заботы, главным образом, именно на нём? Это не так, его внимание уделялось многим направлениям хозяйства. Но в создании сети железных дорог он видел необходимейшее условие успешного развития страны и оценивал железные дороги как некий приводной ремень для развития больших российских территорий. И его немного беспокоило неправильная, по его мнению, организация русского железнодорожного хозяйства. Ещё, будучи наследником престола, он выражал недовольство наличием в России множества частных железных дорог.

А попытки вторжения в русское железнодорожное хозяйство иностранных финансовых ассоциаций вызывали у него глубокое возмущение. Одним из таких случаев стало наступление на русскую сферу железных дорог большого иностранного консорциума, старавшегося ничего здесь не создавать, а захватить уже имеющиеся самые прибыльные дороги, а в первую очередь Николаевскую.

Витте с немалым презрением писал о создавшейся ситуации: «Царское правительство, по сути, само создало негативную предпринимательскую среду в области железнодорожного дела, говоря по-другому, само замутило воду, в которой ушлое чиновничество и приближенные к нему железнодорожные короли долго и успешно ловили своих рыбок».

Такое положение позволило иностранным хищникам смело вторгаться в русское железнодорожное хозяйство. В 1857 году Наследник престола резко выступил против такой хозяйственной агрессии. Его личный дневник ярко передает чувство горячего возмущения глупой (или продажной?) позиции главного хозяйственника фон Рейтерна и его покровителя великого князя Константина («дяди Кости»).

Мерзость замысла иностранных финансистов была видна изначально, ведь пытаясь захватить прибыльные дороги, консорциум желал «расплатиться» за них… не деньгами, а облигациями! К тому же эти облигации должны были получить гарантии Министерства финансов. Русского Министерства! Александр Александрович пытался донести свой протест до отца, но «мягкотелость» Царя-Освободителя не позволила принять никаких мер.

А когда он стал правителем России и глубже ознакомился с источником государственных доходов, то он был подлинно потрясен фактом того, что эти частные дороги давали стране лишь самую ничтожную выгоду!

В 1881 году, когда на престол вошел Александр III, львиная доля железных дорог находилась в распоряжении частных акционерных обществ (из 21 220 верст в эксплуатации казны находилось лишь 57 верст), однако частные затраты на сооружение и развитие железных дорог составляли не более пяти процентов от общей суммы, остальные деньги предоставлялись государством. Только за один 1880 год расходы казны на содержание путей сообщений – 18 миллионов рублей, а чрезвычайные расходы, в том числе по уплате по гарантиям, 44 миллиона рублей. Из 37 действующих железных дорог – акционерных обществ лишь пять жили без финансовой помощи государства, остальные на 1 января должны были государству в целом 1,1 миллиарда рублей. Необходимость национализации железных дорог была явной.

Пример Тамбовско-Саратовской дороги может оказаться очень ярким и очень убедительным. Эту дорогу строили частники и муниципалитеты. Её еще и не достроили, а она уже потребовала больших ремонтов. Государству пришлось её выкупать и провести очень большие вложения в её ремонт.

При частниках эта дорога была убыточной. Постоянно убыточной! А когда стала государственной, то в первый же год принесла прибыль. В последнем частном году убыток составлял 93,8 тысячи рублей, но уже в первом государственном году чистый доход был 64,5 тысячи рублей, и прибыль ежегодно стала возрастать.

Позволим себе забежать вперед и сравнить вот такие цифры: по итогам 1888 года 76 процентов рельсовой сети принадлежали 42 акционерным обществам и лишь 23,6 процента – казне. Но к концу 1894 года у казны были уже 56,2 процента всех российских железных дорог.

С. Ю. Витте: «Императора Александра III немало шокировало такое положение вещей, что в государстве создались как бы

особые царства железнодорожные, в которых царили маленькие железнодорожные короли вроде Полякова, Блиоха, Кроненберга, Губонина и прочие и прочие. Здравый хозяйственный разум царя привел к ясному мнению о том, что нужна национализация всего железнодорожного хозяйства. И начал неукоснительный выкуп железных дорог. Чаще всего этот выкуп шел с явной переплатой, но император шел на это, сознавая важность избегать резках конфликтов с будущей и уже настоящей буржуазией и твердо веря, что от выкупленных дорог будущий доход в конце концов решительно покроет затраты».

Так всё и получилось, кроме того, в российском железнодорожном хозяйстве значительно прибыло порядка и безопасности движения.

Нужно сказать, что Царь-Хозяин весьма не доверял не только железнодорожным «королям», но и в целом крупным частным предпринимателям (как, впрочем, и крупной бюрократии). И он направлял экономический курс империи на всемерное вхождение государства в главные отрасли хозяйственной жизни России. Удалось ли ему это? Современный историк А. Полунов: «При Александре III государственное вмешательство в экономику резко усилилось». Уж привлекаемая нами точка зрения другого современного историка А. Боханова говорит об этом ещё полней, и Боханов приходит к выводу о том, что Бунге и Вышнеградский при понимании Александра III дали основу для бурной промышленной модернизации («первой русской индустриализации»). Именно эти экономические свершения эпохи Александра III стали фундаментом всего дальнейшего хозяйственного прогресса страны.

Неизбежен встречный вопрос: а в целом благодатно ли активное вмешательство государства в экономическую жизнь страны? Сперва нам будет уместно сказать, что, например, таковое вмешательство в Германии было ещё решительней и гораздо жестче. И это привело к управляемому, неуверенному прогрессу в деле индустриализации. Привело ли такое вмешательство к резким столкновениям с личными интересами крупных капиталистов? Безусловно, привело. И если в железнодорожном деле царь смягчал их недовольство и при выкупе дорог шел на явные переплаты, то например, в крупном водочном предпринимательстве он проводил более жёсткую линию.

…С 1860 года в Москве на Пятницкой улице успешно работало водочное производство П. А. Смирнова, талантливо продвигавшего своё дело. Это дело развивалась сталь успешно, что Смирнову удалось собрать бесчисленные награды на

международных выставках по обе стороны океана. При Александре III эта мощная фирма стала Поставщиком Двора Его Императорского Величества. Не менее громко звучали имена других винозаводчиков – Шустова, Поповой, Петрова, Вараксина, Бехмана Штиттера. И всё это была громадная сфера частных капиталов и частных интересов.

Но император по финансово обоснованному предложению Витте и его сторонников решил ввести в стране винную монополию. Это сильно ущемило интересы крупных производителей виноводочных изделий, для некоторых (как, например, для П. А. Смирнова) это являлось подлинной жизненной трагедией.

Но император не сомневался в нужности решения о монополии. Её цель и методы её реализации были хорошо продуманы и соответствовали идеям и мыслям программы Д. И. Менделеева.

И Витте со своим «штабом» уверенно и энергично претворял в жизнь замысел монополии. В короткие сроки создали в стране 348 казенных винных складов, на которых стали делать казенное хлебное вино. Результат для бюджета был очень благоприятным, экономический эффект весьма ощутим.

И в целом император был весьма восприимчив к советам своих экономистов. Так, он вежливо откликнулся на их замечания о пользе освоения русского севера. Его особенно заинтересовали территории Кольского полуострова. Царь стал покровительствовать тамошнему хозяйству и предложил ученым и хозяйственникам подготовить свои соображения о создании там военного флота и создании нашего самого северного незамерзающего порта.

После изучения всех представленных материалов он пришел к решению о создании на Севере порта и города (нынешнего Мурманска).

Его преемник на русском престоле император Николай II не поддержал это начинание, и порт построили на Балтике в Либаве. Увы, боевые события мировой войны показали уязвимость наших балтийских портов и показали, что и в этих вопросах Царь-Хозяин был гораздо более прав, нежели его наследник. И строить Мурманск пришлось, но уже только десятилетия спустя.

Все советские историки и немалое число современных исследователей той эпохи осуждают Александра III за проявление резкой и грубой «самодержавности» в хозяйственной жизни страны, в принижении роли местного самоуправления. Такие суждения имеют известную основательность, но во многих случаях император отнюдь не отрицал полезный характер

инициативы снизу, а в том числе и конструктивности многих позиций органов самоуправления. На этом направлении весьма показательным может быть пример отношений государственной власти и органов самоуправления Москвы.

В 1887 году там решено было строить мытищинский водопровод. И генерал-губернатор Долгоруков хотел взять дело в свои руки, отодвинув в сторону городское самоуправление. Но император решительно поддержал лидера самоуправления Алексеева, пометив решающие бумаги в его пользу: «Совершенно справедливо». Хозяйственная инициатива по обустройству русских территорий императору всегда была близка и понятна. В этом он чаще всего оказывался спокойно последовательным.

В 1889 году московский конфликт разгорелся с новой силой. Москва вновь избрала городским головой опять же Алексеева. А генерал-губернатор Долгоруков обратился к царю с просьбой: Алексеева не утверждать! Но Александр III не внял просьбе своего высокого чиновника и Алексеева утвердил. С этим лидером муниципального самоуправления он был вполне единомышлен как по стратегии развития хозяйства страны, так и по конкретным хозяйственным вопросам. Впоследствии император сказал: «Я любил его за то, что он не занимался политикой, а только делал».

Что может быть красноречивей таких слов? Ведь Царь-Хозяин всегда искал помощников в работе, а часто натыкался лишь на политизирующих говорунов… И в московском конфликте он совершенно определенно усмотрел в действиях генерал-губернатора во многом бюрократические происки. А в трудах городского головы – самую подлинную практическую пользу.

Во многом не доверяя бюрократам (и, может быть, слишком строгой своей оценке их работы), царь оставался строгим, зорким и заботливым хозяином. И, в конечном итоге, он сделал очень много для укрепления позиций государства в народном хозяйстве огромной страны и привел Россию в число бурно развивающихся стран.

При этом мы не можем не коснуться неизбежно возникающего «рабочего вопроса». Конечно, при быстром капиталистическом развитии страны он уже заявлял о себе, и при Александре III случались стачки и забастовки и происходили частные попытки террора. Требовала улучшения и жизнь российской Деревни. Мы не можем сказать, что, увлечённый развитием отечественной промышленности, император совсем не уделял внимания этим вопросам.

Нет, они тоже оказывались в поле его зрения. Именно при нём был предпринят целый ряд шагов, посильно разрешающих социальные проблемы или, по крайней мере, смягчающих их

остроту. Так, в 1886 году создали крестьянский поземельный банк и отменили подушную подать. И это заметно сказалось в облегчении хозяйственной жизни крестьян. А в промышленности был принят закон об ограничении труда малолетних и создана фабричная инспекция. В 1883 году приняли закон об ограничении ночной работы женщин и подростков и ввели меры по признанию равенства старообрядцев с другими концессиями.

Чаще всего исследователи отмечают социальную неглубокость и половинчатость этих нововведений, но нужно признавать, что до правления Александра III и таких шагов навстречу простому люду никто не предпринимал. И тогдашняя Европа тоже не могла похвастать высокой гуманностью по отношению к труду простых людей.

Но возвратимся к общехозяйственным вопросам эпохи Александра III. Консервативный курс внутренней политики (в первую очередь политики экономической!) в целом создавал ощущение большой твердости ведения дел, и это весьма способствовало смелости предпринимательских начинаний и притоку в российскую экономику иностранных капиталов. И российское капиталистическое хозяйство выросло естественным путем, а не создавалось искусственно. (Вспомним наше недавнее, когда в годы правления Б. Н. Ельцина возврат к капитализму шел вполне искусственно и принужденно. Когда для его насаждения буквально за копейки даже не продали, а просто раздали новоявленным «капиталистам» неисчисляемые государственные активы и откровенно ограбили весь народ…)

При Александре III участие государства в банковской финансовой деятельности было постепенным, но постоянным. Петербург стал банковским городом, подлинным финансовым центром страны. И в этой «денежной» жизни участвовало не только государство в целом, но и его управленческие эшелоны. В 1881–1891 годах по распоряжению Александра III на ежегодные закупки государственных процентных бумаг отводился специальный капитал (от ста до двухсот пятидесяти тысяч рублей). И к концу 1891 года Канцелярия уже имела этих бумаг на 210 000 рублей.

А личные деньги императора, хранившееся в банке, прирастали тоже, но понемногу. И во всём, проводя русскую экономическую политику, он был верен ей и в этом, сугубо частном, денежном вопросе – от иностранных бумаг он избавился и велел покупать лишь русские бумаги. Это он сделал исключительно для повышения авторитета русских финансовых обязательств. (Поступают ли так наши современные государственные люди? И где хранят они свои деньги? Этого мы

не знаем и ничего не можем судить.)

А Царь-Хозяин, приобретая лишь русские финансовые бумаги, так сказать, лично «голосовал рублем» за успех национальных денежных операций, личным примером агитируя за русский рынок.

Современные исследователи старой российской экономики отмечали, что Александр III своё личное высокое положение использовал в государственных целях, собственным примером поддерживал российские финансовые инструменты за рубежом, осуществлял свои «персональные инвестиции». За время своего правления он приобрел русских финансовых бумаг на один миллион 86 тысяч и 303 рубля.

Но это лишь непосредственно личное участие в развитии русского бюджета, а подлинным достижением на этом направлении, очевидно, являлась всё-таки миротворческая политика, обеспечившая возможность спасти от боевых расходов около 140 миллионов рублей, ежегодно поступавших в хозяйство страны. И это не означало, что Россия совсем пренебрегла серьёзными военными расходами. Отнюдь нет, следует вспомнить, например, о начавшемся строительстве Черноморского военного флота и перевооружении всей нашей армии. Царь неоднократно заявлял: «Мы никого не тесним, но я требую, что и Россию никто не теснил».

Занимаясь воссозданием Черноморского флота и не вооружая армию, Россия сумела воздержаться от войн, и эта мирная передышка была драгоценна для её экономики. Все истинные русские люди, сторонники созидательных действий, были очень довольны такой политикой. Например, Д. И. Менделеев в своих трудах дал самую высокую оценку преобразованиям, проведенным императором в области экономики и финансов: «Люди, прожившие царствование императора Александра III, сознавали, что тогда наступила известная степень сдержанной сосредоточенности и собирания сил. Миротворец Александр III, провидевший суть русских и мировых судеб больше и дальше многих своих современников, решил, что надо всеми способами покровительствовать развитию всех видов промышленности в своей стране и как можно скорее, с двух сторон повелел строить Великую Сибирскую железную дорогу, чтобы связать Россию с берегами Тихого океана»

Давая общую оценку положения России в мире в период Царствования Александра III, благодаря которому стране удалось избежать финансово-экономических, демографических и политических потрясений, Менделеев писал: «… современное положение России во всём мире определяется несомненным

ростом её промышленности, устройством её финансов, золотым обращением, союзом с Францией и явно миролюбивыми тенденциями, составляющими несомненные плоды прошлого и текущего царствования, слившихся в одно целое».

Великий ученый активно выступал за продвижение России, подчеркивая роль императора в развитии промышленного дела, он писал: «Надо было громко, со всей русской силой сказать: пора развиваться русской промышленности как залогу экономической независимости и зрелости, и как средству к достижению возможного народного благосостояния, просвещения и всяких видов прогресса: пора направить русские силы на покорение обильной природы страны, вывести её из эпохи земледельческой в более сложную – промышленную, совершенно неизбежную по строю всего образованного мира».

Напомним, что огромный толчок развитию промышленности в России дал принятый в 1881 году, с одобрения Александра III, новый таможенный тариф. В его основу лег разработанный Менделеевым институционально-хозяйственный труд «Толковые тарифы или исследование о развитии промышленности в России в связи с её общим таможенным тарифом». (Кстати, Менделеев особо подчеркивал крайнюю невыгодность вывоза сырьевых материалов. А у нас сейчас за границу разве не сырьем гонят всё – от леса до нефти?)

Цели, поставленные научно разработанной программой Менделеева, легли в основу экономической политики Александра III и его министров Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского, С. Ю. Витте. Нельзя не отметить таковых действий. Правительству Александра III никогда не были свойственны крутые повороты и «шараханья» как в политике, так и в экономике. И курс на золотой стандарт, протекционизм и посильную социальную защиту тружеников был взят едва не с самого начала. Уже в 1883 году Бунге настоял на расширении использования звонкой монеты в казенных операциях и расчетах между частными лицами.

При Бунге движение по всем вышеозначенным хозяйственным направлениям было аккуратным, но четко определенным. Сам Бунге был достаточно умеренным протекционистом, но твердым сторонником золотого стандарта и в целом упорядочения денежного обращения в стране. Одновременно этот министр финансировал и настойчиво продвигал в дело понижение выкупных платежей. Он хорошо понимал, что сбереженные крестьянами денежки никуда не пропадут, а непременно придут на внутренний рынок и будут оживлять его, сильно способствуя решению очередных вопросов

экономики (Разве не так сейчас действует власть в Китае, понижая целый ряд налогов и этим направляя деньги на рынок?)

И, видимо, министр финансов не ошибся в своих расчетах. Ведь в 1882 году, в первый год пребывания Бунге на посту министра финансов, сумма обыкновенных доходов бюджета составляла 703,7 миллиона рублей, а в 1886 году, в последний год его службы прирост составлял почти одиннадцать процентов: всего это составило 780 миллионов.

При его преемнике Вышнеградском соответственно 1887 год – 829,7 миллиона, 1892 год – 970 миллионов. Прирост равен уже почти 17 процентам. А за десять лет прирост обыкновенных доходов бюджета составил почти 38 процентов.

Как Бунге, так и Вышнеградский постоянное внимание уделяли прибавлению золотого запаса империи, и этот запас неуклонно возрастал. Если в 1887 году он составлял 281,5 миллиона рублей, то в 1893 году – уже 518,5 миллиона. (Не лишним будет сказать, что к 1896 году он был равен уже 659,5 миллиона рублей.)

Одновременно нужно понимать, что финансовая благополучность государства достигалась решающим образом за счет роста налогового времени. Налогообложение в России на душу населения тогда было самым низким в Европе. Желая благоприятствовать этому, ещё при Бунге отменили важнейший косвенный налог на соль. А Вышнеградский, постепенно повышая таможенные тарифы, этим не только помогал своей промышленности, а влиял и на снижение налогов. И здесь мы уже можем сослаться на то, что таможенные пошлины на иностранные товары при Александре III возросли в целом почти вдвое. Это поворачивало поток средств как на развитие хозяйства, так и на некоторое облегчение налогового бремени. И к 1893 году мир мог наблюдать в России огромный промышленный подъем, самый большой за весь период её капиталистического развития.

Промышленное производство возросло в два раза, при этом в легкой промышленности в 1,6 раза, а в тяжелой даже в 2,8 раза. Добыча нефти возросла на 65 процентов, получение чугуна – 250 процентов, угля – на 300 процентов, машиностроение поднялось на 410 процентов, а сельскохозяйственные машины стали производить больше на целых 659 процентов. Протекционизм сказал своё решающее слово!

Значительными были и успехи в сельском хозяйстве: производительность труда возросла в четыре раза, количество голов крупного рогатого скота поднялось на 63 процента, а урожай зерновых – даже на 180 процентов.

Если строго отделять время царствования Александра III от

последних лет правления его отца и от начального периода правления Его сына, Николая II, то цифры подъема экономики в капиталистический век развития России всё равно оказываются более чем значительными. Так, выплавка чугуна возросла на 159 процентов, получение стали – на 95 процентов, а добыча нефти на невообразимую цифру – 1463 процента! Правительство Александра III категорически настаивало на росте отечественных инвестиций в народное хозяйство, и в 1893 году доля отечественных капиталовложений в два раза превысила импортные инвестиции. И началось продвижение русских изделий на мировой рынок: так, в 1890 году коломенский завод уже продавал свои паровозы за границу.

Мы хотим ещё раз отметить, что вся экономическая политика «малообразованного» императора Александра III постоянно и неизменно опиралась на научные исследования замечательно образованных И. А. Вышнеградского и Д. И. Менделеева. Царь оказывался способным проникать в главную суть исследований своих высокоученых советников. Так, именно расчеты и рекомендации Д. И. Менделеева были совершенно приняты императором при решениях о строгом ограничении возможностей иностранного капитала. Ему не следует давать никаких прав и возможностей, кроме процента с прибыли! Именно в этих условиях он окажется полезным для нашей страны и не получит никаких возможностей для того, чтобы хозяйничать в ней.

Царь и его ведущие экономисты единомысленны и в оценке будущих возможностей Сибири и Дальнего Востока. И Менделеев, чьё деятельное внимание к этим территориям проявилось в эпоху Александра III, говорил, что царь, размышляя о перспективах нашего Востока, проявил большую хозяйскую дальнозоркость.

Например, это очень ярко проявилось в 1887 году, когда при одном из первых докладов С. Ю. Витте царь уже поставил перед ним задачу сохранения Великого Сибирского пути. Это явилось чрезвычайно смелым решением императора, ведь идея Транссиба не только не встретила сочувствия в высших сферах России, но и обрела явное осуждение многих значительных людей. Их всех смущал и пугал уже небывалый для России (и всего мира!) масштаб замысла – больше семи тысяч верст рельсового пути! От этой невообразимой цифры многие отмахивались, словно от жуткого и нелепого наваждения.

Но Царь-Хозяин видел при этом и многие другие цифры. Например, то, что дорога сможет обслужить и оживить 140 тысяч квадратных вёрст дальних русских территорий! За это не только стоит, а совершенно необходимо бороться и трудиться.

Что мог дать Великий путь оживления промышленности,

обретения полезных ископаемых и обеспечения военной безопасности? К этим громадным задачам царь причислял и вопрос о заселении русскими сибирских просторов, а в первую очередь о переселении крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Население России бурно возрастало, в европейской части страны уже остро ощущался земельный «голод», а в Сибири и на Дальнем Востоке лежали бескрайние земли, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Ключ к решению сложнейшего узла противоречий в Деревне лежал там, в Сибири и на Востоке!

Д. И. Менделеев в своей работе «Заветные мысли» писал, что вся строго последовательная, но спокойно постепенная хозяйственная политика Александра III одним из важнейших считала крестьянский вопрос.

Когда Александр III пришел к власти, то его не могло не смущать то, что весь предшествующий период экономика России развивалась как бы на ощупь. Всё шло «так, как шло», без ясно осознанной хозяйственной идеологии, без каких-либо основополагающих идей, без ясно определенных государственных целей. Так было в тарифных обстоятельствах, так было в железнодорожной сфере, так было и во всей нарождающейся промышленности и точно так же с импортным экспортом; но, может быть, всего неопределенней оказывалась российская сельская реальность.

Два главных деревенских сословия – это крестьяне и дворяне. После реформы 1861 года их положение оказывалось взаимно достаточно неустойчивым и неопределенным. У дворян началось явное, всем видное обезземеливание и утрата любого значения в Деревне. А крестьяне, недавно вышедшие из крепостной зависимости, ещё не успели приспособиться к новой реальности и, по сути дела, оказались громадным сословием, как бы утратившим какой-либо постоянный контроль за своим бытием со стороны государства.

Поскольку власть барина отошла в прошлое, а какое-либо прямое управление со стороны государства не вмешивалось в нормы «обычного крестьянского права», то имперская связь с этим сословием сильно ослабла. Перед императором встали вопросы: как поддержать безземельное дворянство и как разумно направить хозяйственный процесс у крестьян?

И тот и другой вопросы представлялись очень трудными. Век Александра III отмечен многими мероприятиями, направленными на поддержку дворянства. Здесь и организация весьма выгодного для этого сословия Специального Дворянского Банка, и создание Дворянского выигрышного займа, и защита выморочных имений от расхищения и даже учреждение особой «Комиссии для

изыскания мер к предотвращению обезземеливания дворянства».

Нужно так же назвать льготы дворянам в приобретении сельскохозяйственной техники и удовлетворении иных сельскохозяйственных надобностей. Они получили льготы в сельском винокурении, обрели представительство в земстве, получили положительные узаконения по своей государственной службе. В этом направлении важным было учреждение должностей земских начальников, следивших за общим порядком, мировыми судьями и крестьянским самоуправлением.

Стали ли все эти правительственные действия успешными? Достигали ли они цели сохранения на Селе достойного значения дворянского сословия и его надёжной адаптации к условиям нового времени? Нужно признать, что эти усилия лишь несколько замедлили процесс обезземеливания дворян, вымывания их из деревенской жизни и утраты ими своего прежнего значения.

В русских губерниях проходил почти поголовный отъезд дворян в города и полная утрата ими своего земельного имущества. Правительство желало как-то привлечь их «к постоянному пребыванию» в поместьях, чтобы дворяне оставались-таки на Селе значительной проправительственной силой. Но в целом эти старания оказывались тщетными и в таких передовых сельскохозяйственных уездах, например как наш Мышкинский, дворянство в Деревне исчезало на глазах.

В нашем уезде дело дошло до того, что остающиеся *здесь* совсем малочисленные дворяне не находили в своей совсем оскудевшей среде тех, кого можно было выдвигать на должность уездного предводителя дворянства. Горсточки дворян, располагавших совсем невеликими земельными владениями, перестали быть сколько-то значимой гражданской или социальной силой.

А как обстояли дела с гигантской крестьянской массой сельского населения? Собственно, со стороны государства этот необъятней мир был очень мало управляем до самого 1890 года, когда появившиеся земские начальники стали сколько-то представлять на Селе государственный контроль. До Александра III всеми крестьянскими вопросами в любом уезде занимался лишь «непременный член уездного присутствия по крестьянским делам». То есть всего один человек на десятки тысяч крестьян. (Как после этого говорить о времени жесткого контроля государства по отношению к русской Деревне?)

Мы полагаем, что государство вмешивалось в её дела очень мало, и его власть редко и незначительно выходила за пределы городов и слабо вторгалась в сферу крестьянского обычного права. Но если это не слишком тревожило ни само государство –

ни местные крестьянские «миры», то вопросы хозяйственные (а в первую очередь вопрос земельный!) очень тревожили и тех и других.

Основой крестьянского хозяйства всегда является земля. И при росте деревенского населения страны с каждым годом и с каждым днем всё более обостряется вопрос – где взять земли для ведения хозяйства, для прокормления семей, для установления спокойной жизни? После реформы 1861 года естественный путь обретения земли видели лишь в выкупе её крестьянами у помещиков. Правительство Александра III, содействуя решению вопроса, ввело понижение выкупных платежей, обязательность выкупа земли и обратилось к идее переселенческого движения. Для облегчения выкупных операций создали Крестьянский поземельный банк, его деятельность оказала сильный эффект, крестьянство активно пользовалось его услугами. (Но, видимо, в ещё большей мере крестьяне использовали такие источники «кредитования», как семейно-родственные связи и отходнические занятия. Такое «кредитование» значительно превышало банковское.)

Понизили выкупные платежи. На следующий год понизили подушевую подать, а в 1885 году и вовсе её отменили. К услугам банковского кредитования обращались всё большее количество крестьян, у них появились средства для покупки земли, и это вызвало в деревне появление двух важных социальных новшеств. Первое – дворяне стали активно выдвигать на рынок свою земельную собственность, и пошла уже ускоренная ликвидация дворянского землевладения!

Многие современные исследователи полагают, что это настолько озаботило правительство, что ему пришлось отказаться от работы Крестьянского банка как инструмента решения крестьянского земельного вопроса и искать другие способы его решения. Таким образом, всё более четко признавалась переселенческая политика.

А вторым, весьма серьезным, новшеством явилось создание материальной основы для появления слоя сельской буржуазии, вырастающей из самого крестьянства. Его относительное имущественное равенство стало таять, и расслоение крестьянства становилось всем видимым фактом. Впереди, в уже достаточно близком времени, просматривалось как появление сельской буржуазии, так и появление сельского пролетариата. Мыслящая часть российской элиты, разумеется, ясно различала такую перспективу и была немало встревожена размыванием и разрушением крестьянства, но не видела разрешения этой пугающей проблемы.

Высказывали даже такие безосновательные предположения как найти способ «заставить крестьян оставаться крестьянами»! Это не напоминает ли нам хорошо известные меры – заставить оставаться колхозниками? Звучали и вполне реалистические предложения – например, о выведении в каждом крестьянском хозяйстве многократного участка земли.

Какие пути для разрешения или хотя бы смягчения «крестьянского вопроса» избирало правительство Александра III? Как мы уже сказали, большое внимание уделялось переселенческой деятельности. А, кроме того, провели целый ряд мер пусть паллиативных, но всё же содействующих смягчению положения. Так, подушную подать заменили сборами, направленными на состоятельных людей, нежели на бедных. Ввели льготы для крестьян приарендованных казенных земель и по приобретению казенного леса. Семейные разделы получили некоторое ограничение; ввели положение о законном найме на полевые работы. Полезным стало и учреждение казенной питейной торговли, она устранила плату за вино домашним имуществом и инвентарем. Наконец, было утверждено Министерство земледелия и государственных имуществ, ведь большая часть сельского населения кормилась земледельческими трудами! И при Министерстве создали полуобщественный консультационный совет. Как дальше развивалась бы ситуация в русской Деревне? Как говорится, «нам не дано предугадать…» Но с цифрами в руках можно заявлять, что в те годы более двух третей всех пригодных для возделывания земель принадлежали крестьянам на основе общей и частной собственности. А к 1905 году в коренных европейских русских губерниях (Кавказа, Польши, Прибалтики) из 395 миллионов десятин земли в крестьянской собственности находились 240,5 миллиона десятин. А вся остальная часть была только государственная. А в сельскохозяйственно развитых уездах, как например, в нашем Мышкинском Ярославской губернии, крестьянское землевладение было и гораздо значительней. (Причём тут революционный лозунг «Земля – крестьянам»? Где и у кого её можно было взять?)

«Нам не дано предугадать…» Воистину – не дано. Но все тогда происходившие хозяйственные и социальные процессы при всей их глубине сохраняли стабильность социального устройства. России. И даже реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина не противоречили естественным законам развития русского сельского общества. Первичным оставались институты семьи, веры, родины. Тяжелые удары им нанесли революция и гражданская война, а окончательно разрушила русский жизненный уклад коллективизация сельского хозяйства. Не будь

их, страна имела бы реальные шансы развития естественным эволюционным путем. Будет Великая Сибирская дорога – будет и с помощью государства массовое переселение крестьян на освобожденные земли Сибири, а стало быть, будет и устранение социальной напряженности в центре страны, и будет новый мощный приток сельскохозяйственной продукции с Востока.

Вспомним, что при Александре II вопрос о возможности переселения крестьян относили к числу не только совершенно нежелательных, но и прямо запрещаемых. А Царь-Хозяин совершенно ясно видел громадную полезность как освоения новых земель, так и разгрузки старых русских территорий от социальной напряженности, царящей в Деревне.

Д. И. Менделеев: «…в два последних царствования сами перемены (а не то что подготовительный разговор о них) стали безумно и постепенно делаться живыми и плодотворными, а Великий Сибирский Путь сделал возможным осуществить их с легкостью, далеко превосходящей всё, что было прежде…»

За 1885–1904 годы общее число переселенцев в Сибирь составило около двух миллионов человек, и сибирские края впервые заявили о себе как мощный производитель сельскохозяйственной продукции.

Россия уверенно вступала в группу хозяйственно развитых стран мира, и подъем науки и промышленности уже способствовал не только количественному росту сферы сельского хозяйства, но и его интенсификации. Именно при Александре III стали закладываться научные основы повышения культуры населения.

Д. И. Менделеев: «Наука, наконец, сообразила подумать о сельском хозяйстве». И сам великий ученый немало времени и сил отдал этой сфере исследований и изучения динамики и структуры населения и хозяйства, статистике доходов городов и сел России и других стран. Им был создан целый ряд работ по агрохимии.

Мы решимся сказать, что Российское государство в эпоху Александра III с наибольшей последовательностью искало разрешения проблем Деревни. И предпринимало серьёзные и решительные меры в этом направлении. Так, кроме переселенческой деятельности, практиковали в неурожайные годы раздачу хлеба из казенных запасов для прокормления голодающих и на посев. Так, в 1891-м и 1897 годах крестьянам раздали сто миллионов пудов зерна.

Эти меры, как и другие, менее масштабные, способствовали поддержанию российского сельского хозяйства, и оно пережило кризисные годы и постепенно повышало свои показатели. И это

касается не только чисто русских губерний, наблюдалось хозяйственное оживление и на Юге. Так, в конце царствования Александра III, благодаря большим работам по орошению земель, урожай хлопка в Туркестане покрывал все годичные потребности текстильной промышленности страны, и она подошла к удвоению своего производства.

О хлопковом деле, очевидно, стоит сказать несколько подробней. В России до 1878 года ввоз хлопка-сырца из США вообще не облагался никаким таможенным тарифом. И экономист Василий Кокорев говорил, что на бездарной хлопковой политике Россия потеряла почти миллиард рублей, и он с печальной иронией подмечал, что всю страну одели в ситец, но это «ситцевый» успех оборачивался грандиозным материальным проигрышем.

Александр III уверенно продолжил строгую таможенную политику на ввоз из США, одновременно желая развить собственное хлопковое дело в Туркестане. И зарождение и развитие собственных отраслей хозяйства, конечно, не ограничивалось только одним хлопковым делом. При Александре III отечественный каменный уголь полностью вытеснил зарубежные поставки, и Россия стала выдвигать на международные рынки свои собственные нефть и керосин. Активно развивалось производство рельсов, вагонопаровозов и всех иных изделий для железных дорог. Производства, выпускающие эти товары, всегда поддерживались правительством. Министерство финансов их поощряло, учредив для этого специальные премии. А военные заказы стали получать главным образом российские заводы.

Всё это ещё раз подтверждает мнение Витте о том, что на тот период система госкапитализма для России была самой разумной и в сущности безальтернативной.

Царь хорошо осознавал правоту своих экономистов, указывающих на острую недостаточность средств в крестьянских хозяйствах, и при нём создавали государственный Крестьянский банк, осуществлявший долголетний кредит, доходивший до 90 процентов от стоимости земли при низком проценте (4,4 %, включая погашение). Этот банк являлся самым крупным в мире учреждением земельного кредита, выдававший крестьянам ссуды. В 1901 году таких ссуд он выдал на 777 миллионов рублей, а в 1917 году этот показатель стал на 600 процентов больше!

Русские ученые-аналитики видели этот уверенный рост во всех сферах народного хозяйства страны и очень дорожили мирной передышкой и политикой, направляющей все основные средства на модернизацию страны. Например, Д. И. Менделеев

решительно выступал за сохранение миролюбивой политики и отрицал нужность каких-либо новых завоеваний: «Расплываться нам совершенно не следует. А лучше даже настоятельно необходимо заняться тем, что давно стало нашим. Да и разобраться в том, что есть у себя…»

А у себя к тому времени были уже очень серьёзные успехи и достижения. Так, в железнодорожном строительстве за год удалось в среднем иметь до 500–700 верст новых путей, а лучшие достижения давали и до 2751 версты за год! И в конце XIX века железнодорожная сеть России уже составляла 53,97 тысячи километров. Из этого числа за счет казны построили 10 910 верст, а за частные капиталы – 14 500. А Великий Сибирский Путь весь выстроен за государственный счет.

…Близится к завершению эта глава, посильно посвященная вопросам экономики. Мы хотим сами себе задать вопрос: а что можно считать одним из самых главных показателей успешности большого государства? Мы полагаем, что могут последовать самые разные ответы на такой вопрос. Например, можно назвать хозяйственную суверенность, максимальную развитость внутреннего рынка, полное самообеспечение страны главными товарами, военную и продовольственную самодостаточность… И все эти ответы (как и немалый ряд других) окажутся верными и справедливыми. Но может прозвучать и ещё один (и очень важный!) ответ – это рост благосостояния населения и основывающийся на этом рост его численности. И оно отнюдь не наш собственный вывод. К нему приходили весьма авторитетные ученые разных эпох, например, века Александра III и века XXI.

Из ученых александровского времени нам опять всего основательней привлечь мнение Д. И. Менделеева. Дмитрий Иванович одним из первых очень разных факторов оценки итогов царствования Царя-Миротворца считал рост населения страны в годы его правления. По мнению ученого, этот рост являлся детерминирующим фактором, обоснованно определяющим успешность исторического курса страны. По переписи 1897 года прирост населения составлял 15 человек в год на тысячу жителей. По строгим статистическим данным этот прирост был твердо стабильным, и в конце правления Александра III в России насчитывалось 127 миллионов человек. (А двадцать лет спустя население при этом приросте составило бы 187 миллионов человек. То есть прибавилось целых 60 миллионов!)

Д. И. Менделеев отмечал, что, хоть в России и случались очень тяжелые сельскохозяйственные годы и в ряде губерний было крайне плохо с продовольствием, но в целом по стране уровень жизни ощутимо повышается и этот отчетливо

сказывалось на росте населения. В своей известной работе «К познанию России» он полагал, что при сохранении мирных отношений с соседями и с продолжением проводимой сейчас экономической политики Россия к началу двухтысячных годов будет иметь население порядка 600 миллионов человек.

Ах, если бы он мог познакомиться с нашей современной статистикой! Во всём СНГ к началу названного им времени было лишь 300 миллионов человек, а Россия насчитывала только 143 миллиона при ежегодном падении этого показателя почти на миллион человек…

…Мы хотели обратиться не только к главному стратегу экономического развития России при Александре III, но и к нашим современным исследователям. Кажется, всех ближе к вопросам влияния экономики по демографии сейчас оказывается всемирно известный ученый, профессор Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук Борис Николаевич Миронов. Его перу принадлежит много научных работ о развитии Российского государства, а главным трудом, очевидно, является трехтомник «Российская империя: от традиции к модерну». Именно в нём вопросы социологии, экономики и демографии рассмотрены особенно внимательно. Кратко напомним читателям исследовательский путь Б. Н. Миронова. Его научная деятельность начиналась с курсовой студенческой работы по политэкономии, в которой он не согласился с законом Карла Маркса об абсолютном и относительном обнищании пролетариата при капитализме. По марксовской доктрине именно факт неуклонного обнищания и создает, в конце концов, революционную ситуацию. К таким выводам Миронов пришел в 1961 году. Архивные материалы студенту тогда, конечно, были недоступны, но он написал свою работу, основываясь на данных статистических сборников. И эта вполне серьёзная база данных была неопровержимой, но антимарксистские выводы студенческой работы насторожили «старших товарищей», и из университета ему пришлось уйти. А новый приход в это учебное заведение был связан уже с другим факультетом, с историческим.

Здесь темой его исследований стала история цен, он увлекся ею и в 1969 году защитил по ней кандидатскую диссертацию. В отличие от всех ученых, ранее обращавшихся к этой тематике, он не ограничился отдельными цифровыми иллюстрациями своих наблюдений и выводов, а разработал целую систему сравнительных таблиц. Именно они и давали глубокую и ясную картину социальных изменений в государстве и обществе. Работая в этом направлении, в 1999 году Миронов издал двухтомник «Социальная история России», принятый научной

общественностью уже с большим вниманием и заинтересованностью. Автор в нём представил себя как исследователя, которого привлекает изучение больших социальных и профессиональных групп населения, жизнь классов и сословий.

Следующим результатом таких исследований стало издание книги «Благосостояние населения и революции в имперской России» (2010 год). Вот эта книга вызвала бурное обсуждение её содержания, с автором не согласились многие российские историки. Что их взволновало?

Например, заявление Миронова о том, что до середины XIX столетия русские рабочие жили лучше западных, и у них реальная заработная плата была выше, нежели у их западных братьев по классу. А в целом Миронов писал, что, начиная с отмены крепостного права, наблюдался рост, положительная динамика, и царское правительство проводило реформы, способствовавшие развитию экономики, культуры, повышению уровня жизни и совершенствованию политической системы.

Миронов писал, что этот период в Европе никто не благоденствовал, но в России тренд шел в сторону не упадка, а улучшения. Этот вывод он подкрепил цифровыми данными, отмечая, что после реформ, например, реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих возросла в 3,8 раза, промышленных рабочих – в 1,4 раза, число вкладчиков в банки возросло в 159 раз.

К 1913 году вклады имели около 4,3 миллиона семей или 7,6 миллиона человек, а это 71 процент жителей европейской части России. Он обращался и к более выразительным цифрам: крестьяне купили 27 миллионов гектаров земли (больше всей территории Великобритании!) и заплатили за это гигантские деньги – 971 миллион рублей. Косвенные цифры тоже были примечательными, например грамотность населения возросла с 17 до 40 процентов, а продолжительность жизни увеличилась в среднем с 27 до 36 лет.

Остановимся на вопросе покупки крестьянами земли. Нам, мышкинским краеведам, случилось внимательно обратиться к дореволюционным земельным отношениям в нашем Мышкинском уезде. Мы в своём скромном исследовании руководствовались только статистическими сборниками и из их четких данных неопровержимо проистекало, что едва не 90 процентов всей обрабатываемой земли в нашем уезде к 1903 году уже принадлежало крестьянам, и процесс её приобретения непрестанно продолжался, и к 1917 году у дворян не осталось бы почти никакой земли, кроме немногочисленных уцелевших от

разорения усадеб.

Такого рода статистические показатели позволяли Миронову сделать вывод о том, что государство не являлось тормозом для развития страны, а наоборот оно способствовало ему и явилось лидером работы по модернизации. (Не правда ли, выводы одного из ведущих современных ученых совершенно совпадают с суждениями его великих предшественников Д. И. Менделеева и И. А. Вышнеградского?)

От строгой науки сделаем шаг к исторической публицистике. Современный аналитик О. А. Матвейчев сравнивает два царствования Александра III и Николая II. Он отмечает, что «последний император желал следовать внутренней политике своего отца, но это следование было чисто внешним и отличалось многими печальными качествами – от слабости государственной воли до великого роста коррупции». Политолог дает печальный, но ярко убедительный вывод, что «при Николае II всё было плохо. Там разоряющиеся знатные фамилии, соревнующиеся друг с другом в потреблении, брали взятки и забывали о своей родовой чести. Но лишь бы не ударить в грязь лицом. Это плохо кончилось.

Совсем иное дело было при Александре III. Именно его реформы создали очень эффективное, высокоморальное государство и чиновничество (один Победоносцев чего стоил!), что позволило стремительными темпами развиваться капитализму, создало новый класс, увеличило мобильность общества. Не надо строить “капитализм” специально, в хорошем государстве он сам растет так бурно, что не остановишь…»

Отставим на совести автора его слова о высокоморальном государстве и чиновничестве, сегодня нам просто невозможно поверить в их существование хоть когда-либо. Очевидно, стоит согласиться с тем, что и то и другое при Александре III отличалось моральностью гораздо более высокой, нежели это было прежде и стало потом. Это качество подтверждается большинством исследователей александровской эпохи, и к нему мы внимательней обратимся в следующих главах нашей книги. А сейчас нам хотелось бы ко всему сказанному прибавить лично своё, авторское, замечание. Вот оно каково.

Царя-Миротворца мы видим в первую очередь увлеченным хозяйственником. В этом он нам живо напоминает крепкого крестьянина, но который, не слишком разбираясь в финансовых тонкостях, сводит свою бухгалтерию к простым и хорошо понятным для него категориям и, неукоснительно следуя им, ведет своё хозяйство очень исправно. Его не отвлекали никакие идеологические «заоблачные фантазии» о рае на Земле, его не

сбивали с толку призывы к быстрому и дерзкому обретению богатства, он с теплой заботой и немалой радостью от малых, но последовательных побед подвигал и подвигал в народ главное Дело своей жизни. Именно так и трудился в русской экономике Царь-Хозяин, Царь-Мужик.

Да, мы представляем Александра III именно таким человеком, с великим интересом и постоянным попечением заботившегося о громадном хозяйстве своей величайшей империи. Она для него, в первую очередь, хозяйство, о котором надо заботиться, в которое надо увлеченно вникать и которое надо защищать и оберегать от всех грозящих ему бед.

Удавалось ли этому Хозяину широко привлекать на помощь себе науку, и насколько он был в этом успешен? Это не легкая для нас тема, но мы посильно обратимся к ней.

Наука в помощь

…Наверно, глава о жизни науки в век Александра III для нас оказывается, может быть, самой трудной частью нашего повествовательного размышления об эпохе этого необычного императора. И начальная трудность заключается даже уже в том, что нерушимо устоявшееся советское представление о нём неприкасаемо характеризует этого правителя не только как глубокого консерватора, но и как крайнего реакционера. (А может при крайне реакционном правителе процветать или хотя бы успешно развиваться отечественная наука?)

Двух ответов на этот вопрос, кажется, никогда не бывало. Общеизвестно: крайняя реакционность другом передовой науке никогда не являлась. А в суждениях об александровском веке более чем веским подтверждением этого являлось, например, жесткое вмешательство Власти в подготовку научных кадров, суровое ограничение (и едва не полная ликвидация) автономии высших учебных заведений. Это действительно так и было, свободомыслие в «кузницах научных кадров» строго преследовалось, правительство весьма опасалось утратить контроль над этими территориями вольного умствования.

Но в ту же самую эпоху в России были открыты тысячи начальных школ – самый первый этап грамотности русских людей. Б. Н. Миронов в своих трудах отмечает, что при Александре III грамотность в России с 17 процентов возросла до 40 процентов и к началу века 75 процентов всех русских детей были грамотными. Это статистическая истина, но элементарное начальное образование и Образованность – явления совершенно неоднозначные. Тем более что большая часть школ, открытых при Александре III, являлась церковно-приходскими, то есть дающие лишь самые азы образования – читать, писать, считать и знать Закон Божий. Но на этом следует несколько остановить ход размышлений и отнестись к сказанному по возможности внимательней.

Очевидно, главным вдохновителем создания широкой сети таких школ являлся К. П. Победоносцев. Он возлагал большие надежды на то, что именно эти учреждения способны оказывать на детей наиболее глубокое религиозное и добронравственное влияние. Обер-прокурор Синода полагал, что это решающе поможет укреплению народной нравственности и в дальнейшем сможет предохранить человека от опасностей опасных общественных влияний. И очевидно, нужно признать, что немалая часть таких школ работала очень успешно и плодотворно,

особенно в русской деревне.

А лучшим примером такой успешности, очевидно, могут быть школы В. Н. Сорока-Росинского. Полагаю, что нам здесь будет уместно вспомнить основные идеи этого замечательного русского педагога. Он решительно выступал за то, чтобы школа не только обучала, а и непременно воспитывала. Воспитывала в духовном и национальном направлениях. Он считал, что формирование человеческой личности кроется отнюдь не столько в развитии умственных способностей ребенка, сколько в развитии мира его лучших сердечных особенностей.

Желая ясно выразить эту мысль, он писал: «В человеческой жизни, как в целом, всегда есть мотивы и идеалы, не поддающиеся анализу разума, будучи таинственными и темными силами. Не в хлебе едином жив человек! Педагогика, считающая своей задачей уход за психикой воспитываемых, и должна обратить свое внимание, прежде всего на эти могучие подсознательные душевные силы, а в том числе и на тот комплекс, в котором как-то связаны воля к жизни, национальный инстинкт и стремление к деятельности и творчеству»

К сказанному мы желали бы добавить что Сорока-Росинский, очевидно, был одним из самых первых русских педагогов, пришедших к осознанию великого фактора национального инстинкта. Сегодня об этом факторе говорят как о явлении бесспорном, а в XIX веке при громадном преобладании «западничества» такая мысль являлась глубоким педагогическим озарением.

Откуда начинал свой мыслительный путь Сорока-Росинский? Безусловно, от основных идей славянофилов, утверждавших, что русский народ есть народ особый, весьма своеобразный, во многом отличный от всех иных народов Европы. Славянофилы уже тогда решались на заявления, что наш народ – это народ избранный, которому в своём развитии суждено идти своим особенным путем.

Виктор Николаевич Сорока-Росинский, кажется, не заострял эту мысль как главную, но постоянно заявлял что, по его мнению, главная сущность подлинно национальной школы отнюдь «не в статистике» (то есть не в количестве учебных часов и сумме переданной информации), а в динамике последовательного воспитательного влияния педагогов, ведущего к созданию личности духовно и национально крепкого гражданина России.

Но разве только одни увлеченные провинциальные педагоги – просветители мыслили и действовали в этом направлении? Нет, этим путем шли и многие их столичные коллеги, а самым ярким и последовательным был сам «учитель русских учителей»

К. Д. Ушинский. Свои педагогические принципы он четко обозначил, ещё преподавая в Гатчинском сиротском институте. Да, в образовательном учреждении, особо славившемся строгостью своей метрики, целиком направленной на воспитание людей, беззаветно преданных «царю и отечеству».

В 1855 году Ушинский стал инспектором здешних учебных классов и именно в этот период он написал ряд своих статей, посвященных «народности в общественном воспитании». Общественный резонанс этих педагогических трудов был столь велик, что произвел немалое впечатление и в российском высшем свете, а императрица Мария Александровна так была впечатлена мыслями Константина Дмитриевича, что поручила ему создать методику воспитания наследника русского трона.

Наследником престола тогда был старший брат Александра III, Николай Александрович, которого «Саша» глубоко любил и уважал. И все наставления Ушинского, адресованные воспитанию Наследника престола, потом перешли в основу подготовки Александра Александровича к будущему правлению. (Как после этого можно говорить, что педагогические труды Ушинского были чужды самодержавной власти, что они якобы были в своей остроте глубоко прогрессивными и близкими к самым революционным методам обучения и воспитания?)

Стоит нам напомнить, что одним из его главных педагогических трудов были «Письма о воспитании наследника российского престола». А их адресат был самым конкретным – они были направлены лично императрице Марии Александровне. В них каждое из главных положений проникнуто мыслью о близости правителя к народу. Не случайно ученик и соратник великого педагога Л. Н. Модзалевский заявил: «Ушинский – это наш действительно народный педагог».

Так вот, «народный педагог» в своём письме к императрице говорит: «Мне кажется, что благоденствие России а, следовательно, и счастье её монарха заключается не в подражании западным преобразованиям, а в самостоятельном развитии государственного народного организма, вытекающего из сознания действительных народных потребностей, а не из детского желания угоняться за Западом».

Стоит и в наши дни внимательно перечитать «Письма». Их автор строго принципиален в оценках всех главных сторон тогдашней русской действительности. Он порицает русскую литературу, чьей «любимой темой», по его мнению, стали недостатки российской жизни и едва не всеобщее критиканство. Одновременно он отмечает, что, при бесчисленности критикующих, у нас крайне мало созидательно и положительно

мыслящих и действующих людей.

Ещё более резки и непримиримы суждения Ушинского о государственном чиновничьем аппарате, а особенно о его людях. Ушинский сравнивал их с вредоносными (!) американскими муравьями-точильщиками, выедателями, которые изнутри разрушают дерево так, что оно сохраняет лишь внешнюю форму и жутко рушится при любом сильном порыве ветра! Он резко заявляет: «Великие правительственные меры, в особенности добрые, подвергаются со стороны этих людей, всегда деятельных исполнителей, точно такому же выеданию и подтачиванию».

А что Ушинский говорил о доброте монарха? Вот его прямое суждение об этом: «Требуя от подданных бескорыстного служения Отечеству, монарх должен подать собой пример такого служения. Тогда только требование его найдет отголосок в сердцах подданных!»

А в завершении своих размышлений Ушинский приходит к понятию *общественного блага* как главной цели единства усилий правителя и народа. «Такой исход к естественному чувству любви к Отечеству, необходим и неизбежен для каждого великого общественного организма…»

Внимательно прослеживая профессиональную деятельность и личную жизнь Александра III, К. П. Победоносцева, К. Д. Ушинского, Б. Л. Модзалевского, В. Н. Сороки-Росинского, приходишь к пониманию, что эти люди одного образа гражданских мыслей в котором всем движут духовность, народность, русскость. Им всем в равной мере были присущи искренняя забота об Отечестве и искреннее желание помогать ему в движении по пути мира и спокойствия.

Таковые идеи национально мыслящих педагогов вполне совпадали с «вектором мышления царя и его главного идеолога. Они оба тоже полагали, что в школах (а особо в начальных) требуется более воспитание, нежели учение. И они особо поддерживали церковно-приходские школы. (Если в 1888 году на их поддержку выделялось 55 тысяч рублей, то в 1895 году – три миллиона семьсот тысяч рублей.)

И Александр III и Победоносцев считали, что для простого народа вполне достаточно начального курса обучения и старались по возможности оградить доступность средних школ от поступления детей из малоимущих слоев населения. Очевидно, у таких действий имелась и особая причина, которую правительство считало весьма существенной. Оно опасалось количественного роста новой интеллигенции, которая, будучи достаточно необеспеченной, неизбежно даст кадры для оппозиционных действий, в том числе и весьма радикальных.

Чиня серьёзные затруднения для продолжения образования людям из простого народа, правительство этим самым как бы создавало некое подобие «фильтра», предохранявшего высшую школу от опасного наплыва учащихся, могущих в будущем стать противниками самодержавия. Полагаясь на серьёзное значение этого «санитарного кордона», правительство обращало большое внимание на развитие высшего звена образования, понимая большую нужду развивающегося хозяйства страны в кадровых грамотных специалистах. Особое внимание обращалось на создание профессиональных практических учебных заведений высшего типа. Так, в Харькове тогда открыли технологический институт, в Москве основали сельскохозяйственный институт и таковой же открылся в Новой Александрии. В северной столице стали действовать Электротехнический институт, в Варшаве начал свою работу Ветеринарный институт.

Можно полагать, что высшему образованию Александр III придавал очень большое значение, но в его «университетской политике» ясно ощущались и немалые опасения. Правительство явно остерегалось и автономии этих учебных учреждений и, в целом, духа свободомыслия, очень ощутимого здесь. Потому в 1884 году были отменены выборные начала, а содержание преподавания должно было определяться министерскими программами (изначально усилили инспекционный контроль над обучением).

Из провинциальных событий, очевидно, следует отметить создание университета в Томске – для Сибири это было эпохальным событием, имеющим государственное стратегическое значение. Особо стоит превращение Дерптского университета в Юрьевский и становление его на русскую образовательную основу. Здесь предельно ярко проявилось стремление императора понизить германское влияние в прибалтийском крае и усилить его русификацию.

Сбылись ли, оправдались ли надежды царя и его главного идеолога в деле народного образования? Нет, российская и европейская реальность совсем не была в согласии с такими взглядами и надеждами, и фундамент благонадежности и добропорядочности, накладываемый церковно-приходским обучением, уже вскоре начинал подвергаться размыванию сильными и опасными идеями, витавшими в общественной атмосфере России и Европы. И очень многие, самые примерные ученики церковных школ, приходя в следующие этапы обучения и образования, уже не смогли сохранять благостный порядок в восприятии земного мира и безусловную веру в неоспоримость мира небесного и благословенность самодержавной власти.

В российском как реальном, так и классическом образовании влияние свободомыслия и революционные взгляды стали очень значительными, но, очевидно, строгость александровских порядков решающе помогала ограничивать и сдерживать их проявления, не допуская их к опасной черте откровенного бунтарства и вседозволенности. И эта часть студенчества, которая избирала себе дорогу трудов и стараний, проводила её успешно и русская наука получала весьма достойное понимание своих исследовательских сил. И в александровскую эпоху Россия обрела ряд замечательных научных успехов в медицине, химии, физике, географии, физиологии, и других науках.

И правительство желало содействовать единству научного мира. В стране тогда проходили научные съезды, собиравшие в свои аудитории лучших исследователей многих научных дисциплин. Например, тогда в них участвовали Семёнов Тян-Шанский, Бекетов, Склифосовский, Менделеев. Император интересовался работой этих съездов и неоднократно принимал их посланцев у себя в Аничковом дворце. И все эти съезды проходили при одобрении и поддержке императорской власти.

Очевидно, особо значительными тогда были успехи русской науки в области химии. В частности, весьма примечательными были работы академика Б. Ловица по изучению очищающих свойств древесных углей и капитальные труды Д. Менделеева о соединении спирта с водой и иными жидкостями. И в целом русские химики в те годы работали на уровне своих европейских коллег.

Мы полагаем, что в годы царствования Александра III наука была востребована российским хозяйством и государственным аппаратом гораздо больше, нежели до этого. Нередко крупные промышленники, финансисты и государственные чиновники обращались за консультациями к ученым. Например, Д. И. Менделеев очень часто откликался на такие обращения и никогда не искал от этого материальной выгоды. Хорошо понимая такую повседневную хозяйственную жизнь, С. Ю. Витте решил «упорядочить» такое его участие и в 1893 году назначил Менделеева управляющим Главной Палатой мер и весов Министерства финансов (когда-то и учрежденной по инициативе Дмитрия Ивановича). И со стороны Витте это явилось разумным и справедливым решением, ведь великий химик огромное количество времени уделял именно вопросам российской экономики и этому нужно были придать государственный характер.

Труды Д. И. Менделеева «Заветные мысли», «Проблемы экономического развития России», «К познанию России» дали

глубокое исследование пореформенного развития страны. И ученый стал принимать прямое участие в работе правительственных комитетов по таможенной и налоговой политике и неоднократно предоставлял министерствам свои научные заключения по конкретным и стратегическим вопросам. В александровскую эпоху великий ученый имел серьезное влияние в верхах управления страной.

Император был восприимчив к новым техническим открытиям. Например, новейшие линии связи были впервые устроены и стали надежно действовать в его гатчинском дворце. Царя интересовали новые научные разработки в деле развития русского флота. Например, именно он решающе поддержал изобретателя подводной лодки Степана Джевецкого. Случилось так, что разработанный этим инженером проект «забуксовал» в государственных канцеляриях. Но о нём услышал император и пожелал лично познакомиться не только с идеей, но и самим результатов трудов Джевецкого. Более того, он приказал провести испытания подлодки лично при нём на гатчинском Серебряном озере, отличавшемся чистотой и прозрачностью своей воды.

Александр II с императрицей Марией Федоровной сели в лодочку и отплыли подальше от берега, наблюдая за приготовлениями изобретателя подводного корабля. И вот этот небывалый корабль погрузился в воду и стал крейсировать по озеру, а потом и… прямо под царским суденышком! Подлодка маневрировала совершенно послушно своему создателю, и царь был восхищен изобретением.

А когда после испытания изобретатель выбрался из люка своего судна, то он принес императрице роскошный букет орхидей и со словами: «Дар Нептуна Вашему Величеству» император по достоинству оценил галантность и смелость изобретателя, но ещё выше оценил его творческий гений. Он сказал, что имеет место великое изобретение и российский флот должен им поскорей воспользоваться. И в тот же день (!) морской министр получил повеление приступить к изготовлению первых пятидесяти подлодок. И это было исполнено менее чем через год! (Каковы темпы внедрения новейшего изобретения?) Сперва подводные лодки делали одноместными, но вскоре разработали и трехместный вариант.

И в целом к вооружению и оснащению армии, как и к её экипировке, самый миролюбивый император России всегда проявлял самое живое и заботливое внимание. Приведем два примера такой реальной заботы.

Царь-Миротворец имел собственный немалый военный опыт. И его оценка вооружения и экипировки русской армии во многом

была резко отрицательной. И в этом он был совершенно единомыслен со своими лучшими современниками. Один из них – это знаменитый художник Василий Васильевич Верещагин, прошедший несколько войн, участвовавший во многих боях, за храбрость награжденный Георгиевским крестом. Так Верещагин в своей статье «Из опыта походов» вот как написал об экипировке наших солдат: «Необходимо, чтобы солдат наш сбросил бы с себя иностранную форму, которую он еще имеет, и оделся в полушубок с теплыми рукавицами и носками, наловчился бы во всех маневрах, изворотах и движениях зимой».

Верещагин знал, о чём писал, ведь русская армия на Балканах зимой имела большие потери обмороженными и совсем замерзшими людьми именно от крайне непрактичной для наших условий иностранной формы…

Эта статья художника-воина была написана в горячую поддержку перемен в снаряжении армии, начатых Александром III сразу же после восшествия на престол. Император хорошо знал о всех недостатках военной формы отцовских времен, ведь он не любил западную военную стилистику и совершено признавал удобство и практичность русской национальной одежды. Этим он и руководствовался, и в армии ввел новый военный костюм, гораздо более удобный, да и, безусловно, по родному воспринимаемый солдатами как создание чисто русское, «превратив солдат в офицеров в картинных коренастых мужиков “a la Russe”».

Второй пример мы приведем по вооружению. (Выше мы упоминали о том, что именно Александр III лично опробовал пулемет «Максим» и обеспечил приход этого оружия в нашу армию.) Но пулемет – это средство специального вооружения, а у каждого солдата должно быть и весьма современное его личное оружие, которое в первую очередь и применяет он в бою. Как с этим было в нашей армии?

До царствования Александра III русская армия была в основном вооружена винтовками иностранного производства, в частности, системы Бердана и системы Крнка. Они не слишком совершенны и в русско-турецкой войне 1877–1878 годов заметно уступали английским винтовкам системы Мартини и Пибоди, бывшим на вооружении в турецкой армии.

Плохое положение говорило само за себя и в 1882 году Главное Артиллерийское Управление России поставило перед нашими изобретателями важную задачу – создать свою русскую многозарядную винтовку. Подготовка и конкурс заняли немало времени, а творческое состязание было очень серьёзным. Достаточно сказать, что в конкурсе принимал участие

талантливый бельгийский изобретатель Леон Наган (создатель знаменитого револьвера).

В 1889 году русский оружейник С. И. Мосин предложил государственной комиссии свою трехлинейную винтовку (калибр 7,62 мм), созданную на основе его же однозарядной винтовки. В 1891 году винтовку с некоторой доработкой приняли на вооружение нашей армии. 16 апреля 1891 года Александр III утвердил образец этого оружия, но из названия винтовки вычеркнул слово «русская», проявив достойную честность (ведь при доработке были заимствованы некоторые идеи Леона Нагана…). Вот с тех пор на вооружении нашей армии и находилась безотказная «трехлинейная винтовка образца 1891 года». (Уместно пояснить, что «три линии» – это устаревшая русская мера длины, согласно которой каждая из трех линий равна одной десятой дюйма или по 2,54 мм, а всего получается 7,62 мм.)

В предыдущей главе мы говорили, что век Александра III был подлинной эпохой русских путешествий (от Миклухо-Маклая до Ухтомского и Пржевальского!). И все эти путешествия имели своей целью не только научное, но и военное значение. Россия желала узнать, какие земли располагаются на Юге и Востоке, какие силы руководят тамошней жизнью, какая польза может обнаружиться для нашей страны и какими могут быть наши отношения с этими территориями?

Император проявлял внимательность к ходу и результату этих экспедиций. Но нужно отметить, что, высоко оценив их научное значение, он не увлекался их военными выводами и не склонялся к завоевательной восточной политике. Император был искренне восхищен мужеством и старанием Пржевальского и его людей. Он лично встретился с членами его экспедиции и по ходатайству дал им всем очередные чины, всем назначил пожизненные пенсии и наградил Георгиевскими крестами, лично вручив их путешественникам. (Напомним, что Александр III крайне редко награждал этим особо значительным орденом, а здесь даже имело место его личное царское вручение каждому из награжденных!)

Император имел подлинное искреннее уважение к неукротимому духу странствий и первооткрытий, владевшему Пржевальским, и с большой печалью принял известие о его безвременной смерти. Подчеркнув глубокое признание заслуг покойного, царь сам возглавил подведение итогов конкурса на лучший памятник первопроходцу и сегодня всем известный монумент отобран лично им.

Но… Но даже будучи весьма впечатлен путешествиями и

научными трудами Миклухо-Маклая, Ухтомского и Пржевальского, Царь-Миротворец отнюдь не увлекался экспансионистскими идеями и сохранил мнение, что России вполне достаточно своих собственных территорий и главная задача Россиян – это достойно обустроить доставшиеся им земли и развить на них мощное хозяйство, которое сделает нашу страну сильной и во всём преуспевающей. А какая из наук оказала на него наибольшее влияние в приходе к таким выводам? Мы решили, что это была история. Все современники признают, что она его особенно интересовала, и он с малых лет внимательно вникал в события русского прошлого. Об этом сообщают близкие ему люди, а особенно много и тепло об этом повествует С. Д. Шереметев.

Нам нет необходимости повторять сообщения графа Сергея Дмитриевича по этой линии жизни императора, но, очевидно, мы должны упомянуть, что ещё, будучи Цесаревичем, Александр Александрович участвовал в занятиях русских исторических обществ и являлся Почетным председателем Русского Исторического Общества.

Наследник постоянно принимал участие почти во всех занятиях общества и оно всегда было предельно сдержанным и скромным. На занятия, проходившие в доме С. Д. Шереметева, он приходил по черной лестнице и, стараясь не привлекать к себе особого внимания, занимал место позади, недалеко от входной двери.

Его познания по русской истории были весьма достаточными и во многом даже детальными. А особенно привлекали его внимание времена Петра I, Екатерины II, Николая I и… История Лжедмитрия! Размыслительное обращение к действиям такой загадочной личности как царь Дмитрий I (Лжедмитрий) в свою очередь способны говорить о живом и неравнодушном отношении Наследника, а потом и правителя страны к самым непростым периодам истории Отечества.

С русским историческим прошлым Цесаревича знакомил известный историк С. М. Соловьев и академик Я. К. Грот. Их труды обрели добрый результат, Цесаревич получил хорошо систематизированные знания о русском прошлом и как равный мог участвовать в обсуждении самых серьёзных вопросов прошлого своего Отечества.

Совершенно удовлетворенный этим, Я. К. Грот в своём «Обращении» к Августейшему ученику в 1873 году писал, что правителю никогда и никак нельзя умалять величие исторической науки, этой особой отрасли знания, «успехами которого измеряется степень просвещения». И Учитель был совершенно

уверен, что в этом суждении будет вполне понят своим учеником.

Кстати, Александр III на всю жизнь сохранил теплое уважение к своим учителям и старался оказывать им возможное содействие, а историка С. М. Соловьева подлинно оберегал от житейских неладностей. Будучи Цесаревичем и став императором Александром III, интересовался новыми трудами по истории Отечества, получал журналы «Исторический архив», «Русская старина» и другие и к их выступлениям относился со вниманием. Но нередко и с немалой долей критичности. Так он во многих случаях не одобрял работы Бартенева и Семеновского, по его мнению, «грешивших против приличия и порядочности», и считал, что оба издателя недостойно «заигрывают с публикой».

Император непременно поощрял практические занятия и исследователей и их полевые работы. Именно он желал привести в строгий порядок проведение археологических раскопок. 11 марта 1889 года было опубликовано его высочайшее повеление, согласно которому «исключительное право производства и разрешение с археологической целью раскопок в империи, на землях казенных, принадлежавших разным установлениям, и общественных предоставляется Императорской Археологической комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны входить в предварительное сношение с Императорской Археологической Комиссией».

Император был отзывчив и на оказание помощи в защите и сохранении отдельных памятников русской истории. Вот ярославский пример такого отношения к Наследию.

Осенью 1887 года город Углич посетил ярославский губернатор Алексей Яковлевич Фриде. Познакомившись с городом, был очень опечален плохим состоянием дворца удельных князей. Заручившись пониманием и поддержкой горожан, он направил свои предложения по реставрации на императорское утверждение. Царь отнесся к этому с сочувствием, его Высочайшая резолюция была краткой, но совершенно положительной: «Весьма желательно».

В этих двух словах хорошо запечатлелось как понимание императором высокой ценности памятников исторического наследия, так и его желание содействовать сохранению материальных свидетельств прошлого, чтобы оно укрепляло и развивало национальное чувство русских людей.

Но, может быть, уважение и любовь к национальным началам Царя-Хозяина ещё ярче проявлялись в его отношении к произведениям русской культуры. Уважаемые читатели, давайте побеседуем об этом в следующей главе.

Отношение к русской культуре

С чего может быть начат рассказ об отношении императора к русской культуре? Мы не случайно с первых же строк упомянули о национальном характере восприятия явлений культуры Царём-Хозяином. Для него именно таковое восприятие совершенно являлось первостепенным. И «малообразованный» царь с немалым вниманием относился к главным направлениям её развития. И, конечно, всегда интересовался новостями русской литературной жизни.

В царской семье величайшим уважением пользовалось творчество Ф. М. Достоевского. Император был одним из его почитателей, имел с писателем добрые отношения, в своём кругу немало обсуждал его новые книги. После смерти классика он начислил пенсию его супруге, и в целом семья Достоевских могла засвидетельствовать его попечение о себе.

Александр III следил за новинками литературы, находил время знакомиться с ними. В царской семье была традиция общих чтений, при которых сам император читал вслух. Особенно часто такое чтение у него случалось для императрицы Марии Фёдоровны. Литературных новостей царь не пропускал и не бывал склонен слушать о них мнения своих сотрудников и знатоков литературы. Лично сам он придавал большое значение творчеству Ф. М. Достоевского как яркому проявлению русского гения в культуре.

Долгое время, особо в молодые годы, он восхищался произведениями Льва Толстого, пока не разошелся с ним во взглядах на общественную обстановку России. Не мог император принимать и философские искания Толстого, полагая, что здесь его замечательный современник совсем не на то, что может быть полезным для России, направляет своё внимание.

В александровские времена, как и во весь XIX век, для русского просвещенного общества огромное значение имели сценические искусства и в первую очередь театральные. В своём влиянии на общество они не уступали литературе. Так вот в отношении к театральной жизни Царь-Хозяин был на диво «самодержавен»! Именно он отменил монополию императорских театров и разрешил частную театральную деятельность. Именно так появились МХАТ и многие другие театры. Шотландский искусствовед Мюррей Фрейм чётко заявляет об этом, что отмена театральной монополии стала важным вкладом Александра III в развитие русской театральной культуры.

И это действительно так. И это совершенно соответствовало

«русскому курсу» Царя-Хозяина в развитии национальной культуры. А ведь дирекция императорских театров испокон веков предпочитала иностранный репертуар в явный ущерб нашему русскому. Лидером протеста против такой репертуарной политики и главным её критиком стал А. Н. Островский. Тогда широкую известность приобрела его работа «Записки о положении драматического искусства в России в настоящее время».

Он направил эту свою работу министру внутренних дел Н. П. Игнатьеву и получил первое в стране разрешение на чисто национальный русский театр. «Записки» А. Н. Островского опубликовали в «Правительственном вестнике» 9 марта 1882 года, и её главные мысли были поддержаны императором.

Мюррей Фрейм в своём исследовании замечает, что «решающим фактором стала отмена монополии, поддержка царём патриотических тенденций в русской культуре». Отмена монополии была радостно встречена деятелями культуры, которые «объявили Александра III освободителем русского театра». Вот такая неожиданная «самодержавность» в искусстве. И театральная жизнь быстро и ярко расцвела; среди частных театров сразу стала популярной «Частная опера» Саввы Мамонтова, её роль в русском театре оказалась передовой и полезной.

И появилась целая сеть субсидируемых народных театров, которые имели перед собой главные задачи: обеспечить народ содержательными пьесами и достигнуть полного понимания того, что коммерческие соображения должны в их работе уступить место задачам повышения культурного уровня населения страны. (Не правда ли, это высокий государственный национальный подход? Не позабыли о подобном в наш век?)

Таких театров в России вскоре стало очень много, они появились во всех промышленных центрах страны, каждый губернский город непременно имел такие учреждения культуры. Государство неизменно проявляло к ним деловую благосклонность и, в частности, финансировало попытки Общества трезвости расширять сеть таких театров. И эти театры нередко финансировались фабрикантами. Государство поощряло такие действия капиталистов.

Императору было доступно понимание ярких творческих успехов отдельных исполнителей. Может быть, одним из особо памятных примеров такого понимания стал случай с юной звездой русского балета Матильдой Кшесинской.

Третьего марта 1890 года в балетном классе императорского театрального училища проходил выпускной экзамен. На

торжественном акте присутствовала царская семья и сам император. После экзамена все собравшиеся прошли в праздничный зал и стали занимать предназначенные им места. И вдруг царь своим могучим голосом спросил: «А где же Кшесинская?» Её подвели к правителю России, и император милостиво пожал ей руку и пожелал: «Будьте украшением и славой нашего балета».

Знаменитая балерина потом так вспоминала об этом: «Слова государя для меня звучали как приказ. Быть славой и украшением русского балета – вот то, что теперь волновало моё воображение. Оправдать доверие государя было для меня новой задачей, которой я решила посвятить все мои силы».

Царь-Хозяин был не чужд внимания к развитию разных направлений русской культуры. И, разумеется, такая значительная её сфера как архитектура не была исключением.

Мы решимся сказать, что именно на неё оказали наибольшее направляющее воздействие эстетические вкусы и национальные убеждения Александра III. И в целом, нам кажется, что в русское дореволюционное время именно произведения архитектуры оказывали наибольшее впечатление на самые широкие массы населения. Литература и театр были ещё мало доступны простым слоям русского народа, а памятники зодчества были постоянно видны всем и о красоте, и величии безгласно, но мощно вещали всем и каждому. И русский национальный гений, должно быть, с наибольшей массовостью проявился именно в созданиях архитектуры. Лучшим доказательством этого могли бы быть храмы, дома, хозяйственные постройки русского Севера, красноречиво говорящие о зодческих способностях и увлечениях крестьян, самого многочисленного сословия России.

И, обращаясь ко взглядам императора Александра III на развитие русского зодчества, мы видим, что и в этом он был убежденным сторонником возрождения и продвигания национальных образов и мотивов. Стоит припомнить, что в 1882 году, во времена начала строительства в Санкт-Петербурге храма «На крови», император высказал пожелание, чтобы архитектура этой церкви «следовала XVII веку, образцы коего встречаются, например, в Ярославле».

Можно ли было ещё понятней и определенней высказывать свои национальные предпочтения в зодчестве? В Петербурге появился храм, своим обликом, казалось бы, совершенно не совместимый с классическим обликом северной столицы, но совершенно обращенный к нашим национальным истокам в зодчестве; после этого «русский стиль» по всей империи стал преобладающим, уверенно ища пути своего нового развития.

Мы полагаем, что такие события в российской архитектуре, как строительство храма «На крови» или открытие храма Христа Спасителя, были знаковыми для всей нашей изобразительной архитектуры.

Национальный вектор её развития именно ими подчёркивается и утверждается с предельной отчётливостью, немалая знаковость по отношению к мировой культуре ясно прозвучала уже в самих календарных строках событий: в 1883 году в Нью-Йорке происходит открытие Бруклинского моста, а в России в дни коронации Александра III происходило открытие храма Христа Спасителя.

И американское и русское события – оба громадной значимости. Каждая из стран – создательниц заявляет миру о своих творческих силах и устремлениях. И если Америка утверждает вселенский смысл своих технических обретений, то Россия подчёркивает своё желание сохранять и украшать национальную самобытность.

Национальная самобытность в эпоху Александра III прочно утвердилась в творчестве русских зодчих и проложила себе дорогу не только в храмовое строительство, но и в создание самых мирских построек – зданий общественного и жилого назначения. Насколько уверенно она прокладывала себе путь на этих направлениях, ярким примером может быть такой чисто бытовой объект как знаменитый дом купца в Москве.

Национальный стиль весьма привлекал Царя-Хозяина. И он не скрывал ни своих искренних симпатий к его произведениям, ни своего осуждения зданий и монументов, чьи образы были навеяны западным искусством. Так, например, ему совершенно не нравилась церковь в Александрии, построенная едва не по образу немецкой кирхи. И в целом в деле церковного зодчества он оставался очень взыскательным и замечал все уклонения от «чистого византийского стиля», которым очень дорожил. В частности, он очень одобрял облик церкви в Ливадии, строго выдержанный в «православно-византийских» мотивах.

Царь полагал, что древнерусское национальное зодчество, памятники которого он отмечал в Ярославле, своими истоками когда-то имело именно Византию, и этот изначальный исток никак нельзя было забывать, и при новом развитии национального зодчества всегда следует помнить о нём. Император интересовался исследованиями современных ему ученых о судьбе национального искусства. Он нередко обращался к таким трудам. В частности, он стал одним из первых подписчиков издаваемого И. Я. Красницким журнала «Изограф», посвященного иконописи и вообще древнерусскому искусству.

Всё ли было успешным в развитии русской национальной архитектуры при Александре III? На это счет существует немало весьма разнящихся мнений. Нередко Александра III называют правителем, осуществившим решительный поворот нашего зодчества к исконным русским мотивам. В противовес этому звучат заявления о том, что Царь-Мужик грубо свернул русскую архитектуру с торного пути европейского искусства на мертвенное повторение давно оставленных и забытых «русских» образов.

Есть и мнения о том, что Александр III – это первый зачинатель эпохи протомодерна: «что это при нём отчетливо прорезался в действительность неорусский стиль», плавно переливщийся в модернистские решения. И что это при нём классической стройности объектов пришлось отступить перед ассиметричными интерьерами с разнообразными, прежде небывалыми связями. Но и эти теоретики признают, что при утрате классической стройности архитектура обрела… уют!

А для утверждений об Александре III как пропагандисте своеобразного «Русского протомодерна» приводят образы из среды, самой ближней к рабочей повседневности императора. Например, его рабочий кабинет был отделан дубом с керамическими плитами. Первая стадия работ была завершена в октябре 1886 года. Оформлением занимались мебельщики Ф. Мельцер, Ю. Бергман, Е. Шрадер, а ковры и кожаные элементы исполнила фирма Ф. И. Коровина. И действительно в оформлении кабинета совершенно ясно звучали мотивы не только «русские», а и с явной модернистской окрашенностью.

Всегда ли были удачными вдохновляемые Александром III «русские» создания в тогдашнем зодчестве? Разумеется, не всегда. И это случалось даже и при возведении построек изначально строго ориентированных на русско-православное звучание. Например, тонкий ценитель изобразительного искусства, глубоко русский писатель Б. К. Зайцев, нерадостно говорил о громадном валаамском Спасо-Преображенском соборе: «Двойственное впечатление вызывает – огромный, роскошный, но такой холодный!» И далее он размышляет, что во всём валаамском строительстве, «к сожалению совпавшем с бедной художественной эпохой середины и конца XIX века есть вообще дух грандиоза. Нечто от Александра III, нечто, связанное и с игуменом Дамаскином, ненасытной и мощной фигурой».

Как видим, даже такой глубокий национальный писатель, как Зайцев, отмечает конкретные и очень большие, по его мнению, образные неудачи в реализации идей «русского стиля». Но нужно признать, что в целом в искусство зодчества эпоха Александра III

принесла живое внимание к национальным истокам и широкий поиск развития национального стиля.

Мы полагаем, что в немалой мере это относилось и к сфере ваяния. Император желал создаваемым памятникам убедительной реалистичности и понятности для простых людей. (Именно этим он руководствовался при отборе лучшего варианта памятника Н. М. Пржевальскому.) Но требование «русскости и понятности далеко не всегда приводило к желаемому успеху в их реализации. Нам кажется, что убедительным примером такой творческой неудачи стало создание памятника Александру II. Стоит припомнить историю его появления.

В кругу людей, близких к императору, находились и некоторые теоретики изобразительного искусства. Таким, в частности, был П. В. Жуковский, архитектор и исследователь российского искусства. Он являлся одним из тех, кто мог обоснованно говорить о дружеской близости к царю. Современники, в частности, известная тогда писательница Е. П. Леткова отмечали, что Жуковский часто бывал и даже подолгу жил в Гатчине, встречался и беседовал с императором.

И однажды их дружеская беседа возле топящегося камина пришла к памяти покойного императора Александра II. И царь высказал сожаление, что его отцу, столь любимому простым народом и особенно крестьянами, до сих пор не создано никакого достойного памятника.

Жуковский поинтересовался причинами такого недопустимого промедления, и царь рассказал, что к делу не раз приступали, но результаты конкурсов каждый раз совсем не впечатляли ни конкурсную комиссию – ни его самого. Жуковский не мог не спросить, а каким же его августейший собеседник желал бы видеть памятник Царю-Освободителю?

Александр III честно сказал, что, не будучи скульптором, он не может с ясной определенностью ответить на такой вопрос, но очень желательно, чтобы «всё было просто и священно». Жуковский увлекся таким пониманием и взялся за разработку проекта. Но и его вариант отнюдь не впечатлил императора, желаемых «простоты и священности» он не усмотрел.

Тогда великий князь Владимир предложил привлечь к созданию монумента ведущих творцов – архитектора Н. В. Султанова и скульптора А. М. Опекушина. Царь согласился, и разработанный Султановым, Жуковским и Опекушиным проект был им принят. Но после его исполнения очень многие отнюдь не высказали восторга, находя созданный ансамбль торжественным, масштабно впечатляющим, но вовсе не обладающим душевной проникновенностью. И мы согласны с такими оценками. Кажется,

у Н. В. Султанова, П. В. Жуковского и даже у А. М. Опекушина совсем не получилось желаемого царем «простого и священного».

Но мир изобразительного искусства чудесно широк, и в нём у каждого из нас есть любимые сердцу желанные сферы. Что было самым любимым для Александра III? Мы думаем, что таковой любимой областью творчества для него стала живопись. Интерес к этому виду искусства у него появился ещё с 6-ти лет. Цесаревич имел в своей образованности существенные пробелы, но его искренний живой интерес к искусству помогал что-то успешно восполнять. И ему в этом стали помогать его жена и очень близкий к нему, ко Двору художник Алексей Петрович Боголюбов.

Живой интерес к живописи, возникший у «малообразованного» наследника, многие сперва вовсе не восприняли как нечто глубоко душевное и постоянное. И это вполне естественно, ведь большинство членов царской фамилии всегда интересовались живописью, а коллекционирование достойных полотен давно стало правилом хорошего тона.

Но самым серьёзным и красноречивым подтверждением серьёзности увлечения Цесаревича явилось его заявление создать в столице Русский музей, в основу которого должна была лечь его собственная коллекция произведений российских мастеров кисти. Вот такого масштабного национального подхода к коллекционированию царская фамилия ещё не знала.

А масштабность с самого начала была впечатляющей; так, в 1870 году Александр Александрович приобрел всю «русскую часть» знаменитой коллекции московского купца Василия Кокорева, а это было 140 полотен лучших отечественных мастеров!

Как выдающийся коллекционер и глубокий ценитель искусства Цесаревич стал признаваться всем русским миром собирателей и знатоков произведений живописи. А потом всё это многоликое интеллектуальное сообщество стало сознавать, что Наследник в своём восприятии искусства во многом отличается ото всех своих предшественников, он отдает безусловное предпочтение работам современных мастеров. И в первую очередь – русских. И ко времени вступления Александра Александровича на престол его авторитет как коллекционера был безусловным и всеми признаваемым. Исследователи живописи, например, отмечали, что император очень хорошо различает специфику станкового и монументального искусства, и его оценки весьма основательны.

Александр III искренне и даже трепетно любил мир русской живописи, и тот стал ему настолько близок, что, очевидно, он в

нём чувствовал себя не только наблюдателем происходивших в нём процессов, но и в какой-то степени и их непосредственным участником. Очевидна особо важная роль этого правителя в развитии русской монументальной живописи. Ведь до Александра III наши ведущие художники совершенно скептически относились к росписи храмов. Но курс Царя-Хозяина, твердо взятый на развитие и укрепление идейных основ Русского государства, совершил подлинный переворот в их отношении к храмовой живописи. И теперь работа «на церковных лесах» стала не только делом творчески престижным, но и проверкой подлинной меры таланта русского мастера и мерой его гражданской и творческой зрелости.

И одним из лучших примеров этого, очевидно, является творчество В. М. Васнецова. Этот художник, кажется, глубже многих осознал национально-патриотическую значимость такой живописи. О храмовых росписях он отозвался: «Это уже понятие и дело народное, и дело величайшего искусства».

И в этом император Александр III и художник Васнецов были истинными единомышленниками, Царь называл Василия Михайловича «своим любимым художником». И это были отнюдь не только уважительные слова, правитель России лично содействовал широкой популяризации васнецовского искусства. А васнецовские монументальные работы во Владимирском соборе горячо одобрил как прекрасный современный образец русского монументального стиля.

К. П. Победоносцев говорил о Владимирском соборе как о «лучшем памятнике царствования Александра III». И едва ли Константин Петрович здесь что-либо преувеличивал или в чём-то ошибался – этот храм является истинным гимном русской монументальной живописи.

А возвращаясь к творчеству Васнецова, нам следует сказать, что до самого края своих земных дней император очень сердечно воспринимал его произведения. Он планировал поручить Васнецову и роспись храма «На крови», и ряд других особо значимых работ… М. В. Нестеров вспоминает, что в октябре Васнецову был Высочайший заказ: акварелью исполнить эскизы на бумаге образов Спаса и Ипатьевской Божией Матери, родовой иконы дома Романовых. Эскизы были своевременно выполнены. Император был уже очень тяжело болен, но со вниманием осмотрел их и эскизы ему очень понравились. Зная, что конец жизни совсем близок и не надеясь дожить до полного исполнения икон, он велел сами эскизы наклеить на доски, оправить в драгоценные рамы, ими он и благословил сына и его невесту. Эти образа несли и при венчании молодых. Но нам пора сказать, что,

будучи душевно обращенным к русской современной ему живописи, Царь-Хозяин был способен понимать искусство широко и многообразно. И он для своей коллекции охотно покупал, например, работы таких очень разных мастеров, как Василий Полеванов (в том числе и его едва не запрещаемые вещи!) и Генриха Семирадского (его блестящие, «несовершенно» академические произведения!).

Говоря о широте взглядов императора на русское изобразительное искусство, советские искусствоведы не редко делали существенную оговорку, указывая на то, что император в своих мыслях был зачастую и весьма реакционен, например, он запретил общедоступный показ картин Николая Ге. Но мы полагаем, что это им было сделано, исходя из общественных интересов. И об этом достаточно убедительно говорят его же слова: «Мы сами ещё кое-как это поймем, но народ… Он этого не оценит, это никогда не будет ему понятно…» Кажется, этим всё сказано достаточно ясно.

Но если мы коснулись конкретного случая – отношения императора к творчеству Николая Ге, очевидно, нам будет уместно посмотреть и на целый ряд других моментов, проясняющих взгляды, оценки и решения Царя-Хозяина относительно современной ему живописи.

…Картину И. Е. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» многие оценили едва не как открыто бунтарскую и революционную. Но император купил её без тени сомнения, уплатив громадную сумму в 35 тысяч рублей, неподъемную даже для П. М. Третьякова. Эта была не слыханная до тех дней стоимость одной единственной работы (к тому же, по мнению многих ценителей, едва не откровенно бунтарской…).

Кстати, Александр Александрович, ещё будучи Цесаревичем, высоко оценил творчество Репина. Тогда Илья Ефимович, ещё в самом начале своего славного пути работал в Париже. Там он создал большое полотно «Садко», и эта смелая репинская фантазия была сразу приобретена будущим императором. (Именно за эту работу Репин получил звание академика.)

А знаменитая, могуче исполненная картина «Иван Грозный убивает сына Ивана» была решительно осуждена и уже на второй день убрана с выставки, ведь изображение царя оказалось ужасающе неканоническим и сокрушительно осудительным. Против экспонирования этой картины резко выступил К. П. Победоносцев, в своём письме императору прямо-таки страстно заявлявший, что это произведение оскорбляет нравственные чувства и вызывает его глубокое отвращение.

Но нужно признать, что даже при таких обстоятельствах,

картину всё же разрешили выставить у Третьякова, который потом её и приобрел.

…Художник А. П. Боголюбов принимал большое участие в «искусствоведческом воспитании» будущего императора, входил в круг близких ему людей, принимал участие в его поездках по России, Алексей Петрович – это потомственный моряк, профессор живописи, щедрый меценат и, конечно, одаренный художник. Он был в числе спутников Цесаревича при его путешествии по Волге и в дальнейшем всегда был в полном доверии у царя. Но!

Но богатейшую коллекцию живописи, начиная с произведений XVII века, созданную им в Саратове, он пожелал назвать Радищевским музеем. Радищевским! Где же такое видано. Разумеется, все властные инстанции, снизу доверху, были решительно против. Но, к всеобщему изумлению, «самодержавнейший» император согласился с таким именованием музея. (Чиновникам было чему удивляться…)

…Художник М. В. Нестеров очень высоко оценивал как культурную политику Александра III, так и искреннюю «русскость» Царя-Хозяина. Здесь тоже нужно отметить большое единомыслие императора и художника. В «Воспоминаниях» Михаила Васильевича есть места, написанные с душевной признательностью к царю и с трогательным уважением к его личности.

В 1907 году Нестеров задумывает свою новую большую картину «Христиане». Он исполнил её эскиз и написал на его обороте: «В случае, если картина “Христиане” с этого эскиза написана не будет, то эскиз этот должен поступить, как дар мой, в музей императора Александра III. М. Нестеров. 1907 год, 4 ноября. Киев». Из этих кратких строк хорошо видно, с каким уважением великий художник относился к национальным идеям и памяти Царя-Хозяина.

…Художник Н. Д. Кузнецов известен своими очень милыми и душевными полотнами, тонко отражающими самые скромные, но откровенные минуты жизни человеческой. Его картина «Спящая девочка» экспонировалась на 22 выставке передвижников в 1894 году. И сразу же на неё положил глаз император Александр III, большой поклонник искусства женской красоты и… прекрасный семьянин (для имперской фамилии едва ли не редчайший случай…). Это подчеркнула искусствовед О. Ю. Тишинова, она рассказывает, что император хоть в тот раз и побывал на выставке «набегом», но равнодушно миновать «Спящую» не мог!

«Он надолго остановился и засмотрелся. Этот всемогущий правитель, гигант ростом и силой, имел в душе свой идеальный образ женщины. (Достаточно взглянуть на императрицу Марию

Федоровну, в которую он был, особо по молодости, страстно влюблен, чтобы понять: «Спящая» – это одно из проявлений его женского идеала…»

Император пожелал приобрести эту картину. Но Николай Дмитриевич Кузнецов осмелился… отказать царю, он совсем не хотел расставаться со своим прекрасным произведением, натурщицей для создания которого была его дочка Маруся!

Император пишет своему великому князю Владимиру, заместителю президента Академии художеств: «Прости, что надоедаю, но, так как не знаю имя художника и не имею каталога выставки, и не могу сам об этом послать на выставку, именно картину “Спящая девочка”, которую желал бы приобрести. Надеюсь, ты им пошлёшь сказать об этой. Твой Саша».

Но даже такой основательный подход не удался, с получением картины пришлось отложить. И хотя император всё же купил её, но она продолжала странствовать с выставкой и даже на какое-то время возвратилась в Одессу. Император скончался, так и не дождавшись своей «Спящей». И в одесских газетах появились печальные строки – «Картина Кузнецова приобретена в Бозе почившим Государем императором Александром III»

…Художник В. Д. Поленов, работая в Париже, написал несколько исторических произведений. Одно из них «Арест гугенотки» было куплено Цесаревичем и стало одной из жемчужин Русского музея. И именно парижские работы принесли Поленову звание академика живописи. Но о Поленове, очевидно, мы должны сказать больше и полней.

Большое признание к Василию Дмитриевичу пришло после создания широко известного «Московского дворика». А вскоре началась русско-турецкая война. И Наследник престола пригласил Поленова, пожелав, чтобы именно он был художником при его ставке. Василий Дмитриевич в дни войны много рисовал, посылал свои работы в журнал «Пчела», старался запечатлеть многие моменты военных буден. Его участие в боевых действиях были отмечены серебряной сербской медалью «За храбрость» и сербским золотым орденом «Таковский крест». А возвратившись в Россию, Поленов создает свои прелестные, очень русские картины «Бабушкин сад», «Заросший пруд», «У мельницы», «Серый день». И, наконец, создание знаменитого полотна «Христос и грешница» («Кто из вас без греха?»).

Тема увлекла художника, и он работал с нею долго и вдумчиво (ведь до времени первых эскизов минуло почти двадцать лет) Поиски путей к воплощению замысла был трудным. И, в отличие от И. Е. Репина (с которым они вместе начинали,

были отправлены в Париж и вместе исполнили работы на большую золотую медаль), Поленов желал через образ Христа войти в общечеловеческие и нравственные проблемы.

Василий Дмитриевич, художник очень гармоничных созданий искал верные впечатления и образы для своей великой картины в Египте, Греции, Сирии, Палестине. Свою громадную картину он писал в гигантском кабинете Саввы Мамонтова, предоставившего ему его в полное распоряжение. Этот поступок знаменитого мецената тоже достоин особого внимания, и мы к нему (как и к теме русского меценатства) ещё обратимся. А сейчас к судьбе великой картины.

Сразу же встал вопрос: а можно ли её показывать публике? Ведь цензурный кабинет сразу же заявил, что он решительно против. К. П. Победоносцев тоже категорически против. Против был и духовный цензор, священнослужитель. К счастью, он оказался человеком мудрым и просвещенным и сделал правильный вывод, что художник в своём произведении желал выразить в первую очередь глубокие человеческие качества Христа. Но чиновные инстанции оставались в крайнем затруднении: как же быть?

Смотреть картину прибыл Александр III с семьей и… купил её! За впечатляющую сумму – тридцать тысяч рублей.

Василий Дмитриевич Поленов на эти деньги смог исполнить свою мечту – смог построить усадьбу на Оке, недалеко от Тарусы, которую с самого начала задумывал как музей. И художник был истинно счастлив от исполнения своей мечты: «Как Европа ни хороша, а Россия в деревне мне милей в сто тысяч раз, а, кроме того, прямо подло жить в Европе, когда в России надо работать».

Он и работал в милой ему России, создав в построенной им усадьбе много новых произведений, в том числе свою прекрасную «Золотую осень». А ещё на Оке он открыл несколько школ для сельских детей, открыл для них «волшебную диораму» (некое кругосветное «путешествие» в картинках), устраивая рождественские праздники с самодеятельными спектаклями… Эта его усадьба жива до сих пор (редкий случай для нашего неразумного и буйного Отечества… жива и является очень известным и привлекательным музеем).

А какова же судьба его громадной картины «Христос и грешница»? А картина пребывает в Русском музее Санкт-Петербурга, ведь император изначально об этом и думал.

Однако нам, должно быть, уже можно от отдельных примеров перейти к более общему рассмотрению отношения Царя-Хозяина к русской культуре. И в первую очередь к такому передовому и разумному явлению русской жизни как передвижничество. Все

знают, что передвижники, выступив против недвижной, «застывшей в античности» жизни Академии художеств, счастливо осуществили прекрасный прорыв русского изобразительного искусства в живую современность. Как всё это уживалось с самодержавной «реакционностью» Государя?

Александр III стал посещать выставки передвижников с 1882 года, его очень заинтересовало уже само направление их творческих исканий, и он стал приобретать их полотна, находя в них не только силу кисти, но и справедливое, и доброжелательное изображение живого мира русской действительности. А с середины 1880-х с каждой выставки он приобретает от пяти до двадцати картин. Вслед за ним покупку обычно делали и сопровождающие его члены императорской фамилии. Покупая новые работы передвижников, монарх удовлетворительно повторял, что всё это для будущего музея русского искусства.

Такое отношение императора обрадовало и восхитило передвижников, и каждое императорское посещение каждой их очередной выставки стало для них счастливым и волнующим событием, и царя они встречали всем своим составом, видя в нём авторитетного и верного ценителя русской живописи. Так оно и было, ведь собственные предпочтения царя оказывались очень близкими, например, к безошибочным пониманиям самого П. М. Третьякова, который тоже постоянно поддерживал передвижников.

Собирательские принципы Александра III начали складываться уже в 1860-е годы, а с середины 1880-х император прямо и четко заявлял, что главной целью своей собирательской деятельности он считает именно коллекционирование полотен передвижников.

Ещё будучи Цесаревичем, Александр Александрович часто высказывал желание быть первым покупателем «лучших произведений отечественного искусства», подчеркивая, что имеет цель создать собрание произведений именно российских памятников живописи.

Уже с тех лет пристально следил за собирательством П. М. Третьякова, а став императором, распорядился, чтобы до его визита на выставку с неё ничего не продавалось, каждой раз заявляя, что ведет свое коллекционирование для будущего «Русского музея», то есть делает дело государственной значимости.

И передвижники это высоко ценили. Приоритет его приобретений стали строго выдерживать, а императорского визита ждали, как главного события года и готовились к его

приезду. А собирательское соперничество царя с Третьяковым восхищало и обнадеживало их всех, передвижники обрели твёрдую уверенность в том, что достойные работы никак не останутся незамеченными и неоцененными.

Ещё будучи наследником престола, Александр Александрович уже немало соединял увлечённость собирателя с дальновидностью будущего хозяина страны, заботившегося об её искусстве. А «став Государем, он оказывал покровительство передвижникам, способствовал реформированию Академии художеств, созданию художественных школ и новых музеев в столицах и в провинции», – так писал об этом наш современный журнал «Историк» в своём втором номере за 2020 год.

Это верное рассуждение, ведь своё увлечение русской живописью «малообразованный» царь смог перевести в целую художественную политику. И она в первую очередь вызвала громадный рост цен на картины русских мастеров, обеспечивая высокую востребованность их творчества.

Но царь смотрел и много дальше, и много выше. Он заявлял, что «распространение искусства есть дело государственной важности». И это он впервые заявил уже в самом начале своего царствования. Именно он сумел тактично, но решительно вмешаться в затянувшийся конфликт передвижников с Академией и осуществить академическую реформу.

Царь-Хозяин поощрял русское искусство. Старался сблизить позиции и взгляды «академистов» и «передвижников», подчеркивая, что искусство должно быть по своим корням национальным и одним из аспектов его царской художественной политики является создание «Петербургского национального музея».

Он был создан в 1895 году, получив свое замечательное название – «РУССКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III». Ныне название более краткое, но не менее красноречивое – Русский музей, национальное постоянство в его имени достойно сохранилось. Оно отражается и в его нахождении: музей с самого момента своего создания располагается в Михайловской дворце Санкт-Петербурга и является одним из крупнейших в мире коллекций изобразительного искусства. И это ведь тоже прекрасный памятник трудам императора – русского коллекционера.

Мне могут возразить, что Романовы едва не все в той или иной мере были коллекционерами произведений искусства. Да, и некоторые заметно поддержали отечественных творцов. Например, в окружении Александра III идеей последовательного покровительства отечественным талантам в живописи был

особенно увлечен его младший брат, великий князь Владимир. Он являлся заместителем Президента Академии художеств и неизменно был внимателен к развитию русской живописи.

Но повторим, что особость увлечения Александра III всего ярче проявлялась в его государственном подходе к искусству. Царь-Хозяин и тут оказывался заботливо рачительным и уже сочетал увлеченность произведениями живописи с хозяйской заботой в этом направлении искусства. И этим сумел увлечь самую демократическую часть творческой элиты – передвижников. В их трудах и в их среде воцарился народно-демократический дух. Но! Но, несмотря на это, передвижники глубоко симпатичны Царю-Хозяину. Симпатичны как понятной ему реалистической манерой, так и свойственным им обращением к национальной исторической проблематике.

И мы решимся сказать то, что далеко не каждый наш читатель охотно воспримет: Александр III изо всех российских правителей стал наиболее близким к сути русской народной жизни. Разве он сам не являлся великим тружеником? Разве ему не свойственно было трудиться много и прилежно, а зачастую и с утра до ночи? И разве он не сберегал народные силы, обеспечив им в своё царствование мирную передышку, столь желанную всей России?

Мы полагаем, что передвижники, ещё вчерашние бунтари, оценили Александра III отнюдь не только как ситуационного союзника, а среди них возникало достаточно зрелое понимание соработничества с Царем-Хозяином. При его твёрдой поддержке именно творчество передвижников легко в основу «подлинной национальной школы живописи». Именно тогда расцвели таланты Виктора Васнецова, Василия Сурикова, именно Царь-Хозяин поддержал И. Е. Репина в случае его с «Запорожцами», которых не вполне одобрил даже П. М. Третьяков, находя их слишком «украинизированными»…

А, в конечном счете, недавние бунтари обновили и провели на реалистический путь как всю Академию художеств, так и всё русское искусство.

Прямодушный и прямолинейно мыслящий Царь своей искренней русскостью смог заинтересовать вчерашних «смутьянов» русской живописи национальным прошлым, и передвижники совсем неожиданно для многих ценителей, да и для всей светской публики увлеклись стариной, родной историей, национальным фольклором и народным искусством. И что замечательно – Власть оказалась готовой к покровительству подобным начинаниям, а в целом к гражданскому сотрудничеству.

На путях обращения творческой элиты к народному прошлому Царь-Хозяин оказывался отнюдь не только благосклонным наблюдателем и меценатствующим правителем. Нет, он всегда имел свою собственную ясную позицию бережного отношения к родной старине. Например, часто проявлял себя категорическим противником чрезмерного вмешательства в древнюю живопись при её реставрации. Царь лично следил за реставрацией в Благовещенском соборе Кремля, и сохранилась его многозначительная резолюция на докладе об этих работах: «Чтобы при восстановлении живописи открытые древние изображения были, возможно, меньше записаны». И далее: «Не употреблять ни лака – ни мастики». То есть император хорошо представлял себе приёмы и технологию тогдашней реставрации.

Решимся также заметить, что это уже в немалой мере ставит под вопрос утверждения советских исследователей о «малой образованности» Царя-Миротворца. И коли к этому вопросу мы подошли, то нам стоит здесь остановиться и внимательней посмотреть на всю жизнь Александра III. Мы все хорошо знаем, сколь много в советское время было сказано об его не восприимчивости к искусству. Но…

Но как же быть с целым рядом свидетельств, никак не согласующихся с этим. Приведем хотя бы некоторые из них.

…Александр III чаще иных правителей России посещал оперные представления.

…При дворе Цесаревича действовал кружок любителей духовной музыки, в котором действовал оркестр из восьми исполнителей, в котором участвовал и Александр Александрович. И в игре на тромбоне он достиг такого умения, что выступал солистом на дворцовых концертах.

…Ещё будучи Наследником, он стал одним из основателей Русского Исторического Общества.

…Царь учредил П. И. Чайковскому пенсию, чтобы тот мог заниматься музыкой. А не думать о хлебе насущном.

…Под покровительством императора пребывал московский исторический музей.

…В Париже Александр III много времени посвятил посещениям мастерских многих французских художников, а в их числе и знаменитого Мейсонье.

…Там же в Париже он осматривал Академию художеств, фабрики фарфора и гобеленов.

…Император немало помогал Ф. М. Достоевскому, с которым нередко встречался и беседовал (несмотря на то, что тот в не столь давнем прошлом являлся бунтарем и каторжником…).

…Именно Александр III приобрел для создаваемого им музея

и для Эрмитажа коллекцию древностей Д. В. Григоровича (секретаря общества поощрения художеств, чьи лекции нередко посещал и сам, будучи Цесаревичем).

…Именно Александр III приобрел коллекцию древностей Базилевского, ставшую важной частью собраний отдела древностей Эрмитажа.

…Мы уже много говорили, что и, будучи Цесаревичем и став Государем, Александр Александрович высоко ценил и приобретал полотна Репина, Поленова, Савицкого, Васнецова, Дмитриева и других художников. А сейчас добавим к этому, что он приобрел у скульптора Антокольского все его лучшие работы – от статуи Христа до его Ермака.

…Император весьма неплохо знал и искусство старых мастеров. Известны его слова об их созданиях: «Я должен их любить. Ибо все знают старых мастеров великими, но собственного влечения не имеют». Это очень честный и искренний ответ, Александр III был очень расположен к тематике русской современности и, особенно, к трудам передвижников.

Александр Мясников, автор книги об Александре III, вышедшей в серии ЖЗЛ, отмечал, что передвижники пользовались особым расположением царя, у которого было даже негласное соревнование с Павлом Михайловичем Третьяковым за первый просмотр и приобретение их картин.

Вот таковой была у Царя-Хозяина «невосприимчивость» к искусству. Мы полагаем, что всё было как раз наоборот, и что в ряду царствующих меценатов и коллекционеров у Александра III своё, совершенно особое место. Этому богатырю телом и духом была присуща самая простая и искренняя любовь к искусству. Он понимал его сердечно и соответственно своим представлениям о высоких идеалах – национальных, гражданских и религиозных.

По нашему мнению, Царь-Хозяин обладал чисто народной врожденной интуицией на прекрасное, помноженной на любовь к русским национальным началам. И это зорко подмечено Е. Холмогоровым: «Русскую культуру невозможно понять без её этнографических особенностей, без её народного субстрата».

И те мастера искусств, чьи труды были исполнены патриотизма и подлинной русскости, необычно высоко оценили роль императора как просветителя и русского патриота. Наверно, свидетельством этого признания можно назвать «стяг», исполненный с участием Васнецова и Поленова и установленный от имени художественной общественности у изголовья гроба императора.

Все ли деятели искусства так относились к Царю-Хозяину? Нет, самые «либеральные» из них вовсе не разделяли таких

взглядов и резко осуждали и его «самодержав-ность», и его «русопятство». Но даже и они по происшествии времени весьма изменили своё мнение о нём. И тут стоит обратиться к весьма либеральному Александру Бенуа, который уже в эмиграционные годы писал, что «большое видится на расстоянии…». Что бывало, находясь в России, такое признание давалось бы ему лишь с большим трудом… А вот сейчас из эмигрантского далека он с подлинной признательностью говорит о покойном императоре: «Его (слишком кратковременное) царствование было, в общем, чрезвычайно значительным и благотворным. Оно подготовило тот расцвет русской культуры, который, начавшись ещё при нём, продлился затем в течение всего царствования Николая II, и это, невзирая на бездарность представителей власти, на непоследовательность правительственных мероприятий и даже на тяжелые ошибки.

Проживи дольше Александр Александрович – этот “исполинский мужик” или “богатырь”, процарствуй он ещё лет двадцать, история не только России, но всего мира сложилась бы иначе и, несомненно, более благополучно».

Наверное, автор этих строк полностью прав в своих запоздалых высоких оценках Царя-Хозяина в русской культуре.

Мы желали показать внимательность этого отношения на примерах развития ряда ведущих отраслей искусств. Но, может быть, окажется уместным хотя бы кратко коснуться и менее значительных, но весьма достойных его направлений. Например, фотографии и ювелирного дела.

Царская семья всегда проявляла интерес к развитию фотографии, и сам Александр III со вниманием относился к работам российских фотографов ещё будучи наследником, а впоследствии их лучшим работам присваивался государственный знак российского орла. Так московский фотограф Г. В. Трунов, ещё с 1880-х годов обладал «высочайшим покровительством Ея Величества Государыни Императрицы». Кажется, император Александр III хорошо понимал, что искусство фотографии может иметь не только большое будущее, но и способно отражать конкретную среду, и всю культуру эпохи.

Кажется, не меньшей благосклонностью Царя-Хозяина пользовалось российское ювелирное дело. Годы его царствования были отмечены явным подъемом этого мастерства, а всех успешней о себе заявляла фирма Карла Фаберже. И успехи российской ювелирной промышленности достойно находились в потоке общего успешного развития отечественного хозяйства.

Его достижения тогда признавались не только в самой России, но и зарубежными ценителями. Например, о

Всероссийской художественно-промышленной выставке парижские издания писали так: «Скромность здесь неуместна: московская выставка 1882 года – это подлинный триумф российской промышленности; она достигла поразительного прогресса во всех отраслях человеческого труда за последние двадцать лет».

Триумфальным было и развитие уже упомянутого нами ювелирного мастерства. И оно при непосредственной поддержке Александра III достигло впечатляющих достижений. Привлечем такое авторитетное свидетельство, как слова главного мастера фирмы Карла Фаберже Ф. М. Бирбаума. Франц Петрович писал свои воспоминания уже совсем в иное время (в 1919 году!), когда вполне понятная благодарная учтивость в адрес правителя была уже и ни к чему. А потому искренность его слов не подлежит сомнению. А они таковы: «Одна черта оставалась до самого последнего времени общая всей клиентуре – это слепое преклонение перед всем заграничным. Они, не задумываясь, платили там бешеные деньги за работы, уступающие по качеству русским… исключением был Александр III, который уже из принципа предпочитал и поощрял все русское».

Именно при этом императоре и не без его прямого участия начинается выдвижение фирмы «Фаберже» среди других отечественных ювелирных фирм. Царь (как и в поощрение художникам) немало содействовал личным примером. Он положил начало персональным царским заказам в фирме «Фаберже» по великим религиозным праздникам. Так он подарил Марии Федоровне десять пасхальных яиц этой фирмы, подлинных произведений высокого ювелирного искусства.

Царь и его супруга стали главными покровителями фирмы Фаберже, именно благодаря их прямому участию раскрылся весь потенциал фирмы и весь талант этого замечательного ювелира, а его имя стало общеизвестным.

А имя Царя-Хозяина, столь много сделавшего для русской культуры, в нашем Отечестве стало общеизвестным как имя покровителя и продвигателя национальной культуры? В советское время оно было крепко (и, казалось, что навечно) забыто. Клеймо правителя, глубоко реакционного, деспотичного и малокультурного, наглухо запечатало любую благодарную память о нём. И лишь сегодня она освобождена от бесчестных и недостойных отзывов.

Может быть, одним из наиболее справедливых и разумных насыщенных отзывов по справедливой оценке отношения императора к вопросам культуры стало суждение современного политолога Е. Холмогорова. Оно таково: «Короткое царствование

Александра III – это взлет русского национального искусства, не только живописи, но и скульптуры. Русское зодчество обладает своим неповторимым стилем, и пора уже избавиться от советских пропагандистских приставок “псевдо”». Исследователь отмечает, что влияние творческих исканий эпохи Александра III глубоко и неоспоримо. И в качестве яркого примера называет московскую Красную площадь, которая именно при Александре III обрела узнаваемый национальный облик, созданный зданиями, построенными в его эпоху.

Уже есть и немало научных статей и книг о Царе-Хозяине, есть и современный памятник ему, открытый лично Президентом России В. В. Путиным, а в когда-то созданном им Русском музее недавно состоялась выставка, посвященная юбилею со дня рождения императора. Она в полный голос говорила о нём, как о правителе, оказавшем выдающееся влияние на развитие музейного дела в России.

Обозреватели центральных изданий отмечали: «Символично, что выставка пройдет в Русском музее, созданном на основе богатейших коллекций императора, открывшемся через год после его кончины и получившим его имя, которое носил вплоть до революции». Та юбилейная выставка представила для осмотра около 300 произведений живописи, графики, скульптуры и прикладного искусства, которые царь собирал для создания «глубоко национального очага культуры и памяти». Прошедшее время смыло с воспоминаний о нём тяжелую толщу недостойных измышлений, и сегодня они честны и истинны.

И Царь-Хозяин возблагодарен новыми поколениями русских людей за свои искренние благие труды для русской национальной культуры.

Мы полагаем, что рассказ об отношении императора Александра III к русскому искусству не должен ограничиваться этим верным суждением. Очевидно, уже в этой части нашей книги следует сказать, что постоянная поддержка императором русского искусства, как ничто другое, содействовала вызреванию и расцвету русского национального чувства. Нам всем пора вспомнить, что нация – это ни что иное, как единство государства и культуры. И мы полагаем, что для России именно в век Александра III такое единство впервые было достигнуто.

Нас могут упрекнуть, указывая на известные ограничительные меры сильного государства по отношению к искусству. Но в ответ мы процитируем совершенно справедливые слова современного политолога Натальи Алексеевны Нарочницкой: «Только великое *табу* рождает великую культуру». Это истинно так, лишь твердая морально-нравственная политика

государства, опирающаяся на религиозность и нравственность, защищает искусство от мельчания и вырождения и обеспечивает его мощное развитие.

При этом искусство начинает прекрасно влиять на формирование национального характера. Опираясь на генотип, культура оказывается способной создавать полную самодостаточность народа, которую не смогут поколебать никакие внешние разрушительные влияния.

Что может надежно защищать молодую нацию от враждебных влияний? Её защита и сохранение, в первую очередь, могут быть обеспечены лишь духовным и интеллектуальным превосходством над внешними угрозами. Мы полагаем, что век императора Александра III стремился заложить фундамент такого превосходства.

Вера Царя-Хозяина

Ибо нет ничего на свете, кроме души, ради которой Христос умер и воскрес

Василий Великий

Кажется, что, характеризуя императора Александра III, всего легче и проще рассказывать об его отношении к нашей православной вере. Почему? А потому, что, по сравнению с западной фривольностью и западным вольномыслием своего отца, Александр Александрович был очень прост в своём веровании и одновременно очень строг в своей православности и в своей нравственности.

Многие люди, хорошо знавшие Александра III и писавшие о нём, отмечали простоту и прямолинейность его мышления.

Даже С. Ю. Витте, которого порой называют безусловным апологетом Царя-Миротворца, говорил о крайней несложности умозаключений императора, почти отрицающей хитросплетения дипломатических интриг и взысков. Именно такое же отмечали и в его понимании православной Веры. Он воспринимал её твёрдо, искренне и безусловно, и это его восприятие всегда проявлялось очень просто и безыскусно.

И в этом царь был очень близок как к святой простоте простонародного (крестьянского) верования, так и к высокой вере людей духовно особо просвещённых. Великий русский композитор Георгий Свиридов говорил об этом с кристальной чистотой и верностью мысли: беседовать с Богом нельзя на сложном «языке». Так вот сложность верования была не только чужда для Царя-Миротворца, но и отрицаема им. Наверное, нам будет уместно привести несколько примеров такой правдивой простоты.

…Император очень любил искусство русской иконописи и с интересом и вниманием принимал подносимые ему в подарок иконы отнюдь и не высочайшего мастерства. Священная их ценность была для него несомненной.

…В вопросах Веры он не делал разницы между весьма знатными и совсем простыми людьми. Так, в Гатчине он каждое воскресенье отдавал свою просфору дежурному вестовому, как бы деля с ним святость события.

…В своих дневниках об исповеди он всегда писал очень откровенно и с большим чувством. Перед исповедью он с Марией

Фёдоровной ходили в крепость на родные могилы. Перед исповедью оба они строго говели. А после исповеди вдвоём пили чай в его кабинете и говорили о состоявшейся исповеди и готовились к причастию. Все иные дела в такие дни бывали совершенно отложены.

…Императору Александру Александровичу отовсюду в подарок привозили иконы. Иконы ему дарили и при его путешествиях по стране. (Напомним, что и в Мышкине ему была поднесена икона святого Александра Невского.) И поскольку таких подарков набиралось очень уж много, то часть их он в свою очередь раздавал либо своим близким людям, либо священнослужителям, а в первую очередь Патриархам, в их числе и Коптскому Патриарху.

…Ризы и облачения он дарил монастырям, в том числе и тем, которые сам и основал. Таким дарам он придавал большое значение.

…А образа, полученные при поездках по России, он столь ценил, что в дворовом храме лично сам развешивал и размещал их, не жалея для этого своего времени. Однажды он сказал С. Д. Шереметеву, что на некоторое время откладывает все текущие дела и «идёт в церковь развешивать образа».

И ушёл туда всего с одним смотрителем.

…В придворной церкви в Петергофе, в её правом внутреннем углу на красном сукне крестообразно размещены были лучшие из икон, подаренных царю населением во время его путешествий по России. Некоторые из них были очень древними, другие – современными, исполненные искусными художниками и серебряниками. Все они были размещены при личном участии и под наблюдением императора.

Эти образа о многом могли напомнить царю, в том числе и о его первых поездках по Отечеству, и о душевной народной расположенности к своему Правителю.

…Приближённый ко Дворцу протоиерей Янышев немало удивлён тому, что Государь столь любит иконы, ведь ни у кого из предшествующих правителей России такого совсем не наблюдалось!

…В самых прославленных обителях России императора считали по духу совершенно своим человеком. Так Амвросий Оптинский поручил архимандриту Михею время от времени возить царю оптинскую рыбу. Александр III проявил искреннюю радость от первого приезда иноков, принял их в Гатчине, полчаса беседовал с ними, а прощаясь, послал Амвросию свой поклон, низко поклонившись, с касанием рукой земли.

…Царь-Хозяин был ревностен к строительству храмов, и если

усматривал в каких-либо местностях их недостаточность, то высказывал желание к их созданию. Так в 1888 году, посетив Батуми, он в дополнение к единственному православному храму этого города заложил церковь, посвящённую Александру Невскому. А потом в его честь основал и монастырь.

…В православной обрядности, а особенно в церковном пении, царь был очень одобрителен к национальным проявлениям этого искусства. И он не случайно руководителем придворной капеллы назначил Михаила Балакирева, осознанно ожидая от него творческого следования особенностям русского национального храмового пения.

Очевидно, нужно сказать, что Царь-Хозяин придавал высочайшее значение православной Вере, как основе крепости народного миропонимания и как лучшей духовной и идеологической основе России. И Александр III, и его соратники ведь видели основополагающим для складывания русской монархии вовсе не исторический период Петра Великого, а эру Московской Руси. По их мнению, именно во времена Московии связь народа и царя была наиболее близкой и естественной.

Они полагали, что тогда монарх пребывал в прямой соприкосновенности с народом, не будучи отделён от него иноземно ориентированной элитой. Эту единящую роль, по его и их мнению, играла именно Вера, а конкретным образом – Православная Церковь.

Можно полагать о совершенном согласии Александра Александровича с православным учением, гласившим, что каждая человеческая личность является по-своему богоизбранной. Что каждому человеку уже при его рождении даётся великий ли – малый ли Божий дар. А далее по жизни уже от самого человека зависит – отвергнуть этот дар или принять его и всячески развивать.

Кажется, Александр III свой дар видел именно в общепонятном мирном, но твёрдом правлении своей бескрайней империей, дарованной ему Господом Богом. И это находило полный переклик с пониманием лучшими духовными мыслителями основ русской национальной идеи.

Они полагали, что русская национальная идея – это смирение, жажда чистоты душевной и чуткость к окружающему нас мирозданию. Это та надёжная основа, от которой простым людям веет обнадёживающим спокойствием земного мира и его праведностью. И Александр III, как никто другой из русских царей, как своим государственным правлением, так и своей личной обыденной жизнью вселял эту надежду на тишину и праведность.

Игумен Иоанн Экономцев размышляет, что «если плотью национальной идеи являются народ, церковь, творческая элита, то идея империи реализуется в абстрактной безликой силе государственного аппарата». И он завершает свою строгую мысль отнюдь не оптимистическим выводом: «имперская идеология перемалывает в своих жерновах и личность монарха…»

Но в случае с Александром III мы позволим себе не согласиться с о. Иоанном. Мы считаем, что на этот раз «жерновам» имперства это оказалось не по силам. Царь-Мужик богатырски устоял и против государственной безличности, и против светской фривольности, и против светского модного безверия.

Стоит отметить, что Александр III исключительное значение придавал конфессиональности своих соратников. С. Д. Шереметьев вспоминает об этом: «Инославные, по его мнению, могли быть и верными подданными, и полезными деятелями, но русскими по духу они быть не могли, и с этой точки зрения едва ли он не первый царь XIX столетия».

Да, ни у кого из его предшественников православность не проявлялась с такой отчётливой и впечатляющей силой.

И эта православность в очень большой мере перешла даже и в последующее царствование. А. Н. Боханов в своей работе, посвящённой православию в России XIX начала XX веков, пишет: «Последние монархи Александр III и Николай II явили такой пример благочестия, аналогов которому за пределами России того периода отыскать невозможно».

Александр III не только искренне любил Православие, но и являлся подлинно верующим человеком, что было достаточно удивительно для российского высшего света, давно охладевшего к религии и сохранявшего чисто внешнее участие в духовной жизни.

Да и не только высшее общество переживало отчуждение от веры, эта духовная болезнь проникала уже и во многие слои населения, что, например, отмечал Н. Лесков, много писавший о священниках и о праведных людях простого звания. И он говорил, что этим россиянам всё труднее жить и обороняться от наступления нового мира, далёкого от библейских истин. Наблюдательный писатель немало не ошибался в своих выводах и даже близость к течению славянофилов (и особенно к их идеологу М. Каткову) отнюдь не приносила ему каких-либо иллюзий в оценке степени религиозности русских людей.

Охлаждение Веры в высшем русском обществе и в целом у русской интеллигенции было едва не всеобщим, и оно сильно отразилось в десакрализации власти. Царское христианское

властвование в глазах интеллигенции утрачивало свой сакральный характер. Чувствовала ли это сама верховная власть? Очевидно, чувствовала, но царствование Александра III оказалось единственным временем имперского XIX века, когда сильный личный пример императора в немалой мере приостановил падение священного авторитета государя и отчасти восстановил сакральность русского самодержавия даже и в интеллигентной среде.

Царь-Хозяин, веруя подлинно и по-народному совершенно естественно, без притворства, видел в Православии главную (и уже единственную ли?) скрепу национальной самобытности русских.

И его пример строгого благочестия весьма сильно действовал даже на аристократию, по крайней мере, внешне полностью возвращая её к церковной обрядовости. И противники царя, часто не без яда (и не без оснований!), подчёркивали его личную «мобилизующую» роль в массовом возвращении аристократов к церкви. В качестве примера таких отзывов уместно привести резко леворадикальную работу «Александр III», вышедшую в Лондоне в 1902 году. Она с жёсткой усмешкой над аристократией пишет: «Будь Александр III развратником, весь Двор развратничал бы вместе с ним, как равно будь он атеистом, все приближённые и дворяне подражали бы ему в этом. Теперь же все молились, неистово крестились и клали поклоны».

Должно быть, это едкое замечание относительно аристократии в большой степени справедливо. А вот на простой народ религиозность Государя оказывала и впрямь «мобилизующее» влияние в утверждении себя в Православии. И Царь видел очень большое значение в торжественном проведении всероссийских духовных событий. Таким событием, например, был юбилейный год крещения Руси, отмечавшийся летом 1888 года. Торжества начались ещё за неделю до главного дня, который назначили на 15 июля. А в Киеве, в городе «русской исторической православной купели», торжества продолжались и 16, и 17 июля. Во всех крупных городах страны состоялись многолюдные крестные ходы с участием войск, а в столице этот торжественный день отметили салютом в 101 артиллерийский залп.

Эти дни были насыщены яркими знаковыми действиями, сам император участвовал в столичном крестном ходе, принимал участие в ряде важных церемоний – так он здоровался с войсками, участвовал в праздновании, и в этот же день он принимал делегацию духовных лиц из далёкой Абиссинии.

Православие для Александра III, очевидно, было главной

основой русской самобытной идентичности. И он желал повышать и укреплять значение и прочность этой составляющей, этого национального идеологического фундамента. Кроме весьма убедительного примера своей личной православности и воцерковлённости, он проводил и много весьма серьёзных государственных мероприятий, значительно увеличив число храмов, монастырей и церковно-приходских школ, полагаясь на их глубокое влияние на разум и чувства населения. И действительно, даже его критически настроенным современникам порой казалась большая основательность таких надежд.

Порой, казалось, само божественное Провидение самым вдохновляющим образом обнадёживало императора и его соратников. Например, широко известная железнодорожная катастрофа в Борках для многих россиян явила подтверждение богоблагословлённости Царя и его дел. Явную необычность спасения императора и его семейства отмечали даже самые леворадикальные статьи и книги. Так, уже приводимое нами лондонское издание, посвящённое личности царя, его интимной жизни и характеру правления, так говорило о происшедшем: «Это было действительно какое-то чудесное спасение, ибо в то время, как тяжело раненые и мёртвые лежали вокруг десятками, вся царская семья спаслась… Спасение было немедленно названо чудесным избавлением от опасности, как равно народу старались внушить, что Божий промысел спас для России своего помазанника и её царя…»

Со всем этим можно горячо соглашаться и можно столь же горячо не соглашаться Жизнь – это дорога длинная, и мы земные люди далеко не всегда бываем способны отличить случайное от закономерного и явления великие от случаев низких. Но для тех поколений, что придут после нас, очень важным оказывается самый край нашей земной жизни. А для судеб людей великих уход из земных дней оказывается исторически и ещё более значим. И для очевидцев, и для потомков очень важно знать, как сердцем и разумом человек прощается с миром здешним, прижизненной красотой.

Александр III расставался с эти миром, явив глубокую и трогательную религиозность. Зная о близкой своей кончине, он успел призвать к себе о. Иоанна Кронштадского. Тот поспешил ехать и прибыл в Ливадию 28 октября 1894 года. Император встретил его, найдя в себе силы подняться. И, стоя в накинутой на плечи шинели, сердечно поблагодарил о. Иоанна за скорый приезд. Они тихо прошли в соседнюю комнату, вместе встали на молитву, в которой царь участвовал с большим чувством.

20 ноября о. Иоанн пришёл к императору, уже зная, что

пребывание того в земной жизни совсем кратко исчислимо.

В тот день погода случилась грозная, на море бушевала буря, она стонала перекатами громадных волн. На глазах присутствующих Государю становилось всё хуже и хуже. Неожиданно он обратился к о. Иоанну: «Мне очень легко, когда вы их так держите…»

Отец Иоанн больше часа стоял у царского изголовья, держа голову императора и тихо говоря, что прощание с земным миром у него должно быть спокойным и светлым, потому что «вас любит русский народ, он знает, кто вы и что вы есть для России».

Смерть наступила в этот же день, 20 ноября. По собственному желанию Государь причастился. Он смог сам громко и ясно прочитать молитву «Верую, Господи…» Князь Николай Михайлович изумлённо записал в своём дневнике: «… умирает удивительно, как Патриарх».

Царь умирал, сидя в кресле и слегка наклонив голову влево; так и сидели они с императрицей голова к голове, друг к другу приклонившись. Священник медленно и отчётливо читал Евангелие. Император успел тихо вымолвить подруге своей жизни: «Будь покойна. Я – совершенно спокоен…»

Голова его прощально склонилась к головке царицы, правая рука опустилась на правое колено, и дух отлетел от могучего тела. Всё это было картиной потрясающего душу человеческого величия. Существует рисунок придворного художника Зичи, запечатлевший это мгновение. На нём выражение лица Государя действительно совсем спокойное, кроткое и едва не детское… Воистину это был момент ухода к Богу человека простой, большой и чистой веры. Николай II, глубоко взволнованный всем пережитым, сказал: «Это была смерть святого!» Кто бы тогда мог не согласиться с этими словами?

А далее всё происходило тоже с большой и трогательной священностью. Панихиду служили необычно. У изголовья поставили большую древнюю икону, принесённую кем-то из жителей. Богато шитых мундиров среди молящихся не было, а люди тут сразу собрались самые простые, вплоть до крестьян; все стояли вместе, в благоговейном печальном молчании. «Служба протекала не по обычаю царскому, а по обычаю народному, чему примеров никогда не бывало».

Кажется, это была панихида самая проникновенная по чистому народному чувству. И она по своей сердечности много превзошла торжественное прощание в Москве в Архангельском соборе.

Вот так всё было. И мы можем полагать, что эти, горем окрашенные дни, способны достаточней многих иных событий

ярко и полно сказать о подлинности и искренности веры Царя-Хозяина.

Отношение к национальному искусству

Национальность есть ценность,
творимая в истории

Н. Бердяев, «Судьба России»

…Много сказав об отношении Александра III к национальному искусству и к нашей православной Вере, мы, казалось бы, уже вполне прояснили «русскость» этого императора. Но ведь и для его современников, и для последующих россиян такое качество этого монарха было весьма удивительным… Удивительным уже потому, что, начиная с Петра I, все правители России были достаточно далеки от национальных особенностей и традиций главного народа страны, то есть русских.

И монархи не были в этом каким-то исключением, всё правящее сословие стран жило весьма отстранённо от остальной части населения империи. (Например, стоит напомнить, что российскому дворянству французский язык был гораздо знакомей, чем русский. Не случайно А. С. Пушкин, рассказывая о своей Татьяне Лариной, не без снисходительной иронии обмолвился, что она «выражалася с трудом на языке своём родном…»)

Нам могут возразить, что таковым нечувствованием народной жизни страдала не только русская дворянская интеллигенция. Могут привести пример Австро-Венгерской империи, где австрийское дворянство не знало ни чешского, ни даже венгерского языков. И это действительно так, но Россия не была «двуединой» империей (как Австро-Венгрия), в ней государственно образующая нация была одна и ею являлись русские: и здесь отстранённость от всего «материка» главного населения страны была самым удивительным (и мы бы сказали – ненормальным) явлением.

Однако ни русское дворянство, ни его элита не считали это чем-то странным, а тем более опасным. Они строили всю свою жизнь, откровенно копируя западные образцы – от моды до речи.

И вдруг ярко *русский* император! Что это такое?! Что за неожиданность?! Как к ней относиться?! И как она могла появиться?!

Дворянская элита, а тем более аристократия, оказалась и удивлена, и смущена, и даже в немалой мере рассержена.

Вот потому мы и хотим внимательней обратиться к столь неожиданной и единственной в своём роде национальной

приверженности императора Александра III.

…Собственно, изначально-то она, кажется, и не прослеживалась. Второй сын императора Александра Николаевича и императрицы Марии Николаевны, родившийся 26 февраля 1845 года, долгое время жил как бы в тени своего старшего брата Николая, к которому относился с любовью и уважением. Может быть, прорусские наклонности второго сына долго и не замечали, потому что не готовили его к престолонаследию и не слишком внимательными были к нему? Может быть, и так.

Но судьба уготовила Александру Александровичу престолонаследие, и он стал цесаревичем от 12 апреля 1865 года, со дня смерти брата Николая. Вот с этих дней семья и озаботилась более серьёзным, чем прежде, образованием будущего монарха. Его воспитателями стали профессор А. И. Чивилёв и граф Б. А. Перовский. А из учителей нельзя особо не отметить историка С. М. Соловьёва, генерала М. И. Драгомирова, богослова К. П. Победоносцева. Вот здесь-то национальное влияние сказывалось уже несомненно. Может быть, именно этим людям случилось разбудить и укрепить национальные чувства Наследника, и, может быть, им Россия обязана явлению нового типа правителя?

Каким его тогда знали люди, наиболее близкие к Престолу? Вот какие отзывы о нём тогда прозвучали: «Серьёзен. Молчалив. Отличается крайней обдуманностью и осторожностью во всех решениях». Но вскоре стало известно, что «новый наследник открыто симпатизирует русской национальной политике и дарит своим расположением главных проводников названной идеи».

Попробуем присмотреться к ряду этих «проводников идеи». И начать, очевидно, нужно с самого откровенного и настойчивого, с Константина Павловича Победоносцева. Советская историография чётко определяла его крайним реакционером, крайним монархистом и крайним мракобесом («Победоносцев над Россией простёр совиные крыла…»). Едва ли стоит всерьёз рассуждать о «мракобесии», а крайний монархизм и глубокая консервативность Победоносцева бесспорны. Однако на них, очевидно, не следует смотреть лишь односторонне. Константин Павлович глубоко и искренне любил Россию, желал ей добра и очень заботился о простом русском народе. Хотя нельзя не признавать, что его труды и заботы (в частности о народном образовании и воспитании) были во многом вполне идеалистичными.

Но, даже признавая это, мы не можем не признавать и то, что Победоносцев являлся убеждённым государственником,

противником безвластия и искренним русским патриотом. Академик Ю. В. Готье метко подмечал, что Константин Павлович не любил Александра II за его государственную дряблость и *ненациональную* политику, а также за недостаток благочестия и за семейную безнравственность. И эти недовольства были совершенно обоснованными…

Победоносцев справедливо считал, что в период коренного поворота курса государства как никогда необходима твёрдая рука его правителя. А коль у Александра II такое качество проявлялось слишком слабо, то Константин Павлович считал это главной причиной того, что великие реформы обернулись многими бедами и неудачами. И саму надежду императора-реформатора и его соратников на благую природу Человека, которая пробудит его к, безусловно, добрым делам, Победоносцев считал насквозь идеалистической и совершенно несостоятельной. Он полагал, что человек изначально весьма несовершенен и глубоко склонен к порокам: «Печальное будет время, когда водворится исповедуемый ныне культ человечества. Личность человеческая немного будет в нём значить: снимутся и те, какие существуют сейчас преграды насилию и самовластию».

Можно ли сегодня сказать, что в своём предвидении Победоносцев ошибался? Нет… Он искренне желал русским людям большого духовного единства, которое сможет скрепить страну и спасти её от шатаний и катаклизмов. И он думал, что для достижения единства и крепости государства не нужно смущаться мерами принуждения. И хотя в обществе (а в том числе даже и среди священнослужителей) очень многие не принимали таких мыслей и не поддерживали таких требований, и всячески противились им и отчуждались от их автора, но он не изменил своих взглядов.

Советская литература тоже активно участвовала в создании резко отрицательного представления о Победоносцеве, нарисовав образ бездушного сухаря-бюрократа. Должно быть, у неё имелись для этого достаточные основания, но мы полагаем, что в реальной жизни этот образ был не настолько уж «тёмен», как на книжных страницах. Ничто человеческое Победоносцеву было не чуждо, и этому немало свидетельств. А одним из них может стать весьма необычное его собственное литературное создание.

Эта книга «Для немногих», которую он написал и издал в 1882 году. Книга прямо ностальгическая, об этом говорит уже её подзаголовок – «Отрывки из школьного дневника 1842–1845 годов». И об этом же говорит и её посвящение – «Книжка эта печатается для немногих, которые могут узнать сами себя и почуять свою прошедшую молодость. Подойдём, посмотрим в

зеркало, улыбнёмся сами себе и скажем со вздохом: о, моя юность! О, моя свежесть!». Эти строки были им написаны в возрасте пятидесяти шести лет… Он говорил о прежних друзьях, что «многие из имён, которые встречаются в этих строках, принадлежат людям, каких нет уже на свете, каких мы схоронили-оплакали!» (Может быть, этот человек вовсе и не был таким уж безнадёжным «сухарём»?)

А, кстати, у этого «сухаря» часто бывал Ф. М. Достоевский, они подолгу беседовали; стало быть, великий русский классик находил в Константине Победоносцеве отнюдь не только сухого догматика, а вполне достойного собеседника.

Среди историков и литературоведов встречается мнение о том, что Достоевский особо дорожил общением с Победоносцевым и в последние годы жизни считал его другом и даже наставником. Их гражданские и государственные мысли во многом сходились. Фёдор Михайлович твёрдо считал: «Европа нас не любит, терпеть даже не может. Мы никогда в Европе не возбуждали симпатии, и она, если можно было, всегда охотно на нас ополчалась. Вот что мы выиграли, столько ей служа. Одну её ненависть! Она не могла не признавать только одно: нашу силу…»

(Не правда ли, это живо напоминает знаменитое заявление Александра III о единственных надёжных союзниках России – её армии и её флоте?)

Собственно, если внимательно относиться к творчеству Достоевского, то нельзя не заметить, что сквозь все его публикации последних десятилетий жизни проходит отчётливо видный мотив взаимоотношений России и Европы.

Конечно, Достоевский в этом не нов, ещё Пушкин говорил, что Россия чужда Европе. Но Достоевский в этих размышлениях ещё более категоричен. Он заявляет, что «… мы и не можем быть европейцами, мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни».

Современный исследователь Людмила Сараскина считает, что Достоевский имел надежду на примирение и устранение вечных противоречий между Европой и Россией и «мечтал о синтезе родной почвы и западной культуры». Может быть и так, но мы по-читательски видим у Достоевского больше горькой досады на весь исторический путь взаимоотношений с Западом, нежели доброй надежды на конечный успех этих давних взаимоотношений. Ведь великий русский писатель считает, что весь XIX век Россия на европейской сцене вела себя крайне неразумно, да так и не нашла верной линии отношений с Европой.

Он почти с сарказмом перечисляет все фазы таких отношений: «И чего только мы не делали, чтобы Европа признала нас за своих. Мы пугали её силой, посылали туда наши армии “спасать царей”, то склонялись опять перед нею, как не надо было, и уверяли её, что мы и созданы лишь, чтобы служить Европе и делать её счастливой».

Он не может обойтись без жестокой насмешки над потугами русских европейцев: «Европа считает русских самозванцами, укравшими у неё просвещение и в её платье нарядившимися». А потом приходит к самому нерадостному выводу: «Кончилось тем, что теперь в Европе каждый держит себе за пазухой принесённый на нас камень и ждёт только первого столкновения. Вот чего мы выиграли в Европе, столько ей служа».

Но ведь Достоевский во всех своих произведениях глубоко психологичен, и это качество отнюдь не изменяет ему и в политических суждениях. Он подчёркивает, что привязанность к Европе для многих русских (и для всего их государства) – это не что иное, как роковая страсть, неотступная, безответная и всегда жертвенная! И что она весь XIX век будила в русской интеллигенции некую лакейскую боязнь и страх прослыть в Европе непросвещёнными азиатами. Писатель, проникая в этот нехороший русский комплекс, с суровой историчностью судит, что ценой его стала утрата нашей духовной самостоятельности. И с гневом (или с угрюмой насмешкой?) вопрошает: «Не пора ли перестать быть рабами и приживальщиками? Не пора ли жить внутренними интересами?»

Как это напоминает Ф. И. Тютчева с его откровенным презрением к низкопоклонству перед Европой: «Как перед ней не гнитесь, господа, вам не снискать признанья у Европы…» Собственно, эти поэтические и дипломатические выводы Тютчева стали одной из базовых составляющих для постепенной выработки идеологии русских кочевников. А Достоевский уже с полной непреклонностью заявляет, что «хозяин земли русской – есть лишь один русский человек (великорос, малорос или белорус – это всё едино и так будет навсегда».

Но никак нельзя обвинять классика в какой-то тени национализма. Он всегда мыслил широко и верил во всемирное благое призвание русского народа. Но отчётливо заявлял, что тот, кто не любит свой народ, тот никогда не сможет полюбить и всё человечество.

И он приходил к мысли о том, что национальное чувство – это великий дар, ниспосланный свыше. Что его происхождение таинственно прекрасно и что без изначальной врождённой любви к родине никакие подлинно творческие свершения невозможны!

Добавим к этому, что ко времени создания «Братьев Карамазовых» Фёдор Михайлович уже был хорошо знаком и с другим учителем Наследника, с историком Соловьёвым. И был столь же знаком и с самим Наследником и нередко бывал у него. Непростые и неслучайные это связи…

Продолжая мысль о «проводниках русской идеи», мы не можем не сказать об Иване Сергеевиче Аксакове. Его любовь к Родине, горячие гражданские чувства и непреклонная честность были в русском высшем обществе столь общепризнанными, что одно время бытовала почти пословица – «Честен, как Аксаков». Иван Сергеевич при его прямодушии и доброй человечности являл для современников пример достойной нравственности. А его преданность Отечеству и его национальной самобытности всего лучше выражалась в его широко известном призыве к русским – «Быть русскими».

М. П. Лобанов, много внимания уделивший взглядам И. С. Аксакова, особо выделял его искренний призыв к любому мыслящему современнику – «не быть духовным рабом, лакеем перед Западом»!

Для Аксакова любой значительный успех России становился и его личной большой радостью, а любое её поражение – это глубокое личное несчастье. Таким потрясающим несчастьем для него стали скудные и даже унизительные для Отечества условия Берлинского конгресса великих держав, фактически отнявшие у России её победу в русско-турецкой войне. Аксаков гневно говорил, что «Русь победительница сама разжаловала себя в побеждённые».

Иван Сергеевич совсем не сдерживал и не скрывал своего возмущения к своей боли и заявлял, что подлостям Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры. А «весь Конгресс не что иное, как открытый заговор против русского народа». Суровая реакция правительства Александра II не заставила себя ждать. Аксаковский славянский комитет был закрыт, а самого Аксакова выслали из Москвы.

Цесаревич Александр Александрович имел глубокое уважение к Аксакову, и, взойдя на российский престол, всегда проявлял понимание, его взглядов. А безвременная кончина знаменитого славянофила принесла императору искреннюю печаль и душевное сожаление. В те дни он сказал: «Действительно, потеря в своём роде незаменимая. Человек он был истинно русский, и с чистой душой…» Не одобряя некоторых резких публичных высказываний Аксакова, император тем не менее придавал большое значение тому, что Иван Сергеевич являлся общественным деятелем, «защищавшим везде и всегда

русские интересы».

…Вспоминая о «проводниках русских взглядов», мы не можем не сказать также о том, что, будучи наследником, Александр Александрович в содружестве со знаменитым историком Иваном Забелиным и отцом русской археологии Алексеем Уваровым выступил инициатором и попечителем создания Исторического музея, как средоточия национальной памяти русских.

И вот здесь нам уместно сказать ещё об одном моменте из истории нашего города Мышкина, связанном с событиями времён Александра III. Этот момент очень частен и скромен, но вполне достоин упоминания. Вот он – отец историка Забелина, славного исследователя Москвы и её Кремля, служил… в Мышкине!

Но возвратимся к теме «праведников русских национальных взглядов» и назовём ещё одно достойное имя.

Это граф Сергей Дмитриевич Шереметев. И мы полагаем, что нам следует подробней сказать о близости и единстве трудов графа Шереметева и императора Александра III.

Граф Сергей Дмитриевич стоял у самых истоков создания русских научных исторических обществ и был одним из их основателей и руководителей. Так, известное и авторитетное Общество любителей древней письменности (ОЛДП) создали в 1876 году. Это было в доме князя Павла Петровича Вяземского в Санкт-Петербурге на Почтамтской улице. (А не лишним будет сказать, что граф Сергей Дмитриевич был зятем князя Вяземского). Так, тогда среди учредителей Общества были и сомыслитель Александра III граф С. Г. Строганов, сам Шереметев и известный исследователь прошлого Н. П. Барсуков.

Их ходатайство поступило к Цесаревичу, и Александр Александрович его весьма активно поддержал, а потом всегда оказывал Обществу свои внимание и помощь.

Сергей Дмитриевич вспоминает о дальнейшем отношении императора к Обществу: «…не переставал оказывать ему выражения своего неизменного и своеобразного внимания». А посещая его создающийся музей, «поддерживал начинание своими личными вкладами рукописей, предоставлял отдельные предметы древности и искусства для их изучения».

Александр III не только лично знакомился с изданиями ОЛДП, но и относился с «ласковым вниманием» ко многим учёным, работавшим в обществе, оказывая им этим самым «нравственную поддержку, воодушевлявшую на служение дорогому делу».

Сергей Дмитриевич Шереметев не раз говорил, что, по его мнению, любовь Александра III к древнерусскому искусству во всех его проявлениях, будь то русская былина или песня,

древнецерковное пение или иконография, рукописные книги или архитектура во многом была унаследована именно от матери, императрицы Марии Александровны.

«Именно она, чуткая ко всему русскому начинанию, первая отнеслась к Обществу не с обычным сухим сочувствием, а с живым деятельным участием» и взяла его под своё покровительство, уполномочив своего секретаря быть на всех заседаниях.

И Александр III твёрдо продолжил эту линию отношения к Обществу, исследующему древнерусскую культуру. И своё уважение засвидетельствовал присвоением этому Обществу почётного именования «Императорское».

Не меньшее (если не большее) значение Александр III придавал работе Русского исторического общества (РИО), членом которого он стал ещё в 1873 году. С. Д. Шереметев о тех временах вспоминает с проникновенной теплотой: «…только Александр III сумел придать заседаниям ту задушевность, которая была немыслима в его отсутствие». Его присутствие «сразу придавало всему жизнь. Непринуждённо допускались рассуждения, в которых он сам принимал участие со свойственной ему величественной скромностью, и впечатление присутствия было чарующее».

…Такая живая и непринуждённая заинтересованность Наследника в делах и занятиях чисто русских очень быстро стала общественной. Как к этому отнёсся высший свет, тогдашняя русская элита? Эта искренняя «русскость» Цесаревича в высшем свете была воспринята сперва с полным равнодушием, затем с недоверием, а дальше отношение многих вылилось в снисходительное непонимание.

Но, со свойственными ему твёрдостью и прямотой, Цесаревич не придавал этому ровно никакого значения и уже с середины 1860-х годов оказывался в центре идейно-политической борьбы, воплощая надежды консервативных интеллектуалов, которых в обществе несколько отчуждённо называли «русской партией».

В неё входили М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков и их друзья. Эта «партия» отнюдь не была монолитной, между славянофилами и заведомыми консерваторами всегда шли споры, но они сходились в одном – в разумности идеи укрепления в России веса русского начала и решительного неприятия как радикализма народников, так и «аристократического интернационализма» космополитичной бюрократии.

Фактически все люди «русской партии» при Александре II были оппозиционны правительству, и Наследник, по сути дела, являлся их лидером. А его постоянная связь со слоями поддержки

«русскости» всегда шла через К. П. Победоносцева.

В реализации русской идеи Александр Александрович большое значение придавал изучению и популяризации событий национальной истории. Но всю свою жизнь оказывал большую поддержку русской исторической науке. Об этом в своих воспоминаниях очень искренне пишет первый директор московского Музея изящных искусств Иван Цветаев: «Особые симпатии Государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств всем известны, как известно всем образованным людям и то, что Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Императорского русского исторического Общества и лично участвовал в его заседаниях».

Ведущие специалисты изучения русской истории очень высоко ценили такую заинтересованность и такое участие царя в их общей работе. И не случайно самый прочувствованный некролог после смерти Царя-Миротворца написал великий историк Василий Осипович Ключевский.

Мы посильно рассказали о том, где и как мы видим истоки глубокой русскости Царя-Хозяина, назвав главных «проводников» русских взглядов, упомянув о большом влиянии его матери, сказав о его непосредственном участии в деятельности людей «русской партии». И мы хотели бы обратиться не только к личным душевным проявлениям русскости Александра III, но и к его государственным принципам укрепления и отстаивания национальных начал.

Германский философ Шлейермахер однажды сказал, что народ, принимающий чужое, даже если это чужое само по себе и хорошо, грешит перед Богом. Какова мысль! Она потрясающе глубока в своей религиозной и этнической сути.

И с этой философской мыслью совершенно родственно суждение такого, весьма далёкого от философских исканий человека, как генерал М. Д. Скобелев. Он принципиально утверждал, что «космополитичность европеизма не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом». Как это близко к взглядам ведущих славянофилов и самого́ императора Александра III…

Кажется, эти великие истины, пройдя страшную проверку большевистского марксизма и бесстыдство сегодняшнего «либерализма», вновь обретают свои силы. Современный политолог Е. Холмогоров уверенно заявляет, что нация – это естественное сообщество, которое мы не выбираем и в котором осуществляемся как свои среди своих». Нам кажется, что по

отношению к лучшим славянофилам и к русскому крестьянству Царь-Хозяин и чувствовал себя «своим среди своих».

И мы излагаем, что Александр III, человек глубоко верующий, уже интуитивно чувствовал жизненную острую необходимость развития *своего* национального русского идеала. Вступив на престол, Александр Александрович стал постоянно проявлять и даже подчёркивать при каждом удобном (а тем более значимом случае) русское направление своих мыслей и действий. И всему Двору очень скоро стало ясно, что это отнюдь не прихоть, а это глубоко воспринятая идея. И это уже – принцип правления.

Например, император всегда подчёркивал своё большое душевное расположение не к «новой» столице (Петербургу), а столице «старой», к Москве. Некоторые современные исследователи его правления даже называют это его отношение к двум столь разным столицам некой «лакмусовой бумажкой» его национальных устремлений. А у давних размыслителей в этом особенно красноречив С. Д. Шереметьев: «Александр III любил Москву, как не любил её никто из царей XIX века! То, что в великом князе казалось недостатком, в облике императора стало выглядеть большим достоинством».

(Императору довелось своё понимание древней столицы облечь в глубоко и сильно звучавшую едва не литературную форму: «Москва – есть храм России, а Кремль – её алтарь»).

А далее граф Сергей Дмитриевич рассуждает о том, что и Москва тоже платила царю едва не столь же равной симпатией, и вообще даже всем своим обликом в старой столице он оказывался своим. Вот как об этом сказано в воспоминаниях Шереметева: «То, что в великом князе казалось недостатком, в облике императора стало выглядеть большим достоинством».

Простое округлое лицо без следов утончённости – зато похожее и на крестьянина, и на купца, и на офицера в чине от капитана до полковника. Огромная сила вместо светского изящества – зато свой, понятный. Именно эта сила породила массу исторических анекдотов. Был популярен рассказ о том, как увидев императора на перроне, прогуливающимся в ожидании поезда, некий крестьянин простодушно воскликнул: «Вот это царь так царь, чёрт меня подери!» И было даже мнение о том, что Илья Муромец на картине Васнецова создавался с Александра III.

Но была и ещё одна ипостась, которая импонировала людям в Александре III – хозяин. С. Ю. Витте назвал его «образцовым начальником, образцовым хозяином. Он каждую копейку русского народа, русского государства берёг, как самый лучший хозяин не мог бы её беречь».

После этого мы с улыбкой можем сказать, что, называя

Александра III – «Царь-Хозяин», мы приискали такое наименование отнюдь не первыми, С. Ю. Витте вплотную подошёл к нему ещё за сто лет до нас!

Впрочем, говоря о таком «непервенстве», мы можем пойти и много дальше. Например, в вопросе о значимости для нашей страны её древней столицы. И конкретно вот в чём: большие симпатии к Москве задолго до Александра III высказывал ещё Николай I. Он даже высказывал сомнения в правильности решения Петра I перенести столицу в Санкт-Петербург. И в целом он временами склонялся почти к будущему курсу Царя-Хозяина, говоря: «Может быть, было бы лучше цивилизовать Россию на свой собственный лад?»

Да и не один Николай I высказывал такие сомнения. Но до Царя-Хозяина они ни у кого не обретали ясности национальной идеи и национального государственного курса. По прошествии времени этот курс был оправдан и поддержан не только практикой нашей русской жизни, но и многими отечественными и иностранными мыслителями. Так, Шпенглер в своё время определил резкие и жёсткие преобразования Петра I, как «псевдоморфоз», при котором чуждая народу культура начинает довлеть над национальной. И это ведёт к искажению исторических основ национальной жизни России. Шпенглер находил их «беспрецедентными», не имеющими аналогов во всей мировой истории. Но он оговаривался, что их последствия для национальной жизни могли быть весьма неоднозначными!

Мы полагаем, что Александр III с молодых лет уже был всерьёз встревожен возможностью таких неоднозначных последствий. И он усматривал «иностранный вектор» развития русского общества как губительно опасный. Для немногих дальнозорких русских людей, тоже воспринимающих это как серьёзную опасность, казалось, уже и не было надежд изменить положение. Никаких ободряющих сигналов и ориентиров не наблюдалось…

Современная исследовательница Елена Зименко в своей работе «Тяжкое бремя царской власти» замечала: «Действительно, надо быть провидцем, чтобы предположить из 1845 года, что младенец войдёт в историю под именем Миротворца и что годы его правления ознаменуются обращением к русскому стилю (именно – русскому!) в большом и малом».

Далее исследовательница рассуждает о том, каким же увидела Россия этого необычного императора, и отвечает, что, наверное, «самым правильным словом будет “естественный”». Он ничего из себя не изображал, не напускал на себя никаких чужих свойств и качеств. И это очень ясно проявилось уже и в его

ранних портретных изображениях.

Так, Крамской писал его портрет почти год, закончил в августе 1875 года. «К этому времени в Наследнике появились властность и сила. Но главное – обозначилась некая величественность, которую будут впоследствии отмечать многие современники».

И не следует думать, что свойства Александра Александровича заметили и отразили в своих произведениях лишь художники, люди особой принципиальности. Нет, это их же честно фиксировали фотографии. Так широко известна прекрасная литография, исполненная с фотографии, выполненной К. И. Бергамаско. «Литографии особенно удалось выражение света тёплых глаз Наследника, так резко отличавшихся по выражению от холодных глаз его деда и невыразительных водянистых, чуть навыкате, глаз отца. А вскоре Цесаревич обзавёлся бородой… Борода соответствовала его внутреннему состоянию и вскоре стала приметой нового царствования».

Выше мы уже отмечали, что окружение Наследника быстро отреагировало на такой облик будущего правителя, и у него вскоре появилось немало последователей. И Е. Зименко говорит об этом же: «Сановники тоже стали отпускать бороды. Эта мелкая деталь на самом деле говорила о многом. Во-первых, у русского царя бороды не было со времён Алексея Михайловича. То есть весь XVIII и три четверти XIX века. И вот – новый царь, в котором с трудом можно было отыскать каплю русской крови, возвратился к исконной части национального облика». (С улыбкой можно было вспомнить ещё странную допетровскую поговорку: «Борода – в честь, а усы – они и у кошки есть!» Звучало бы это забавно, но говорит уже о многом.)

Личный пример царя в продвижении и укреплении проявлений русской национальной жизни, конечно, имел прямо таки повелевающее значение для высшего русского общества. Но Царь-Хозяин хорошо сознавал, что этого недостаточно, во имя будущего следует заботиться о национальном воспитании детей и молодёжи. Из этого во многом и проистекает, например, его забота о низших школах и его упорядочение жизни высших образовательных учреждений. И царя хорошо понимали лучшие русские педагоги того времени. Так, В. Н. Сорока-Росинский отозвался на повышение внимания к начальным школам прекрасно верными словами: «Национальное воспитание – суровый долг перед народностью».

Вопросы национального воспитания император в первую очередь осуществлял в своей собственной семье. Так, курс

истории для его сына Георгия по личному поручению Александра III читал сам Василий Осипович Ключевский. Лекции Василия Осиповича были весьма ценны уже тем, что их создатель отнюдь не восхвалял весь допетровский период истории России, а тонко различал естественность хода исторического развития и его неразумное формирование. И особенно глубоко и зорко он это исследовал на примере правления Ивана Грозного. Он размышлял, что «положительное значение царя Ивана Грозного в истории нашего государства далеко не так велико, как можно было думать, судя по его замыслам и начинаниям, по шуму, который производила его деятельность.

Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильно подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок. Жизнь московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем это было при нём и после него.

Важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, какие были им подготовлены. Важнейшее отрицательное значения этого царствования – царь Иван был замечательный писатель, пожалуй. Даже бойкий политический мыслитель, но он не был государственный делец.

Одностороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбуждённости лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого окончил тем, что поколебал сами основания этого порядка».

Ключевский в своём «Курсе Русской истории» и в своих лекциях был очень далёк от желания всегда и во всём оправдывать и похвалять русских самодержцев, он всегда и во всём шёл от своего реального видения событий русской истории. И донося до слушателей (даже если это и царские дети), он говорил, в частности, что характеризуя время Ивана Грозного, Карамзин если что-то и преувеличивал, то очень немного, поставив правление этого царя как одно из прекраснейших по началу, а по конечным результатам – наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени.

И заканчивал ярким и сильным выводом: «Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом. Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырём, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше которого враги

и сидели».

Что говорить, Александр выбрал для обучения своего сына русской истории учителя честного в своих взглядах и родной стране глубоко преданного.

…Но возвратимся к конкретным проявлениям «русского курса» Царя-Хозяина в повседневности его правления.

Современный исследователь А. А. Мешанина рассказывает, что Александр III, даже и в свои зрелые годы, нередко бывал совершенно нетерпим и даже вспыльчив к случаям неуважения к русскому прошлому. И с доброжелательной иронией цитирует высказывания современников, что император, скорее, напоминал не Романовых, а первых московских князей, скопидомов, обирателей. Национальное для него всегда было выше иноземного.

И император отчётливо сознавал, что национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью и никогда не был сторонником научного и культурного изоляционизма.

А говоря о постоянном царском покровительстве национальных исторических исследований, он благодарно заявляет, что «не будь таких людей, бесконечно преданных России и её истории, способных понимать проблемы науки в целом и при этом входить в её частности, умевших привлечь к работе лучших учёных и добиться разрешения работать даже в закрытых архивах Императорского Двора, сегодня мы были бы лишены не только многих исторических источников и написанных на их основании сочинений, но и достойного примера служения своему Отечеству, славу которого они видели в его многовековой истории и культуре».

…Порой кажется, что Царю-Хозяину в русской жизни едва ли не до всего было дело. Он сам во многом культивировал русский национальный вкус – от архитектуры до военной формы и ношения бороды! И его поступки, и действия часто оказывались для общества высоко значимыми.

Историки и прошлого, и нашего времени нередко отмечали, что после Фёдора и Иоанна Алексеевичей Александр III первым принял русский национальный облик и вообще любил всё русское: говорил предпочтительно на русском языке, читал русские газеты, поощрял русских писателей и учёных, занимавшихся русской историей и отыскивающих русские древности, и очень любил русскую музыку и архитектуру. Такие отзывы мы встречаем у очень многих авторов – от Д. И. Иловайского до Н. И. Билярминова и Е. Ростовцева.

До всего было дело. И вот совсем, казалось бы, для государства невеликого случая – музыковед о. Аристарх

Израилев, создатель камертонов для изучения колокольного мастерства, демонстрировал их самому Государю Императору. И Царь-Хозяин уделил внимание и его камертонам, и его акустическим приборам, и оказал ему поддержку. И изобретатель был очень успешен, на Всемирных выставках в Москве, Вене, Филадельфии получив их высокие награды и медаль Парижской национальной Академии.

Однако этими случаями пример о. Аристарха не исчерпывается. Тот был хорошо знаком с К. П. Победоносцевым и композитором М. А. Балакиревым и многими другими товарищами современного ему русского искусства.

…До всего было дело. Духовно-национальные начинания защищались и поддерживались везде и во всём. Не забыта была и святая земля Палестины, первым председателем Православного Палестинского общества стал Сергей Александрович Романов, а в 1889 году Обществу было присвоено звание Императорского.

…До всего было дело. Задумав создание Русского музея, император мыслил один из его отделов посвятить русской этнографической теме. И задуманное, хотя уже и после него, слава Богу, свершилось. Сегодняшний РЭМ (Русский этнографический музей) и вырос из этого «семечка».

И ещё о музеях. Известно нерушимо исполняемое личное распоряжение Царя-Хозяина: все заказы императорской семьи исполнять в двух экземплярах – один для заказчиков, а другой – для музея.

…Дело было до всего. Вот, например, имя великого русского адмирала Ушакова до 1883 года не было увековечено в названии корабля. И лишь Александр III сделал это. Компетентная комиссия предложила ему для выбора именования нового броненосца пять вариантов: «Адмирал Лефорт», «Граф Орлов-Чесменский», «Адмирал Кроун», «Адмирал Синявин», «Адмирал Ушаков». Царь решительно выбрал Ушакова.

В вопросах внешних государственных отношений Царь-Хозяин тоже был подчёркнуто русским правителем. Во всём. Например, при обмене подарками с императором Вильгельмом он подарил ему – русскую тройку! (Добавим, что эта тройка Вильгельма однажды так разнесла, что он чуть не пострадал… Знаковые и подарок, и случай!)

До всего было дело. К большому удивлению Н. К. Гирса Александр III сразу же стал писать ему как деловые бумаги, так и рабочие записки… на русском! Вскоре на русский язык перевели и переписку МИД(а) с нашими представителями за рубежом. Для многих наших (!) дипломатов это стало подлинной проблемой, ведь не все из них достаточно владели русским языком.

…До всего было дело. Академия Генерального Штаба тоже сразу испытала внимание Александра III к родной истории. Её учёные впервые обратились к рассмотрению эпохи Дмитрия Донского и к общему обозрению всех войн России.

До всего было дело. Многие удивлялись, увидав императора одетым в русскую рубашку с узором на рукавах! А он недвусмысленно показал неразумность забвения национальной одежды, и нередко одевался совершенно по-русски.

До всего было дело… Иностранные вина на царском столе были заменены отечественными, кавказскими и крымскими. (У России есть всё своё собственное, и это нисколько не хуже заграничного!)

До всего было дело… В том числе и до армейской формы. Она стала не только совершенно национальной, но и гораздо проще и удобней, нежели прежняя. Полукафтаны и шаровары, цветные кушаки и барашковые шапки преобразили армию и внешне очень приблизили её к народу. Эти нововведения были вполне в духе разумных старинных действий Потёмкина и Суворова. И большинство военных людей одобрили эти нововведения. Резко отозвался о них, кажется, лишь командир гвардейского Преображенского полка князь А. И. Барятинский, заявив, что мужицкую форму он не наденет. И был немедленно отправлен в отставку.

Мы привели немало примеров активного влияния Царя-Хозяина на поворот русской жизни к национальным истокам. Означает ли это, что во всех своих национальных начинаниях император был, несомненно, прав и благотворно успешен? Мы полагаем, что это было далеко не так.

Мы думаем, что слишком безусловная прямолинейность его действий не всегда заканчивалась успешно, а особенно в вопросах укоренения «русскости» в жизни национальных окраин империи. Здесь его национальный курс нередко бывал близок к воинствующему национализму, который выражался в настойчивых попытках русификации инородцев. Александр III ясно понимал опорную стержневую роль русского народа в своей империи и всемерно старался расширять его государствообразующее влияние. Нельзя не одобрить его решение утвердить русский язык в качестве единого государственного, но едва ли можно согласиться с запретом обучать «инородцев» их родному языку. И едва ли можно признать реалистичными старания русифицировать Польшу и простыми мерами решить «еврейский вопрос».

И российская Польша, и российские евреи – это были самые непростые и больные моменты в национальной политике

российских императоров. Курс Александра III на этом направлении был жёстким и однозначным: «царство Польское – это всего лишь одна из частей Российской империи, которой не следует ничем отличаться от остального её пространства»; а вся жизнь евреев должна быть подчинена «Временным правилам»[4], изданным в 1882 году, установившим так называемую «черту осёдлости».

Например, что она означала.

Фактически она разрешала основной массе еврейского населения постоянно жить лишь в западных и южных губерниях европейской части России, то есть на территориях Украины, Белоруссии, Литвы и Польши. Но и там их пребывание имело ряд очень серьёзных ограничений. Так, «Временные правила» 1882 года запрещали им приобретать недвижимость в черте осёдлости – Бессарабской, Виленской, Волынской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилёвской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Черниговской и Киевской губерниях.

Однако и там евреям нельзя было жить в сёлах, а также в городах Киеве, Севастополе и Ялте. Вне черты осёдлости могли жить евреи – купцы первой гильдии, лица с высшим образованием и специальным образованием, а также ремесленники, отставные солдаты и потомки этих категорий еврейского населения.

«Временные правила» в дальнейшем получили ряд строгих ограничительных дополнений. Так, в 1887 году был принят закон, в котором вводилась процентная норма приёма евреев в средние и высшие учебные заведения и городские уездные училища. В черте осёдлости эта норма составляла 10 процентов от общего числа учащихся; вне черты осёдлости – пять процентов, а в столицах – три процента.

В 1889 году ограничили доступ евреев в адвокатуру, в 1890 году запретили выборы их в земства и городское самоуправление, а в 1891–1892 годах из Москвы выселили двадцать тысяч евреев – отставных солдат и ремесленников вместе с их домочадцами. Предельно суровые действия…

Как относилось русское просвещённое общество к политике Александра III относительно поляков и евреев? Это отношение, конечно, не было единым. Большинство государственно мыслящих людей соглашались с такой русификаторской и запретительной политикой. Интеллектуальные меньшинства сомневались в её разумности и успешности и сочувствовали евреям и полякам. О поляках справедливо отзывались, что этот народ совсем не поддаётся ассимиляции. И были абсолютно правы. Наличие древних истоков своей государственности, глубокая историческая память, талантливая национальная

интеллигенция, яркие этнические особенности – всё обуславливало неискоренимую «польскость» поляков.

Ещё сложней оказывалось с евреями. Их высочайшая деловая пассионарность оказалась полной и тяжёлой неожиданностью для малоподвижной основной массы населения Российской империи. И очень быстро евреи сосредоточили в своих руках значительные экономические средства и утвердились в ряде командных позиций финансового и промышленного капитала. (Достаточно сказать, что к 1905 году 60 % купцов первой гильдии – евреи.) В сочетании с этнической и конфессиональной сплочённостью этой нации такое положение не могло не озаботить правительство России.

Но методы сдерживания еврейской деловой активности и даже территориальное ограничение их продвижения, кажется, не принесли желаемого успеха. К тому же, на юге страны, особенно в малороссийских губерниях, возникли крайне острые национальные противоречия, нередко заканчивающиеся еврейскими погромами. Правительство вооружённой силой сдерживало и гасило эти вспышки, но коренного решения вопроса так и не было найдено на протяжении всей истории дореволюционной России. И мы не можем сказать, что «еврейский вопрос» совершенно разрешён в наши дни. Он получил новую глубину, новую социальную окраску, новые мощные проявления, но отнюдь не исчез. И набрал новую степень опасности, более высокую, нежели прежде.

Но обратимся к иным проявлениям национальной политики Александра III. Размышляя о национальной политике Царя-Хозяина, мы невольно сосредотачиваемся лишь на его собственных личных взглядах на этот трудный и болезненный вопрос: а обрёл ли император в русском обществе достаточную поддержку таковой политики, идя столь необычным для Романовых «русским путём»?

Мы полагаем, что понимание и поддержка именно русского населения империи была весьма значительной. Ведь все русские мыслящие, начиная со времён Петра I, испытывали тревогу и обиду за собственный народ, занимавший явно приниженное положение в европеизирующемся государстве. (Вспомним слова одного из героев 1812 года генерала Ермолова. В ответ на вопрос императора Александра I о том, какую бы высокую награду он желал для себя, Ермолов дерзко ответил: «Государь, сделайте меня немцем!» Да, иностранное засилье тогда ярче всего выражалось в образе немцев.)

В XIX веке они преобладали у нас в науке, технике, в управлении, а особенно в армии. Так, в славном 1812 году почти

60 российских генералов были этническими немцами. И даже в 1880-е годы, то есть во время наиболее яркой панславянской пропаганды, около 40 процентов постов в высшем командовании занимали люди немецкого происхождения. А в ряде министерств этот нерадостный показатель оказывался и значительно выше.

Так, в Военном Министерстве – 46 процентов, в Министерстве иностранных дел – 57 процентов, в Министерстве связи – 62 процента. И в целом треть всех высших чинов, армейских морских офицеров и членов Сената были людьми немецкого происхождения. При этом следует знать, что немцы составляли не более одного (!) процента населения России.

Мыслящая часть русских людей этим была и встревожена, и в немалой мере оскорблена. И в этой тревоге совершенно сходились взглядами и мнениями, например, даже такие разные мыслители, как Герцен и славянофилы. Все они считали, что существующая «немецкая система» управления русской страной создаёт опасный разрыв «между сердцем и главой нации».

Но при осознании этой неблагополучности положение не виделось угрожающим для России, его полагали лишь внутренней проблемой империи. Однако европейские события, в первую очередь 1866 года (после битвы при Садовой[5]) всё изменили. На авансцену европейской политики и экономической жизни выступило уже не второстепенное, а мощное государство Пруссия, и германские мотивы и во внешней политике, и во внутренней жизни нашей страны зазвучали по-новому. Возникли верные ощущения опасности германизма и тревоги за будущее России.

И, несмотря на свою глубоко культурную деятельность, славянофилы одними из первых увидели эту опасность и пытались делать в России то же самое, что делали в Германии сторонники Фихта, которые стремились строить передовую германскую экономику на сугубо германской самобытной основе.

С 1870 года германская промышленность бурно развивалась, и это привело Россию к принятию серьёзных протекционистских мер, а потом и к торговой войне с Германией. В этих условиях и в политике, и в хозяйстве страны ясно обозначились как национальные охранительные, так и либерально-соглашательские с Западом тенденции.

И в «лагере» либералов русская общественность справедливо видела, как германофильство, так и евреев-капиталистов. Ещё М. Д. Скобелев гневно заявлял, что русские не являются хозяевами в своём собственном русском доме, а хозяином всегда и всюду является в лучшем случае иноплеменник, а в худшем даже и иностранец.

Точно также мыслили и многие русские философы, литераторы, журналисты, в частности Юрий Самарин и Николай Лесков, они в своих трудах активно выступали против иностранного засилья, в частности, немецкого. И они приветствовали, например, такие шаги Александра III, как перевод делопроизводства на русский язык, русификацию Дерптского университета и возвращение этому городу древнего имени – Юрьев.

Либеральная же часть общества реагировала на прорусские действия Царя-Хозяина совсем противоположно и весьма неравнодушно. Она и раньше считала, что все Романовы (а уж тем более Александр III!) – это безусловные антисемиты и даже более чем, например, Гогенцоллерны. И для них любой промышленник или финансист-западник (а в первую очередь – еврей) это вольно или невольно, но некий агент не только самых худших либерализма и капитализма, а и агент социализма и коммунизма!

То есть мыслительное размежевание общества и при Царе-Хозяине оставалось весьма значительным. Но сама личность этого правителя с уверенной беспрекословностью удерживала империю на национальном курсе. Будучи душевно глубоко русским человеком, русским по строю своих мыслей и чувств, он полагал, что сильная, национально ориентированная власть есть несомненное благо для любого государства, а тем более – для России. А в коллективном Западе у него, кажется, постепенно возникало твёрдое понимание, что он, даря человечеству современные формы техники, уверенно лишает его многообразия и лишает… души.

Как же России избежать такой участи, то есть потери души? И потери самобытности? Кажется, царь никогда не был сторонником самых крайних призывов и действий, то есть он никогда не выдвигал лозунга «Россия – для русских», как это не раз звучало у Михаила Каткова и Михаила Скобелева. В этом он оставался гораздо сдержанней, но… Но немногим мягче.

Современный историк Владимир Назаревский видит это так: «…отпустив длинную бороду, надев русский кафтан с широкими шароварами и русские сапоги, подпоясавшись русским кушаком, Государь дал понять и другим народам и космополитам, что его заботой будет не весь земной шар, даже не Европа, а Россия, паче всего то, что безвозвратно покончена в ней та политика, которая в прежние времена вытаскивала из огня каштаны для других государств. Русские реальные жизненные интересы – вот начало и конец политики нашего Государя. Александр III молча думал: “Россия – для русских”».

Похоже, что это действительно так. При отсутствии лозунгов русскость правления стала одной из главных доминант его эпохи. Мы даже решимся сказать, что Царь-Хозяин проявлял твёрдое желание подвести под имперские начала национальную основу, либо интуитивно, либо осмысленно вёл поиск русской государственной национальной идеи.

Современный политолог Е. Холмогоров говорит об этом совершенно однозначно: «Идеологией как центральной власти России, самодержавия, так и националистической элиты, а также значительной части бюрократии» было превращение России в современное национальное государство, в котором центростремительные тенденции господствуют над центробежными и иноэтническими и иноцивилизационными силами. Именно такую политику проводило правительство “русификатора всея Руси” Александра III, сочетавшего установку на русификацию окраин, на внутреннее своеобразное культурное развитие и на полноценную индустриализацию, сопровождающуюся увеличением инфраструктурной связанности страны. “Россия для русских и по-русски” – было для императора реальной программой».

Императорский поиск идеологической и национальной связанности государства был совершенно практическим.

В этом поиске император одной из лучших основ общероссийского порядка видел преобладание «господствующей народности» (то есть великороссов). И с характерной для его царствования последовательностью он делал из этого положения выводы и применял их к основным инородцам, а более всех к евреям. Далее к полякам и немцам. В русификации западных окраин он, ещё будучи наследником, руководствовался идеями и трудами Михаила Муравьёва-Виленского, весьма уважаемого всем кругом сторонников Цесаревича.

Выше мы уже оговорились, что задача русификации «российской Польши» была невыполнимой. Но в ту пору это едва ли можно было понимать с достаточной отчетливостью, а тем более политически разумно такую задачу разрешить.

И об этом, конечно, откровенно говорят наши современные учёные. Так, философ В. И. Большаков с сожалением упоминает, что «попытка поворота в сторону русских национальных интересов, предпринятая в царствование императора Александра III, в силу непродуманных действенных мероприятий этого шага, излишне активная и прямолинейная русификация польской и балтийской окраины привели к формированию там очагов социальной напряжённости».

А каким было отношение Государя к иным народам и

этническим группам России? Мы полагаем, что совершенно спокойным: у них он не усматривал явственной русофобии и тем более каких-либо опасностей для устойчивого бытия Российской Империи. Он считал эти народы естественной и органичной частью России: волей исторических обстоятельств, они влились в её состав. (Среди даров, приятных его памяти, например, соседствовали подношение терских казаков и богатый татарский костюм… И всё это для Царя-Хозяина было в равной мере российским и в равной мере родственным его душе.)

Но самым показательным и интересным может быть отношение Царя-Хозяина к трудам крупнейшего белорусского историка Алексея Парфёновича Сапунова. Кто такой Сапунов?

Историк и краевед, он всю свою жизнь посвятил изучению Витебского края. Им создано пять десятков книг и брошюр, десятки статей и заметок. Он участвовал в создании Витебского церковно-археологического музея и местного отделения Московского археологического института, а также в создании Витебской учёной архивной комиссии.

Он произошёл из семьи купца третьей гильдии, а всю жизнь посвятил книгам о белорусской истории. Целью всей жизни он указывал «собирание возможно большего количества материалов для более успешной работы местной интеллигентной мысли над прошлым и настоящим состоянием Белоруссии».

В своих трудах он желал дать ясный и полный ответ на вопрос – что же такое Белоруссия, и кто же такие белорусы? К каким выводам он приходил в результате своих многолетних занятий?

Он заявлял: «В нашей литературе возникал вопрос: существует ли вообще отдельное белорусское племя? Но, конечно, особенности языка белорусов, их нравы и обычаи, богатая народная литература и так далее доказывают существование отдельного белорусского племени».

Вот так очень определённо мыслил ведущий последователь белорусской самобытности. И, очевидно, нам будет уместно вспомнить некоторые отдельные моменты, способные лучше охарактеризовать его образ.

…Из Витебской гимназии Алексея хотели исключить за невнесение платы за обучение, семья была очень ограничена в средствах. А в университете ему было легче, его обучали за казённый счёт.

…Многие свои труды он издавал за свои деньги. Так в предисловии к своей главной книге «Река Западная Двина» он пишет, что почти все средства на её издание пошли из его учительского жалования.

…Сапунов всем блюдам подчёркнуто предпочитал белорусские. Даже будучи депутатом III Государственной Думы от фракции октябристов, он не признавал никаких ресторанов и питался только дома.

…Соратники отмечали, что он всегда глубоко был чужд картам и другим способам бесполезно убивать свои силы и время, сразу отдался серьёзным систематическим занятиям.

Как видим, перед нами явный и несомненный основоположник и защитник «белорусской самости». Знал ли о нём император Александр III? Не только знал, но и был знаком с некоторыми его трудами. А прочитав его книгу о Западной Двине, он распорядился посодействовать автору, выделив ему пятьсот рублей единовременного денежного вспомоществования.

Царь-Хозяин видел население Белоруссии одной из естественно развивающихся ветвей русского народа или одной из славянских народностей. И здесь мы решимся впервые в нашей книге сказать о нём, как о славянофиле на троне или даже назвать Царём-Славянофилом. И, может быть, за это всего весомей выскажутся его собственные слова, значащиеся в одном из его писем супруге: «… доказать всей изумлённой испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая святая, православная Россия, каковой она была и при царях Московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно!»

К этому можно бы добавить, что славянофильство Александра III отнюдь не имело каких-либо качеств жёсткого и тем более полного отрицания значимости для России её неславянских народов. И для примеров далеко ходить не придётся: Бунге, Гирс, Витте и ещё многие-многие, разве они были этническими славянами? Но именно они были верными и ближними соратниками Царя-Славянофила.

И разве только самые ближние иноплеменники были им уважаемы и были ему дороги? Вот более отдалённый по времени пример: Эдуарда Тотлебена, доблестного участника севастопольской обороны, по личному распоряжению Александра III, похоронили на Братском кладбище Севастополя среди других героев тех дней. И здесь у нас уже возникает непростая мысль о том, что «русские» – это очень большое и обширное сообщество, включающее в себя людей не столько по изначальной кровнородственности, но в немалой мере и по культурному внутреннему миру. Современный политолог Дмитрий Ольшанский говорит об этом так: «Драматично, но факт: русские – общность социокультурная, но не этническая». И, развивая эту мысль, он приходит к выводу о том, что «большинство национально-этнических групп в современном

мире выделяются на основе национального самосознания». Правда, автор далее приходит к соображениям как бы о некой «археологии нравственности», усматривающей для многих народов опасность стирания и утрачивания душевных свойств… Не к этому ли опасению интуитивно приходил и Царь-Славянофил, о котором современный историк Боханов говорит: «…любя Россию простой и искренней любовью преданного сына, он никогда не смог бы сделать ничего, что, по его мнению, мешало бы её расцвету и благополучию».

Вот, кажется, именно «простой и искренней любовью» он решительно и отличался ото всех прежних Романовых. Размышляя об его отце, Александре II, наблюдательная придворная дама А. Ф. Тютчева писала: «Прекрасные реформы царствования Александра II, мягкость, великодушность характера должны были бы обеспечить ему восторженную любовь его народа, а между тем он не был государем популярным в истинном смысле этого слова: народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нём самом совершенно отсутствовала национальная и народная струнка…» И сравнивая с ним его сына, Анна Фёдоровна отмечает, что «в чертах Александра III наоборот есть естественное выражение энергии и в то же время честности и доброты. Да создадут эти свойства, вместе взятые, отличительные черты его царствования!»

И ей едва не вторит граф С. Д. Шереметев: «Среди мрака, застилающего Россию, от него исходил чистый луч света, послуживший духовному и национальному возрождению. Тринадцать лет яркого света – словно один день между тёмной ночью, между падением и бессилием».

Время правления Царя-Миротворца граф видит как судьбоносный поворотный период в истории России. Он воспринимает это как начало светлой эры для русских людей: «… русский народ вступает отныне на поприще всемирной истории, в семью других народов как равноправный его сочлен». Такая перемена, по мнению Шереметева, во многом обусловлена именно национальным курсом Александра III и тем, что с Европой он «заговорил твёрдым языком владыки многомиллионного, никому не угрожающего, но и никого не страшащегося, ничего не требующего, но ничего не уступающего народа».

И завершает эти мысли с яркой точностью, что Александр III – это был «первый Русский царь XIX столетия». Собственно, граф Сергей Дмитриевич отнюдь не осуждает предшественника Царя-Хозяина, а Александру II он немало сочувствует, говоря, что «у Александра II его чувство было явно немецким, навеянным

сентиментализмом времени своей юности. Русское воплощение в лице Царя в XIX веке совершилось лишь в Александре III…»

И ему из наших дней вполне согласно как бы откликается американский исследователь Теодор Уикс: «Александр III вошёл в историю как “царь-националист”, который пытался сохранить пронизанные русским духом православные ценности».

В этих судьбоносных трудах Царь-Славянофил, кажется, выступал как бы антиподом самому Петру Великому. Это особо подчёркивает современный историк Егор Холмогоров: «Пётр I осуществлял модернизацию России через изнурительные, выматывающие народные силы войны, а сущность преобразований полагал на всё большем отчуждении России от собственной оригинальной цивилизации, зримым символом чего стало бритьё бороды».

Александр III решил продвигать Россию в будущее через возвращение к самой себе, через обретение всё большей национальной оригинальности и цивилизации путём по возможности мирным, сберегающим силы народа для внутреннего развития или для большой битвы, но за свои коренные интересы».

В своё время к этому приходил и граф С. Д. Шереметев. В своей речи в память Александра III на заседании Общества ревнителей русского исторического просвещения в 1897 году он говорил, что «Александр III своим царствованием открывает новый исторический период в жизни русского народа – период расцвета национального самосознания, осуществления русского идеала». Усугубляя эту мысль, Шереметев заявлял, что Александр III в XIX столетии был первым действительно русским правителем Российской империи и во всём желал быть ближе к её государственнообразующему народу.

Итак, речь шла о народе. До сих строк мы говорили главным образом о его мыслящей части. А что мы можем сказать о печально знаменитом «молчаливом большинстве», о многомиллионной массе простых русских людей?

Может быть, начать нам стоит с известной картины И. Е. Репина «Приём волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца в Москве». К содержанию этой картины обращались и обращаются многие писавшие и думавшие об эпохе Царя-Хозяина, ведь именно её содержанием и сделана прямая попытка отражать наличие прямой связи Правителя с Народом. Например, современный историк Холмогоров говорит об этом так: «Молодой и полный сил царь стоит в окружении верного народа. Впервые за послепетровскую эпоху между самодержцем и народом нет

бросающегося в глаза внешнего культурного различия. Это больше, чем просто парадное полотно. Это своего рода идеологическая икона, в которой церковно-русский дух, единение царя и народа помимо средостения бюрократии и притязаний революционной интеллигенции».

Но, конечно, есть об этой картине и иные мнения. Они тоже сочувственно благожелательны, но в них звучат отнюдь не только восхищённые ноты. Суть таких отзывов в том, что император на этой картине по-русски впечатляюще могуч, богатырственен, повелительно смел, но одновременно он так одинок среди безгласных и едва ли всё вполне понимающих мужиков. Но хорошо, что он – русский, что этот одинокий Правитель желает как-то приблизиться к своему народу. И делает это, как умеет.

Мы думаем, что это второе понимание много ближе к исторической реальности и что именно его и желал выразить Илья Ефимович Репин. Император на его живописном полотне обращается к тем, кто немного выдвинулся из общей среды простого крестьянского люда, но по-прежнему пребывает в нём. И он обращается к этим людям, как к самым надёжным представителям своих подданных. Он говорит им что-то очень важное, правая рука его согнута в утвердительном жесте, взгляд устремлённый и яркий, лицо и весь облик излучают уверенность и энергию, он – центр утверждения надёжности в жизни этого общества и всей крестьянской страны.

Но в бесчисленных лицах слушателей (деревенских мужиков) мы не увидим ни живого понимания, ни явного и глубокого с царём единодушия, ни проникновенной сердечной сопричастности. Они лишь серьёзно внимательны, подобающе значительны и достойно уважительны. Они хорошо сознают, кто перед ними и держатся с достойным вниманием, но душевно они не взволнованы и сердечно не озарены. Царю – почёт и уважение, а возможно ли и ещё что-то большее?

Наш современный искусствовед Нина Геташвили, касаясь правления Александра III, отмечает, что царь «был не оценён своими современниками…» И поясняет, что достойной оценённости, безусловно, мешала его внутренняя политика, в которой он оставался неизменно привержен принципам самодержавности и русофильства. Но… Но, видимо, искусствовед, говоря о современниках, имеет в виду интеллектуальную часть и даже вольномыслящую часть населения страны. А крестьянство (это 90 процентов населения империи) как раз было совершенно религиозно, а самодержавие воспринимало как нечто извечно данное. И могучая властность монарха для них являлась безусловным свойством любой

подлинной царственности!

Кстати, другие весьма известные живописные полотна (Н. А. Крамского) – портрет Царя-Миротворца – как раз и отражают незыблемую властность. И ещё. На наш взгляд, прямодушие и, может быть, даже известное простодушие, столь свойственное русским деревенским мужикам. А главное в этом портрете – это взгляд. Он настолько прям и нерушимо устойчив, что сразу берёт в себя всё восприятие портрета. Всё сконцентрировано в нём, а в первую очередь – неотразимая русскость Самодержца.

Но взгляд Александра III – это случай особый, и разговор о нём мог бы стать целой отдельной национально-психологической темой. А сейчас, обращаясь к сильной русскости этого портрета, подчеркнём, что, глянув в лицо императора, любой русский простолюдин сразу мог узнать в нём и по душе, и по характеру – явного своего.

Кстати, именно этот портрет в его русскости особенно высоко был оценён и выделен среди других Президентом России В. В. Путиным, и памятник, созданный Царю-Миротворцу в Сочи, почти точно повторяет и композицию, и весь облик портрета И. Н. Крамского. Памятник и увековечил Александра III спокойно-неустрашимым и твёрдым, очень русским правителем.

О желании Царя-Хозяина возможно лучше приблизиться к народу говорили и говорят многие. Вот наш современник Алексей Буслаев в своей работе о 900-летии крещения Руси пишет, что «в эпоху Александра III все императорские презентации, церемонии, праздники и прочие торжественные акты были явно направлены на укрепление связи монархии с русским народом. Такая связь должна была подчёркивать происхождение монархии как естественного и органичного русского культурно-исторического начала. Отсюда и отличный от предшествовавших правлений взгляд на историю».

В этом новом взгляде на отечественную историю Царь-Славянофил главной составляющей полагал русские национальные мотивы. Сегодня историк Холмогоров об этом говорит предельно чётко: «…национальная культура, национальная экономика, национальная внешняя политика – вот три кита, на которых он хотел основать великое будущее России». То есть основой государства, об укреплении которого заботился император, должен был стать русский дух.

С. Д. Шереметев, вглядываясь в имперскую историю России, полагает, что Екатерина Великая в свой яркий, судьбоносный век стремилась обустроить Россию вполне европейски, но уже по определению в те времена она не могла во всём достигнуть

полного успеха. И лишь Александр III действительно осуществил это и стал первым монархом, который, после прорубленного Петром I окна в Европу, добивался модернизации хозяйства страны и развития её культуры, противопоставляя потоку западноевропейских идей и образов русские национальные идеалы.

Это отмечают в своих трудах многие современники Царя-Славянофила, говоря о том, что выйдя на путь европейского экономического развития и уверенно начав модернизацию своего хозяйства, Россия должна была уже самостоятельно участвовать в дальнейшем развитии Европы и утверждать себя как равноправного участника такого цивилизационного продвижения: «Настало время, когда Россия осознала потребность вернуться на путь самобытного и широкого национального развития, создавая из себя целостное государство. Содействуя этой последней цели, император Александр III стал оплотом мира и охранителем древнерусского собирательства идеала внутри страны».

Собирательный идеал – вот то главнейшее и величайшее, что должна осуществлять в стране верховная власть. Эта задача для России всегда оказывалась очень трудно выполнимой, хотя народ больше всего ждал и желал этого – отечественного отношения к себе. Современный исследователь Н. А. Романович на это указывает очень верно: «По отношению к верховной власти в России заложено ожидание, что её представитель будет соблюдать интересы всех групп населения, без исключения (верховный правитель должен быть “всем для всех”)».

Насколько удалось Царю-Хозяину решение собирательской задачи? Обратимся к С. Ю. Витте, который хотя и считается безусловным апологетом Александра III, но одновременно в своих размышлениях он отнюдь не лишён и немалой критичности. Витте отмечает, что патриархальная простота и искренность делали Государя «подлинным народным царём», и он желал во всём проявлять патриархальное покровительство крестьянам. Но «…эти воззрения я считаю глубоко неправильными воззрениями. Это была ошибка Александра III, но и ошибка в высшей степени душевная. Это был тип действительно самодержавного… русского царя, а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе, печальнике русского народа. …Защитнике слабых, ибо престиж русского царя связан с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровителе нас, русских дворян, и, в особенности, русских буржуа…»

Мысль чрезвычайно интересная и в немалой мере едва не покаянная. Витте пытался хотя бы теоретически серьёзно

отделить Царя от первенствующих сословий, хозяев денег и хозяев жизни. Едва ли это хоть когда-либо возможно, но это так напоминает сегодняшние вновь ожившие «неомонархические» искания!

Современные исследователи идут в своих размышлениях далее С. Ю. Витте и С. Д. Шереметева и решаются заявлять, что Александр III на этих основах в своё время фактически провозглашал концепцию «народного самодержавия», противоположную западному парламентаризму. Мы полагаем, что тогдашняя государственная реальность действительно очень близка к такой сущности, ведь с 1881 года в России произошло очень впечатляющее изменение общенародного понятия о Царе. Каково это изменение?

До Александра III, например, в глазах образованного общества царь представлялся «богоизбранным» насадителем европейских идей, а в глазах простого люда – всемогущим властителем, способным даровать народу блага даже и вопреки нежеланию барского сообщества. А при Александре III следование европейским влияниям уже никогда не выдвигалось на первый план, а особый упор делался на возможное единение Русского Православного Царя со своим народом, преданность русским национальным ценностям.

И мы хотим в этой части своей книги дать как бы две «иллюстрации» эпизодов прямого общения правителя и населения страны. Несмотря на безусловную частность этих случаев, они способны говорить о многом.

Известный русский художник Михаил Васильевич Нестеров так вспоминает о своей встрече с Александром III: «…моим глазам открылся сидевший в больших открытых санях Государь, величественный, спокойный, с прекрасными добрыми глазами, с крепко сжатыми губами, со светлой, несколько рыжеватой бородкой… Старик сдёрнул с головы свою шапку, я поспешил сделать это же и воззрился на Государя.

Мне показалось, что он понял наше состояние, вынул руки из рукавов и отдал нам честь. Я никогда не забуду этого мгновения. Я видел Царя, я видел его своими глазами, видел полное совершенное в живом лице воплощение огромной идеи. Передо мной промелькнула трёхсотлетняя история моей Родины со всеми её перипетиями, с величием, со счастьем и несчастьем её. У меня в этот миг открылись глаза на многое – многое стало ясно, убедительно и понятно. Промелькнуло нечто огромное, незабываемое…»

Что говорить, прекрасные строки… Ведь Александр III – это душевно очень русский человек, по-мужицки заботный хозяин,

примерный семьянин – такой человек самым лучшим образом олицетворял светлый национальный Миф о богоизбранном Царе, о благонравном отце своего народа… И творцы прекрасного, художники и писатели и должны были первыми и всех ясней почувствовать это. Наш современник политолог Олег Матвейчев не без сочувственной иронии говорит о русских, что они, пожалуй, никогда не были особенно сильными учёными, но зато всегда сильны писателями, композиторами, поэтами, художниками, святыми, подвижниками. А Нестеров – выдающийся русский художник, прославленный именно глубоким и тонким чувством родной природы и родной русской души.

Ограничимся «иллюстрацией» его свидетельства? Или перед обращением к самому́ простому люду приглядимся к тому слою, что находился между великими творцами и крестьянским многолюдьем?

Нам трудно сделать это по целому ряду причин. Русская интеллигенция, как дворянская, так и разночинская, тогда не являла однозначно мыслящего сообщества. Да и нахлынувшие из-за рубежа «передовые» идеи слишком многим кружили голову… И этому смятению помогала не слишком высокая общая образованность этого слоя россиян. Также М. В. Нестеров с немалой печалью о них оговаривается, что «интеллигент в среднем был не сильно учён…», да, несильно, и ему нелегко было не поддаться хоть идеям о «богоносности» народа, хоть идеям о полном изничтожении существующей государственной системы.

Поэтому мы обратимся, к примеру, не единичного интеллектуального восприятия царственных особ, а к примеру восприятия массового, самого простонародного, а именно к встрече Цесаревича Александра Александровича в Рыбинске. Автор «Писем…» о путешествиях наследника рассказывает о том, какое множество простых русских людей собралось тогда в Рыбинске: «Вот эти простые люди, “коренные великороссы”, не могли не чувствовать в Царе-Хозяине по образу и подобию самого русского и, в какой-то мере, своего человека. И им не требовалось никаких разъяснений и деклараций, они испытывали от встречи с таким правителем, должно быть, такие же простые и радостные чувства, что и мужик, восхищённо воскликнувший: “Вот это царь – чёрт меня подери!”» Думается, именно такие же чувства пережил и художник Нестеров от встречи с Государем.

Встреча в Рыбинске была одним из таких сердечно трогательных случаев. Тогда за праздничным столом наш уважаемый городской голова Т. В. Чистов, сидя против Александра Александровича, весь обед растроганно плакал, восхищённый встречей с красавцем, русским богатырём,

носителем царского звания и воплощавшим для всех священную высоту царственности.

В те времена чувство большой веры в Государя, в его богоблагословенность, в его доброту и открытость к народу было ещё не растрачено, не обесчещено, не скомпрометировано. Эта вера пришла издревле и ещё не обесцветилась, и не измельчала, и стоит прислушаться к старинным высказываниям К. Рюссова, излагавшим суть этого чувства очень просто, но в целом очень верно: «Русские – работящий народ: русский, в случае надобности, неутомим на всякой опасной и тяжёлой работе днём и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Русский с юности привык поститься и обходиться скудною пищей: если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить ими, а немец не может».

Это живо напоминает и высказывания тоже чрезвычайно далёкого от нас А. Олеария, который совсем уж в трудноразличимом XVII веке весьма прочувствованно и уважительно говорил: «Русские, в особенности из простонародья, в рабстве своём и под тяжёлым ярмом из любви к властителю своему могут многое перенести и перестрадать…» Могли ли такие полудетские народные чувства сохраняться и в век Александра III? Полагаем, что могли… Ведь, например, мои собственные крестьянские предки из дальних мышкинских деревень, оставив все неотложные деревенские дела, пешком пошли в Углич, чтобы «хоть одним глазком поглядеть» на приезд людей «царской фамилии». В простом народе ещё живы были и великое трудовое терпение, и вера в верховную справедливость Божию, и светлые надежды на доброту земной верховной власти. И российская интеллигенция ещё не успела эти чувствования ослабить и подорвать призывами к «метле» (Герцен) и «к топору» (Чернышевский) и не успела «пересластить» рассуждениями о «богоносности» нашего народа. И душа народа ещё оставалась много проще, отзывчивей и святей.

Кажется, лучше многих других её понимал писатель Глеб Успенский, разглядевший в крестьянах-героях своих произведений (а особенно в Иване Ермиловиче) подлинно художественное восприятие жизни и своеобразную поэзию крестьянского труда и всего уклада земного бытия. Правда, многим тогдашним современникам стоило бы внимательней прочитать известную работу Г. Успенского «Крестьянский труд и крестьянский вопрос».

И разве только к этому следовало бы отнестись внимательно? Ведь Левин в «Анне Карениной» приходил именно к таковым же осознаниям о внутреннем мире *крестьянской* (а не чиновной)

интеллигенции. Современный нам автор Ксения Касьянова в своей статье о русском национальном характере приходит к выводу, что крестьянин «левинского» времени как бы ещё чувствовал, что неумеренные «новины» могут разрушить всю вековечную систему его образа жизни. Ту систему, «которая всегда гарантирует ему результат, может быть, и не такой высокий, какой бы дали нововведения, зато надёжный и – что немаловажно – нравственно безупречными способами».

Лев Николаевич Толстой при этом очень тонко подмечает крестьянское внутреннее понимание того, что «нельзя ради временной пользы, причём, пользы в одной сфере, даже и достаточно важной для осуществления, разрушить систему, обеспечивающую постоянный результат во многих связанных друг с другом областях жизни».

…Могучий русский писатель истинно велик в этом своём глубочайшем проникновении в трудную этику русского крестьянина. (Могли ли хоть на самую малость проникать в неё народники и большевики?! Не могли, даже и на самую кроху не могли, они лезли в этот хрупкий и незащищённый мир, словно слон в посудную лавку. И что после их вторжений осталось? А – ничего… Опустелые бескрайние пространства и обессословленное стадо «советских», а сейчас «российских» людей.)

Лев Николаевич словами своего литературного героя пытается просветить русскую интеллигенцию в понимании крестьянского миропорядка. Его Левин внимательно всматривался в этот деревенский мир и «он видел, что Россия имеет прекрасные земли, прекрасных рабочих, и что в некоторых случаях… рабочие и земля производят много, в большинстве же случаев, когда по-европейски прикладывается капитал, производят мало, и что происходит это только от того, что рабочие хотят работать и работают хорошо одним им свойственным образом, и что это проводит действие не случайное, а постоянное, имеющее основания в духе народа».

И эти, тогда ещё вполне живые и полнокровные национальные качества, конечно, замечали и признавали не только Глеб Успенский и Лев Толстой. Это отмечалось даже и иностранными мыслителями, интересующимися русской жизнью. Так, М. Уоллес, работавший в нашей стране в 70-е годы XIX века, очень точен в своём главном выводе: «Русский крестьянин точно создан для мирной земледельческой колонизации». То есть в его хозяйственной системе заложены все компоненты (вплоть до нравственных и ценностных), необходимые для успешности бытия на просторах Великой Русской Равнины. Что главные этнические качества русских сформировались и укрепились в столетиях

крестьянского труда, в старании и терпении.

И иностранец, очевидно, нимало не ошибался в своих рассуждениях. В реальной русской жизни старательные, терпеливые в труде люди всегда пользовались большим уважением. Это поддерживало и укрепляло нормы общественного бытия и создавало сам образ правильного жизненного поведения. (И разве всё это не напоминает нам всё те же знаменитые слова Александра III о мужестве как о терпении в минуты опасности? И нам кажется, что родственность этих понятий и суждений является несомненной, ведь великая терпеливость русского народа являла примеры высокого жизненного мужества).

Наш современник историк В. П. Булдаков однажды заметил, что правителями не рождаются, а становятся. Должно быть, это замечание совершенно бесспорно, но нужно помнить и о том, что замечательно ценно и врождённое чувство высокого правительного достоинства. А иначе любое, даже и самое старательное подражание, и, тем более, имитация, рано ли, поздно ли вскроются самым нежелательным образом.

И правитель-имитатор в чём-то (или даже и во многом) окажется несостоятельным. В этой связи не лишним будет вспомнить безжалостный отзыв Ф. И. Тютчева о само́м императоре Николае I: «Ты был не царь, а лицедей!»

Но, очевидно, едва ли не каждому Правителю приходилось в той или иной мере «лицедействовать», ища наиболее убедительный образ подачи себя как обществу и всему населению своей страны, так и зарубежному миру. (Вспомним блистательного «византийца» Александра I, о котором Наполеон I после их тильзитской встречи озадаченно сказал: «Мне кажется, он меня в чём-то уже обманул».)

Мы полагаем, что во второй половине XIX века все монархи так или иначе, но искали идеал модели правления. То есть идеал единения с обществом, а, может быть, и со всем населением.

И в этом Царь-Хозяин, по нашему мнению, как раз был занят такими исканиями в наименьшей степени, нежели все другие правители. Судя по воспоминаниям современников, он, ещё будучи наследником престола, уже обладал сильными проявлениями достойной русской царственности. И такое же мнение высказывают и наши современники, внимательно обращающиеся к русской истории. Может быть, наиболее уверенно заявил об этом Е. Е. Юдин? Вот его отзыв: «Особенно царственной внешностью обладал Александр III. Этому облику соответствовала и репутация всемогущего государя».

Мы решимся сказать и ещё больше, а именно: Александр III своей всегда подчёркиваемой русскостью (от облика до строя

мыслей) создал доселе отсутствовавший в нашей стране Миф царской власти. Но мы отнюдь не открыватели этого, таковое мнение впервые высказано отнюдь не нами, а известными американскими учёными. В частности, именно эту мысль всегда предельно чётко высказывал Р. С. Уортман, особо акцентируя свои выводы на том, что национальный Миф власти заложен и построен именно при Царе-Хозяине, и в годы его правления национально-историческим идеалом стала Московская Русь.

Со своей стороны, мы хотели бы добавить, что лично Александра III особенно интересовал как раз этот период русской истории, и он мысленно внимательно обращался ко всем его героям (даже к царю Дмитрию I, то есть Лжедмитрию!), и именно при Царе-Славянофиле впервые стали ясно и справедливо говорить о первом русском царе-реформаторе Фёдоре Алексеевиче Романове.

Мы думаем, что Александр III, всматриваясь в русское прошлое, сперва интуитивно, а потом и осмысленно, различал опасную разность между мощью государства (Российской Империи) и слабостью якобы «господствующего» народа (русских).

Мы уже говорили о том, что русские, как бы являясь главной скрепой империи, на самом деле едва ли были ею признаваемы. Русский правящий класс в этническом отношении оказывался удивительным «дворянским интернационалом». Это начиналось издавна, но в XVIII веке положение уже не могло признаваться нормальным: тогда, по Бархатной книге, лишь треть высшего чиновничества являлась русской. 25 процентов – это выходцы с Запада. 24 – из Литвы и Польши, 17 процентов – татары.

В XIX веке из 2867 чиновников высшего ранга – 1079 (это 40 процентов) были не русскими людьми. Из них 498 – это немцы (355 из российских прибалтийских губерний).

Английский исследователь Джефри Хоскингс в своих работах о российском обществе приходил к выводу о том, что Российская Империя была в основе своей неуспешным созданием, ибо её правители, как правило, оказывались «хорошими строителями государства», но они совсем не преуспели «в строительстве нации», то есть государствообразующего народа.

Внимательный англичанин в своих размышлениях пошёл и ещё дальше. Он писал: «Русские идентифицировали себя с империей в гораздо большей степени, чем другие народы Европы. Она была для них скорей домом, чем источником доходов, скорей крепостью, а не товарным складом. Империя – это не аспект русской истории, а сама русская история».

Лондонского профессора Хоскингса очень интересовал стык

(или скорей конфликт?) имперских и этнических начал в России. Его беспокоило уже упоминаемое нами резкое несоответствие этнического состава населения страны и его представленности в управлении ею. Он не раз обращался к странному на его взгляд формированию класса российского дворянства, кричаще отличного от английского. Сегодня об этом говорят очень многие и очень много, приводя уже достаточно избитые примеры того, что никакой индийский аристократ (даже и сам раджа) не мог стать дворянином британской империи; а в России любой азиатский бай или мелкий горский феодал легко и сразу становился российским дворянином, а то и входил в круг высшей аристократии.

Хоскингс усматривал в этом большую опасность размывания русского состава высшего управленческого круга и в целом всего благородного сословия и конечный отрыв его от простого русского населения.

Хоскингс касается и «европейничанья» русской элиты и её высокой космополитичности. Но здесь много раньше эту опасность разглядели и многие русские, и, в первую очередь, Ф. И. Тютчев. Обратимся к его письму, которое он написал своей дочери Анне ещё в 1867 году: «…явление, приобретающее всё более патологический характер, – это русофобия некоторых русских людей… Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т. д. и т. п., и что именно наличием всего этого им так нравится Европа…

А теперь что мы видим? По мере того, как Россия добивается перемен, большей свободы, всё более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. Они никогда так сильно не ненавидели прежние установления, как ненавидят современные перемены и направления общественной мысли в России. Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации нисколько не уменьшили их расположения к ней… Словом, в явлении, о котором я говорю, о принципах как таковых не может быть и речи, действуют лишь инстинкты».

То есть великий поэт и многоопытный дипломат говорит не о чём-то постороннем, а именно о разрыве между знатью и реально живущим и мыслящим населением.

Нам уместно опросить самих себя: такое явление имело место лишь в России или оно оказывалось свойственным и другим значительным странам? Отвечаем: в большей или меньшей мере оно наблюдалось почти везде, в том числе и в Великобритании, самой передовой стране XIX столетия (там даже

говорили о наличии двух весьма разных государственнообразующих «наций»). Но в России разрыв оказывался самым глубоким, и, в конечном счёте, – роковым. Если англичане своими государственными установлениями смогли преодолеть опасное расхождение двух своих «наций», то в России сделать так не удалось.

Конечно, из сегодняшнего дня многие мыслители пытаются усмотреть и найти самые начала этой беды. Одни из них мысленно обращаются к ордынским временам, другие – к Ивану Грозному, третьи – к Петру I… С разной степенью убедительности они везде различают приметы уже намечавшегося крушения, со страшной силой грянувшего в 1917 году…

Но все они согласно отмечают, что до самой эпохи Царя-Хозяина европейски цивилизованные русские люди странным образом чувствовали себя чужими в своей собственной стране. И справедливо едкий лондонский профессор замечает: «совсем как дети из семейства индийских раджей, получившие образование в Англии и вернувшиеся в Майсур или в Хайдерабад. И их привязанность к стране и земле была слабой».

Хуже того, с каждым поколением дворянства она ослабевала, выливаясь в безыдейность, безделье и пресловутую российскую Скуку. Невольно встаёт вопрос: а и была ли тогда в России деятельная и устремлённая национальная интеллигенция? Или же она «благородно скучала» и брюзжала на правительство? Не столь давно наш отечественный журнал «Родина» проводил собеседование по теме «Великое прошлое». Так многие его участники вполне подходили к мысли, что таковой интеллигенции почти и не имелось! А было лишь дворянство, в котором временами были заметны выдающиеся, талантливые и даже замечательные люди, подлинные создатели и хранители национальных ценностей, но они всегда оказывались разобщёнными и задавленными безликой массой участников балов, презентаций, тусовок, и подлинной элитой, тем более элитой национальной, они не оказывались.

Печальный и неприятный это вывод. Его создатели не могли не обратиться к многочисленным проявлениям несостоятельных решений прозападнической элиты, начиная с пугачёвского восстания до вспышки в селе Бездна. Во всех этих простонародных выступлениях участники обсуждения усматривали глубокое неприятие простым людом западнической безличности государства с его европеизированной знатью. Да, для гигантской империи, конечно, нужна была современная элита, могущая являть Разум, Волю и национальные чувства.

Словно откликаясь на мысль о слабой национальной

управляемости, лондонский профессор печально говорит: «… огромные открытые пространства севера – Евразии стали судьбой России. Они были и благословением и проклятием, истоком безграничных возможностей и смертельной угрозы».

Он повторяет своё мнение о том, что Россия уникальна уже тем, что здесь два направления развития – аристократическое (имперское) и этническое (народное). И завершает свои размышления с безжалостной откровенностью: «Во всём этом есть порядок. Российская Империя эксплуатировала… русских. Как покорённый народ».

Конечно, с этим выводом очень многие готовы будут поспорить, а особенно многочисленные завсегдатаи телевизионных ток-шоу. (Кстати, разве они сами не напоминают ту самую старую западничествующую элиту? И разве даже в их составах «квота» этнических русских не совершенно ничтожна?)

Но возвратимся к правлению Царя-Славянофила. Мы считаем, что все вышерассказанные глубокие изъяны русской жизни были видны и понятны Александру Александровичу Романову. Ему был очень ясен даже горестный факт того, что в России многие благие европейские подходы способны трансформироваться в свою полную противоположность! (Что для немца благодать, то для русского – погибель!) И этот необыкновенный император старается доступными ему силами и средствами преодолеть пагубный разрыв, зиявший в русском обществе. Что удалось сделать за краткие тринадцать лет его правления? Мы считаем, что вся идейная ориентация имперской власти в России к концу того столетия кардинально переменилась.

Произошёл решительный отказ от «политической стилистики» прозападнического наследия. И государство обратилось к трудам на основе русских национальных ценностей. И нет вины Александра III в том, что этот путь не успел привести к спасательным, победным результатам. Провидение даровало Царю-Славянофилу слишком малый период правления.

Семейная жизнь

Историю строят не классы,
историю строят люди

М. Мамардашвили

…Если бы мы в своей книге пожелали рассказать лишь о семейной жизни Царя-Миротворца, так и этого хватило бы для создания образа человека удивительного, ни с кем из Романовых не сравнимого. Ни на кого из них совершенно непохожего. Все императоры этой династии, триста лет правившей Россией, не отличались строгостью семейного поведения и высокой нравственностью. И лишь Александр III явился удивительным исключением из этой семейной вольнонравной обычности.

И даже советские историки, отзывавшиеся о Царе-Миротворце обычно крайне отрицательно, в его краткую характеристику, написанную самыми чёрными красками, не могли, скрепя сердце, не прибавить два выразительных светлых слова – «примерный семьянин». Для правителей из династии Романовых это был отзыв в своём роде едва не уникальный.

Но не станем в этом опережать ход исторических событий и обратимся ко времени юности Александра Александровича. Как говорится, «начнём с начала».

А начало жизни было и скромным, и малозаметным, в детстве и в юности Саша оказался совершенно заслонённым своим старшим братом Николаем, очень способным и разносторонне одарённым. Но тут обязательно стоит говорить о том, что Саша никогда не сердился на успешного брата и не завидовал ему, а неизменно оставался верным товарищем всех детских игр и иных занятий. А когда Цесаревича стали привлекать к делам правления, то Александр был готов во всём посильно помогать ему в выполнении этих совсем новых заданий.

Как тогда относились к Саше родственники и придворные? Мы решимся сказать, что при полном соблюдении внешних проявлений необходимого уважения, внутреннее отношение было с определённым снисхождением: его считали малообразованным, неразвитым и совершенно неодарённым. А ещё большим недостатком считали его явную неустойчивость, и одновременно с этим усматривали в поведении великого князя упрямство и непокладистость. А это всё качества совсем неподходящие для пребывания в высшем свете!

Да, по отзывам современников, он и впрямь совсем не

проявлял хорошей светской воспитанности, в частности не любил придворные балы, не отличался хорошим умением танцевать (и танцы не любил). И своей нерасположенности к праздничному времяпровождению совсем не скрывал, что никак не соответствовало придворным правилам хорошего тона.

Впрочем, уже тогда все отмечали за непокладистостью и грубоватостью манер и немалую цельность характера, и большую прямоту чувств и взглядов. И поэтому никто не сомневался в его искренней душевной любви к Николаю, и придворные отмечали подлинность тёплой братской дружбы. А сам он о старшем брате отзывался кратко, но очень сердечно, говоря, что «наш Николай – это славный хороший человек!»

И так, большая цельность характера, и большая прямота чувств и взглядов. Вот эти-то прямота и искренность, словно счастливой майской грозой, прогремели в его юной любви к Марии Мещерской.

Очевидно, нам следует рассказать об этой девушке, первой избраннице его сердца. У неё с детства случилась череда больших душевных потерь. Отца она не могла помнить – лихой гуляка, поэт и дуэлянт Элим Петрович Мещерский умер, когда дочке едва исполнилось полгода. И в далёком Париже Маша Мещерская оказалась совсем одинокой, без близких родных людей.

Но там она и жила до восемнадцати лет, до возвращения в Россию и до привлечения к Высочайшему Двору, где она стала фрейлиной императрицы Марии Александровны.

Тогда она и встретилась с будущим императором. Повзрослев и обретая жизненную уверенность, он тем не менее не мог и не желал примириться с рутиной придворного этикета и тяготился его однообразной повседневной заданностью. Он находил в нём полное торжество фальши и господство условностей и не скрывал своей глубокой нерасположенности ко всему укладу придворной жизни. Но тут и случилась эта светозарная встреча, счастьем осветившая его душу.

Мария была живой, участливой и душевной девушкой, и житейски очень разумной. Будучи всего на год старше Александра, она, прошедшая гораздо более насыщенную школу жизни, обладала гораздо большим жизненным опытом. И именно она с женским тактом и тонкой внимательностью поняла отчуждённость души царевича от пустой придворной суеты. Они стали друзьями. И Александр записал в своём дневнике: «Каждый день то же самое, было бы невыносимо, если бы не М.».

Летом 1865 года они стали часто встречаться, дружба стремительно развивалась в светлую и радостную любовь.

Этого не могли не заметить, и произошло трудное

объяснение с матерью-императрицей… Но разве сердцу прикажешь, разве его удержишь? Тем более что Мария Элимовна, девушка самого благостного поведения, по отзыву С. Д. Шереметева была «ослепительно хороша».

Она и стала первой возвышенной и чистой любовью Саши, И он твёрдо решил, что именно она, эта скромная дивная красавица, и только она, станет его женой – Никто иной! И он был готов поступиться любыми придворными обстоятельствами и любыми расчётами родителей!

Но, Господи Боже, кто может наперёд знать свою судьбу?! И тяжёлая болезнь, а затем и скорая смерть брата напрочь перерубили все сердечные мечтания и желания.

На панихиде по брату Николаю Саша не мог сдержать слёз, а вечером записал в своём дневнике: «Плакал, как ребёнок, так сделалось грустно снова, так пусто без моего друга, которого я любил всех более…»

Наследником престола стал Цесаревич. А, стало быть, заложником политических начинаний повелителей России. И после брата ему досталось совсем нежданное «наследство» – его невеста, датская принцесса Дагмара! При цельности характера Александра Александровича и при его нелицемерности – как же ему тут быть-то?!

Перед новым 1866 годом императрица-мать уже очень серьёзно беседовала с ним о принцессе Дагмар, и цесаревич, скрепя сердце, обещал матери поступить так, как его статусу подобает. А коли так, то нужно готовиться к многозначительному датскому визиту. И вот уже состоялся осмотр коллекции драгоценных камней, которую он повезёт в Данию своим подарком…

Ох, ведь эта коллекция начинала составляться ещё при брате Николае… Господи, как горестно, как всё тоскливо! В те дни только любовь освещала его жизнь, и в марте того года он пишет в своём дневнике: «Я её не на шутку люблю и если бы был свободным человеком, но непременно женился бы, и уверен, что она была бы совершенно согласна».

Но Александр теперь наследник престола, Цесаревич… И он не властен распорядиться своей судьбой. В конце марта он записал в своём дневнике: «Теперь настаёт совсем другое время, серьёзное, я должен думать о женитьбе, и, дай Бог, найти мне в моей жене друга и помощника в моей незавидной доле. Прощаюсь с М., которую любил, как никого ещё не любил, и благодарен ей за всё, что она мне сделала хорошего и дурного. Не знаю, наверное, любила ли она меня или нет, но всё-таки она со мной была милее, чем с кем-либо. Сколько разговоров было

между нами, которые так и останутся между нами. Сколько раз я хотел отстать от этой любви, и иногда удавалось на несколько времени, но потом опять сойдёмся и снова в тех же отношениях».

А в те грустные переживательные дни в иностранных газетах появилась статейка о, якобы, очень вольных отношениях наследника российского престола с какой-то женщиной.

Её перепечатала датская газета. Произошла тяжёлая беседа с отцом, в которой сын неожиданно для императора заявил об отказе от престола. Встреча приобрела предельно жёсткий характер, и, сокрушённый суровой логикой государственных целесообразностей, наследник подчинился императорской воле и сказал, что готов всё уладить и просить руки принцессы Дагмар. Одновременно Александр Александрович попытался защитить свою возлюбленную, взяв всю вину за возникшие между ними отношения лишь на самого себя!

И казалось, что положение при Дворе вполне выровнялось, но любовь, уже претерпевшая страшное горе разлуки, на своих последних минутах страстно брала своё, и две последние встречи с Марией Элимовной оросились слезами, взаимным великим горем и озарились горестным прощальным поцелуем.

А родители Цесаревича действовали быстро и круто, его возлюбленную красавицу княжну сразу же выслали за границу и против её воли выдали замуж за богатейшего заводчика П. Демидова, князя Сан-Донато. Ох… Как жить дальше? Как одолеть крушение сердечной мечты и как подчинить себя, душу свою имперским задачам и планам?!

А подчинить пришлось. Пришлось в нелёгких беседах с отцом-императором прийти к согласию во многих вопросах, а, в первую очередь, и на политический «датский» брак. Отец и сын общались нелегко, они были чрезвычайно разными людьми.

Разница и во взглядах, и в ближайшей бытовой действительности: наследник внутренне глубоко осуждал беспорядочную личную жизнь отца, имевшего две семьи (живущие в одном и том же дворце!). Но что его сближало с отцом – так это чувство долга перед Россией. Вот оно и проявлялось всё отчётливей и глубже и одолевало, и устраняло все глубокие и острые жизненные разногласия.

Не все современники были уверены в том, что это взаимное чувство долга всё поправит и всё наладит. Так, друг Цесаревича С. Д. Шереметев писал, что его поражало резкое различие между отцом и сыном: другие приёмы, другая речь, другое воспитание, другие взгляды! Поражали и тревожили эти глубочайшие различия!

Однако по прошествии долгих лет в былом много видится

понятней и верней. Поток времени стирает и уносит частности, а главное и глубинное – остаётся на виду у потомков. И наш современник В. А. Астанков говорит уже совсем другое: «…эта разница, бросавшаяся в глаза современнику как в личных отношениях, так и в государственных делах, не мешала императору и Цесаревичу сходиться как в преданности России и своему долгу, так и в чувстве взаимной любви и уважения». В последнем сегодня мы можем усомниться, потому что есть немало свидетельств откровенного неодобрения Цесаревичем семейного поведения отца.

Например, фрейлину Д. Ф. Тютчеву наследник просил поблагодарить «за её твёрдость и её благородный поступок». В чём этот поступок заключается? А Тютчева решительно отказалась жить под одной крышей со второй семьёй императора Александра II, считая это глубоко недостойным. И, конечно, как поступок Тютчевой, так и благодарность Наследника стали широко известны при Дворе и в целом в высшем обществе, и никак не способствовали теплоте отношений отца с сыном. И чувство долга перед Отечеством действительно было присуще им обоим. И… И Александр Александрович отправился в Данию, чтобы, как подобает, представиться невесте скончавшегося брата, а отныне, очевидно, уже его невесте.

И уже твёрдо, по государственному владея собой, он пишет отцу из Дании: «Я думаю, милый Па, что ты будешь совершенно согласен со мной, что жена должна мне быть так же дорога, как и матушка Россия, которую я люблю всей душой и постараюсь ей служить, сколько у меня хватит сил и разума».

Уважаемый наш читатель, согласитесь, что перед нами строки письма «уже не мальчика, но мужа», сумевшего подняться над своими молодыми любовными чувствами и жёстко поставившего себя на службу Отечеству.

Итак, он прибыл в Данию и повстречался с принцессой Дагмарой, ставшей его милой и верной супругой и составившей счастье всей его жизни. Кто она, этой дивной судьбой посланная ему неожиданная избранница?

…Когда принцессе было всего пять лет, её родители (будущий король Кристиан IX и его жена Луиза) взяли Дагмару и её сестру Александру в Германию, на воды в Шлагенбаден. Туда приехала и русская императрица Мария Александровна, которая проявила живой интерес к маленьким принцессам и без тени шутки сказала, что одну из них «мы оставляем за собой!» Выбрали Дагмару, её и обручили с Цесаревичем Николаем. И с этих дней она уже прилежно учила русский язык и внимательно изучала основы Православия. Дагмар была моложе Николая, но

он прекрасно выглядел, являясь блестящим молодым светским человеком, богато одарённым и обаятельным. Они понравились друг другу.

Но вот грянула страшная неизлечимая болезнь, понёсшая Николая к краю земной жизни. Это происходило далеко за границей, в Ницце, и все ближние родственники поспешили к нему. Для прощания… Средь них, конечно, был и Александр Александрович. А вскоре приехала и принцесса Дагмара. Вот как о ней вспоминает А. Ф. Тютчева: «Бедный, юный цветок, едва успев распуститься, уже сорван бурей. Ей семнадцать лет, а выглядит на пятнадцать. Она хрупкая, миниатюрная, со стройным полудетским станом, с очаровательной осанкой и походкой. Лицо её светится красотой юности, черты неправильные, но приятные, кожа очень белая и великолепная, особенно хороши глаза, большие и выразительные. Надо признать, что в её лице ничего не замечаешь, кроме этих больших и ясных глаз. Она показалась нам сдержанной, очень скромной и молчаливой. Хотя говорят, что обыкновенно она живая и обаятельная».

Приехав из Франкфурта в Ниццу, где и собралось у ложа умирающего Николая всё семейство Романовых, она там и повстречалась с будущим императором России. Здесь и произошла потрясшая всех сцена, когда угасающий царевич взял руки Александра и Дагмары, вложил маленькую ручку принцессы в могучую руку брата и попросил их навек оставаться вместе, родными и близкими. И ещё большее потрясение ждало Александра Александровича, когда вскоре он наугад раскрыл святое Евангелие и в глаза ему бросились слова: «Если у кого-то умрёт брат, имеющий жену, то брат его должен взять его жену». Как тут было не содрогнуться братнему сердцу и как ещё больше не утвердиться и в вере в Господа Бога, и в своём долге перед Отечеством?

Всё это и пережил новый наследник престола гигантской могущественной империи. Всё это и неразрывно с великим горем утраты любимого брата в те дни и осияло его. Он пережил дни подлинно и сокрушившие, и озарившие душу, и этим своим глубоким переживанием очень отличался от младших братьев и от придворных.

А. Ф. Тютчева так вспоминала об этом: «Единственным, кто внушал утешение моему сердцу, был великий князь Александр Александрович. Он так был убит горем, что выглядел столь же бледным и исхудавшим, как и его брат в гробу. Было видно, что в своей простоте и смирении он вовсе не думал о себе, и что мысль о том, что ему придётся заменить брата, только прибавляла его горе».

Нужно заметить, что душевное состояние Александра Александровича было очень близким с состоянием принцессы Дагмары: свидетели тех дней говорили, что чаще всего она пребывала в глубоком скорбном молчании, «а как только речь заходила о покойном, то её большие глаза наливались слезами…» Почти также очевидцы говорили и о Царевиче. «Всё его поведение свидетельствовало о том, что он страдает, хотя он ничего не говорил, потому что у него замкнутая натура. Он меня глубоко тронул своим поведением на воскресной службе, своим усердием и глубоко смиренной молитвой. Глядя на него, чувствуешь в душе глубокое доверие и говоришь себе, что благословение Божие не оставит эту смиренную, простую, прямодушную и любящую натуру и Господь дарует ему мудрость, которую он даёт всем, кого любит, мудрость, незнакомую тем, кто прежде всего полагается на ум. Храни его Господь».

Так говорила о тех днях и минутах Анна Фёдоровна Тютчева, от зоркого взгляда которой, хорошо знавшей императорский Двор, ничего не могло укрыться – ни глубокая горесть старших родственников, ни шалости (даже в такие мгновения…) младшей родни усопшего. Что делать: как говорится, живому – живое. И совершенно естественно, что самые младшие братья Николая довольно быстро успокоились после потери брата и как-то по-детски примирились с нею. Тютчева, вспоминая об этом и о том, что ей даже приходилось делать самым младшим замечания, вновь упоминает о том, что единственным душевно глубоко «собранным» и погружённым в сердечную горесть был Александр Александрович, и его скорбь способна была тронуть каждого душевно внимательного человека.

Эти записи Тютчевой мы находим весьма примечательными. Анна Фёдоровна унаследовала от отца его глубокий разум и проницательность, а многолетнее высокое придворное положение выработало у неё зоркую и верную наблюдательность, позволяющую верно оценивать качества окружающих её людей. Как видим, и её оценка первых часов и дней Александра Александровича в статусе Наследника престола очень достойна внимания, как современников, так и потомков, и требует к его чувству Семьи подойти гораздо тоньше и аккуратней, нежели это вынуждены были делать советские историки.

Но мы начинали говорить о принцессе Дагмаре и нам следует возвратиться к этому рассказу. А он продлится воспоминанием о том, что после похорон брата Александр Александрович в ближайшие дни много общался с Дагмарой. Имело ли это значительное влияние на его решение о династическом браке? Вряд ли, ведь чувство к Марии Мещерской ещё не угасло, и ведь

ещё в недавнее время он был готов отказаться от всех своих царственных прав ради брака с нею. Но все люди, помнящие это, отмечали, что Александр Александрович весьма изменился за это время, внутренне он явно перестал быть просто одним из великих князей: он стал Наследником и с большой силой впечатления осознал, что теперь он является в самой высшей мере исполнителем российского государственного долга. Может быть, в отношении к Дагмар сыграли свою роль и те, поистине мистические сцены, что произошли у смертного ложа Николая и при раскрытии святого Евангелия? Может быть…

Но государственная целесообразность брачного выбора была основана глубоко и ответственно, и Цесаревич, приехав в Копенгаген, сделал своё предложение. Что было дальше? Об этом красноречиво рассказывает его письмо отцу, в котором он пишет о глубоком взаимном горе его и Дагмары и о том, что это горе и потеря Николая их очень сблизило и душевно породнило. И он надеется, что их взаимность станет возрастать и приведёт к полному пониманию друг друга.

Из этих строк хорошо видно, что два молодых искренне религиозных человека, переживших большое сердечное страдание, словно волею Божьей нашли своё утешение и спасение друг в друге.

А вслед за этим счастливым слиянием двух сердец последовало прибытие принцессы в Кронштадт. О, как её приветствовали… Роскошь и мощь великой империи ошеломляюще воссияли перед датскими гостями. Здесь было всё – и парад грозного Балтийского флота, и прибытие для встречи всей императорской семьи, и представление бескрайнего великолепия императорского Двора.

Затем просияла свадьба, началась жизнь молодой семьи в Аничковом дворце и вхождение датчанки в русский высший свет. Ей это удалось с блистательной лёгкостью! Весёлая, открытая, обаятельная, мягко тактичная со всеми, она была радостно принята высшим обществом.

А в семье она со светлой естественностью заняла своё место счастливой супруги, а потом и счастливой матери, хотя супруги казались весьма и весьма разными людьми. Дагмар (отныне – Мария Фёдоровна!) любила общество, любила блистать на балах (по свидетельствам многих людей – «танцевала как сумасшедшая!»), а Александр Александрович и с людьми сходился непросто, и для высшего света порой выглядел «мужиковато», и придворной жизнью откровенно тяготился. Она казалась ему неинтересной и утомительной.

С. Д. Шереметев, бывало, с некоторой дружеской иронией

говорил о том, что «на придворные вечера его и калачом не заманишь». Но два эти истинно разных человека глубоко и искренне любили друг друга. Всю жизнь любили. К тому же Мария Фёдоровна при всей её сиятельной лёгкости и общительности оказалась и неплохой Хозяйкой. И мы имеем в виду отнюдь не малое домашнее хозяйство, а то отнюдь не малое благотворительное, что было ей поручено.

Вскоре после свадьбы императрица передала Марии Фёдоровне опеку над многочисленными благотворительными учреждениями. Заботливая молодая хозяйка тут же принялась за свои новые заботы. Ей удалось ввести в жизнь этих организаций немало полезных новшеств, и она строго следила за их исполнением. Её проверки порядка происходили часто, а иной раз и почти ежедневно.

Сотрудники знали, что она может в любом пансионе или больнице появиться внезапно и совершенно вдруг! И за такую деловитую настойчивость её и любили, и побаивались. Такими делами она занималась непринуждённо, свободно приходила на кухню, брала ложку у повара, и сама пробовала только что приготовленный обед для больных и сирот.

А во время русско-турецкой войны она стала сестрой милосердия, и о своей работе так писала брату в Данию: «У меня такое чувство, будто все они, и матросы, и солдаты, все, дороги и близки мне… Единственно, что приносит утешение в это жуткое время – работа для них, для раненых, для больных, слать им посылки, чтобы они могли легче пройти то, что им предстоит».

Всё в этой семье сложилось самым лучшим образом, и Александр III в своём дневнике сказал об этом с простой и спокойной радостью: «…Я наследовал от моего брата и престол, и такую жену, как Мини… Такую жену, как я имею, дай Бог каждому иметь, и тогда можно быть и спокойным, и счастливым».

А далее следуют слова истинного семьянина, своей родительской заботой напоминающего человека из самого простого народа: «Моя единственная забота и молитва, чтобы Господь даровал нам детей, и как бы я был счастлив, если б мог уже писать в конце этого журнала (дневника) как отец семейства или, по крайней мере, быть уже уверенным в этом». Первый ребёнок (сын Николай) появился в их семье в 1868 году, а потом пришли в мир земной Георгий, Михаил, Ксения, Ольга. Детей любили, но их не баловали. Как вспоминала великая княжна Ольга: «Нас держали в строгости, стол был простой, никаких излишеств, часто гречневая или овсяная каша, молоко, чёрный хлеб».

Александр Александрович близко к сердцу принимал

семейные дела и даже подбор кормилиц (императрица сама не кормила детей) не доверял придворным дамам, а поручил это сделать начальнику своей охраны, старому генералу Черевину. И распорядился, чтобы кормилица «по своему типу» была схожа с его Мини (Марией Фёдоровной)! И в свои императорские годы Александр Александрович не упускал из виду вопросы воспитания детей. Например, он назначил преподавателем истории профессора Ключевского и предоставил ему полную свободу преподавать то, что он считает первостепенно нужным. Советы и указания учителям давал крайне редко. (Например, того же Ключевского попросил научить сына Георгия извлекать уроки из былых русских исторических событий).

…Став императором, Александр Александрович ни в чём не изменил своего отношения к семье. Дивным образом любовь супругов не выцветала с годами, ежели им случалось какое-то время пожить в некоторой разлуке, то они тосковали друг о друге и ежедневно переписывались. Годы не убавили любви и дружбы, об этом хорошо замечено в воспоминаниях художника Бенуа: «Мы воспроизводим их немного издалека, но это не изменит их сути. Одета государыня всегда была очень скромно, без какой-либо модной вычурности, и лишь то, что её лицо было сильно нарумянено (чего не могла скрыть и чёрная вуалька), выдавало известное кокетство… Отношения супругов между собой, их взаимное внимание также не содержали в себе ничего царственного. Для всех было очевидно, что оба они всё ещё полны тех же нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад. Это тоже было очень симпатично».

Да, окружающих это не могло не радовать, а этих окружающих людей всегда было много, ведь царица везде неотступно сопровождала мужа в его поездках и всегда брала с собой детей. Родители много времени проводили со своими детьми. Отношения были самыми простыми и добродушными. Например, одним из развлечений малышей было, играя, скатиться кубарем по широкой спине богатыря-отца или же скользить по зеркальному паркету дворцовых зал, сидя на роскошном парчовом или атласном шлейфе своей прелестной мамы. Сохранилось немало воспоминаний об этих семейных развлечениях, когда мама со смехом катала всех по очереди, а особенно тех, кто был успешен в детских учебных трудах.

Семья была с императором во всех его поездках по стране. И 17 октября 1888 года они все чудом избежали смерти при крушении их поезда под Харьковом. Всё это случилось во время завтрака, столовая и весь вагон были совершенно разбиты, император помог выбраться из развалин жене и детям и, едва

убедившись, что дети живы и здоровы, оба поспешили помогать раненым, которых было очень много. Императрица «перевязывала пострадавшим раны, делая бинты из своего шарфа и нижних юбок». Все пережили страшные часы и минуты, но даже и это грозное происшествие не изменило порядка жизни царской семьи.

Так и шла их жизнь до тех горестных дней, когда болезнь и смерть поразили императора. Всё уже шло скоротечно, не помогал и крымский климат, и тишина Ливадии. Император страшно похудел от острых болей в груди, сильного отёка, подступавших одышки и слабости.

Страдания свои он переносил стоически. Мария Фёдоровна всё время ухаживала за ним, в глубоком душевном сокрушении наблюдая угасание любимого человека. Император до последней минуты сохранял большое мужество, уже умирая, он старался успокоить супругу и, благодарно поглаживая её маленькие ручки, произнёс: «Я совершенно спокоен. И ты будь спокойна».

В какой-то момент врач обнаружил, что сердце императора перестало биться, комната стала заполняться родными и друзьями. С. Д. Шереметев так вспоминает об этих минутах: «В мыслях промелькнуло: что я увижу? Но увидел то, чего, конечно же, помыслить не мог… Спиною к открытой двери в креслах сидел государь. Голова его слегка наклонилась влево, и другая голова, наклонённая вправо, касалась его, и эти две головы замерли неподвижно, как изваяния. То была императрица. У меня промелькнуло: оба живы или они оба умерли?» Оказалось, что Мария Фёдоровна потеряла сознание.

Позднее, после всех долгих дней одиночества, она записала вот такие строки: «Я так и не могу привыкнуть к этой страшной реальности, что дорогого и любимого больше нет на этой земле. Это просто кошмар. Повсюду без него – убивающая пустота. Куда бы я ни отправилась, везде мне его ужасно не хватает. Я даже не могу подумать о моей жизни без него. Это больше не жизнь, а постоянное испытание, которое надо стараться выносить, не причитая, отдаваясь милости Бога и прося его помочь нам нести этот тяжёлый крест!»

А впереди были у неё ещё 34 года жизни, и всё это время она станет носить траур по своему императору.

После смерти мужа она пережила ещё одно тяжкое испытание – умер сын Георгий, которому было всего 28 лет. И горестная мать замкнулась в себе, олицетворяя молчаливое неизбывное горе. А какие ужасающие потери ждали её впереди? Но об этом мы скажем потом, а сейчас возвратимся к жизни царской семьи до всех этих невиданных потрясений.

И, может быть, нам стоит хоть на малое время обратиться к мнению потомков о семейных днях императора? Их много, этих уже давних отзывов, и каждый из них отличается большой теплотой и благодарной сердечностью. Обратимся к воспоминаниям Тихона Николаевича, внука Александра III и Марии Фёдоровны: «Моя миниатюрная Бабушка, казавшаяся ещё меньше рядом с исполинской фигурой моего Деда, за 15 лет могла вполне освоиться со своей новой родиной, новыми порядками и обычаями. Живой и жизнерадостный нрав моей Бабушки приобрёл ей друзей и обожателей в различных слоях российского общества на всю жизнь. Она любила красоту, роскошь, наряды и танцы, и после бедной Дании наслаждалась пышностью русской придворной жизни, которой она и впоследствии придавала блеск и веселье при дворе своего мужа, ставшего Императором Александром III.

Они прекрасно дополняли друг друга. Он был всецело и принципиально человеком долга, человеком прямолинейным, любившим порядок, простоту, скромность. Никогда не был тяжёлым “истуканом”, каким его любят изображать современные горе-“историки”. Обстановка в семье была спокойной и дружелюбной. Следует отметить, что он был очень весел и хорош с детьми, но в семейных делах и вопросе воспитания детей решающее слово оставалось за матерью, она требовала от них послушания и выполнения своих обязанностей. У него было прекрасно развито тонкое чувство юмора. Как пример приведу следующий случай. Мой Дед не очень любил балы, а Бабушка могла танцевать всю ночь! И, конечно, пока Императрица танцует, бал не может кончиться. Тогда Государь, как бы невзначай, прибегал к такой “тактике”-шутке: он подходил как бы невзначай к оркестру и потихоньку отсылал прочь поодиночке музыкантов, пока не оставался последний, который дул на трубе во все щёки “ум-па-па, ум-па-па”. Танцы волей-неволей прекращались.

Весёлая императрица со смехом упрекала супруга в его невинной хитрости, а глаза её сияли любовью и лаской. Её глаза… О них все говорили, как о подлинном женском сокровище, глаза царицы излучали особый свет, «и даже в огромных толпах, приветствовавших её на официальных церемониях, не было человека, которому не казалось бы, что именно на него смотрит эта женщина».

Её обаяние и женскую прелесть признавали все, а в их числе даже и те, кто недолюбливал или же и вовсе не любил самого Александра.

А, кстати, его недолюбливала большая часть императорской

фамилии, эти сильно европеизированные люди совсем не принимали его подчёркнутой русскости. И среди них нередко бытовало грубое прозвище императора – «русопят», однажды высказанное весьма светским человеком Иваном Петровичем Новосильцевым. А всех язвительней о царе отзывался его ближний родственник великий князь Константин!

Но нужно отметить, что и император со своей стороны не питал к этому многолюдству царской родни никакой тёплой родственности, держась от них в стороне, а семьёй признавал лишь самый близкий круг, включавший детей и братьев. А всё остальное – лишь «фамилия». Хуже того, Царь-Хозяин не скрывал этого, считал весь фамильный «рай» подлинными трутнями и откровенно порицал их шатания по заграницам. Переезд царской семьи в Гатчину избавил его от обременительных встреч и пустых бесед с членами «фамилии» и дал возможность много работать и быть с семьёй. Так они и жили целых два года…

А с придворными царь в целом был приветлив, но относился к ним достаточно избирательно. Так, если придворные вечера ему не нравились, то вечера в доме князей Вяземских он очень любил, а особенно ценил разум и блестящую русскую речь старой княгини Веры Фёдоровны, с которой беседовал охотно и подолгу. Здесь он вполне чувствовал себя русским человеком среди подлинно русских же людей.

Стоит заметить, что его глубокую преданность русским началам хорошо понимала и ценила его супруга Мария Фёдоровна, и от близкого общения с любимым мужем и его друзьями она и сама в своём облике приобрела нечто как бы старорусское. Стоит посмотреть на её портрет кисти К. Е. Маковского, чтобы убедиться в явности этого удивительно пришедшего качества.

Очень любил Царь-Хозяин и семейную жизнь в Крыму. Обычно туда приезжали не позднее октября и жили подолгу. Это время для императора становилось добрым временем серьёзных государственных раздумий, в том числе и по дальнейшей разумной корректировке отцовских реформ.

Собственно, все Романовы любили Крым, но Александр Александрович и в этом весьма отличался ото всех других. Он и здесь оставался Царём-Хозяином. Его любимым местом в Крыму была Ливадия. Ещё будучи Цесаревичем, он бывал здесь. Но никогда не желал поселиться в Большом дворце. В Ливадии он построил себе совсем небольшой домик, так называемый Мал, и это его вполне устраивало.

Он ведь и в целом не любил для житья очень просторных помещений и был расположен к малым комнатам, обставленным

просто и скромно. Однако Хозяин не ограничился тем, что он для себя построил. При нём приобрели Массандру и развернули там серьёзное виноградное хозяйство. По примеру и науке князя Голицына там повели прекрасное винное дело с лучшими в Европе винными подвалами, в чьих семи подземных туннелях постоянно строго выдерживались плюс семнадцать градусов – самая благоприятная температура для полноценного созревания благородных напитков. Эти достойные восхищения сооружения тоже остались памятью о Царе-Хозяине.

Здесь, в Крыму, он отдыхал, думал, жил в кругу семьи. Тогда Ялту справедливо называли «летней столицей России». «Государь международного мира» (так сказал о нём В. О. Ключевский, великолепно писавший про Царя-Миротворца) тут провёл, должно быть, лучшие времена своей жизни. Об этом же говорят и прочувствованные строки воспоминаний императрицы Марии Фёдоровны: «Двадцать восемь счастливых лет, за которые благодарю Господа и моего любимого Сашу!»

Должно быть, Ялта во всём оказалась для императора знаковым местом, ведь Господу Богу было угодно, чтобы именно здесь, в Ялте, и завершились земные дни Царя-Хозяина, и даже поминальный обед прошёл на ялтинской морской набережной, словно последнее прощание с местами, милыми сердцу необычного русского императора.

Мы полагаем, что человеческая и царственная необыкновенность Александра III состояла не только из твёрдой непреклонности и зоркой хозяйственности. Мы видим в ней и душевную человеческую отзывчивость. Например, она хорошо проявлялась в том, что царь быстро и решительно примирился со второй семьёй отца и утвердил её достойное положение. Но императорский долг перед государством и обществом и ему порой диктовал решения очень строгие и даже суровые. Одним из таких было его решение сурово прекратить бурный роман своего старшего сына со знаменитой балериной Кшесинской. Граф Ламсдорф вспоминал о том, что беседы отца с сыном были очень нелёгкими и даже предельно жёсткими. Здесь Александр III, конечно, не мог не вспомнить, что подобные встречи когда-то были и у него самого со своим отцом по совершенно схожему поводу.

И, может быть, далёкий образ скромной красавицы Марии Мещерской тогда ожил перед мысленным взором Царя-Хозяина, которому в минуты властных объяснений с сыном непременно надлежит быть суровым и властным. Царский долг обязывает!

Но гораздо чаще взгляд Царя-Хозяина на жизнь бывал совсем иным… Должно быть, о нём лучше многих сказал А. А. Игнатьев.

Он когда-то произнёс про Царя-Хозяина, что это был «…понятный уютный семейный человек с добрыми и усталыми глазами». Вот таким и мы видим императора Александра III в его личной семейной жизни и полагаем, что уже своим личным примером он много сделал для создания и укрепления культа семьи и семейных русских ценностей.

Император сердцем и разумом чувствовал, что хорошая дружная семья – это есть единственная и лучшая основа любого достойного человеческого общества. И в этом основополагающем вопросе он был строгим, но внимательным и рассудительным. Так он был нетерпим к семейным непорядкам жизни великих князей, и некоторые из них за это не были принимаемы при Царе. Именно так было в отношении великого князя Константина Николаевича, хотя тот по возрасту и был старше царя.

Показательным может явиться и положение с С. Ю. Вите, одним из лучших соратников Царя-Хозяина. Когда Сергей Юльевич женился на разведённой женщине, им было отказано в придворных приёмах. И так продолжалось более десяти лет.

Но! Но уместен и совсем иной пример. Брак принца Николая Лейхтенбергского с известной своими похождениями госпожой Н. Акинфьевой (Акинфовой) был явным и грубым мезальянсом. В этом браке у них родились два сына. И Николай, умирая, завещал детям свой майорат и просил у царя утвердить такое его решение и сохранить за ними титул. И император утвердил завещание и даровал детям Николая титул принцев Лейхтенбергских.

Но! Но родственники (дядюшки!) детей восстали против такого царского решения. Как тут поступить? Александр не изменил своего решения, ибо, несмотря на мезальянс, семейная жизнь Николая с Н. Акинфьевой была образцово хорошей! Как бы мог сердечно не оценить этого царь, который вёл тоже совершенно образцовую семейную жизнь, и его семейство могло служить образцом благочестивой русской самостоятельной жизни? Не мог!

Царь-Хозяин, ценя семейные основы общества, сознавал, что эрозия нравственности может вести и к разрушению законности. Его русское сердце и русский разум говорили ему, что если в семье лад, то лад достижим и в правлении, и в общественной жизни великой империи. Любое утверждение порядка в обществе начинай с самого себя! И его семья являлась прекрасным примером такого порядка.

Былые времена

История «частной жизни» не может обойтись без вникания в детали биографии

С. Тютюкин

…Казалось, что, рассказав об отношении императора к нации, семье и Вере, мы уже смогли сколько-то ясным и понятным обрисовать его образ во всём человеческом своеобразии. Ведь в названных главах мы касались очень важных качеств личности, которые и создают для нас неповторимость, живое и несомненное отличие этого человека ото всех других людей. Кажется, всё именно так, ведь были названы самые яркие и глубокие свойства, явившие нам главную суть Правителя и Гражданина. Однако чем больше обращаешься к дням Царя-Миротворца, Царя-Хозяина, Царя-Славянофила, ощущаешь, что предыдущий рассказ всё ж таки был недостаточным.

В чём недостаточность его? А, наверное, в том, что любому рассказу (словесному или живописному), кроме выявления главных свойств, всегда надобны и многочисленные малые, казалось бы, второстепенные «штрихи», дорисовывающие избранный образ до живой убедительности. И эти «штрихи» рассказчику следует искать уже не в текстах государственных документов, не в отзывах авторитетных современников, а, скорее, в простой бытовой повседневности – то есть в самых обиходных проявлениях наклонностей, привычек, особенностей характера. Лишь с ними образ человека становится уже не скупо очерченной схемой, а убедительно воспринимаемым портретом. Вот для того мы и желаем отдельной главой своей книги коснуться проявлений простой и безыскусной бытийности, чтобы она помогла нам рассмотреть сквозь минувшее время не официальный «формуляр», а живого человека. Наш уважаемый читатель, давайте вместе обратимся к былым временам.

* * *

Эти удивительные дни начинались с государственной и семейной трагедии – с гибели его отца, когда Александру Александровичу пришлось немедленно и безотлагательно встать во главе государства, чей организм был немало расшатан

введением положений великих реформ и тяжко сотрясён террором, достигшим своего апогея. Есть много упоминаний о том, что Цесаревич перед принятием правления страной был подлинно горестен и душевно расстроен. Очевидцы вспоминают, что при своём первом царском выходе он плакал, и близкие люди находили его слёзы отнюдь не притворными.

Начинающий правитель сразу же оказался перед двумя тяжкими вопросами. Первый – продолжать и углублять реформы или жёстко корректировать их? Второй был ещё суровей – сражаться с террором или уступить ему? Как мы знаем, его подход ко второму решению был по-царски традиционалистским – для государства десять казней будут меньшей платой за спокойствие, чем волны разбушевавшегося террора!

Царь проявил суровую стойкость, отказавшись от любого общения как с террористами, так и с их сторонниками, и даже проникновенные письма о примирении не изменили его выбора. Мы полагаем, что начинающий правитель верно оценил нравственный облик этих людей. И такой царский выбор был отнюдь не одномоментным эмоциональным решением. С письмом террористов царь в одиночестве провёл весь вечер, всячески обдумывая все его основные положения, и те размышления были очень непросты.

Но и как им оказаться простыми? Ведь цареубийц морально и словесно поддерживали очень многие весьма влиятельные люди, а в их числе популярный профессор Петербургского университета В. С. Соловьёв, и в их числе был сам Лев Толстой.

Выбор крайне нелёгок, но он был сделан. Да и все первые шаги правителя шли через большие трудности. Даже и через год он писал в своём письме Победоносцеву: «Так тяжело, что застрелился бы!» Но и душа, и разум выстояли и утвердились в правоте предпринимаемых действий – жизнь России начинала подтверждать правильность выбора – страна успокаивалась от террора, а её хозяйство делало приметные шаги к своему укреплению.

И дореволюционный историк Л. Гальберштадт в своём труде об этом царствовании уже мог уверенно сказать, что в лице Александра III «на русский престол вступил деятель с очень определёнными симпатиями и антипатиями, желаниями и идеями».

А М. Н. Катков, «золотое перо» русской журналистики, ещё раньше написал с большим одобрением, что с воцарением Александра III «правительство вернулось» и хаос уступил место порядку. Катков с радостью русского гражданина отмечал в своих статьях, что значительными чертами внутренней

правительственной политики сделались связанность и последовательность основных мероприятий и твёрдое проведение их в жизнь. А Гальберштадт мог с явным уважением заметить о временах Александра III, что его царствование было «действительно ярким, выразительным, оно производило впечатление».

И сам Правитель от личной печали и душевной тягости достаточно быстро пришёл к уверенности в себе и в своей стране. На портрете кисти Н. Г. Шильдера он запечатлён именно уверенным, с весело-дерзковатым вызовом смотрящим вперёд. Весь его облик излучает энергию и спокойную твёрдость.

Кстати, и все его изображения той поры доносят до нас ясное представление о человеке, одолевшем главные беды своей судьбы, главные утраты и вышедшем на прямой и правильный путь. Особенно впечатляет его портрет в красном мундире с чёрными узкими погонами, совершенно без каких-либо наград. Да они, пожалуй, в этом случае и не были надобны. Ведь вся сила личности и души сияла в его весёлом, полном жизни взгляде счастливого и разумного творца, ясно знающего свои цели и задачи.

Как отзывались тогда о нём современники? Немалое их число отмечало личностные недостатки царя – грубоватость, нехватку светскости, излишнюю прямоту слов и взглядов, негибкость мысли. Но даже и заведомые «критики» относились много благосклонней, чем прежде, «списывая» эти недостатки на его недостаточную образованность, на то, что в детстве и юности он развивался во многом вполне случайно, и ему не давали настоящей царской подготовки, с известной «предвзятостью» оставляя его в тени старшего брата.

Большой знаток придворной жизни А. А. Половцев писал, что «при жизни старшего брата покойного воспитанием Александра Александровича было очень пренебрежено». И тот же Половцев не без сочувствия говорил, что после смерти брата Александр Александрович был совсем не готов к статусу Цесаревича и он «не с большей охотой приобщался к государственным делам. Власть он видел как страшную обузу, тяжелейшее испытание».

Но и тогда все уже могли отмечать, что новый Государь уже отличается целым рядом серьёзных отличий от своих предшественников. И едва ли не главным (и достаточно неожиданным) отличием многим казалась его громадная отстранённость от суеты и мишуры светской жизни. Очень скоро (и тоже неожиданным) оказалось подчёркнутое проявление русскости в отношении к наградам: царь запретил ношение иностранных орденов! Награды заслуживать нужно от своего

собственного Отечества и больше ни от кого.

Нужно сказать и о ещё бóльшем – ещё со времени великокняжеского, а потом цесаревичского отмечалась его собственная нерасположенность к любым наградам. Сам награждал скупо и то лишь по представлению. А вручая орден, мог с любезной улыбкой сказать, что будет «очень рад, если это может доставить Вам удовольствие».

И награждённые порой сомневались – сказано ли это от доброты душевной или же со скрытой иронией!

И в целом роскошные нагрудные «иконостасы» его прямо сердили, и порой он не скрывал своего неудовольствия такими наградными излишествами. Вот здесь, очевидно, нам будет уместно сказать, что за поход 1877 года он никого не представил к награде, и это справедливо обидело военных, служивших в его корпусе. Наверняка эта обида была совершенно обоснованной.

Сам-то он считал, что главной «наградой» отличившимся могут быть его личное доверие и уважение. Но ведь люди всегда очень высоко ценили государственные награды, и в этом случае мнение будущего Государя сильно расходилось с общепринятым. (И за что бы военным после этого его любить?)

Поздней, уже в царские годы, он несколько изменил своё отношение к наградам и уже и сам представлял к награждению и лично сам вручал знаки доблести и чести. Так, 1888 году, во время кавказской поездки он бывал в госпиталях, подолгу разговаривал с ранеными и лично вручал им награды. Это производило прекрасное впечатление, но это уже реальность зрелых лет правления, а предшествующие ему годы нанесли обиду многим военным людям, полагавшим себя незаслуженно обойдёнными высочайшим вниманием. В этом вопросе они не могли и не хотели понять Александра Александровича.

Но и в целом для очень многих понимание Государя давалось очень нелегко. И это признавал его главный друг граф Шереметев. Он так и писал в своих воспоминаниях, что этого царя «понять было много трудней, нежели многих других!»

И такое непонимание было вполне естественным для людей высшего света, ведь они были по-европейски утончённые и по-европейски безнациональны. И непременно ожидали от императора чего-то гораздо более материального, нежели его уважение. Им было весьма трудно почувствовать к нему душевную родственность и человеческую близость.

Может быть, одним из ярких примеров такой нерадостной реальности могла быть дочка Василия Андреевича Жуковского, о ней говорили и писали, что хоть она и носила вполне русскую фамилию, но и только. «А по воспитанию и духом она была

немка».

Для таковых людей (а их великое множество в высшем свете!) личная жизнь, совершенно отстранённая от гражданской, являлась альфой и омегой земного бытия. А родина, Россия, – это всё так посторонне и малозначаще…

Царь-Славянофил во всём этом усматривал нечто иное, а именно эгоизм высокого предела. И как об этом свидетельствовал С. Д. Шереметев, царь нередко расценивал его едва не вровень с изменой Родине. Мог ли для таких людей он быть вполне своим? Мог ли быть душевно родным, уважаемым и любимым правителем? Уже сама везде заявляемая им русскость глубоко претила многим из этих космополитов.

Но царь оставался весьма самостоятельным в своих оценках жизни. Порой это оказывалось несколько противоречиво. В целом он не был расположен к военному делу (и не пользовался авторитетом среди военных). Но в одном случае у него имелось исключение – он любил русскую конную гвардию, а с её командиром графом Н. П. Граббе был душевно дружественен.

Не слишком располагала высший свет к Царю-Хозяину и его скуповатая, едва не мужицкая хозяйственная расчётливость. Нового царя всерьёз смущали уже значительные траты на сами коронационные торжества. Эти заботы всегда были немало растратными. Так, для коронации Александра II в своё время башни Кремля и колокольню Ивана Великого обшили деревянными каркасными конструкциями, на которых закрепили шкалики с горючим. Рядом соорудили мостки для зажигания фитилей, и все фитили соединили между собой нитями, пропитанными селитрой. Тогда же впервые применили и несколько сильных электрических дуговых ламп.

А коль развитие техники на месте не стояло, то на коронацию Александра III была предложена иллюминация большей частью электрическая и более дорогостоящая. Башни и храм Василия Блаженного осветили по-прежнему шкаликами, а всё остальное – это уже сияние электричества! На верхах башен установили десять сильных прожекторов, как выражались обозреватели, «десять электрических солнц», да ещё использовали цепочки из 3500 лампочек, привезённых из Франции. Для питания этой, грандиозной по тем временам электросистемы, применили 70 локомобилей с генераторами переменного тока, установив на Софийской и Кремлёвской набережных и использовав для подключения 60 километров кабелей.

Александра Александровича весьма порадовало, что все эти сложные технические работы спроектировал свой отечественный специалист, флагманский офицер Балтийского флота

Е. Тверитинов, а весь электромонтаж выполнили свои же работники (кронштадтские минёры!). Но одновременно его сильно заботила растратность этой новомодной технической затеи. И он примирился с этим лишь после настояний близких ему людей о государственной значимости коронационного мероприятия, о том, что нужно всему народу явить мощно впечатляющее зрелище, способное оказать громадное эмоциональное и душевное влияние. Да и в целом его великосветское окружение старалось внушить молодому правителю понятие о важности императорской власти, которая не терпит ни упрощений, ни «удешевлений».

Уже упоминавшийся нами государственный секретарь Александр Александрович Половцев настойчиво пояснял императору, что «под вами стоят сто миллионов дикарей, которые должны быть уверены, что Вы сделаны из другого, чем они, теста!»

Как это влияло на человека тридцати шести лет, в своих взглядах уже немало сложившегося, но на престоле являвшегося совершенным новичком?

Для ответа обратимся ко времени более раннему. Наши современные популяризаторы русской истории справедливо отмечают, что Александр Александрович от природы не обладал живым и быстрым разумом. Так, Л. М. Ляшенко в своём массово доступном учебном издании по русской истории пишет, что «учёба давалась наследнику с трудом, несмотря на то, что воспитатели отмечали большую усидчивость и трудолюбие. Видимо, не в пример отцу и деду он не умел схватывать проблему на лету и отличался некоторой заторможенностью, которую, впрочем, можно было при желании выдавать за неспешную основательность. Кажется, новому императору в первый год своего правления нередко и приходилось небыстроту своего мышления прятать за эту пока кажущуюся основательность. И это было для него крайне нелегко! Очень близкий к нему граф Шереметев с сочувствием писал: “Постоянное опасение уронить своё достоинство необыкновенно утомительно…”»

И первый год правления для Александра Александровича явился годом подлинного практического осваивания очень многого, а, в первую очередь, мастерства правильной подачи себя, то есть тому, о чём Жозеф де Местр ещё в самом начале XIX века сказал: «Человек должен действовать так, как будто способен на всё, и смиряться так, как будто не способен ни на что. Вот в чём состоит, как мне кажется, фатализм мудрости».

Вот *этой* мудрости и следовало овладеть новому царю, «который имел внешность простого русского крестьянина, но

отличался твёрдостью характера и прямолинейностью суждений. В частной жизни ему были свойственны порядочность и благочестие».

И окружающие с немалым удовольствием отмечали для себя, что довольно быстро император одолевает спокойной уверенностью в себе, и в его общении с людьми всё отчётливей проявляется подлинная величественность. А внимательные иностранные дипломаты сразу проинформировали свои правительства, что «личной и идейной установкой нового царя является русский национализм», и что и в повседневной жизни, и в большой политике «он покровительствует всему, что считает русским национальным». Они также замечали, что новый император жёсток, но справедлив (а это ведь, право же, весьма достойный отзыв…).

А жёсткость и неумение скрывать свои чувства в первое время проявлялись нередко и, например, его пометки на государственных бумагах имели существенные неудобства по откровенности изложения мыслей. Да и в дальнейшем ближайшие соратники императора порой опасались его излишней откровенности. Так, например, хорошо известны их опасения по поводу соблюдения дипломатической правильности проведения встречи французской эскадры с правительственной делегацией (ведь будет исполняться французский гимн – а это не что иное, как резко антимонархическая «Марсельеза»!) Но царь вполне выдержал весь дипломатический церемониал, а в его числе и отдание чести гимну гостей.

И это при том, что он очень не одобрял уже сам французский образ жизни, никак не отвечающий его собственным моральным и этическим понятиям. Даже будучи наследником, не обременённым царским статусом, он тяготился общением с французами. Известно его письмо В. П. Мещерскому из Парижа, содержащее, например, вот такие строки: «Какое было блаженство, когда мы наконец выбрались из этого вертепа… Вообще всё наше пребывание там было такое пустое и такое ненужное…»

Александр Александрович много и серьёзно работал над собой, стараясь преодолевать личные антипатии и душевные неустройства, и на глазах современников всё более проявлялся образ подлинного Императора Всероссийского, разумно неспешного в решениях, но личностно твёрдого и государственно величественного. Нам хотелось бы здесь привести свидетельства даже не придворного, и не политика, а человека творческого, чьё восприятие всегда особенно точно улавливает главную суть личности. И мы обратились к воспоминаниям художника

Александра Бенуа.

Он пишет, что, впервые увидев императора, был поражён, насколько он превосходил свои же изображения. «Самое лицо поражало своей значительностью. Особенно поразил меня взгляд светло-серых глаз. Этот холодный стальной взгляд, в котором было что-то грозное и тревожное, производил впечатление Удара. Царский взгляд!»

Кажется, никто не мог сказать об этом царском взгляде точней. Но все художники, исполнявшие портреты Царя-Хозяина, обращали внимание именно на это. И в большинстве портретных изображений сохранён этот взгляд мощного государственного мужа, богатырски несущего чудовищное бремя власти.

Он нёс это бремя с большим достоинством. И по прошествии долгих лет (лет советского хуления и порицания) сегодня все историки признают эту достойную значительность царского служения. Так, современные авторы А. А. Данилов и Л. Г. Косулина рассказывают молодёжи, что «Александр III был трудолюбивым человеком и пытался вникнуть во все проблемы сам, часто посещал государственные учреждения, учебные заведения, воинские части, больницы и приюты. Спать ложился не ранее двух-трёх часов ночи. Скромность, прямодушие, трудолюбие и привязанность к семье сочетались у Александра с обострённым чувством ответственности и здравым смыслом, стальной волей, хотя императору и не хватало некоторой гибкости ума и широкого образования».

Прекрасный отзыв… Но и более того – современные последователи стараются видеть не только государственно-практические качества Царя-Хозяина, но и его чисто человеческие свойства. Если в советское время Александр Александрович, в отличие от его отца, был виден только реакционером и ретроградом, то сегодня его уже признают «осторожным реформатором, человеком с огромным чувством юмора и несгибаемой волей».

Будучи человеком ясных и понятных идей и понятий, Царь-Хозяин очень высоко ценил в людях «твёрдые убеждения». И всегда был готов внимать собеседникам, высказывающим свои мнения по обсуждаемому вопросу понятно и немногословно. Он не терпел долгих околичностей в обмене мнениями, а особенно не терпел пышных фраз, даже если они и были по сути главного вопроса. И сам всегда бывал сдержанно немногословен, и это уже подчёркивало царственную значимость его мнения.

Царь желал видеть таким же непустословным и дипломатическое общество. Но, разумеется, это было трудноисполнимо, ведь дипломатия чаще всего не способна

говорить кратко и прямозначно, как не способна и свои слова нерушимо соединять со своими делами.

Царю не слишком хорошо удавались тонкие дипломатические ходы (как об этом ярко говорит неудача балканской политики), но в деле сохранения мира для России он неизменно достигал своей цели. Современники справедливо отмечали, что он «обеспечил для нашей страны мир не какими-либо территориальными или экономическими уступками, а своей справедливой и неколебимой твёрдостью». Царь-Миротворец не желал завоеваний, но в любой конфликтной ситуации умел заявить, что «никогда ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему Богом России».

И в этом важнейшем вопросе вполне необычно для правителей великих государств Александр Александрович искренне относился к войне как к громадному антигуманистическому действию, которое нельзя допускать в жизнь человечества.

Он открыто и откровенно заявлял: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избегать ужасов войны…»

Вот эту охранительную политику, даровавшую стране возможность мирного труда, он и видел для себя главной.

Труд для Отечества он считал главным царским предназначением и следовал ему до самого края земной жизни. Как известно, умер он 20 сентября, а 19-го числа на государственных бумагах ещё поставлена его пометка – «Читал».

Вот таким был самодержавный русский царь-труженик, неразрывно связанный с идеей христианства, с идеями православия и личной семейной высокой нравственности. Таким он был виден правительствам стран Европы, немало удивлённым этой колоритной, но совершенно необычной личностью. Кажется, об этом особенно удачно в своих воспоминаниях сказал С. Ю. Витте: «…его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе с одной стороны, как будто страх, но с другой стороны – недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет?!»

Последней фразой своего яркого отзыва Сергей Юльевич несколько снизил и смазал точный эффект меткой передачи европейского недоумения, которое вызывал на Западе этот необычный русский правитель. Но, в целом, он верно коснулся вопроса тайны влияния на людей нестандартной личности и

влияния её на окружающий мир. Этой же мысли в своё время проникновенно коснулся Бердяев, словно отчеканивший свои слова о такой необъяснимой личностной силе: «Тайна власти, тайна подчинения людей носителю власти до сих пор не разгадана».

Да, не разгадана. И в каждой великой личности она – неповторима. Мы считаем, что к разгадке силы личности Царя-Миротворца ближе многих подошёл Л. А. Тихомиров. Он, всматриваясь в особенности мирского облика Царя-Хозяина, говорил, что в основе его харизматической силы лежит крепкий сплав его русскости, семейной нравственности и чисто народного прямодушия (близкого к простодушию).

Александр III был подлинным «носителем идеала» личной царской нравственности и общенациональной духовной устойчивости.

Мы полагаем, что в образе Александра III личность человека и личность деятеля слились особенно гармонично. И такое мнение свойственно не только убеждённому революционеру, а потом столь же убеждённому монархисту Тихомирову. Таким увидят Царя-Хозяина и многие современные нам исследователи истории России. Например, Максим Шерстюк едва не дословно согласен с Тихомировым: «Император Александр III не только был выразителем идеи. Он был истинный подвижник и носитель идеала». Можно ли было сказать это ещё о ком-то из правителей России? Мы затрудняемся положительно ответить на этот вопрос.

* * *

… Предшествующую главу мы заканчивали обращением к внешности Царя-Славянофила. Да и как обойтись без этого, рассказывая уже не столько о Государе, сколько о человеке, желавшем во всём следовать исконно русским началам и для всех подданных являть образец непритворной любви и уважения к национальным ценностям в повседневной человеческой жизни?

Не обойтись без этого, ведь самое первое (и зачастую совершенно справедливое) мнение о человеке рождается уже из того, как он выглядит, как подаёт себя обществу. Размышляя об этом, мы хотели бы увидеть начала «русскости» Александра III ещё в его самые юные и даже детские годы. Но здесь нас, наверное, ожидала бы неудача, ведь царских детей всегда начинали учить и воспитывать совершенно по-европейски, а отнюдь не по-русски.

Наша современница Елена Зименко в своей

«александровской» статье «Тяжёлое бремя царской власти» с улыбкой отмечает такую невозможность, говоря, что действительно кому-то следовало бы быть провидцем, чтобы предположить, что царский младенец потом войдёт в историю под именем Миротворца, и что годы его правления ознаменуются обращением к русскому стилю жизни («именно русскому в большом и малом»).

С такой же доброжелательной иронией к этому не раз подходил С. Ю. Витте, с некоторым удивлением отмечая у Александра III некую, прямо-таки врождённую русскую внешность: «по наружности он походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошёл бы костюм: полушубок, поддёвка и лапти…»

Видный дипломат А. П. Извольский воспринимал Александра Александровича уже гораздо полней и внимательней. Его характеристика внешности царя отличалась ёмкой силой и наблюдательной точностью: «Император Александр III, хотя и не был красив, но был человеком геркулесовского сложения и величественной внешности».

Воспоминаний про царский облик сохранилось весьма много, и все они не слишком разнятся, но особенно объединяет эти отзывы понимание глубокой ответственности царской подачи себя обществу. Его современники всегда отмечали, что Царю-Славянофилу было свойственно «ничего не изображать из себя и не напускать на себя никаких чужих манер».

Все художники, портретировавшие этого Государя, весьма старались передать эти качества, при этом не утратив присущей Царю-Хозяину мощной внутренней силы личности. Так, Крамской писал его портрет почти целый год, закончив работу в августе 1875 года. Люди, хорошо знавшие Александра Александровича, замечали, что в наследнике престола к этому времени появились властность и сила. «Но главное – обозначилась некоторая величественность, которую впоследствии будут отмечать многие современники».

Не следует думать, что имеется в виду сила физическая, которой царь обладал в огромной мере (мог сгибать серебряные рубли, рвать колоды карт, завязывать в узел железную кочергу). Нет, люди имели в виду силу духа, силу душевного мира будущего императора. Вот её и старались уловить и запечатлеть и лучшие художники, и лучшие фотографы. Но нам кажется, что удача сопутствовала совсем немногим. Обычно называют удачность литографии К. И. Шульца, сделанной с фотографии, исполненной К. И. Бергамаско. Писали, что «литографу особенно удалось выражение светлых, но тёплых глаз наследника, так

резко отличавшихся по выразительности от холодных глаз его деда и невыразительных водянистых чуть навыкате глаз отца».

Должно быть, это так и есть, и творческая удача Шульца, очевидно, весьма значительна. Но нам кажется, что всех сильней и глубже во внутренний мир Царя-Хозяина проник В. А. Серов. О нём не зря говорили, что исполненные им портреты с необыкновенной обнажённостью выявляли внутренний мир изображённых людей. И это несмотря на то, что все портретные изображения Валентин Александрович создавал по фотографиям. От него и достаточно парадный фотоснимок не мог скрыть внутренних тектонических движений души. Этот художник обладал едва не жуткой способностью проникновения в потаённую суть человеческую.

Этой способностью весьма ощутимо веет из рассказа о первой встрече художника с императором. В изложении его друга Дервиза это выглядело так.

Серова предупредили, что царь может поговорить с ним несколько минут при выходе в сад на прогулку. Валентина Александровича провели на лестницу, ведущую в сад, и оставили одного. Вдруг дверь отворилась, и император совершенно один вышел на лестницу.

Возможно, он позабыл о назначенной встрече, либо его не известили о ней, и встреча с незнакомцем оказалась для него совсем неожиданной. Серов рассказывал, что лицо царя приняло выражение недоверия, холода, враждебности, а может быть, даже и страха? Да и что мог подумать император о неожиданно появившемся человеке? Может быть, посчитал её встречей с проникшим сюда террористом, то есть со своей смертью. Многочисленные покушения на его отца, должно быть, ожили в памяти при скрещении взгляда царя и пришельца.

Но в ту минуту вышел кто-то из свитских людей и объяснил содержание встречи. Выражение лица императора сразу смягчилось, и он стал любезно беседовать с Серовым. Аудиенция прошла мягко и доброжелательно. Но… Но начало встречи произвело на художника неизгладимое впечатление, он не мог убрать его из своей памяти, говорил друзьям, что выражение лица императора, увиденное им в первую минуту, он уже никогда не сможет забыть…

Серов приступил к работе над царским портретом и работал долго. Этот большой портрет был закончен лишь после смерти Александра III, в 1900 году. О нём многие отзывались как о произведении потрясающей силы, он много выразительней гладко прописанного портрета, выполненного Крамским. Александр Бенуа сказал, что этот «портрет стоит целого

исторического сочинения». И с таким суждением нельзя не согласиться. Во всей устало склонённой грузной фигуре исполинского человека живёт чувство громадной тяжести несомых им дел, великой неподъёмности взятой им на себя задачи.

Видно, что он до последнего дня не уступит одолевающим его болезням и тяготам и станет трудным слабеющим шагом идти вперёд по своему пути. Видно, что «вёрсты» этой жизненной дороги уже исчислимы, и он сам хорошо это знает, с суровой простотой уж почти отрешённо глядя на ещё сияющий красой и жизнью земной мир. Его знаменитый взгляд – Удар – едва не пронзительно испытующ и уже словно подводит итог отважным трудам своих земных дней и с печально-спокойным бесстрашием смотрит в лицо судьбы. Кажется, это лучший портрет Царя-Хозяина, сумевший запечатлеть поразительную глубь души русского венценосного мужика-труженика.

…К этому изображению хочется возвращаться вновь и вновь, взгляд гиганта, умудрённый гранью Жизни и Смерти, неотразимо притягивает, тревожит душу, словно великий безмолвный вопрос к людям, а в их числе и к нам. И хочется снова и снова возвращаться наблюдением и размышлением к этому удивительному персональному воплощению русскости. И вновь принимаешься просматривать многочисленные свидетельства о могучей простоте этой, едва не мужицкой жизни, примечая самые разные её моменты. А они, эти житейские случаи, многообразны и порой очень непросты.

…Вот одно из них, совершенно трагическое. Когда-то, уже будучи наследником престола, Александр Александрович при молодёжном конфликте оскорбил некоего офицера. Тот не имел возможности вызвать Цесаревича на дуэль, их общественное положение было неодолимо неравным. И оскорблённый послал Александру записку с требованием письменного извинения, угрожая в противном случае покончить с собой.

Наследник никак не отозвался ему, очевидно не хватило человеческой чуткости. И через двадцать четыре часа тот офицер застрелился!

Царь-отец Александр II резко отчитал сына и приказал ему быть на похоронах погибшего и сопровождать его гроб.

Этот случай произвёл на наследника большое и мучительное впечатление, и к теме воинской чести потом он обращался много раз, и в самом конце своего царствования (в 1894 году) принял решение официально дозволить поединки. Приказ по военному ведомству (№ 118) определил правила дуэлей. Они оказались весьма сложными, но вполне позволяющими с оружием в руках

решать вопросы чести.

Для просвещённой Европы это в немалой степени явилось внезапно оживающим явным анахронизмом, едва не проявлением средневековости.

Но был в жизни царя и ещё более яркий случай из этой сферы военного бытия. Это ужасный случай гибели на богатом балу студента-распорядителя от руки офицера (кавказского князя), посчитавшего неосторожное движение студента за оскорбление действием. Дело рассматривалось высокими инстанциями, и, в конце концов, было подано на конфирмацию императору. И тот наложил резолюцию, оправдывающую офицера. Он написал, что понятия высокого достоинства и чести мундира и не позволяли тому поступить как-либо иначе. (Не припомнился ли императору свой давний случай с погибшим офицером?)

Об отношении царя к вопросам воинской чести и офицерскому поединку может достаточно ясно говорить и почти семейный случай. Младший брат императора великий князь Владимир Александрович горько пожаловался на безграничную власть во дворце генерала Черевина, которого и придворный штат «боялся, как огня», и попросил урезонить или даже наказать грубого генерала. В ответ царь хладнокровно посоветовал брату: «Если ты обижен, то вызови его на дуэль, что же ты у меня чего-то клянчишь?»

В целом у Царя-Миротворца, отнюдь не пользовавшегося высоким авторитетом среди военных, было своё собственное строгое и высокое понимание о воинских заслугах и воинской чести. Об этом же говорит, например, его отношение к известию о знаменитом своим долголетием французском ветеране наполеоновских войн Н. А. Савене. (Савен прожил в России большую часть своего века, который одни определяли в 106 лет, другие – в 140, а третьи – «всего лишь» в 103 года). Так, узнав об удивительном французе, уже 80 лет жившем в Саратове, царь послал ему подарок – триста рублей, в знак уважения к его боевому прошлому и долгости земных лет.

…Хорошо зная о достаточно прохладном отношении к нему многих заслуженных военных, Царь-Миротворец тем не менее был очень внимателен ко всем армейским торжественным событиям и старался принимать в них уважительное участие, не забывая оказывать той или иной воинской части либо учёному учреждению подобающие знаки внимания (например, на такой день обязательно надевая мундир данного полка и соответствующие наградные знаки).

Б. А. Энгельгардт в своих воспоминаниях о Пажеском корпусе пишет, что при посещении корпуса царь был одет в мундир

Преображенского полка: тёмно-зелёный сюртук, с белым крестом на шее, в высоких сапогах со шпорами. Выглядел император весьма значительно, хотя поза была очень простой – большой палец правой руки он держал за бортом сюртука, обхватив рукой толстый аксельбант. В опущенной руке в перчатке он держал фуражку с красным околышем. Но при всей внешней простоте облика «царь показался мне огромным, подавляющим всех окружающих его своей массой!»

Знаки его внимания к военной молодёжи были разными. Например, старших воспитанников названного корпуса он лично производил в камер-пажи. А по случаю своего посещения корпуса давал его учащимся трёхдневный «отпуск».

Известны случаи, когда Царь-Миротворец уступал силе военных традиций, даже если сам их и не разделял. Примером такой уступки традиции стал случай с кавалергардами. Эта элитная воинская часть особо прославилась своим бестрепетным мужеством в несчастной битве при Аустерлице. В тот грозный день 1805 года у кавалергардов при их отчаянной контратаке сразу погибли 13 офицеров и более двухсот рядовых…

Кавалергарды чтили и помнили этот день, и, дорожа традицией, не пожелали принять новомодную тёмно-зелёную форму и упорно заказывали и носили свои традиционные чёрные мундиры. Узнав об этом, царь махнул рукой: «Ладно… Их не переделаешь – пусть носят чёрные…»

И лично сам старался придерживаться многих военных традиций. Так, на свою коронацию он пожелал ехать на своём светло-сером старом коне, с которым, бывало, проделал всю турецкую кампанию.

Не имея склонности к войне и к боевым действиям, Царь-Миротворец являл глубокое уважение ко многим старым заслуженным офицерам, и он зорко различал значимость каждого из них. Так, узнав о смерти князя В. А. Долгорукова, он несмягчённо отозвался: «Вот человек, о котором никто не будет сожалеть». А смерть фельдмаршала князя Барятинского, служившего ещё в его цесаревичские годы, явилась для него большой и истинной потерей. И он отменил всё и поехал на княжеские похороны в село Ивановское.

У «Государя международного мира» (так называл его историк В. О. Ключевский) среди старых военных был один особо любимый человек. Это старый генерал Черевин, которого царь назначил руководителем своей охраны.

Этот человек отличался как большой простотой своего нрава, так и глубочайшей преданностью Царю-Хозяину. В рабочие часы императора он становился единственным, кто мог войти к нему

без доклада. Лейб-хирург, профессор Н. А. Вельяминов в своих воспоминаниях отмечает эту редкостную привилегию старого генерала. Ведь даже великие князья таким правом не располагали!

Царь ценил в Черевине простоту, честность и всегдашнюю готовность постоять за своих подчинённых. Старый служака в людях терпеть не мог заносчивости и самомнения и не прощал этого даже тем придворным, которым он вполне сочувствовал по их деловым качествам. А императора он боготворил за его величавую простоту и высокую нравственность. Своим правом входить без доклада Черевин старался часто не пользоваться, и если требовалось сделать царю какое-либо срочное сообщение, то старался догнать Государя, когда тот шёл в свой кабинет после завтрака или обеда.

Царь очень ценил как замечательную верность старого офицера, так и его простую душевную тактичность, и по вопросам собственной охраны никогда ни о чём жёстко не настаивал, а предпочитал советоваться с Черевиным. Нередко он ему давал весьма необычные поручения. Так, например, в мае 1883 года Черевин «передал по принадлежности» знак отличия военного ордена четвёртой степени проживавшему в Москве старцу М. И. Муравьёву-Апостолу ко дню празднования двухсотлетнего юбилея лейб-гвардии Семёновского полка.

Стоит пояснить, кто такой «старей Муравьёв-Апостол». А это декабрист, за активное участие в восстании лишённый всех званий и орденов. А названный выше солдатский Георгий был ему особенно дорог, ведь он получен был за доблестное участие в Бородинской битве! И вот царь возвращал ему эту дорогую сердцу старика награду юных лет. И кто мог это задание выполнить душевней и лучше, чем генерал Черевин?!

Этот беззаветно преданный заслуженный офицер выполнял самые разные и порой необычные поручения царя. Так, при военных маневрах в Бресте императору срочно понадобился прусский мундир, ибо в событии пожелал участвовать Вильгельм I. Где взять? Эту проблему решил, конечно, Черевин!

А выше мы уже упоминали, что он даже занимался подбором кормилиц для царских детей! При такой близости к личным царским делам Черевин оказывался, словно добродетельным домовым царского дома. И за все его неусыпные хлопоты, крепкую обязательность, беспредельную преданность и исключительную правдивость император прощал ему явный недостаток – склонность к спиртному, не без юмора говоря, что генерал страдает чисто национальной русской слабостью.

Но это был едва ли не единственный случай прощения

«моральной расслабленности» придворного человека. А в целом к моральным порокам Царь-Хозяин относился с нескрываемым омерзением и аморальных людей сразу отсылал в отставку. Так, Александр III не пошёл навстречу двоюродному брату великому князю Михаилу Михайловичу, желавшему жениться на английской графине Софии Торби. (А ведь это Царь посчитал мезальянсом, делом недостойным для российского императорского дома.) Хотя графиня Торби – это внучка А. С. Пушкина…

К этой истории уместно добавить, что Михаил Михайлович, движимый чувством истинной любви, пренебрёг царским запретом, уехал от двора в Италию и прожил с Софьей всю жизнь.

Людские сердечные движения и людские недостатки он постепенно научился лучше терпеть и прощать, но отрицательно не отзываться о них, очевидно, совсем не мог. Вот один из таких примеров. В Ливадии на дне серебряной свадьбы он вёл под руку королеву Датскую Луизу. Она обронила платок, и многие бросились его поднимать. Император улыбнулся и тихо сказал по-французски: «Это напоминает мне Великую княгиню Елену, которая роняла свой платок только для того, чтобы посмотреть, кто его поднимет…»

Однако некоторые вполне невинные людские слабости его порой сильно сердили и вызывали его неблагостную иронию. Так, хорошо известен полуанекдотический случай с купцом Краснобрюховым, желавшим получить более благозвучную фамилию. И император пожаловал ему таковую – отныне купец стал не Краснобрюховым, а Синебрюховым!

Но к истинной чести своей во всех серьёзных случаях Царь-Хозяин оставался строго принципиальным и отнюдь не делил окружающее общество на «своих» и «чужих». Например, после железнодорожной катастрофы в Борках он не препятствовал следственным допросам даже самых близких ему людей. Порядок никем не должен быть нарушаем, он существует для каждого!

…В этой главе нашей книги мы хотели рассказать о проявлениях характера царя Александра Александровича не столько как правителя, сколько как человека среди людей. Но жизнь человеческая являет внимательному взгляду такую большую многогранность, что, рассказывая о ней, осознаёшь смысл рассмотреть как можно более таких граней. Именно это позволит понять человека и полней, и лучше.

И если у малых людей мира сего такие грани менее рельефны и менее численны, то у людей значительных таковая содержательность и велика, и многообразна. И внимание биографа не должно пройти мимо даже, казалось бы, вполне

второстепенных уголков изучаемой действительности. Одним из этаких «уголков» жизней людских (а в их числе и жизней царских) является домашняя повседневность, и решимся сказать, что в её числе и личное домашнее хозяйство.

Мы решимся утверждать, что у царей оно тоже есть, и что его ведение и весь его характер тоже способны многое сказать о его обладателях. Так как вёл своё домашнее «хозяйство» великий всероссийский Хозяин?

Домашнее хозяйство

В своей книге об Императоре-Хозяине мы нередко возвращаемся к некоторым уже сказанным суждениям, и, должно быть, это неизбежно, ведь перед нами образ не частного человека, а правителя величайшей империи того времени. А коли это так, то нам следует прослеживать проявления этой личности как в делах общероссийских, так и в делах частных. Вот и сейчас, обращаясь к хозяйствованию личному, нам следует начать с общественного.

Пожалуй, нам не миновать суждения С. Ю. Витте, называвшего этого императора «образцовым начальником, образцовым хозяином, который берёг каждую копейку русского народа, как самый лучший хозяин не мог бы беречь».

Такая бережливость была свойственна Александру Александровичу и в своей личной жизни. В ней личный обиход был не по-царски скромным, здесь во всём проявлялись простота привычек и умение быть экономным. Все близкие единодушно отмечали, что в таком повседневном поведении не было назидательной демонстративности, простота всегда оставалась вполне естественной для этого правителя. Даже для придворных выходов он не признавал богатых и пышных одежд, чаще всего это был обычный мундир с очень ограниченным числом наград.

Если его отец имел явную слабость к «коллекциям» мундиров и сюртуков и подлинно наслаждался их изящным многообразием, то Царь-Хозяин преимущественно носил одно и то же, и основательно занашивал своё платье. А в домашних условиях был и вовсе прост, а из верхней одежды обходился обыкновенной тужуркой. Его непритязательность в одежде многих удивляла.

Жёсткая экономия государственных средств у него вполне естественно сочеталась с большой аккуратностью в семейных расходах. В этом он весьма напоминал Петра I, который тоже впечатлял людей исключительной невзыскательностью к личному быту и даже нередко сам чинил свою одежду и обувь. Об Александре Александровиче говорили, что его мундир часто «штопал и перештопывал» его камердинер Котов. И, кажется, эта обыкновенная примета жизни царя, образцового семьянина, преданного мужа и доброго отца.

Весьма «ординарное», отнюдь не высокое образование, полученное будущим царём, не помешало ему стать для всей России «хорошим казначеем» и рачительным хозяином. Простоту и скромность его личного обихода отмечали очень многие, в частности, об этом есть очень сочувственные воспоминания

проведшей непростую и очень нелёгкую жизнь княгини Мещерской.

Не менее тепло и сочувственно в своих «Мемуарах» писал об этом граф Шереметев, подчёркивая, что «вообще в императоре было сильное чувство порядка и домовитости. И всё это у него проявлялось, как у частного человека, не любил он пышности и роскоши. В Аничковом дворце по воцарению он устроил себе рабочий кабинет на вышке третьего этажа, куда уединялся для занятий. В кабинете имелись всего два окна, небольшой стол и весьма скудная мебель. Перед иконой в углу горела лампада… У него было большое умение устраиваться уютно и удобно, тотчас же накладывая на всё его своеобразный отпечаток».

Архитектор М. Е. Месмахер, создававший в этом дворце царскую квартиру, во всём старался учитывать простые вкусы Александра Александровича, и исходя из них проектировал интерьеры и продумывал их оформление и меблировку. И хозяин помещений был весьма доволен его работой, а вот занимавшаяся оформлением помещений фирма Ф. Мельцера вызвала его настоящий гнев. Проверка показала, что представленные этой фирмой счета завышены почти на двадцать процентов. Хозяин гневно заявил, что это по-деловому очень недостойно, а по-человечески просто мерзко, и приказал с заказами к этой фирме больше никогда не обращаться.

В Гатчинском дворце, куда семья перебралась в марте 1881 года, требовались определённые реконструкции помещений, но император от многих улучшений отказался, а одобрил лишь непременное создание современных водопровода и канализации, которые и были закончены к началу 1884 года. Подрядчики за большую и трудную работу спросили 98,05 рубля, проверка показала обоснованность такой оплаты, и Хозяин был вполне доволен этим.

Царь отличался большой хозяйственной экономностью, но не скупостью. Широко известно, какие большие деньги платил за произведения русских художников и скульпторов, и каким щедрым он был во всей подготовке создания Русского музея. Также было и во многих других случаях, касавшихся вопросов науки и культуры. Так, узнав о материальных затруднениях Шереметева с покупкой семейного архива Остафьевых, он предложил сам купить все эти бумаги, а когда Сергей Дмитриевич справится с деньгами, то за такую же цену он отдаст архив Шереметеву. Этот самый архив будет спасён от рассеивания и придёт к Шереметеву. Надо сказать, что случай этот для людей царской фамилии оказался небывалым как по своевременности вмешательства, так и по благородству поступка.

Царь, хорошо зная Шереметева, понимал, что принять такой подарок граф не сможет, по правилам чести не согласится, а вот во благовременье купить – это он сделает охотно. А пока не соберёт нужную сумму денег, архив, словно в Государственном банке, будет находиться у царя.

Рассказывая о домашней жизни императора всероссийского, не обойдёшься без упоминания о характере домашнего царского стола. Так, Александр Александрович и в этом резко отличался от всех европейских монархов. Царский повседневный стол был столь же прост, как и повседневная царская одежда. О ней мы уже говорили: брюки, тужурка, пальто, полушубок носились Царем до износа. Причём обувь он любил тоже обыкновенную, а сапоги чаще всего военные и даже солдатские. Щегольскую обувь решительно отрицал, тужурку носил не из дорого тонкого сукна, а рубашки были сшиты из русского ивановского холста.

Повседневный царский стол был невзыскательным. Основными блюдами подавались обыкновенный суп, каша и картофель. Царь очень любил квас и кофе с сушками. Он вставал очень рано, сам варил себе кофе, пил его с этими самыми своими любимыми сушками и после этого начинал приём посетителей.

Вина за царским столом были очень лёгкие и все отечественные (кавказские и донские). Сказка о том, что Александр Александрович был большим любителем выпить и даже постоянно увлекался водкой, является большой гнусностью советской исторической и художественной литературы. Угодничая перед властью, эти «аварцы» создали много скверных выдумок о Царе-Хозяине. Одна из них выдумка о том, что он, якобы, любил носить русские сапоги единственно по причине удобства прятать в их голенища фляжку с водкой. Это не менее бесстыдно, чем такие же выдумки о, якобы, имеющихся царских внебрачных детях. Не было никаких внебрачных детей и никаких внебрачных связей у этого образцового семьянина.

А что касается вина, то Царь-Хозяин выпивал всегда очень немного, и из спиртных напитков всего больше любил шампанское, разбавленное… квасом! Это его собственная придумка. Кстати, и в этом явственно прозвучала его очень простонародная русскость. Хрен, огурцы с чесноком и квас были его любимой русской едой.

Вспомнив об этих едва не простонародных вкусах, невольно обратишься к памяти великого русского полководца Суворова. После швейцарского похода ему, тяжело больному, советовали ехать на воды. Ответ полководца оказался одновременно и резким, и насмешливым, «истинно русским, народным!»: «На воды посылай здоровых богачей, прихрамывающих игроков и

всякую сволочь. Там пусть и купаются в грязи. А я истинно болен. И мне нужна молитва, деревенская изба, баня и квас».

Не правда ли, и квас, и баня живо напоминают простые вкусы Александра III? А что касается «избы», то в Гатчине царь жил в очень малых комнатах, где прежде обитали слуги. А число самих слуг он сильно убавил, как и в целом убавил все расходы на собственную семью. И в этом у Хозяина была строгая и последовательная экономия.

Полагаем, что её же нам следует отмечать и в жизни всего Высочайшего Двора. Царь сократил число балов до четырёх в год. Однако в день именин жены непременно устраивал праздник в Петергофе. Но в маленьком дворце, в Александрии, уже определявшем невеликое число гостей.

И во всём этом – и в ограничении числа праздников, и к большой склонности к семейному времяпровождению – у богатыря-императора ясно читались его врождённые простота и здравомыслие, и даже некая отрешённость от светской суеты. Несомненны были у него, особенно в зрелые царские годы, теплота и участливость к близким людям. И, может быть, именно эти его душевные качества столь явственно и прозвучали в четверостишии, записанном им в домашний альбом Шереметевых: «Играйте, пейте же, друзья, украсьте вечер быстротечный. И вашей радости сердечной сквозь слёзы улыбнулся я».

Царь всегда был способен очень просто и искренне выражать свои чувства, а ещё его близкие замечали, что он был дружен с юмором, умел пошутить и даже изобразить что-то в лицах.

Эти качества появились у него рано, ещё в детстве, когда со своими маленькими приятелями он выступал на детской сцене. (И среди этих детей тогда был и наш земляк Федя Опочинин, будущий вождь наших мышкинских земских просветителей…) И способность иронически и в шутку отнестись к событиям дня сохранилась и развилась у него и в царское время, и иногда прорывалась в пометах на важных бумагах.

Всем своим поведением он спокойно, не жёстко, но властно, указал Двору, что «делу – время, а потехе – час». И по всем вопросам, возникающим в жизни Высочайшего Двора, он принимал лишь министра этого ведомства Воронцова-Дашкова, да и то весьма редко. Не до придворных мелочей было правителю грандиозной империи, мощно вступавшей в период модернизации. Не до придворных амбиций и придворной суеты.

Анна Фёдоровна Тютчева, фрейлина Высочайшего Двора, дочь великого поэта, хорошо знала Александра Александровича с самого его детства и всегда отмечала его «простую, прямодушную

и любящую натуру», совсем нетипичную для придворных кругов.

Великий князь К. К. Романов, вспоминая об очередном дворцовом бале, не без сочувствия к монарху писал: «очень не хотелось царю на этот бал: он говорил, что ужасней всего – это сознание, что всегда, всю жизнь будет представать впереди то бал, то приём, то выход, то что-нибудь в этом же роде, и никогда нельзя ему от этого отделаться».

Князь В. П. Мещерский, его давний друг, об этом судил безо всякой иронии, просто и строго указывая, что уже с самой юности этому человеку были глубоко чужды условности Двора: «Придворный мир был не по сердцу великого князя издавна, по той простой причине, что он (этот Двор) грешил двумя вещами, ему антипатичными, – отсутствием правдивости и избытком угодливости. К массе придворных его не только не тянуло, но они не существовали для него».

А начальник дворцовой канцелярии А. А. Мосолов высказывался и ещё определённей, говоря, что Александр III считал придворные церемониалы необходимыми разве что при дворах германских князей, «которые не имеют других средств для поддержания авторитета и защиты своих прав на существование». Вот как резко по отношению к многочисленным германским «суверенам»…

Не одобряя пышных придворных мероприятий, Царь-Хозяин столь же сурово не одобрял и «шатаний» по заграницам членов царской фамилии и иных светских людей. Он в таких случаях заявлял несмягчённо и прямо, что жить и служить нужно в России, что трудиться в своей Отчизне и для неё – это лучшая деятельность для русского человека.

И сам лично являл пример очень сдержанного отношения к Европе. Все его уже царские поездки за границу исчерпывались посещением Дании и имели лишь частный семейный характер. Там, в Дании, близ замка Френденсбург, он построил себе домик, где и жил, получая и оплачивая счета по хозяйству этого «дворца». Аккуратным домовитым соседям-датчанам такая скромная хозяйственность царя очень нравилась.

Заботливая домовитость императора порой проявлялась и на дипломатическом уровне. Так, при расставании он распорядился дать Вильгельму I «на дорожку» всяческой вкусной провизии. Тот оценил царский жест и с дороги весело телеграфировал русскому гофмаршалу князю Оболенскому, что его «приветствует дорожная компания с кулебякой и икрой».

Но в целом отношения с правителем Германии были отнюдь не шуточными. Александр III не давал Германии ни единого повода усомниться в могуществе России. В своей семье весёлый,

ласковый и уютный, в отношениях с представителями великих держав он представал мощным, уверенным, повелительным. Выше мы уже упоминали о том случае, когда Вильгельм поднял упавшую царскую шинель и накинул её на плечи Александра III. А здесь мы можем добавить, что, кажется, германский правитель всерьёз уважал русского царя, но и пленялся его величественностью. Однако справедливо следует сказать, что Царь-Хозяин на это никак не реагировал – ни признательностью, ни, тем более, подчёркнутой любезностью.

Но возвратимся к домашней жизни Царя-Хозяина. Семейные отношения всегда были тёплыми и добродушными. Но вот чего царь решительно не одобрял – так это карточной игры. Он не выносил её и в иных компаниях. А войдя к Марии Фёдоровне и увидав там игру в карты, он с досадой говорил: «Всё время одно и то же» и решительно уходил.

Этот гигантский человек, казалось, уже всем своим существованием отрицал пустые мелочи жизни. Ведь даже и сам его облик являл особую крупноту и монументальность. (Однажды к Шереметевым он шёл по задней винтовой лестнице их дома, так она затрещала под его исполинской статью!)

Богатырская сила не изменила ему и в страшный день железнодорожной катастрофы в Борках. Удар, пришедшийся прямо в него, был такой силы, что начисто сплющил серебряный портсигар в царском кармане. (Есть мнение, что именно этот удар и стал причиной нефрита, болезни, унесшей царя в могилу.) Но даже и после этого момента богатырь устоял и сразу стал помогать в разборке частей разрушенного вагона.

Но вновь возвратимся к личному царскому хозяйству. Современные исследователи Ю. Петрова и С. Татаринов в своей работе «Александр III и деньги» рассказывают, что личные средства императора, хранившиеся в банке, отдельными счетами не оформлялись, а проходили в общих клиентских книгах. Расход этих средств царь вёл лично сам, никому не передоверяя.

В этих расходах он был аккуратен и даже скуповат. Не жалел средств разве что на приобретение русских произведений искусства. А личные траты всегда оставались умеренными. Его хозяйская бережливость значительно распространялась и на весь уклад жизни Высочайшего Двора: весь придворный этикет и все церемониалы стали много проще и дешевле. Он сильно сократил штат Министерства царского Двора, уменьшил число слуг и ввёл строгий надзор за расходованием денег на нужды августейшей фамилии. Уже сама его личная умеренность в расходах вынуждала и всё его окружение скромнее относиться к тратам личных, а тем более казённых денег.

Царь-Хозяин считал непременным законом правильного управления страной максимально возможное сбережение государственных средств, а их экономия, по его мнению, должна была серьёзно помогать сохранению и укреплению авторитета верховной власти России.

И, став императором, он много заботился об этом. Особенно успешной уже в первые годы стала его деятельность по укреплению российского бюджета. Этот бюджет до него в течение многих лет оставался дефицитным, но в период правления Царя-Хозяина его удалось сбалансировать. Этому решающе помогли разумная внешняя торговля и успешные заграничные займы. И сбалансированный бюджет позволил накопить солидный запас золота, к концу века обеспечив денежное обращение по системе золотого стандарта.

И это способно стать лучшим показателем хозяйственной успешности трудов Царя-Славянофила. Этот прямолинейный человек, во всём любивший порядок, простоту и скромность, явил обществу принципиальную верность долгу перед страной не только в сохранении её мирной жизни, но и в разумном честном расходовании её средств. Человек простой в обхождении, всегда остававшийся ласковым и весёлым с детьми, не терявший чувства необидного юмора на все годы своего правления, был очень строгим в хозяйственных расходах. Здесь ни снисхождения, ни попустительства быть не могло. И личная хозяйственная экономность являлась частью экономности всероссийской.

Привычки и увлечения

…И мы полагаем, что для достаточно полного рассказа о человеческих особенностях любого правителя, следует обращаться и к таким житейским малостям, как его привычки, повадки и бытовые увлечения. И здесь мы, наверное, обязаны начать с того, что эти самые привычки, повадки и увлечения Царя-Хозяина были настолько просты и чужды высшему российскому обществу, что часто вызывали его самые резкие и отрицательные отзывы.

Одним из самых выразительных и откровенных был отзыв графа Ламсдорфа, влиятельного царедворца, не пощадившего память Царя-Хозяина от характеристики крайне низкой.

Граф являлся прирождённым аристократом, потомком рыцарей, высоко ценившим изящество отношений и тонкость манер. Так он в своих воспоминаниях несмягчённо писал, что времена Александра III для российского императорского Двора стали источником грубости и беззастенчивой примитивности в придворной жизни. Он говорил, что «наряду с подлинными качествами и добродетелями, у Александра III были вкусы и замашки настоящей деревенщины… Вульгарные инстинкты, пошлые и грубые обычаи на верхних ступенях социальной лестницы получают всеобщее распространение и даже становятся своего рода плачевной модой…»

Граф писал это уже в 1895 году, не желая смягчить выражений даже при не утихшей ещё печали об ушедшем из жизни Хозяине страны. Но, впрочем, в этих же воспоминаниях он пишет, что Александр III в своих человеческих особенностях и привязанностях был ярок и убедителен.

Графа нетрудно понять, ведь для таких людей, как он, Александр III со своими особенностями и наклонностями оказывался не столько Царь-Хозяин, сколько… Царь-Мужик! Да, ведь этот странный правитель очень не любил придворные балы (а особенно зимние). Но их ведь очень любила императрица, и ради неё он терпел «эту муку адову». Каков отзыв о придворном бале?! После таких слов их автор не может не показаться изящным придворным явной «деревенщиной».

Да, императрица Мария Фёдоровна самозабвенно любила танцевать, а для её супруга балы были «пустым времяпровождением», и он почти ненавидел их. Он с трудом терпел все сопутствующие им правила… Одно из них гласило, что если император покидает был, то точно также должна поступить и императрица. Но Мария Фёдоровна со свойственной

ей милой обаятельностью находила способы обойти это правило и со свойственным ей весёлым нравом прекрасно влияла на своего мужиковатого Сашу.

Тот вынужденно терпел и покорялся нежеланной стихии бала. (Кому из изысканных придворных такое поведение могло понравиться?)

Царь нескрываемо тяготился и своей обширной роднёй. Великий князь Александр Михайлович вспоминает об этом совершенно откровенно: «император томился на семейных собраниях. Он находил бесцельной тратой времени бесконечные разговоры со своими братьями, дядьями и двоюродными братьями. Для взрослых, осаждавших его вечными просьбами, у царя не было ни терпения, ни времени». Господи, как далеко такое состояние от извечного элегантно пустого придворного времяпровождения, столь свойственного многим иным русским правителям…

Стоит также отметить, что царь плохо и неохотно ездил на лошадях и, пожалуй, даже опасался их. (А ведь Мария Фёдоровна, очень храбрая и даже рисковая, ездила отлично и нимало не боялась стремительной верховой езды!) Рядом с такой прелестной и отважной спутницей Царь-Мужик на прогулке выглядел и тяжеловато, и неубедительно. И кстати, его едва не мужицкий выезд на коне очень метко отразил скульптор Паоло Трубецкой в своём памятнике Царю-Хозяину.

Этот памятник с первого же (ещё макетного!) предъявления оказался принят почти всеми не только не однозначно, а крайне отрицательно. По поводу его остро иронизировали, над ним смеялись, им возмущались. Отзывы бывали даже весьма обидные и оскорбительные. В своей безжалостной проницательности скульптор нимало не уступил столь же проницательному в своём творчестве художнику Серову, у которого «было опасно портретироваться!»

Трубецкой явил нам императора именно как Царя-Мужика, с громоздкой несокрушимостью восседавшего на столь же несокрушимом грандиозном коне. Это, вроде, и не царь, а некий могучий мужичище, едва не Илья Муромец на своём только что оттрудившемся на пашне Бурушке-Косматушке. Простонародность (или же подлинная крестьянская русскость)? императора с мощной невозмутимой силой вещает о себе каждым штрихом этого невероятного монумента. (Какая уж тут утончённость придворного облика, какая уж тут возвышенная внешность… Тут всё от земли, крестьянства и от едва не былинной деревенской русскости.)

Осуждение модели, представленной Трубецким, было едва не

всеобщим. Наконец, обратились к вдовствующей императрице. Почти все ожидали от неё гневного осуждения мужикоподобного изваяния, но Мини (так её ласково звали в царской семье) растроганно сказала: «Это он, Саша таким и был. Так всё и следует исполнить».

При этих словах близким друзьям покойного было впору прослезиться – женщина, неутешная вдова императора оказалась мудрей всех придворных мудрецов. Она и на этот раз проявила себя достойной подругой Царя-Хозяина.

И монумент громадной выразительной силы был создан и установлен в Петербурге. Мы полагаем, что это лучшее творение Паоло Трубецкого, и это одно из самых лучших мемориальных воплощений единственного в истории России Царя-Мужика.

Оговорившись о его Бурушке-Косматушке, мы, наверно, должны упомянуть о том, что его звали Кобъ (так записано в документах царских пенсионерских конюшен, где до своей естественной кончины спокойно жили кони императора России). На этом коне Александр III обычно объезжал (и очень ценил его за спокойный степенный нрав). Там же, в Царском Селе, было и пенсионерское конское кладбище, где хоронили этих заслуженных коней. Там упокоился Лами, на котором Александр I ехал по побеждённому Парижу, возглавляя парад победителей Наполеона… Там схоронили и Флору Николая I, на которой он въехал в спасённую им Вену. И много там было и иных памятных погребений.

Но возвратимся к простым житейским привычкам Александра III. Среди них большое место занимала русская баня. Он её очень любил. Во дворцах, где доводилось ему жить, она почиталась самым необходимым заведением. Даже там, где для бани, казалось, и места-то не было, её всё же устраивали.

Женился Александр Александрович в 1866 году, для молодой семьи предоставили Аничков дворец, и хозяин сразу же распорядился в его подвале сделать-таки баню! А в 1879 году уже в Зимнем дворце по его настоянию устроили его собственную хорошую баню. Современники вспоминали, что «царь очень по-русски любил париться в компании лично приятных ему людей. Он хорошо понимал, что можно уважаемого человека “угостить баней”, любил о ней поговорить, прекрасно разбираясь во всех тонкостях такого “угощения”». (Не правда ли, это совсем не было близко, скажем, потомку рыцарей, графу Ламсдорфу?)

Да и слишком многое другое было в этом царе совершенно чуждым его придворному окружению. Царь нередко позволял себе самые простые и едва ли не грубые выражения. Достаточно вспомнить полуанекдотический случай с солдатом Орешкиным

(который, впрочем, приписывают и Николаю I). Орешкин во хмелю орал, что ему всё нипочём и ему даже и на императора плевать! Царь наложил на донесение об этом свою краткую конфирмацию, что ему на Орешкина тоже плевать!

Но, кажется, что все простые царские развлечения и удовольствия решительно уступали его увлечению рыбной ловлей. Иногда вровень с нею называют охоту, но, думается, что это делают напрасно. На охоту Александр III действительно ездил, а чаще всего в Польшу, в местечко Лович во время своего отпуска. Но немалое время этого отпуска сразу после Ловича продолжалось поездкой в Данию в Бернстондорф, родовой замок Марии Фёдоровны. И здесь, порой, продолжался не столько отпуск, сколько встречи с правителями разных стран Европы и с датской роднёй. Так что охота занимала отнюдь не значительную часть царского личного времени.

А вот рыбная ловля его весьма привлекала. И в Петергофе, и в Гатчине он охотно ловил рыбу в тамошних прудах, а в Красном Селе после большого лагерного сбора он старался уехать в финские шхеры. И это время он считал драгоценным личным временем: министры туда ездили очень редко, допускались только фельдъегеря. А в целом день посвящался прогулке, рыбалке и лодке.

Кстати, к рыбной ловле русские правители всех времён были мало расположены. Некоторую «дань» ей отдавали лишь князь Ярослав Мудрый, царь Борис Годунов и императрица Елизавета. А единственным подлинно страстным любителем рыбалки оказался лишь Царь-Миротворец. А рыбачить он начал с… двух лет! Было это летом 1847 года в Петергофе, на пруде у павильона Марли. Тогда удочки были подарены всем братьям. Но «тихая охота» всерьёз забрала лишь Александра.

И забрала очень сильно! Уже цесаревичем он в перерывах манёвров шёл ловить рыбу. Да-а, не воинственные были у него наклонности…

Его всегда привлекали пруды Гатчины, любимой царской резиденции. Он отправлялся туда даже и в вечернее время, и нашёл для себя особо интересный вид поздней рыбалки – ночную, с лодки, с острогой.

И это его очень устраивало, ведь свой рабочий день он заканчивал порой далеко за полночь. Брал лодку, разжигал на ней огонёк и отплывал подальше от берега. Хорошо знавший такие часы граф Шереметев однажды записал так: «Тлеющий на лодке огонёк освещает воду. Ночная тишина и шёпот на лодке способствуют настроению. Государь наслаждался этой тишиной, как художник, понимал и чувствовал её красоту».

Увлечение рыбной ловлей передалось и императрице. Эмоциональная, увлекающаяся Мария Фёдоровна всерьёз «заразилась» этим занятием и тоже нередко уходила на пруды. Одна из фотографий сохранила забавную честность этой ловли – императрица удит рыбу совершенно самодельной удочкой, длиннущей и кривоватой веткой, может быть, сломанной из соседнего куста!

Но царь-рыболов бывал столь увлечён любимым занятием, что мог предаваться рыбалке не только до глубокой ночи, а даже и до рассвета. И в его глазах гатчинские и петергофские пруды решительно уступали финскому побережью, а особенно порогам Лангинкоски, где отлично ловилась форель.

Финские шхеры ему очень нравились, их безлюдные побережья, заливы, островки привлекали императора своей тишиной, и он любил гулять там пешком.

Наверное, финское взморье в жизни Царя-Хозяина – это особая тема – тема благодатная для бытописателей и авторов художественных исторических произведений. Она изобилует и любопытными (и, порой, забавными!) подробностями и густо обросла легендами.

Кто в России не знает великолепную легенду о царском изречении, что когда император всероссийский изволит удить рыбу, то Европа может и подождать?!

Но известно и несколько уж совершенно нелегендарных финляндских случаев. Вот один из них. Царь удил рыбу на одном из маленьких финских островков и был совершенно увлечён этим мирным занятием. Вдруг появляется на лодке сердитый финн и заявляет, что здесь никому постороннему рыбу ловить нельзя! Царь не без удивления отвечал, что вот лично ему, наверное, всё-таки можно, потому что он – «император России»

Но финн лихо отпарировал: «А я – император этого острова!» Царь изумлённо покачал головой и благодушно ответил, что «раз тут нельзя, то пойду в другое место». (Действительно, как быть иначе, ежели у этого острова уже есть свой император!)

В другой раз царь прогуливался по пустынному прибрежью и повстречал некоего, очевидно очень известного в этой местности финна. Царь поинтересовался – кто же этот встречный? Финн сильно удивился тому, что здесь нашёлся человек, который его почему-то не знает, и гордо назвался, всем видом подчёркивая свою значимость и известность.

Император, не любивший проявлений самолюбования, не без иронии покачал головой: «Вот так штука!» Но финн тоже спросил царя, кто он такой? Тут уж и для Александра III настала пора удивиться тому, что есть-таки подданные, которые его не узнают.

И после некоторой невольной заминки он ответил: «Русский Государь…» Финн весело и тоже не без иронии ответствовал теми же самыми словами: «Вот так штука!»

И эти забавные случаи отнюдь не единственны в общении Царя-Хозяина с простыми людьми. Ему всегда как-то удавалось, не теряя значительности, устанавливать простую открытость отношений. Так, после охоты он всегда приходил к крестьянам-загонщикам поблагодарить их, и каждый раз приказывал накрыть для них стол с богатым угощением. А при рыбной ловле на финских побережьях он знал многих тамошних завзятых рыболовов и некоторых из них считал своими непременными партнёрами по ловле. Так, на Аландах он часто ловил рыбу с тамошней умелой рыбачкой Финой, признавая её большое умение в рыбном деле.

…Финляндия давным-давно независима, отношения с этой северной страной у нас бывали всякими: и добрососедскими, и враждебными. И даже жестокая война два раза прошла по дотоле мирным финским побережьям. Но к чести финнов они до сих пор хранят хорошую, вполне доброжелательную память о Царе-Хозяине. А в доме, где он останавливался, финны устроили музей. И в этом музее во всех его экспонатах прекрасно отразились и внешний облик, и душевный настрой миролюбивого Царя-Мужика. Есть ли в нашей стране нечто подобное? Увы, не сыскать…

Раздел III
Призраки Русской Империи

Следование национальной традиции вовсе не есть призыв к возвращению вспять

Г. Свиридов

…Триста лет дома Романовых и всего тринадцать лет царствования Царя-Славянофила. Какие несоизмеримые цифры. Но именно их строгая история всегда будет называть рядом, она всегда станет сопоставлять и внимательно их обдумывать. И здесь есть что сопоставлять, и есть над чем неповерхностно размыслить. Есть, потому что едва не всё названное трёхсотлетие Россию старательно приближали к западноевропейскому подобию, стирая русскую самостоятельность, и лишь за малые тринадцать лет явилось осознание грозной опасности – утраты роли русских как государствообразующего народа.

Лишь в краткие тринадцать лет правления императора Александра III Русский Вопрос единственный раз за всё трёхсотлетие был государственно востребован и государственно осмыслен.

Тринадцать лет страна ни с кем не воевала, сосредоточенно занимаясь главными вопросами своей внутренней жизни. Тринадцать лет были посвящены созданию сбалансированной системы международной безопасности. Тринадцать лет огромная империя во главу угла мировых отношений не ставила политических химер (вроде «Союза трёх императоров», «всеславянского единства»), а модернизировала свою экономику. Александровские реформы позволили обрести стремительные темпы развития капитализма, создать новые классы, повысить мобильность общества. Наш современный обозреватель Олег Матвейчев об этом рассуждал с краткой выразительностью: «что нет нужды строить капитализм специально, а в разумно организованном государстве он сам растёт так буйно, что не остановишь»!

Можно бы говорить также о том, что тринадцатилетнее царствование Царя-Хозяина нимало помогло моральному и нравственному оздоровлению российского общества, и тому очень много свидетелей. Личный пример глубоко нравственного

мощного правителя морально дисциплинировал современное ему общество. Тут невольно вспомнишь совсем простонародную, но верную поговорку: «Каков поп – таков и приход».

Так, всероссийский «приход» во времена Царя-Хозяина был словно разбужен для жизни достойной, деятельной и красивой.

А далее? Уже упоминаемый нами политолог О. Матвейчев, рассуждая о роли личности в истории, с безжалостной краткостью написал: «При Николае II всё было плохо, это плохо и кончилось».

Да, кончилось такой всероссийской катастрофой, что от былого блеска Империи осталась разве что слабая память. Да остались отдельные, очень немногие славные свидетели и участники александровского тринадцатилетия.

А драгоценнейшим свидетелем и участником тех лет, дивно уцелевшим в апокалипсисе революции и гражданской войны, была императрица Мария Фёдоровна, живое воплощение женской прелести, женского разума, женской доброты.

Впоследствии о ней писали с замечательной выразительностью: «Она была красива, умна, обаятельна и, породнившись с самой могущественной монархией мира, достигла высшего положения, которое было доступно женщине. Но триумф и трагедия переплелись в этой судьбе, как ни в какой другой».

Да, всё было истинно так… В шестнадцать лет она была помолвлена с Николаем, наследником русского престола. Через два года становится женой его брата Александра и становится его вечной любовью и верным другом на всю жизнь.

Хорошо образованная, многообразно одарённая императрица была равно прекрасна хоть на международном дипломатическом приёме, хоть на великосветском бале, хоть на зимнем катке… Она хорошо музицировала, столь же полно знала литературу и имела достойные художественные способности. (В музее города Петрозаводска сохранились её картины, как всегда, подписанные инициалами – «М.Ф.».)

Мария Фёдоровна всем сердцем полюбила свою новую родину, страну «её милого Саши», и, проявив редкое мужество, не покидала её до самой весны 1919 года. Затем была недолгая и нерадостная жизнь в Англии при тамошнем королевском дворе, а потом не менее горестная жизнь в Дании. До конца своих дней она помогала русским эмигрантам, двери её дома всегда были для них открыты. Свои малые средства она полностью раздавала нуждающимся русским. До своего последнего дня она посещала церковь Александра Невского, основанную в Копенгагене российской императорской семьёй. И входя в эту церковь, она непременно произносила: «В нашем храме хочу говорить по-

русски!»

При Александре III и Марии Фёдоровне отношения с Данией были самые тёплые и постоянные. И не только родственные, а и деловые. Например, датское Большое северное телеграфное общество построило в России станции телеграфа от Балтики до Тихого океана. А теперь? Слабенькое эхо былых отношений однажды ожило и в наше время. В 1997 году в Копенгагене открылась большая российско-датская выставка, посвящённая 150-летию со дня рождения Марии Фёдоровны. На ней были представлены и многие уникальные экспонаты эпохи Царя-Славянофила, а в их числе – дневник императрицы.

И он сам, и вся выставка явились словно неким романтическим признаком былой империи, возникшим из непроглядного небытия.

И это призрачное явление очень долгое время было совершенно единственным… И даже никакого мыслительного возврата к необычному тринадцатилетию долгое время не случалось? Но в таком суждении мы сильно ошибаемся.

Когда-то старинный исследователь А. Е. Пресняков глубокомысленно обмолвился, что «историку часто бывает трудно выдержать на деле старую истину, что нельзя отсутствие известности принимать за отсутствие исторической жизни». Воистину нельзя! И если речь в положительном смысле крайне редко заходила об императоре-миротворце и его ближайших сторонниках, то основное зерно его правительских принципов, кажется, никогда не забывалось. Этому зерну, этому ядру некоторых принципов правления, кажется, суждено не забываться никогда. И в самых разных странах, порой весьма отдалённых друг от друга и территориально, и ментально, оно, словно магический фант, вновь и вновь возникает в смелых (и, должно быть, в немалой мере идеалистических?) мечтаниях крупных правителей.

Так в своё время было во Франции при Наполеоне III, который пытался управлять страной, обходясь без политических партий. Тогда он возвратил всеобщее избирательное право, но одновременно отменил целый ряд либеральных реформ. И едва не стал серьёзной угрозой для либерализма французских высших классов, пытаясь построить подобие некой «народной монархии».

А при Александре III впервые во всей Европе у нас ввели страхование рабочих от несчастных случаев, сократив трудовой день для детей и женщин, а для крестьян устроили особый Банк, чья деятельность позволила гораздо легче приобретать землю. Современный парижский историк князь Дмитрий Шаховской отмечает, что «целый ряд демократий, в том числе и европейских,

не смогли тогда этого добиться». И некоторые современные исследователи обращаются к этому, как к государственному явлению, несущему признаки начала реализации идеи на родной монархии.

Её призрак и раньше бродил по Европе, а особенно заявлял о себе в нашей стране. И в царствование Николая II он с огромной трагической силой вдруг заявил о себе в гапоновские дни. «Кровавое воскресенье» навсегда останется знаком жуткого конца этой идеи.

Думается, что Гапон был человеком именно идейным и всерьёз усматривал возможность изменить существующую на то время тяжёлую ситуацию с положением рабочих. Он находился во власти наивной уверенности, что, придя к царю во главе гигантской делегации и подав ему их петицию, он установит самую прямую связь, создаст возможность самого прямого диалога между царём и рабочими. И благодаря этому прорыву сквозь чиновные и капиталистические кордоны им и удастся установить прямой контакт народа с монархом и устранить многие существующие социальные проблемы. (Разве это не напоминает столь же идеалистические принципы «народной монархии»?)

Современный нам историк Константин Могилевский считает, что Гапон в те дни действовал по своей собственной инициативе, исходя из своего собственного понимания жизни России. Очевидно, он трагически ошибался, но провокатором, очевидно, не был и быть не мог.

К этому невольно хочется добавить наше собственное предположение, что те дни были последней возможностью продвижения России к «народной монархии». И этот последний шанс оказался властями бездарно упущен. Хуже того – он был расстрелян и растоптан. Расстреляли не только рабочую демонстрацию и веру в царя-батюшку, в царя – Отца Отечества. Расстреляли даже сам призрак «народной монархии».

Но, должно быть, российская почва уж такова, что именно на ней суждено сквозь все нагромождения идей и событий вновь и вновь возникать некой царской идее.

Уже упоминаемый нами Дмитрий Шаховской, размышляя о России, пишет, как она «велика и величественна (и географически, и исторически), настолько, что соседи не могут смотреть на неё спокойно. Тут всё, что угодно, от опасений и мнительности до любви. Потому что в России они чувствуют то, чего им не хватает».

Оставим на совести зарубежного исследователя слова о том, что Европе «чего-то не хватает». Ей хватает всего – и своего

высокого уровня жизни, и своей индивидуалистической всесвободы, и… наших полезных ископаемых, и наших денег. Всего ей хватает. Но в ней неизживаемо опасливое недоверие – к бескрайней стране снегов, клюквы и медведей. Она всегда побаивается от России всяких невероятных неожиданностей.

И одной из таких неожиданностей, кажется, стал призрак новой русской «народной монархии». Сплочённой, единой – и грозной! Случайны ли, безосновательны ли, серьёзны ли эти опасения? Сейчас они абсолютно несерьёзны, но уже отнюдь не случайны и отнюдь не безосновательны. В российской прессе, литературе и во всём обществе начинает заявлять о себе неприятие «олигархической демократии» и тоска по сильной руке справедливого Правителя.

И призрак народной монархии вновь очень явственно замаячил на недальних горизонтах. Пресса всё чаще говорит об Александре III уже вполне благожелательно: в Ялте открыли ему памятник (и это сделал сам Президент В. В. Путин), вышло сразу несколько книг о Царе-Хозяине (в том числе и в весьма уважаемой и престижной серии «Жизнь замечательных людей»!).

И после этого сразу же ожил, и ясно образовался *Русский вопрос*. Всё советское и постсоветское время старательно отрицаемый и тщательно задвигаемый за кулисы государственной жизни, с печальной настойчивостью снова напомнил о себе, и впервые несколько политиков решились громко сказать о нём со страниц своих книг.

И, может быть, отчётливей многих об этом заявил Ю. Поляков, прямо сказавший, что «если от еврейского вопроса, тоже немаловажного, вернуться к вопросу русскому, то совершенно очевидно: Александр III, предвидя грядущие “неслыханные мятежи”, всего лишь хотел поднять самооценку народа-богоносца, сплотив его вокруг династии, чтобы тот помог сохранять стабильность и покой в многоконфессиональной и многоплемённой державе».

Ещё прямей и определённей сказал об этом Егор Холмогоров: «…не забывать Александра III и ориентироваться на него, как на образец, мы просто обязаны. Идеальным в Александре III было сочетание твёрдости настоящего русского самодержца, гибкого живого восприимчивого ума и чёткого понимания национальных интересов России… В его устах знаменитая триада “Православие. Самодержавие. Народность” звучала не как защита обветшавшего прошлого, а как прорыв в будущее».

Как удивительно это читать людям моего поколения, родившимся в годы Великой Отечественной войны… Нам всегда и очень авторитетно втолковывали, что не бывало на Руси царя

более реакционного, чем Александр III… И Юрий Поляков вполне согласен с нашим житейским знанием: «После Сталина больше всего наши “прогрессисты” не любят, пожалуй, императора Александра III, хотя с него, вроде бы, надо брать пример: Миротворец, при нём Россия не воевала, он подавил в стране разгул террора, обеспечил бурное развитие экономики. Но у царя был один серьёзный изъян – он не без успеха ввёл в стране моду на всё русское, и сам всегда подчёркивал свою русскость, не по крови, конечно (русской крови в нём почти не было), а по духу, по исторической приверженности.

Этого царю до сих пор не простили. Даже в серии «ЖЗЛ» книга о нём вышла совсем недавно, последней в ряду биографий наших монархов, когда обо всех возможных царях писали, даже про обоих Лжедмитриев и о венценосном младенце Иване Антоновиче.

Думаете, издатели не хотели? Мечтали! Но мне по секрету признались: автора никак не могли сыскать, никто не отважился, опасаясь получить опасный ярлык “черносотенца”, а с ним потом на зарубежные конференции вряд ли позовут, да и с диссертацией намучишься».

Вот такое суждение, и с ним, пожалуй, не поспоришь. Конечно, к здравой оценке трудов царя-русофила и всего русского вопроса наши соотечественники пытались обращаться и много раньше дней сегодняшних. И, например, ещё в 1950-е и 1960-е годы известный советский хозяйственник (создатель краснодарского чая) Устим Штейман рискованно мог «пошутить» на эту тему, говоря, что лично он сам очень любит «широчайшую демократию при жесточайшей диктатуре».

Ну, что к этому добавишь… Александр III действительно понимал русское самодержавие как очень твёрдую власть, проводящую преобразования, не допуская анархии и разворовывания страны. А народность и демократия в его понимании – это всемерное развитие национального хозяйства, национальной культуры и национальной Веры.

Входил ли он при этом в резкое противоречие с другим великим преобразователем Петром I? Холмогоров говорит, что «Пётр двигал Россию вперёд, уводя её всё дальше от самой себя. Александр тут поступил наоборот. Во всех областях жизни его эпоха – слишком короткая, к сожалению, была временем поиска и обретения своего. Это *своё* Царь-Хозяин и его соратники искали и укрепляли везде. От строительства заводов и фабрик до строительства церквей, и от создания Транссиба до научных вопросов».

Иван Цветаев, отец известной поэтессы и первый директор

Музея изящных искусств, с немалым удивлением писал: «Особые симпатии Государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств всем известны, как известно всем образованным людям и то, что Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Инспекторского русского исторического общества и лично участвовал в его заседаниях».

Излишне напоминать о том, как любил и ценил Царь-Хозяин русскую литературу, и особенно произведения Ф. М. Достоевского. Не без оснований наши современные исследователи говорят об их огромном духовном влиянии на Государя. Очевидно, это и действительно так. Царь-Хозяин перенёс своё главное внимание с внешнеполитических событий на внутреннее развитие страны, при котором опора на простые и добрые свойства национальной души и национального характера была очень важна.

И сегодня мы можем признавать, что Царю-Хозяину «удалось доказать, сколь много может достичь страна, когда сосредотачивается на внутреннем росте. Она развивалась, сделав обеспечение мира средством, а не целью». Сегодня вот так размышляет известный публицист Егор Холмогоров.

Но в наши дни у него много сторонников. Сейчас неуклонно проясняется понимание того, что Александр III в своё время наилучшим (вечным!) образом выразил национальную идею России – как заботливое обустройство дарованных ей Богом бескрайних прекрасных пространств Империи; больше ничего не нужно искать и присовокуплять, её главная задача – это разумное обживание своей собственной русской земли.

Многие сегодняшние политологи не без удивления говорят, что в XX веке наша страна, казалось бы, бесконечно удалилась от этого идеала. И вот минули полтора столетия, и многое в реалиях и замыслах начинает оборачиваться к давно оставленному идеалу. И любовное внимание к своей несчастливой земле, и тревога за её будущее, и идеал царя-русофила сегодня представляются нам уже в какой-то мере актуальными и достойными самых серьёзных и искренних размышлений.

Давно, ещё в самом начале прошлого столетия, Л. А. Тихомиров считал христианскую монархию самым желанным для России способом государственного устройства и заявлял, что, кто служит Царю, тот тем самым служит Богу!

Казалось бы, кто об этом смеет всерьёз думать сегодня? Но вот через сто лет после Тихомирова наш современный философ В. Н. Тростников говорит: «Нынче, когда, отменив философский материализм, нас вводят в “рыночные отношения” и пытаются

сделать житейскими материалистами, у нас возникает тоска по бескорыстному и самоотверженному поведению, которое подняло бы нас над нашей животной природой, и эта тоска пробуждает в нас интерес и симпатию к монархии, безотносительно к мысли об её восстановлении. Эта ностальгия по мере того, как навязываемое нам потребительское существование будет становиться для нас всё более отвратительным, в какой-то момент сможет привести к тому, что такая мысль у нас появится».

Уважаемый читатель, не станем спорить с философом, педагогом и политологом, а попробуем сами ещё раз всмотреться в нашу сегодняшнюю жизнь и попытаемся ответить на вопрос: соответствует ли эта жизнь искомому нами идеалу? Отвечает ли она принципам громко заявляемого сегодня «патриотизма»? И надобен ли сегодня России по-русски мыслящий Царь-Хозяин? Может быть, нашей государственной системе всё-таки нужна какая-то Центральная Верховная Власть, которая сведёт воедино разумные политические воли правящих сил и, хотя бы, не допустит больше в России таких апокалипсических ужасов, как сталинские репрессии, и такого позора, как расстрел в 1993 году собственного парламента?

Уходящая эпоха

Один из критериев истины – это проверка временем

Б. Миронов

…То, что вместе с Александром III уйдёт целая эпоха, с большой тревогой и немалыми опасениями предчувствовали многие. Царь-Хозяин до конца своих дней твёрдо держал в руках управление грандиозным государством. Но Бог призвал его душу, и она отлетела от могучего тела.

Покойный император пять дней лежал в Ливадии. А 25 октября тело перенесли в Большую Ливадийскую церковь, и через два дня гроб внесли на борт крейсера «Память Меркурия», и тот отплыл в Севастополь.

А далее траурный поезд шёл до Москвы, которая 30 октября встретила его печальным колокольным звоном и заупокойной службой. Затем путь усопшего императора пролёг до Петербурга. Здесь 1 ноября с 10 часов утра от Николаевского вокзала к Петропавловской крепости двинулась необычайно торжественная процессия.

Впереди несли 5 знамён, овеянных славой и честью России, за ними двигались латники в светлых золотых и в чёрных скорбных латах, шли депутаты городов и земель необъятной Империи, шли министры, несли знаки верховной государственной власти и высочайшие награды.

В скорбной тишине и в высокой торжественности несли все двенадцать императорских регалий, тринадцать высших российских орденов и 57 орденов иностранных. Шествие продолжали духовные лица, за которыми следовала горестно величественная погребальная колесница, а за нею, объятая горем, шла царская семья.

Краткие службы прошли у Знаменской церкви, у Аничкова дворца, у Казанского собора, у Немецкой и Голландской церквей и у Исаакиевского собора. И в два часа дня шествие достигло Петропавловского собора.

И ещё шесть дней служили панихиды, шесть дней столица прощалась с Царём-Хозяином, в своём последнем пути, прошедшем через всю европейскую Россию, которую он так любил и берёг.

А 7 ноября – архиерейская служба, отпевание и погребение. И – всё! Завершил свой земной путь «небывалый царь», и

завершилась его эпоха.

И пришло время посмертной оценки его трудов. Какой оказалась эта оценка у современников? В большинстве мемуаров мы видим искреннее чувство, искреннюю лояльность к памяти усопшего, а нередко и душевный пиетет и даже нотки обожания.

И это, право, удивительно, ведь при жизни очень многие и при Дворе, и тем более среди либеральной интеллигенции отзывались о царе не слишком хорошо. И даже ругали! И тут невольно вспомнишь собственные сердечно благодушные и незлобивые слова Царя-Хозяина: «Пусть меня ругают, и после моей смерти ещё будут ругать. Но, может быть, наступит тот день, когда, наконец, и добром помянут».

Добром помянули сразу же очень многие люди из самых разных слоёв населения России. Вот воспоминание А. И. Александрова, старшины московской ремесленной управы. Этот представитель мещан, «самого забытого сословия России», говорит о событиях царствования Александра Александровича очень тепло. А поздней, о событиях царствования Николая II он же говорит уже безо всякого восторга и умиления.

С. Ю. Витте уже сразу заявил, что нужно верно оценивать эпоху Царя-Хозяина, и пояснил, что в известной мере реакционной она могла показаться лишь в первые годы правления, а в целом она явилась временем уверенного продолжения великих реформ, уже защищённых твёрдой волей верховной власти от любых шатаний и потрясений. А в конце своего царствования Александр III являлся главным фактором мировой международной политики.

Ему столь же многозначно словно откликался В. О. Ключевский: «…теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для неё».

Но, очевидно, к суждению Ключевского нужно относиться внимательней и целиком привести здесь значительную его часть: «Наука отведёт императору Александру III подобающее место не только в истории России и всей Европы, но и в области русской историографии скажет, что он одержал победу в области, где всего труднее достаются эти победы, победил предрассудок народов и этим содействовал их сближению, покорил общественную совесть во имя мира и правды, увеличил количество добра в нравственном обороте человечества, ободрил и приподнял русскую историческую мысль, русское национальное самосознание и сделал всё это так тихо и молчаливо, что только теперь, когда его уже нет, Европа поняла, чем он был для неё…»

И разве только Европа? Василий Осипович Ключевский был отнюдь не одинок в замечательной оценке общечеловеческой

значимости Царя-Миротворца. Президент США Гровер Кливленд сказал так: «Болезнь царя я считаю настоящим международным бедствием. Не подлежит сомнению, что перед лицом всего мира Царь представляет великий образ силы и мира. Вот почему его царствование должно быть занесено во всемирную историю с чувством глубокой благодарности».

Весьма искренними и достойными были и отзывы тех, кто отнюдь не восхищался царём при его жизни и во многом его не одобрял. Они сразу почувствовали конец эпохи стабильности. Граф Ламсдорф так и сказал об этом: «…внутри страны смерть Александра III оплакивалась главным образом по причине происшедшей отсюда неопределённости положения».

Ещё более понятными оказались высказывания очень близкого ко Двору генерала А. А. Киреева. Он ещё во время лишь начавшей проявляться болезни царя писал: «Страшно подумать, что было бы, если бы сам Царь умер, оставив нас на произвол наследнику-ребёнку (несмотря на его двадцать шесть лет)…» А после кончины императора и воцарения его сына, Киреев с полной безнадёжностью сказал, что «со смертью Александра III авторитет погиб в противоречиях внешней и особенно внутренней политики… и при Николае II вожжи выскользнули из слабых рук царя, всё расползлось…»

Граф И. И. Толстой при жизни Царя-Хозяина сильно осуждал многие направления его политики, но впоследствии отзывался о нём уже гораздо мягче. Он писал, что у Николая II все действия крайне неопределённы, и он страдает неспособностью делового доверия к людям и что «в этом отношении Александр III был бы более на месте, чем теперь Николай II».

Граф шёл и ещё дальше в своих оценках преемника Царя-Хозяина. В беседе с великим князем Владимиром Александровичем он резко говорил, что «Александр III хоть кому-то доверял, а Николай – никому, сам не имея никакого определённого плана и судя о людях по сплетням и по разным мелочам».

А люди, душевно близкие к покойному Государю, мыслили и говорили ещё встревоженней. Граф Шереметев, давний друг Царя Хозяина, несомненно положительными качествами Николая II признавал только простоту и приветливость, и видел в них «чуткость отцовскую». Но это и всё… И граф сокрушённо пишет о своих друзьях: «Будущее тревожно, и неизвестность за них, как и за всё, страшит…»

Он весьма сожалеет, что новому царю явно не нужны соратники его отца: «…люди прежнего времени только терпимы и к ним прибегают в крайности, как бы нехотя…» И с душевной

болью утраты настоящего Царя, подлинного хозяина страны, он говорил: «…Среди мрака, застилающего Россию, от него исходил чистый луч света, послуживший духовному и национальному возрождению. Тринадцать лет яркого света – словно один день между тёмной ночью, между падением и бессилием.

Зачем воздвиг Господь этот яркий свет и прекратил его так скоро на скорбь всему миру? Нам ли это ведать, но благодарение Богу и за этот миг высокого подъёма духа, за это чистое лучезарное царствование…»

Сопоставляя высказывания друзей и соратников Александра III, представляешь его образ в их понимании как спокойно величественный, от природы наделённый патриархальной простотой и искренностью, делавшими его как бы неким «народным царём». Они полагали, что за тринадцать лет его правления Россия авторитетно заявила о себе во внешней политике, вновь войдя в число великих держав. И следующей главной задачей её правительства могла стать углублённая «внутренняя работа» по консолидации русского общества. Наверное, всё это вполне могло быть. Во всяком случае, с этими людьми, прекрасно знавшими как Царя-Хозяина, так и его всероссийское хозяйствование, нужно согласиться в том, что главная мудрость любого державного политика – это способность проводить изменения без разрушений. А этой способностью Александр III обладал.

Однако многие историки и политологи критично замечают, что положительный эффект от обустроительных действий Александра III был недолог, и год его смерти стал ключевым годом подготовки нашей будущей революции.

Это бесспорно, но это же лишь подчёркивает роль личности в истории. И это же позволяет сказать о трагичности судьбы каждого позитивно действующего лидера, против которого всегда оказываются сплочённо действующими радикалы как правого, так и левого флангов общества. В своё время об этом красноречиво сказал Шамиль, вождь восставшего Кавказа: «Что же может построить один человек, когда позади его тысячи разрушителей?» И в этой части нашей книги мы не можем не сказать об этих «разрушителях».

Мы полагаем, что на протяжении всего XIX столетия в русской интеллигенции зрела и укреплялась безусловная и непримиримая враждебность к существующей власти. Она то всплёскивалась, набирая силу, то притихала, но никуда не исчезала, а подспудно проникала во все сферы общества, и даже в сферу церковной духовной жизни. Об этом с глубоким опасением говорил Н. Бердяев в своём исследовании о судьбе нашей страны:

«Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывая основы существования России». Автор этого печального умозаключения говорил об интеллигенции в целом, не делая исключения даже для охранительной её части, для явных и безусловных консерваторов. Он пояснял, что «правая» часть русского общества была плохим материалом для истинного национального здравого консерватизма: «Они всегда были скорей разрушителями, чем охранителями каких-либо ценностей».

Мысль философа и дальше шла таким же безрадостным путём, замечая, что все великие успехи национальной культуры в XIX веке родились в русле имперской системы и, так или иначе, но очень многим обязаны ей.

Но и здесь Бердяев приходит к самому неутешительному выводу, что даже и создавшаяся в этом столетии культура оказывалась направленной против существующего государственного устройства, то есть против Империи. И вся её отрицающая деятельность вела к революционным переменам. Интеллигенция словно не желала понять, что революция – это всего лишь взрыв иррациональных сил, и она неизбежно и неотвратимо ведёт к полному уничтожению прошлого, а в том числе и его культуры.

Что великое и светлое должно было по мысли ниспровергателей прийти на место имперского порядка? На этот вопрос у русской интеллигенции, кажется, никогда не было не только однозначного, но сколько-либо чёткого ответа.

Обращаясь к тем дням, современный политолог М. Баданин оказывается очень близким к наблюдениям Бердяева и к его выводам: «…в русской интеллигенции сложился глубоко пагубный настрой, некая духовная повреждённость, которая выражалась в маниакальном стремлении к разрушениям, к ниспровержению во имя некой великой идеи, которую в полной мере никто из них не смог сформулировать».

Должно быть, среди тогдашней русской интеллигенции было совсем немного людей, понимающих разумную необходимость последовательных эволюционных изменений и высочайшую важность сохранения национального своеобразия и своей духовной независимости. А большинство если напрямую и не участвовало в революционных действиях, то живо сочувствовало им и подспудно нетерпеливо ожидало первых раскатов революционного грома.

Но сторонников мирного развития, наверное, было немного. А одумавшихся, отошедших от революционного безумия и вовсе лишь единицы. (А, может, это был и всего один человек – Л. А. Тихомиров?!)

И, может быть, это и не преувеличение. Ведь этот глубоко раскаявшийся в своём революционном энтузиазме человек в итоге в русском обществе оказался жутко одиноким и даже презираемым немалым числом людей!

Остановим наше внимание на этой нерядовой личности. Лев Александрович Тихомиров – активный участник революционного (народнического) движения, один из авторитетнейших его руководителей, автор знаменитого письма Исполкома императору Александру III. Четыре года Тихомиров отсидел в Петропавловской крепости и отбыл в эмиграцию, где и смог решительно пересмотреть всё содержание и весь смысл своей жизни.

В результате такого глубокого и безжалостного анализа он пришёл к принятию монархизма как самой лучшей государственной системы. В 1888 году ему разрешили возвратиться в Россию, где он и занимался трудами по теоретическому обоснованию монархизма.

Лев Александрович страстно сожалел, что в современной ему России слишком мало подлинных монархистов. К Александру III он имел глубокое уважение, и многие говорили, что этот император является для вчерашнего народника подлинным кумиром, едва не идеалом некоего народного царя. Тихомиров совершенно верил, что при Царе-Славянофиле самодержавие в России укрепится и укрепится её национальное своеобразие и хозяйственная мощь.

Он отнюдь не отождествлял монархический идеал с реалиями русской жизни, но Александра III искренне считал соответствующим своему историческому призванию, желаемому образу русского монарха.

Сам Лев Александрович, кажется, исходил из свойственного простым русским людям подсознательного стремления служить чему-то высшему, вложенному в Человека самим Творцом. И он совершенно верил, что искра этого высшего живёт в царе-Хозяине. И смерть Александра III для Тихомирова стала крушением всех великих надежд, безвременно погасшим светильником благополучия России.

Вглядываясь в людей, пришедших к власти после смерти Александра III, он считал их вполне недостойными своих постов: «Нет ничего гнусней вида нынешнего начальства решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах. И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга».

Свой главный теоретический труд («Монархическая государственность») он издал в 1905 году, в период уже вполне горестного шатания всего государственного организма России.

Очевидно, он хотел верить, что этот труд может стать теоретическим противовесом революционным изданиям. Но «просвещённое» русское общество, уже вполне и всецело увлечённое идеей свержения существующей власти, просто не стало читать его объёмную научную книгу. Просто не приняло её во внимание. Не заметило её.

И сокрушённый этим, уже в самый разгул революционных событий, он горестно писал: «Я был слеп. Я не видел страшной внутренней гнилости России. При Александре III, видно, всё держалось личностью царя. Умер царь, и оказалась в стране гнилая пустышка».

Одинокий и никому не нужный теоретик монархизма печально вспоминает, как много при Царе-Хозяине было светлых и бодрых надежд: «казалось, что воскресала русская духовная сила и ежегодно возрастала русская мощь». И потрясённо завершает эти строки: «И какое страшное крушение!»

…Мы понимаем, что в повествованиях об историческом прошлом могут быть вполне неуместными ни прямые аналогии, ни косвенные сравнения. Но всё же мы решимся на такое. Гибель тихомировского идеала православной народной монархии из сегодняшнего дня нам видится образно перекликающейся с гибелью боевого корабля «Император Александр III» в сражении у Цусимы.

Спущенный на воду в 1901 году и вошедший в строй в 1903 году, в цусимском бою после выхода из строя флагманского броненосца он возглавил боевую колонну и с выдающимся мужеством экипажа вёл бой против подавляющих сил врага. Погиб он 14 мая 1905 (!) года. Из 867 офицеров и матросов не спасся ни один человек.

Одинокий отчаявшийся монархист, издавший в 1905 году свою обречённую на ненужность книгу, и одинокий эсминец в том же самом году, обречённый на неизбежную гибель. Несмотря на внешнюю несравнимость этих событий есть в них трагическая перекличка исторических сюжетов…

А далее общерусский «сюжет», как известно, шёл и того суровей и страшней. Дальше был 1917 год, о котором Бердяев сказал вечные в своей мрачной справедливости слова: «Ни один народ не доходил до такого самоотрицания, как русские».

Самоотрицание во всём – от тысячелетия русской государственности до её героических личностей, и от русской духовности до русской культуры. Эта культура, наращиваемая и оберегаемая Империей и во многом её «необычным императором» Александром III, была сметена, убита и осмеяна. И немногие уцелевшие её носители потрясённо оглядывались на этом

пепелище великого прошлого. Слова некоторых из них уцелели и дошли до массового русского читателя. Например, это слова известного художника Евгения Лансере, сказанные уже в 1931 году, далеко от, казалось бы, самых тяжких дней великого перелома: «Всё глубже проникаюсь сознанием, что мы порабощены подонками народа, хамами: грубость, наглость, непонимание и недобросовестность во всём, совершенно невообразимые при других режимах».

Эти одинокие люди с горестью оглядывались вокруг, ища знакомые имена и лица, но чаще всего им откликалась лишь острая горечь утрат. Тот же самый Лансере, вспоминая о брате Николае, погибшем в репрессиях, говорит слова, полные боли и страдания: «Милый и чудный человек, неповинно замученный тысячу раз проклятым режимом, проклятыми “установками” и “директивами” сволочной шайки». Уцелевший от репрессий, проживший немалую часть жизни уже в советское время, художник так и не принял это «самое гуманное общество современности», напоследок отозвавшись о нём с пронзительной безнадёжностью: «…Невероятное оскудение. Конечно, это система – довести всех и всё до нищеты: нищими и голодными удобно управлять. Так всё противно, всё отравлено халтурой, шаблоном, фальшью».

Уважаемый читатель! Не уместно ли нам припомнить отзывы недавних современников Евгения Лансере, тоже замечательных художников Нестерова, Бенуа, Серова и других об Александре III… Там не было ни проклятий, ни даже тени осуждения, там, главным образом, были искреннее уважение и искренняя признательность Государю за его понимание русской культуры и русского искусства. От чего ушла и к чему пришла легкомысленная, легкодумная русская интеллигенция, так жаждавшая «революционных бурь»? Но взыскуемый ею путь вёл ещё дальше, в века XX и XXI. К чему он привёл?

Прошлое и настоящее

Куда мы движемся? Не находимся ли мы в состоянии падения, думая, что поднимаемся?

Ф. Ницше

…Однажды меня очень удивило суждение нашего современника Владимира Панкова об отношении ко времени.

Он утверждал, что оно ярко национально. Что каждый народ относится к жизненному и историческому времени по-своему. Панков заявлял, что «…У русских нет благоговения перед прошлым. Мы плохо его помним и мало знаем. А настоящее же у нас всегда нелюбимо».

Я остановился на этом суждении, поражённый его полным соответствием многим периодам русской истории, а особенно истории XIX столетия. В этот золотой век русской национальной культуры очень многие (а особенно революционная часть общества) явно не дорожили настоящим временем.

И. Панков это уверение подтверждал, говоря, что «русским людям не жалко бесшабашно тратить настоящее, ведь оно лишь ожидание чего-то, что имеет истинную ценность. Грядущее – вот что нам действительно интересно».

Я мысленно согласился с автором, отнеся это осознанное им национальное качество к нашей интеллигенции. У неё ведь настоящее чаще всего и впрямь пренебрежено серьёзным вниманием.

Если в XVIII веке она ждала воплощения вольтерьянских идей, в XIX мечтала о революции, а в XX – о приходе коммунизма, то, очевидно, мысль обозревателя относительно её национальной особенности абсолютно верна.

Не крестьянство, самое громадное русское сословие, оно-то жило сегодняшним днём! И в немалой мере чтило своё прошлое – и семейное, и духовное. Но тут я вспомнил деревенского художника Ефима Честнякова. Этот изумительный крестьянский интеллигент тоже жил именно будущим. Да ещё и совершенно сказочным, ясно отдавая отчёт, что его мир – это не что иное, как мир мечтаний! Вот его, так сказать, «программное заявление», некий девиз всей его жизни: «Гляди вперёд и покажи свои грёзы… И по красоте твоих грёз ты займёшь своё место…»

Можно было восхититься прозорливой глубиной взгляда этого самобытного творца, но можно и понимать, что этот

редкостно чуткий знаток крестьянской души в первую очередь (и главным образом!) тоже мечтатель. И именно он и выявляет таковую же, что и у нашей интеллигенции, глубочайшую особенность этого самого трудового сословия России.

Я возвращаюсь к Панкову. И не напрасно. Он в своих рассуждениях приходил к выводу, что Россия – самая мечтающая страна в мире, что: «отечественному фантазёру грезилось царство правды, где властвует не принуждение правителей, не строгость законов, а диктатура Добра обращает общественную жизнь в подлинно соседско-братский союз». Ну, что же, с этим не поспоришь. И сквозь прекраснодушный XIX век, и даже сквозь жесточайший век XX и было-таки пронесено это мечтание (а скорей фантазёрство?) Из сегодняшнего дня Панкову уже легко говорить, что «наш мечтатель брался за самые беспросветные дела – за спасение Человека». Да, эти русские грёзы (и у интеллигента, и у мужика) витали в облаках.

Отсюда и вечные поиски Беловодья? Отсюда ещё и Велимир Хлебников, и Обломов, и Манилов, и отчасти даже и Циолковский, и столь же отчасти Чаянов? Отсюда мечтание о коммунистическом земном рае? И даже о «невидимой руке рынка»?

Но… Но кажется, что век XXI уже внёс столь громадные изменения в ментальную и духовную сущность нашего народа, что он сегодня уже совсем не прежний? Кажется, он начисто утратил целый ряд тех качеств, которые были присущи предкам? А в их числе и ту старинную, едва не детскую мечтательность?

Ведь нам давно пора признать, что русским, пожалуй, так и не удалось в полной мере сложиться в полноценную нацию. То есть мы не смогли в полной мере сформировать политические и культурные основы, несмотря на то, что к этим стараниям не раз обращались, а особенно системно и последовательно в век Александра III.

Но нельзя не согласиться с явным фактом того, что все эти попытки нивелировались и стирались самим нашим государством, якобы, ради целей единства империи (как царской, так и коммунистической). Достигалось ли это единство ценой утраты твёрдого русского начала? Увы, слишком часто не достигалось. Достаточно вспомнить и 1917-й, и 1989 годы с их «парадами суверенитетов». Ведь в те времена терялась верность империи не только со стороны её нерусских подданных, но и со стороны многих русских, явно утративших свою государствообразующую силу.

И сегодня история уже вполне бесстрастно фиксирует то, что наша империя на протяжении нового времени не раз терпела

сокрушительные поражения, а формирование русской нации в лучшем случае всё ещё остаётся задачей будущего.

А мы, продолжая эту мысль, решимся спросить: а в сегодняшних условиях постепенного, но неуклонного стирания национальных различий и устранения национальных государств решение таковой задачи для русских реально или уже нет?

Сегодня мы не слышим оптимистического ответа на этот вопрос. А вот отрицательных (и вполне обоснованных…) услышим много. Юрий Поляков справедливо говорит, что сегодня государство снова воспринимает русских как «государствообразующий вакуум», в котором идут социально-экономические процессы разных других этнических групп.

А Ксения Мяло, ещё в 1993 году, в своей статье «Мы – народ», почти с безнадёжной ясностью осмелилась дать подзаголовок – «Войдут ли русские в XXI век?» Пояснив этот почти зловещий подзаголовок, она говорит, что русские затормозили своё формирование в качестве нации во имя создания «державно-российского, а затем и в особенности советского суперэтноса».

Но, соглашаясь с автором, мы не можем не признать, что оба суперэтноса (и российский, и советский) не выдержали испытания временем. И сегодняшняя попытка культивировать опять же «российский народ» едва ли может быть признана успешной.

И фактически Ксения Мяло соглашается с такой точкой зрения, задавая главный вопрос своей статьи: сумеем ли мы стать нацией? Или же превратимся в некий материал для создания иных наций и государств? Не угрожает ли нам сегодня опасность… завершить свою историю?

Мы понимаем, что перспективно мыслящие русские учёные видели эту опасность ещё в XIX веке. И особенно искренен и прям в таких размышлениях был… Н. Я. Данилевский. Он принципиально заявлял, что «всякая народность имеет право на самостоятельное существование, но лишь в той мере, в какой она его сознаёт и имеет на него притязания» (Имеем ли мы такие достаточные притязания?)

Нам уместно вспомнить, что книгу Данилевского одним из первых прочитал Александр III и всесторонне обдумал и оценил её, как теоретический базис для отстаивания «русскости» русских людей. Ю. Поляков подчёркивает, что Царь-Миротворец, совершенно разделяя взгляды политолога, весьма хотел поднять самооценку самого многочисленного народа своей империи и сплотить его вокруг династии и власти, чтобы русские помогали поддерживать стабильность существования империи. Кто после него с такой же силой и последовательностью занимался

укреплением русских государствообразующих начал Российской империи? Никто. И никогда.

А каков результат этого? Может быть, всех резче (но и справедливей?) об этом сказал опять же Ю. Поляков. Приводим дословно: «Я утверждал и хочу повторить: русские в России, как этнос, пребывают ныне в некоем странном межеумочном положении, являясь в известной степени и народом по умолчанию, своего рода этническим эфиром, почти неразличимой субстанцией, в которой идут процессы формирования и развития других публичных, если хотите, этносов, населяющих нашу страну.

Этот “этнический эфир” всё более теряет этнические особенности и даже язык, который стремительно беднеет, наполняется англоязычными техницизмами. А разве утрата языка – это не самый прямой путь к полной ассимиляции, к безусловному исчезновению этноса?»

И ведь этот этнос (этот по Полякову – «этнический эфир») даже и численно очень быстро сокращается. Если перепись 1989 года зафиксировала в СССР 145 миллионов русских людей (из них в России почти 118 миллионов), то перепись послесоветская сообщает, что в России гораздо более скромная цифра, русские не досчитались своего племени целых 35 миллионов. Что можно сказать об этих исчезнувших миллионах? Можно и нужно сказать, что мы по печальному праву способны сегодня называться самым большим в мире разделённым народом и, может быть, столь же по праву и народом вымирающим?

И вымирающим не только численно, но и ментально культурно, духовно. Наш народ стремительно теряет как свой культурный суверенитет, так и историческую идеологию. И второе издание книги Ю. Полякова (осуществлённое в известной «коллекции Изборского клуба») выражает крайнюю встревоженность этим.

Современная реальность даёт автору этого авторитетного изборского издания слишком много оснований для крайне нерадостных и даже крайне резких высказываний об особостях русских и их судьбе. Даже известная русская отходчивость, всегда признававшаяся большим достоинством нашего национального характера, сегодня уже может быть признана серьёзным недостатком для народа, мало заботящегося о своей исторической судьбе. Ещё более грозной опасностью автор видит и хорошо известную склонность русских к ассимиляции, и уже из этого можно усмотреть опасность системного кризиса государствообразующего народа России.

Увы, всё это так. Наши национальные защитные качества

очень недостаточны. Русские сегодня оказались почти беззащитны против мощного натиска так называемой «массовой культуры», валом валящей с Запада. В этом отношении мы резко и полностью уступаем многим народам Азии, Юга, Востока. Достаточно вспомнить, что в Латинской Америке (особенно в Колумбии и Венесуэле) среди молодёжи совсем не принята западная музыка. Культурная матрица этих народов на разрушена «массовой культурой» и почти вовсе не поддаётся её влиянию. Это в такой же мере присуще национальной кухне, рекламе, речи и всему жизненному укладу. Какие-нибудь подобные проявления можно видеть у нас?

Хуже того, даже в нашей литературе и нашей исторической науке мы найдём слишком мало ярких национальных проявлений. Даже за обращение к национальной тематике наш российский учёный легко может обрести клеймо «черносотенца», «красно-коричневого» или же «русского фашиста». И для него могут оказаться недосягаемыми ни научные степени, ни участие в пресловутых ток-шоу, ни зарубежные командировки.

И, наверное, уже потому смелых искренних голосов в защиту «русскости» русских сегодня по-прежнему отнюдь немного. И даже чудовищные политические поражения и подлинные международные провалы, пережитые страной при Горбачёве и Ельцине, для протеста и противодействия пробудили немногих. (Кстати, Поляков с убийственной меткостью назвал М. С. Горбачёва «лучшим немцем всех времён и народов…»)

Не менее резок и не менее ироничен политолог Максим Артёмов, иронизирующий над тем, что, кажется, полноценный русский язык уже «опочил в Бозе», уступив место грубо упрощённому скудному «рашен пиджину», Так же, как и в языке, во всём бытовом укладе жизни нашей столицы Москвы стало очень мало национально самобытного. Даже в именах магазинов, ресторанов, выставочных залов и деловых центров русское слово почти исчезло. Ох, уж если появилось даже «Москва-Сити», то сколько же здесь дешёвого поддельства и подлинного лакейства…

Это с неожиданно яркой точностью напоминает слова давнего-давнего публициста М. О. Меншикова, первым заявившего, что, увы, Россия не для русских! Каков провидец, ещё задолго до революции разглядевший наш сегодняшний день… Но этим историческим предвидением обладал и Царь-Хозяин, глубоко встревоженный опасностью утраты серьёзной государственной значимости русского народа, и всё своё царствование он старался поднять его достоинство и значение. Есть ли сегодня такое осознание роли русских как государственнообразующего народа?

Если подходить к этому поверхностно, то, конечно, следует радостно воскликнуть: Есть! Конечно, есть! И приняться подбирать доказательные факты, рассказывающие, что вот и множество статей и даже солидные книги о нём уже вышли, что в 2020 году даже выпустили роскошный альбом, посвящённый правлению Царя-Славянофила, вот и выставка, приуроченная к 175-летию рождения Императора-Хозяина состоялась! Ещё, конечно, скажут, что состоялась она и в Московском историческом музее, и на ней чего только не было представлено – и его личные вещи, и ордена, и документы, и подарки. И там были хорошо освещены все главные царские труды – от военного дела до создания Транссиба.

А если уж станут обращаться к самой последней новинке, посвящённой Царю-Миротворцу, и уже к упоминаемому нами альбому, то в нём приведены, казалось бы, самые лучшие и верные определения его правительских качеств – он назван и самым могучим из пяти последних императоров, и правителем, решавшим сверхсложные задачи сбережения страны от натиска революционного террора, и её модернизации, и достижения империей блистательного положения. В отзывах на это издание их авторы даже осмеливаются сказать, что «изо всей когорты русских императоров такое удавалось лишь Петру I и Екатерине II».

И авторы идут и дальше этого, решаясь подчеркнуть, что Александр III являлся «самым русским» императором за всю историю России». Всё это сказано поистине прекрасно, действительно подтверждает ли это сегодня факт осознания и утверждения государственнообразующей роли русских?

Мы полагаем, что совершенно не подтверждает. Что все эти чрезвычайно красивые действия – и книги, и выставки, и памятник являются всего лишь внешним оформлением, приятным декором, слабо соответствующим содержательной сути нашей государственной действительности.

А она такова, что в нашей стране нет ни единой государственной структуры, ни единого органа власти, отвечающего, или, хотя бы, присматривающего на общефедеральном уровне за проблемами русского народа именно как народа. Нет ни единого учреждения, занятого развитием его культуры, языка, состоянием уровня жизни, вопросами миграции, сохранности городов и сёл, вопросами русской диаспоры и, наконец, русской демографией… Нет ничего, посвящённого русскому народу, как не было и в советской империи. Кроме, разве что, почти в насмешку созданного бюро ЦК КПСС[6] по Российской Федерации, состоявшего на самых неопределённых

основаниях и с самыми иллюзорными функциями и возможностями.

Действительно, такая структура была создана почти в насмешку… Огромный народ, главным образом и вынесший тяжесть небывалой войны, подвергшийся страшным по своей жестокости социальным экспериментам, невероятно (до рабского состояния) униженный удостаивался лишь этого декоративного бюро. Не было и нет ничего своего ни в вопросах культуры, ни в вопросах науки. В то время, как, например, собственные Академии наук были созданы во всех, даже и самых крохотных национальных республиках.

Невольно вспоминается полуанекдотический рассказ о командировке за рубеж замечательного русского советского писателя Распутина. Сопровождавший его мидовский сотрудник посоветовал ему на малые, оставшиеся от командировки денежки, что-нибудь купить лично для себя. Писатель поинтересовался у этого всё знающего человека: а что купить-то можно?

Сотрудник МИД(а) подсказал ему, что купить можно то, чего у него дома нет. Распутин искренне ответил: «Так… у меня… ничего нет». Вот и русского народа тоже ничего нет.

Предвидим, что нас могут почти гневно оспорить, сказав, что у русских всегда была и сейчас есть своя богато одарённая интеллигенция. Ой… Да кто бы спорил о её богатой одарённости! Но вся и беда-то в том, что в глазах этой самой русской интеллигенции любая сильная и дееспособная государственная власть, отстаивающая интересы России, чаще всего как бы уже по определению являлась злом… И эта интеллигенция (не в пример интеллигенции, скажем, Швеции, Норвегии, Дании), слишком часто была совсем не едина в своём отношении к живой ткани существования русского народа.

Наш современник, известный писатель и телеведущий Сергей Шаргунов не без горького сожаления сказал почти об этом же самом, попечалившись, что *раскол* – это едва не ключевое русское слово, отличающееся трагической глубиной своей сути. Раскол исторически, очевидно, всегда свойственен русской элите? И национальна ли, по строгой оценке, эта элита?

Вот здесь и возникает, может быть, самый зловещий вопрос судьбы: национальна и душевно родственна наша элита нашему народу? (Ведь кто не любит свой народ, кому не мил конкретный образ его, тот, наверное, никогда не полюбит и всё земное человечество, весь наш прекрасный земной мир… Об этом ведь тоже стоит помнить.)

Но возвратимся к России и к русским. О нашей элите сегодня начали говорить много. Много и разно. Например, уже

упоминавшийся нами зарубежный русский историк князь Шаховской в своих суждениях о ней интеллигентно аккуратен. Он пытался втолковать нам, что «аристократия – это не обязательно дворяне, а всякий, кто хорошо и искренне служит России, по сути находится на пути к дворянству». И он столь же широко демократично (или же снисходительно ко всем нам?) продолжает: «Аристократия в России, конечно, есть. Такая, какая она описана ещё в древнерусской литературе. Это “лучшие люди”. И не обязательно на высоком социальном уровне или государственной шкале. Святые люди – аристократы нашего времени. Они повсюду. Но они не появляются на ток-шоу». Вот тут нам впору печально рассмеяться и не без обиды ответить русскому парижанину: «Спасибо за подаяние нищим!» Спасибо… Но такое снисхождение всё-таки сильно унижает целый сегодняшний, всё ещё большой, и отнюдь не бездарный народ.

Однако «сухой остаток» мягкословных княжеских суждений (о ток-шоу) конечно, верен. И ещё более верна та часть его, которой он и увенчал всё своё выступление. Он сказал, что безусловная вершина элиты – это Правитель государства: «В принципе монарх – это человек, воспитанный на полную отдачу себя России». И далее автор говорит о монархе: «у него всё есть, его нельзя соблазнить действовать в своих, а не России интересах, его нельзя купить».

Господи, как просто-то… Да и как иначе, если в сегодняшней России всё покупается? Только мы все об этом стараемся не говорить: история (а она вершится и пишется постоянно) об этом сегодня всё больше умалчивает. По этой теме прекрасно отозвался Ю. Поляков своим глубоким современным суждением, что официальная история – это искусство умолчания ради государственного единства. Во, как откровенно… И очень неожиданно – эта же не любящая народ элита радеет о государственном единстве…

И особенно громогласны и всевидны эти её радения в бесконечных заклинаниях о российском патриотизме как, якобы, полном воплощении российской национальной идеи. Совершенно понятно, что патриотизм и национальная идея – это совсем не одно и то же, и утверждение об их, якобы, полной тождественности – это лишь яркое свидетельство необразованности, некультурности, безграмотности нашей элиты.

И об этом для простого населения неожиданно громко (во весь голос!) вдруг заявляет такое, обычно очень взвешенно и аккуратно мыслящее издание, как «Культура». Вот строки их редакционного резюме после полемики об элите: «В Доме правительства сегодня всё это мёртво, серо и пыльно, лишено

творчества, предвидения, прорыва, если хотите».

О людях, правящих нашей новой империей, газета едва не насмешливо спрашивает: «Какие мысли у них в голове? Есть ли у них совесть? Сегодня всё зачастую связи и коррупция, наверх пробираются “знакомые дети”, “знакомые”, “нужные люди” – а это верный шаг к неизбежному краху всей системы».

Мы хотели бы к этому добавить, что население России, и в первую очередь простое русское население, не чувствует сердечной и духовной близости к себе нашей нынешней так называемой «элиты». Со своим западничеством, со своей космополитической безнациональностью они с каждым днём всё более чужды простым русским людям.

И эту беду чувствовал такой сердечно русский творец, как великий композитор Георгий Свиридов. Он безрадостно судил об этом уже в самом начале «нашего нового» времени: «Нам внушается чужое представление о нас же самих. Нет ощущения строя души русского человека, поэтому нет правды характеров, но поэтому и вообще нет правды».

Едва ли следует упрекать величайшего композитора нашей современности как в слишком большой душевной ранимости, так и в слишком большой резкости суждений. Нет ни того, ни другого, а есть глубокая оскорблённость безнациональностью сегодняшней «элиты», очевидно далеко превзошедшей своим «интернационализмом» старинный космополитизм русского аристократа.

Да, ведь сегодня же эта ужасающая откровенная чуждость русской почве как культурной, так и олигархической элиты, кажется, видна каждому. Это видят и об этом говорят и наши публицисты, и политологи. Степень откровенности у них, конечно, различна.

Вот публицист Виктор Мараховский в своей работе «Перепроизводство элит» мыслит так: «Именно недостаточность привязанности к Родине, своего рода временщичество, если не вообще психология колониального служащего, считается одной из главных причин национальных неудач во многих странах, в том числе и в нашей».

А вот Георгий Свиридов гораздо более прям. Он спрашивает: а для чего современной России нужны хорошее оружие и мощная армия? И отвечает, что они ей просто не пригодятся для собственной защиты: «Если в стране, например, правит элита, хранящая деньги за рубежом, то она никогда не подумает воспользоваться оружием для удара по заграница, где лежат её деньги, даже и ради сохранения суверенитета своей страны».

То есть, говоря ещё прямей и проще, почти вся

олигархическая элита и в немалой мере элита культурная – это чуждая стране и опасная для неё «пятая колонна».

* * *

Сегодняшняя президентская республика, созданная в России, имеет немало государственных и хозяйственных особенностей. Все главные властные возможности фактически сосредоточены в руках Президента и оказывающих на него давление крупнейших хозяйственных корпораций. Реальные правительственные функции Президента оказываются никак не меньше прежних императорских, а правительственная мощь хозяев экономики неизмеримо превосходит всё, чем обладал российский капитализм до революции 1917 года.

И совершенно не напрасно сегодняшнюю российскую государственную реальность порой называют «олигархической демократией».

В финансовой панораме Земли она резко выделяется тремя важнейшими особенностями: громадным влиянием на жизнь страны, откровенным ростовщическим характером своего хозяйствования и не менее откровенной жёсткостью к простому населению страны.

Для подтверждения ростовщического курса за примером далеко ходить не приходится. Достаточно взять данные Банка России по процентам ставки кредитов, выдаваемых, например, физическим лицам (приводим средние значения за февраль 2020 года). Ставка по кредитам со сроком до трёх месяцев – 15,77, до шести месяцев – 17,35, до одного года – 17,35, свыше года – 12,99 процента. Если подходить к этим показателям с дореволюционными юридическими нормами, то перед нами откровенное и неприкрытое ростовщичество, делание денег из воздуха. Таковым уже будет вывод, если к этой финансовой политике подойти с советскими нормами. Например, наши предприятия брали кредиты в Госбанке и Промстройбанке под изумительные один-два процента годовых! А эти символические проценты перечислялись в бюджет страны. (Может, нам вспомнить ещё и старуху-процентщицу Ф. М. Достоевского, которая «осмеливалась» брать процентов по пять и даже семь в месяц… По сравнению с нашими нынешними банками это какие-то младенческие аппетиты…)

Не менее удивительна и та реальность, при которой вливающиеся государством в хозяйство громадные средства до реальной экономики доходят трудно и скудно. И даже в условиях

эпидемии ключевая ставка кредитов не опускается ниже 5–6 процентов, в то время как в США она опустилась до одного процента.

Может быть, ещё более удивительной особенностью сегодняшней российской финансовой системы является её отказ в 2020 году покупать золото, добываемое в России. В результате весь его поток пошёл за границу. На кого этим самым работает сегодняшняя российская финансовая система и какова же её роль во всемирном финансовом хозяйстве? Сегодня «валютный цех» России активно обслуживает Запад, в частности Лондонский золотой рынок.

Можно подумать, что всей этой своей политикой наш Центральный Банк совершенно не прикрыто оппозиционирует себя как институт, отдалённый от государства и фактически неподконтрольный ему? И Центральный Банк нашей страны удивительным образом не обязан ни с кем согласовывать свои действия. (А Народный Банк Китая подчинён Госсовету КНР. Может быть, потому что он именуется Народным? А наш-то чей?)

Для приближения к возможному ответу вспомним, что сегодня у нас 10 олигархов обладают бюджетом в 24 триллиона рублей, а весь российский народ (146 миллионов человек) живёт на бюджет в 19 триллионов. Как он живёт и ведёт скромненькое хозяйство?

Сегодня в России почти 130 тысяч убыточных или вовсе неработающих предприятий, 42 миллиона гектаров пустующих земельных угодий, 12 миллионов безработных, 15 миллионов человек без определённых занятий, 45 процентов неиспользуемых производственных мощностей.

А если оглянуться на всё последнее тридцатилетие, то за его годы прекратили своё существование около 70 тысяч заводов и фабрик, а эти потери много выше тех, что случились в годы Великой Отечественной войны.

Официальная информация заявляет, что за последние десять лет положение стало приметно изменяться к лучшему, хозяйство начинает оживать. Но она предпочитает не пояснять, что это оживление происходит не благодаря, а вопреки «стараниям» российской финансовой системы. В нашу экономику широко и свободно приходят иностранные корпорации, захватывая все её главные (да и не только главные!) позиции. Наша отечественная промышленность (за исключением очень немногих видов) уверенно… исчезает. Вот, например, производство тракторов, металлорежущих станков, часов, кузнечно-прессового оборудования относительно уровня 1990 года составляет всего от трёх до пяти процентов. А производство, например, ткацких

станков, экскаваторов, пылесосов, шерстяных тканей составляет от 0,23 до двух процентов.

Не обрадует нашего читателя и положение в сельском хозяйстве, и в производстве продуктов питания. Наша официальная пресса с радостью сообщает о достижении полной независимости по ряду продуктов питания. Но не слишком склонна говорить, что, например, в пищевой промышленности доля иностранного капитала достигает более 60 процентов и устойчиво растёт. Сегодня иностранные фирмы контролируют более 60 процентов рынка молока, более 70 процентов рынка соков, около 80 процентов замороженных овощей и фруктов, более 90 процентов рынка плодоовощного консервирования, более 80 процентов рынка пивоварения.

А в целом, отойдя от разных видов хозяйства, нужно сказать, что иностранцам сегодня принадлежит не менее 65 процентов всей российской собственности.

Нужны примеры? Приведём пример весьма показательный: гордость российского автопрома – АвтоВАЗ – почти на три четверти принадлежит голландской корпорации. Доля иностранцев в добыче наших полезных ископаемых подошла к 40 процентам. А в сфере связи им принадлежат уже 75 процентов.

Удушение отечественного хозяйства идёт быстро и уверенно. Даже в условиях эпидемии оно активно продолжается. Если, например, в Канаде тракторный завод получил кредит под 2,3 процента, то в России предприятию «Ростсельмаш» выделили кредит почти под 12 процентов. В США налог с продаж в разных штатах колеблется от пяти до одиннадцати процентов, а у нас он добрался почти до двадцати. И можно добавить, что у американцев нет нашего неизбежного НДС. Всё это не могло не сказаться самым худшим образом на существовании целых отраслей хозяйства России, и некоторые из них ушли из отечественной экономики целиком – так, алюминиевая промышленность вся была за бесценок куплена чужими корпорациями.

Едва ли стоит много говорить об оттоке средств за границу, но хотя бы один пример будет уместен. Например, в 2018 году из России на Кипр «утекло» почти два триллиона рублей, а в 2019-м – уже два триллиона. (А разве кроме Кипра больше нет уютных тихих гаваней для денег российских олигархов?) Да и в самой России климат для них создан самый тепличный. К примеру, нефтяные олигархи продают нефти на 11 миллиардов рублей, а в бюджет поступает лишь три-четыре миллиарда. (Разве эта нефть является собственностью этих олигархов? Разве они её создали? И разве российские недра – это их собственность?) А вот и более

масштабные цифры – пятьсот крупнейших предприятий страны с реальной стоимостью в двести миллиардов долларов ушли в частные руки всего за семь миллиардов.

Уважаемый читатель! Такие цифры сегодня едва не бесконечны и по своей содержательной сути совершенно однообразны. Все они говорят об одном и том же – о разграблении богатств России и о сдаче их международному капиталу.

Эксперты института экономики развития нерадостно иронизируют, что «сегодня Россия находится в состоянии рукотворной стагнации». А на фоне развития хозяйства многих других государств это воспринимается уже и не просто устойчивой стагнацией, а устойчивым экономическим падением. (Нам понятна некорректность прямых сравнений экономической ситуации разных исторических эпох, но хочется вспомнить, что во времена Александра III наш рубль стоил два доллара, а сегодня доллар стоит едва не восемьдесят рублей. И прежний царский рубль сегодня может быть оценён едва не в 1300 современных рублей. Как-то не оптимистично всё это воспринимается…)

А… кем воспринимается? И такой вопрос, право, не излишен. Ведь сегодня в населении России не так уж много людей, которые искренне скажут, что им «за державу обидно». Будем же честны – в России на смену человеку-творцу во многом пришёл человек-потребитель. Фукуяма с его «Концом истории и последним человеком», наверное, обрёл бы Россию как лучший пример для обоснования своих суждений…

Правда, Френсис Фукуяма, кажется, и сам испугался не только своих выводов о «смерти» любых национальных государственных образований, но и действительно воцаряющейся безраздельной власти транснациональных финансовых корпораций, то есть «хозяев денег». И ещё вчера ярко вещавший о безраздельной власти мирового финансового капитала, Фукуяма теперь всё чаще подчёркивает важность сильных и эффективных государственных институтов.

Да и разве только один Фукуяма «сменил угол наклона» своих суждений? Сегодня всё чаще и всё больше можно слышать тревожные мнения о недопустимости ухода национальных государств из своей экономики. И совершенно столь же часто звучат как безусловные положительные примеры тех государств, которые сохранили (и даже усилили) свои позиции в хозяйственной жизни своих стран. Этими примерами часто оказываются Иран, Белоруссия, Китай. Но никак не Россия… О Китае говорят особенно много и часто, отмечая, что едва ли можно обвинить КНР в откровенном покровительстве своей

промышленности и в целом всему своему хозяйству. Ведь практически все промышленно развитые страны когда-то скрыто или явно занимались тем же самым, то есть протекционизмом. Все они вводили защитные таможенные тарифы, субсидировали своих национальных «чемпионов», приобретали новейшую технику, не смущались перекупать или присваивать новейшие технологии и вести торговые войны с опасными соседями. Именно это и происходило в России при Александре III. Именно этим методом его правительство и добилось модернизационного рывка вперёд всего хозяйства России, а особенно её промышленности.

Развивающаяся страна может смело открыть свои рынки для уже развившихся соседей лишь тогда, когда её собственное хозяйство окрепнет и сможет открыто принять конкуренционный вызов сильного соседа.

Кажется, что это есть азбучная истина, понимать и применять которую не способно и не может лишь правительство, являющееся антинациональным?

Защитная стратегия была весьма свойственна даже и самим лидерам капиталистического мира – Великобритании и США. И в XVIII и в XIX столетиях обе эти страны активно прибегали к протекционистским практикам и к беззастенчивому копированию чужой интеллектуальной собственности в период своего бурного экономического роста. И лишь став развитыми и сильными, они усиленно принялись насаждать как свободную торговлю (фритредерство), так и защиту интеллектуальной собственности (не смущаясь, впрочем, присваивать чужую), и всем этим самым у молодых стран «выбивая лестницу из-под ног».

Но современная мировая политология начинает различать пагубные последствия хозяйственного либерализма и для самих его лидеров, в первую очередь для США и Великобритании. Она с тревогой отмечает, что международные финансовые корпорации уже привели большинство стран мира ни к чему иному, как к «инвестициям ограничений, запретов и санкций». Эти «инвестиции» относительно всех «молодых» стран успешно осуществляются путём жёсткого введения торговых, трудовых, экономических и иных жёстких стандартов. И это не говоря уже о санкциях за «нарушение прав человека»!

Однако ситуация развивается и ещё глубже и опасней, и хуже даже для самих лидеров «свободной торговли», и в первую очередь для США. События президентских выборов 2020 года ясно показали, сколь ничтожно малой стала роль государственных структур и сколь бескрайним стало могущество финансовых корпораций. И «левые» политологи чётко заявили об

этом, говоря, что социальное государство оказалось в подлинной осаде, в серьёзной опасности.

Политолог Р. Десай говорит об этом: «В США и Великобритании долгие годы либерализма снизили потенциал государства, уничтожили его критически важные институты и привели к потере лучших кадров. В обеих странах правящие классы утратили доверие народа, а политические системы пришли в беспорядок».

И это отнюдь не самый крайний вывод. Участники сборника «Левая политика» (2020, № 2) высказывались о том, что сегодняшнее состояние дел в странах – лидерах «свободного мира» рождает весьма суровый вопрос: если капиталисты не способны (или же откровенно не желают) сделать то, что позволило бы терпимо относиться к худшим из них, а именно, осуществлять инвестиции и увеличивать человеческую занятость, тогда иначе для чего вообще нужен капиталистический класс общества?

Но сегодня ответ на это даёт сама жизнь – финансовый капитализм совершенно не желает ни развития хозяйства большинства стран мира, ни заботливого отношения к планете Земля, ни создания рабочих мест и возрождения здоровых достойных отношений в человеческих сообществах. Его курс явен и понятен – всемерная роботизация, всемерная цифровизация на Земле элитного «золотого миллиарда» и её населения. Всё остальное для содружеств олигархов просто не существует. Они продолжают обвинять национальные государства в, якобы, их глубоко вредной роли, тормозящей развитие человечества.

И олигархи по-прежнему уверяют, что неолиберализм способен придать капитализму новые силы, и он способен «возродить дух жизнерадостности», который будто бы угнетает и гасит любое национальное государство. Но сегодня уже отчётливо видно, что неолиберализм не только не смог «возродить жизнерадостность», а лишь всерьёз подорвал мораль и нравственность немалой части человечества.

И явно безнадёжными оказались заверения руководителя Франции Н. Саркози на Всемирном форуме в Давосе о том, что «мы спасём капитализм, сделав его нравственным». Но сегодня спасение земного Мира, кажется, уже напрямую связано не с идеалистическими упованиями на возвращение капитализму нравственности, а с надеждами на возвращение национальным государствам их руководящей и охранительной роли. Иначе взлелеянный международным капиталом неолиберализм может стать гибельным для мировой цивилизации.

И мы снова возвращаемся к той руководящей и

охранительной роли государства, которая с такой твёрдой последовательностью осуществлялась в годы правления Царя-Хозяина. Самые дальновидные и реально мыслящие экономисты и политологи, как Глазьев, Емельянов, Поляков, Закиматов и другие, сегодня прямо заявляют о спасительности тех экономических принципов, которыми руководствовался Александр III.

Например, Геннадий Закиматов предельно кратко, но ёмко перечисляет те требования, которые могли бы сегодняшней России помочь выйти из стагнации (которую неолибералы лукаво именуют «стабилизацией»). Вот эти требования – условия нормального развития экономики, выходящей из трудной фазы:

– политика поддержания низких внутренних цен на сырьевой товар и продукты их переделов;

– политика импортозамещения (позволит переключить сырьевой товар с внешнего потребления на внутреннее);

– политика управляемого инвестиционного процесса (в сторону обрабатывающих, а не сырьевых производств);

– политика мобилизации ресурсов на инвестиционное развитие;

– политика разумного протекционизма. Доля продукции, производимой внутри страны, должна быть на внутреннем рынке не ниже 80 процентов.

Остановимся на этой важной цифре и посмотрим, насколько наша экономическая реальность (конкретно 2020 год) соответствует такому желанному показателю. Заранее предостережём неискушённого читателя, чтобы он не спешил обвинить нас в подтасовке данных – мы ничего не придумали и ничего не взяли с потолка, все цифры из официальной российской статистики, и они не раз публиковались в центральных периодических изданиях. Вот они каковы:

В тяжёлой промышленности собственного российского производства в 2020 году получалось примерно 10 процентов. Изделий радиоэлектроники – 10 процентов, по станкостроению – 10 процентов, по лёгкой промышленности – 10 процентов, медицинского оборудования – 10 процентов, фармацевтических изделий – 10 процентов.

Но это весьма скромные показатели ещё являются отнюдь не худшими. Коснёмся и таких.

Производство тракторов, кузнечно-прессового оборудования, металлорежущих станков, часов – от 3-х до 5-ти процентов.

Производство шерстяных тканей – около 2-х процентов.

Производство экскаваторов – 0, 23 процента.

И даже у флагманов российского производства доля

иностранного капитала очень опасно велика.

Так, на АвтоВАЗе 60 процентов принадлежат голландским фирмам.

Немногим лучше положение в пищевой промышленности. Так, производство молочных продуктов является иностранным на 60 процентов, соков – на 70 процентов, пива – на 80 процентов, и овощей и фруктов – на 80 процентов.

Можно вспомнить также и тяжкое положение в сельском хозяйстве с семенами, большая часть которых теперь является иностранными, да ещё и неспособными к всхожести на второй год использования сорта. Уместно будет вспомнить и про 42 миллиона гектаров заброшенных земель.

А если обратиться к общим цифрам по хозяйству страны, то на сегодняшний день мы имеем 12 миллионов человек, совсем не участвующих в производственной деятельности, то есть безработных, и 15 миллионов человек, не имеющих определённых занятий. И на нашем нерадостном счету есть 130 тысяч остановившихся предприятий, это составляет почти 45 процентов неиспользованных мощностей.

И ежели обратиться к общей сравнительной цифре, то она может показаться устрашающей – за тридцать лет в стране не стало 70 тысяч заводов и фабрик, то есть потери бóльшие, нежели в Великую Отечественную войну.

Что мы сегодня продаём за границу? Если начать с общей цифры, то сырьё и полусырьё составляют 80 процентов всего вывоза. Эта цифра тоже не может сильно обрадовать. Обратившись к более конкретным показателям, мы тоже не утешимся.

А в отдельных случаях даже, может быть, и горестно рассмеёмся. Вот какие примеры могут вызвать это печальное «веселье». В Беларусь, Турцию, Японию Россия вывозит 2 тысячи тонн пластикового мусора, а на наши свалки его увозят более 4 миллионов тонн.

Макулатуру у нас охотно покупают та же самая Беларусь, Узбекистан, Германия, Финляндия, набирают до 368 тысяч тонн, но свыше семи миллионов тонн Россия вывозит на свои свалки.

Можно ко всему этому добавить, что у нас весьма труднодоступные кредиты, что у нас очень высоки налоги с продаж и что у нас очень милостивы налоги с иностранных инвесторов. То есть у нас очень ярки те явления, которых бы решительно не одобрил ни император Александр III, ни Иосиф Виссарионович Сталин. А они были серьёзные и строгие государственники… О таких людях сегодня только вспоминать?

Вместо эпилога

…И больше века минуло с тех пор, как из земной жизни ушел Царь-Хозяин, Царь-Славянофил, Царь-Мужик. Чего только не вместили в себя прошедшие, прогремевшие, пробушевавшие годы… За эти сто тридцать лет империя его наследника проиграла две большие войны и рухнула накануне своей славной победы. За это время возникшее на её руинах небывалое государство «диктатуры пролетариата» построило некую новую «империю», ценой великих лишений обретшую грандиозную военную и экономическую силу…

И за этот же исторический период и небывалая новая «империя, казалось бы, абсолютно несокрушимая, вдруг на полном ходу распалась, рассыпалась, развалилась на множество немирных между собой государств. И где-то в невозвратной, недосягаемой и едва различимой дали прошлого осталась невоенная созидательная эпоха Царя-Миротворца.

Она давно стала предметом исторических воспоминаний, которые чаще всего были резко осудительные. Это царствование чуть не весь XX век признавалось временем «контрреформ и временем самой безграничной и безудержной реакции». Такая оценка, родившаяся ещё при последнем императоре в среде и либералов и революционеров, со всей безусловностью воцарилась в советское время. Она не допускает никаких иных мнений, начисто исключая даже саму возможность объективного анализа давних событий.

При их оценке начисто исключались свидетельства о тогдашнем, дотоле небывалом, экономическом развитии России, о решительном повороте к национальным ценностям и даже факт мирового социального развития страны. Со всей безусловностью в общественном сознании утверждался лишь тезис о глубочайшей реакционности и непроглядной темноте правления этого императора.

И такой тезис казался вечным и исторически непреодолимым. Царь-Хозяин властителями советской эпохи был назначен в должность ярчайшего реакционера и главного «светоча тьмы». В такой заданности трудились все советские историки, в таком русле создавались исторические и художественные книги, в таком понимании воспитывались одно за другим поколения русских людей. И думалось, что каких-либо изменений не только никогда не будет, а их уже по определению и не может быть.

И вдруг… Вдруг, ещё в восьмидесятые годы ушедшего века, в

трудах историков (а особенно в художественных исторических произведениях!) о Царе-Миротворце впервые прозвучали совсем иные, ещё робкие, но уже явно сочувственные нотки. И спустя долгие десятилетия сквозь густо рисуемый облик угрюмого, тупого тирана вдруг стал проглядывать образ человечески вполне приемлемый и даже вызывающий некоторую симпатию.

Художественная историческая литература к этому шла смелей и уверенней профессиональных исторических произведений. Но и те уже могли признавать как успехи александровской модернизации хозяйства страны, так и безусловную миролюбивость его правления. Трудней и дольше приходили к признанию правильности александровского русофильства. Но настало даже и это, и о Царе-Хозяине всё чаще стали писать и говорить как о достойном защитнике русской идентичности. Это прозвучало уже не только со страниц статей и книг, а из уст государственных деятелей.

Больше того, из глубоких архивов старинной идеологии был извлечен, ещё недавно казавшийся невероятным, смысл идеи «народной монархии». О нём вовсю заговорили в газетах, и в эфире, и на экране. С каким удовлетворением улыбнулись бы, услышав и увидев это, и Лев Тихомиров, и Федор Достоевский, и Дмитрий Менделеев, и Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский…

Сто с лишним лет прошло со времен народной империи Царя-Мужика. Сто с лишком лет «передовые мыслители» её отрицали, клеймили, проклинали. Сто с лишком лет понадобилось, чтобы переболеть, перестрадать и перемаяться всеми иллюзиями «построения коммунистического общества», а затем и «невидимой руки свободного рынка», чтобы хоть мысленно снова прийти к здравому смыслу оценки исторических процессов…

Не к жизненной реализации этого смысла – к нему мы никогда не придем. Не придем уже потому, что у нас сейчас нет и не может быть людей масштаба и внутренней силы Александра III и его соратников. На тощей, донельзя «вытоптанной и вытравленной» грядке нынешнего российского общества такие личности не вырастают…

Но хорошо уже то, что к верным мыслительным обретениям мы, наконец, пришли и сегодня уже оказались способными отринуть сплошную несправедливость оценок и сплошное огульное очернительство и воздать давней эпохе и её людям пусть безмерно запоздалую, но искренне благодарную память.

И в этих обстоятельствах сегодня приходят в сознание два глубоко родственных слова – память и памятник. Они истинно

родные, и памяти суждено всего лучше и явственней отражаться и воплощаться в памятниках. А они, как известно, при жизни героев не создаются. Об этом в своё время прекрасно сказал замечательный русский мыслитель В. Я. Курбатов: «В смерти есть грозная власть всякому явлению определить его единственное и подлинное место. При жизни мы можем быть больше или меньше себя, по смерти – только таковы, каковы были. Высокое выходит вперед, случайное – отпадает, сор повседневности сносится временем, и мы вдруг обнаруживаем, как мало знали существо ушедшего человека».

Да, исторически всё именно так. Император Александр Александрович Романов, русский царь Александр III, умер давно, и ветер времени отнес не только множество малозначимых частностей его жизни, но он отнес и множество несправедливых отзывов о нём. И здесь будут очень уместны слова Александра Трефолева: «Нам не дано оценить величие и неповторимость тех, кто живет рядом с нами. Так бывает всегда, что поделать, природа человеческая неизменна». Увы, это так.

Действительно, современникам зачастую не удается оценить величие и неповторимость. Но потомки должны проявить способность быть свободными от густой пелены частностей и непоняток. Потомки не только в праве, но и в обязанности создать об ушедших справедливое историческое мнение, которому суждено жить уже не в быстролетной сиюминутности, а в Большом Времени.

И одновременно потомки оказываются в обязанности создать благородные памятники величию, ставшему им понятным. Справедливая память об Александре III возрождена, о Царе-Хозяине написано много статей и создано несколько книг (в том числе даже и серии «ЖЗЛ»). А что с памятниками?

О старинных, наверное, знают все. И о том, что в Петербурге, и о том, что в Гапсале (кстати, как удивительно, что они уцелели…) Все знают и о том, где царь был изображен в форме железнодорожного кондуктора с мотками билетов на груди… И о том, который создан по проекту Паоло Трубецкого. Они, каждый по-своему, хороши и каждый по-своему очень верно выявлял главные черты этой великой личности. Но нас ещё больше привлекают памятники, созданные или же воссозданные в наше время. А из них на первом плане российского внимания, конечно, памятник в Ливадии, который открывал сам Президент России В. В. Путин. Памятник значительный и достойный, как значителен и достоин сам поступок Путина, возглавившего создание и открытие монумента, и в своей речи близко подошедшего к идее «народной монархии».

Но памятник в Ливадии достаточно параден и официален. Он своей изобразительной идеей идет от царского портрета кисти Крамского и способен вызвать мыслительное уважение, но не внутреннее волнение. Не таков памятник в Иркутске и ещё несколько бюстовых изображений в разных местах России.

Они способны оказывать глубокое впечатление на каждого пришельца к ним. Так, депутат Государственной Думы А. Н. Грешневиков был истинно растроган иркутским памятником и гражданским действием иркутян по созданию памятника Царю-Хозяину: «Вряд ли в каком ещё городе жители решатся на исправление исторических ошибок и восстановят порушенные памятники. А иркутяне воссоздали памятник самодержцу Александру III. В настоящее время он стоит на центральной площади города. Сей поступок совершен был уже из благодарности царю… Людям дорог был проложенный по его воле Транссибирский железнодорожный путь от Москвы до Тихого океана». Всё сказано просто и справедливо, и исторически верно. В российской провинции народная историческая память отлилась в создание памятников, казалось бы, достаточно простых, но способных глубоко впечатлять.

От парадных монументов они отличаются какой-то внутренней силой облика Царя-Хозяина. Когда всматриваешься в образ, запечатленный в камне, то испытываешь соприкосновение с чем-то мощно русским, изначально почвенным и древне исконным. Лик гиганта несхож с лицами наших царей. Здесь всё крупно, всё масштабно выразительно и с первого восприятия можно испытать эффект того самого Взгляда-Удара, о котором писали в литературе. В первые мгновения хочется сказать, что взглядом это вовсе и не человек, а, скорее, некий, мощно воплощенный, образ России. Какой она тогда была.

Мысленно сравниваешь прижизненные портреты Царя с ликом бронзового исполина и думаешь, что это, конечно, не он и в то же время, безусловно – он. Здесь та же самая энергетика силы духа! И эта сила восхищающая и даже пугающе отразилась во всём образе и сияет из бесстрашно бодрого взгляда. Такой памятник олицетворяет Дух императора Александра, и он кровно родственен нам, словно дух коренной глубины русской народной жизни. Он, словно могучий идол потаенных сил полевой и лесной России, идол её грозно прекрасных пространств. Он бестрепетен перед вызовами судьбы и истории. Он царственно не боится их и царственно знает, что и как ему следует делать для этих родимых пространств, заждавшихся хозяйской заботы.

…И думается нам, что в таких знаках чести и славы живет не только благодарная память русского народа, но и его сокровенная

мечта о новом Даре Божием, о приходе на нашу землю ещё одного Царя-Хозяина…

Библиография

1. *Абросимова, А., Бураго, А.* Предтеча Серебряного века // Русский мир. – 2020, апрель.

2. Александр III. Его личность, жизнь и правление. – 1902. – М., 1991.

3. Александр III. Инженер и командир // Историк. – 2020, февраль.

4. Александр III – миротворец // Историк. – 2020. – № 10.

5. Александр III. Русский государь // Историк. – 2020, декабрь.

6. *Александрова, Анна.* Великие реалисты // Свой. – 2020, сентябрь.

7. *Архангельский, Александр.* Теодор Шанин // Неделя. – 2020. – № 2.

8. *Астанков, Василий.* Покажут нам прусаки, что значит союз и дружба… // Родина. – 2015. – № 2.

9. *Астанков, Василий.* «Я положительно разочарован насчет Милютина и Баранцова» // Родина. – 2015. – № 2.

10. *Баданин, Митрофан.* Духовные истоки русской революции. – М., 2018.

11. *Балязин, В. Н.* Неофициальная история России. Конец XIX века. – М.: Просвещение, 2007.

12. *Бенуа, А. Н.* Мои воспоминания. – М., 1993.

13. *Бердяев, Н. А.* Судьба России. – М., 1990.

14. *Барсуков, Александр.* Батюшков и Опочинин // Опочининские чтения. – Выпуск 4. – Мышкин, 1995.

15. *Белов, Константин.* «Палач» // Родина. – 1994. – № 9.

16. *Болычева, Т. А.* Об одном знакомом А. Г. Рубинштейна // Опочининские чтения. – Выпуск 1. – Мышкин, 1991.

17. *Большаков, В. И.* Какая Власть угодна Богу? Великий земской собор. Преодоление смуты. – Б.г.

18. *Боханов, Александр.* Сердечная тайна царского сына // Родина. – 1997. – № 7.

19. *Боханов, А. Н.* Нет надежды кроме Православия // Отечественная история. – 2008. – № 6.

20. *Братерский, Александр.* Мода быть патриотом // Культура. – 2020. – № 8.

21. Великий Царь-миротворец и его заветы. – СПб, 1909.

22. *Виллард, Д. Ф.* Недоставленое письмо // Родина. – 1997. – № 2.

23. *Витте, С. Ю.* Воспоминания. – М., 1960.

24. *Власова, Ольга.* Почему в России нет национальной элиты

// Культура. – 2020. – № 8.

25. *Волков, Сергей.* Человеку надо прививать ответственность за судьбу страны // Культура. – 2020. – № 8.

26. Воспоминания очевидца о посещении Императора Александра III в городе Ярославле в 1881 году. – СПб, 1902.

27. Временник Демидовского юридического лицея. Т. 44. – Ярославль, 1887.

28. *Гальберштадт, Л.И.* 1881–1905 // Три века. – Т. 6. – М. 1995.

29. *Гамсун, Кнут.* В сказочной стране. – Ставрополь, 1991.

30. *Геташвили, Нина.* 550 шедевров русской живописи. – М., 2010.

31. *Глазьев, Сергей.* Рывок в будущее. – М., 2018.

32. *Горохов, Дмитрий.* Полотна императрицы. – 1997.

33. *Губанов, Г.* Баллада о коне. – Ростов, 2009.

34. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. – М.,1991.

35. Дорогами тысячелетий. Книга четвёртая: ред. Янков В. П. – М.: Молодая гвардия. 1991.

36. *Елков, Игорь.* Браунинг Каплан и архив ФСБ // Российская газета. – 4 февраля 2020 года.

37. *Ельчанинов, И. Н.* Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Опочинины // Опочининские чтения. – Выпуск 1. – Мышкин, 1991.

38. *Ермолин, Е.* Житье-бытье в Ярославской усадьбе // Углече Поле. – 2020. – № 1.

39. *Ефимова, А.* Во всех оттенках и приспособлениях. Фирма «Фаберже» в эпоху Александра III // Родина. – 2015. – № 2.

40. *Жевахов, И.Д* . Воспоминания. – 1998. – Т. 2.

41. *Зайцев, Б.* Святая Русь. – М., 2000. – С. 155–156.

42. *Закиматов, Геннадий.* Почему не работают экономические стратегии // Стратегия России. – 2016, март. – № 3 (147).

43. *Замотьянов, Арсений.* Рабство, падшее по манию царя // Историк. – 2021. – № 2.

44. Звали Царь-Миротворец // Россияне. – 1994. – № 10–11.

45. *Зименко, Елена.* Тяжелое бремя царской власти // Родина. – 2015. – № 2.

46. *Зимин, И.* Александр III и его хранители // Родина. – 2011. – № 8.

47. *Зотин, Александр.* Почему Мексика капитулировала в торговой войне с США, а Китай сдаваться не намерен // Профиль. Еженедельный журнал. – URL: http://www. profile.ru [17.06.2019]

48. *Иванов, Игорь.* Почему Европа вредит России? // Российская газета. – 14 февраля 2021 года.

49. *Игнатьев, А. А.* Пятьдесят лет в строю. – М., 1986.

50. *Иваницкая, Елена.* «Сюжет Шестова» // Родина. – 1994. – № 8.

51. *Карсакова, О.Б.* Ф. И. Тютчев, его приятели и друзья. Город Мышкин в общественной жизни России // Тютчевский дом. Альманах. – № 1. – Мышкин, 2019.

52. *Касьянова, Ксения*. Что такое русский национальный характер // Культура. – 1994. – № 42.

53. *Катасонов, Валентин.* Посткриптум. – М., 2020.

54. *Кистенева, С. В*. Погасшие огни Шишкина // Опочининские чтения. – Выпуск 1. – Мышкин, 1991.

55. *Кистенева, С.В.* К. Ф. Опочинин и М. Ю. Лермонтов о возможном прототипе образа Печорина // Опочининские чтения. – Выпуск 2. – Мышкин, 1992.

56. *Климов, Павел.* Любитель, цензор, меценат // Родина. – 2015. – № 2.

57. *Кнорринг, Н. Н*. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. – М., 1992.

58. *Колеров, М.* От Фихте и Витте к Сталину // Родина. – 2015. – № 2.

59. *Корольков, К.* Жизнь и царствование Императора Александра III (1881–1894). – Киев, 1901.

60. *Костин, Б. А.* Скобелев. – М., 1990.

61. *Кошман, Л. В*. Мещанство в России // Вопросы истории. – 2008. – № 2.

62. *Крестьянников, Е. А*. Суд присяжных // Отечественная история. – 2008. – № 41.

63. *Кричевский, Никита.* Антискриптум. – М., 2017.

64. *Кудрин, Ю.* Заветные мысли о России // Наш современник. – 2019. – № 9.

65. *Куликовской-Романов, Т.* Между двух огней // Родина. – 1991. – № 1.

66. *Куликовская-Романова, Ольга.* Царского рода // Рыбная слобода. – 2013. – № 3.

67. *Кушниров, Марк.* Тот самый Шульгин // Родина. – 1995. – № 6.

68. *Лебедев, Александр.* Честь. – М., 1989.

69. *Левагина, С.Н.* «Для Опочининских суббот» (М. П. Мусоргский и Надежда Петровна Опочинина) // Опочининские чтения. – Выпуск 7–8. – Мышкин, 1999.

70. *Литвин, Василий.* Забытые труды Берладника. Московский правитель – «Варяг» середины XII века // Родина. – 2012. – № 5.

71. *Лукьянов, И. В*. Официальная дипломатия или «неформальные влияния»? // Родина. – 2015. – № 2.

72. *Ляшенко, Л. М*. История России XIX – начало XX века 9

класс: учебник / Л. М. Ляшенко, О. В. Волобуев, Е. В. Симонова. – 5-е изд. – М.: Дрофа, 2019.

73. *Матвейчев, Олег Анатольевич.* Суверенитет духа. – М.: Поколение, 2007; Эксмо, 2009.

74. *Мараховский, Виктор.* Перепроизводство элит // Культура. – 2020, ноябрь.

75. *Махнач, Владимир.* Встретимся через 500 лет // Родина. – 1997. – № 2.

76. *Медведева, М.* Студеный берег России // Российская Федерация. – 2018. – № 5.

77. *Медоваров, М. В.* Александр Алексеевич Киреев // Вопросы истории. – 2014. – № 8.

78. *Межуев, Вадим Мих.* Россия всё ещё в пути // Родина. – 1997. – № 9.

79. *Минаков, А. С.* Первый блюститель польз государства // Родина. – 2015. – № 2.

80. *Мироненко, С.* Эпоха прагматического самодержавия // Родина. – 2015. – № 2.

81. *Миронов, Борис.* Кто будет владеть Россией, то будет владеть миром… // Родина. – 1997. – № 1.

82. *Миронов, Иван.* Аляска преданная и проданная. – М., 2017.

83. *Могилевский, К.* Больше чем ошибка // Историк. – 2020, январь.

84. *Мяло, Ксения.* Мы – народ (Войдут ли русские в XXI век?) // Родина. – 1993. – № 2.

85. *Мясников, Александр.* Александр III (серия «Жизнь замечательных людей»). – Молодая гвардия. 2016.

86. *Нагорная, Татьяна.* Свидание с Россией // Русский мир. – 2020, май.

87. Некоторые материалы к истории жизни и царствования великого царя-миротворца Александра III Александровича / собр. и изд. А. Шевелев. Выпуск I. – М., 1897.

88. *Нестеров, М.В.* О пережитом. – М., 2006.

89. Новая элита для России // Культура. – 2020. – № 28.

90. *Нордвик, Владимир.* Оцифрованная революция // Российская газета. – 7 ноября 2017 года.

91. *Овсянников, С.Н.* Е. Н. Опочинин и его потомки. Находки последних лет // Опочининские чтения. – Выпуск 7–8. – Мышкин, 1999.

92. «Одинокий хищник в красном» (К 75-летию Владимира Бондаренко). – М.: Вече, 2021.

93. *Озеров, К. К.* Константин Федорович Опочинин (1846–1881) и Русское Географическое общество // Опочининские чтения. – Выпуск 7–8. – Мышкин,1999.

94. *Ольшаковский, Дмитрий.* О национальной гордости великороссов // Родина. – 1994. – № 6.

95. *Опочинин, Е. Н.* Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины // Опочининские чтения. – Выпуск 1. – Мышкин, 1991.

96. *Панков, Владимир.* Русский мечтатель // Родина. – 1996. – № 1.

97. Педагогические знания о том, как власть достойна Отечества // Российская газета. – 27 января 2021 года.

98. *Петров, Ю.* Время государственной твердости // Родина. – 2015. – № 2.

99. Письма о путешествии Государя Наследника Цесаревича по России / редакция: Победоносцев, К.П., Бабст, И.К. – М.,1864.

100. *Побединский, И.* Император Александр III. Царь-миротворец. – М., 1912.

101. *Полторанин, Михаил.* Власть в тротиловом эквиваленте. – М., 2011.

102. *Поляков, В.* Советский плантатор Устим Штейман // Родина. – 2017. – № 12.

103. *Поляков, Ю.* Желание быть русским. Заметки об этнографии. – М., 2020.

104. *Попов, А.* Царь-Миротворец император Александр III. – М., 1913.

105. Правил, как завещал отец – круглый стол по эпохе Александра III // Родина. –1994. – № 11.

106. *Прахов, А. В.* Император Александр Третий как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. – 1903. – № 4/8.

107. *Пресняков, А. Е.* Образование Великорусского государства. – М., 1948.

108. Путешествие Его Величества наследника в 1861 году. – СПб, 1861.

109. Путешествие Его Величества наследника в 1861 году. – М, 1869.

110. Путешествие Государя Императора Александра III в первое лето его царствования. – СПб,1882.

111. *Разуваев, Владимир.* Узнать куда идем // Стратегия России. – 2017. – № 12.

112. *Розов, Е. С.* Опочининский сад в Санкт-Петербурге (Осенние наброски) // Опочининские чтения. – Выпуск 7–8. – Мышкин, 1999.

113. *Рыбас, С. Ю.* Столыпин. – М., 2009.

114. *Рябов, А. Н.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. – Нижний Новгород: [б. и.],

2007. – С. 132.

115. *Савельев, Ю. Л.* Кремли России и творчество Н. В. Султакова. – М., 2003.

116. *Сак, Ксения.* «Указ о сидоровых козах» // Родина. – 2015. – № 2.

117. *Сараскина, Людмила.* Достоевский: У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа // URL: http://www.riasar.ru [15.02.2021]

118. *Семибратов, В. К.* Опочинины: к происхождению фамилии. Опочинины и Вятка // Опочининские чтения. – Выпуск 7–8. – Мышкин, 1999.

119. *Слепнев, Игорь.* Транссиб // Родина. – 1996. – № 11.

120. *Соколов, Б.* Великий европейский путь // Родина. – 2003. – № 9.

121. *Соловьева, С.* Идеология, как искусство // Родина. – 2015. – № 2.

122. *Сорока-Росинский, В. Н.* Путь русской национальной школы. – М., 2018.

123. *Стариков, Н. В.* Кто финансирует развал России? – СПб, 2010.

124. *Старовойтова, Е.О., Янченко, Д.Т., Ходяков, М. В.* Современная российская и зарубежная историография о колонизации Сибири в конце XIX начале XX века // Вопросы истории. – 2021. – № 2.

125. *Степанов, В.* Кандидат «национальной» партии // Родина. – 2015. – № 2.

126. *Степанов, Василий.* И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте: Партнеры и конкуренты // Российская история. – 2014. – № 6.

127. *Тишинова, О.Ю.* «Спящая» проснулась // Углече Поле. – 2015. – № 26.

128. *Третьякова, Т.* Венок Опочинину. – Мышкин, 1999

129. Три века. Т. 8. – М., 1895.

130. *Тростиков, В. Н.* Раздумье в пути. – М., 2003.

131. *Третьякова, Т. А.* Венок Опочинину. – Мышкин,1999.

132. Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1887.

133. *Уикс, Т. Р.* Затишье между бурями // Родина. – 2015. – № 2.

134. *Ушакова, Ирина.* Разговор о русской школе // Слово. – 24 августа 2018 года.

135. *Фрейм, Мюррей.* Наступление частной сцены // Родина. – 2015. – № 2.

136. *Хандорин, Владимир.* «Дуэль» // Родина. – 1993. – № 10.

137. *Холмогоров, Егор.* Венценосный славянофил //

Историк. – 2020. – № 3(63).

138. *Холмогоров, Егор.* Пока русский царь рыбу удил // Культура. – 2017. – № 42.

139. *Хомяков, В.Е.* «Русский вопрос» в эпоху цивилизации. – М., 2017.

140. *Хоперия, И.* Об одном забытом стихотворении // Опочининские чтения. – Выпуск 1. – Мышкин, 1991.

141. *Хорошилева, О.* Как крестьянский валенок победил дворцовые аксельбанты // Родина. – 2015, март.

142. *Христофоров, Игорь.* В высшей степени душевная ошибка // Родина. – 2015. – № 2.

143. *Худыкин, Максим.* Национальные элиты стали заложниками элит глобальных // Культура. – 2020. – № 8.

144. *Чавчавадзе, Елена.* Мы очень неблагодарны по отношению к своей истории // Культура. – 2017. – № 38.

145. *Чубукова, Ю.* Находка в Рыбинском архиве // Опочининские чтения. – Выпуск 2. – Мышкин,1992.

146. *Чураков, В. Н.* Цвета Петербурга // Фонтанка. – 2020. – № 1.

147. *Шаховской, Дм.* Российская элита. Диалог // Российская газета. 2015. – № 254.

148. *Шевелев, А. А.* Некоторые материалы к истории жизни и царствования Великого Государя Царя-Миротворца Александра III Александровича / собр. и изд. А. Шевелев. – М., 1897–1903. Вып. 3. Царь-Миротворец на войне 1877–78 гг., его отношение к войне и военному делу в России – М.: И. Голубев, 1903.

149. *Шер, С.Д* . Мемуары. – М., 2001.

150. *Шерихина, Е. И.* Интерьеры личных комнат императора Александра III и Марии Федоровны в Аничковом дворце // Фонтанка. – СПб, 2017.

151. *Шестаков, С. А.* Российский консерватизм досоветской формации как идейная основа постсоветской консервативной идеологии // Вопросы истории. – 2021. – № 1.

152. *Широпаев, Алексей.* От Руси к Руси. – М., 2002.

153. *Шишков, А.* Со своей колокольни // Родина. – 2015. – № 2.

154. *Энгельгардт, Б. А.* Воспоминания камер-пажа // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 5.

155. *Юденкова, Татьяна.* Сближение эстетических запросов // Родина. – 2015. – № 2.

156. *Юдин, Е. Е.* Император Николай II в восприятии русской аристократии. 1894–1911 // Вопросы истории. – 2014. – № 3.

157. *Юдин, С.* Осень академии // Родина. – 2015. – № 2.

158. *Ямников, В.* Боярское вино // Родина. – 1995. – № 10.

Об авторе

Гречухин Владимир Александрович (21 июня 1941 года – 27 января 2022 года) – журналист, краевед, гражданин и общественник.

Родился в селе Юрьевское Мышкинского района Ярославской области. После окончания школы поступил в угличское педагогическое училище, затем служил в Советской армии, работал каменщиком, закончил исторический факультет Ярославского пединститута. В течение 47 лет работал заведующим отделом писем районной Мышкинской газеты «Волжские зори». В 1966 году организовал Мышкинский Народный музей. На общественных началах 55 лет он был бессменным Председателем Совета музея. Под его руководством музей разросся в целый комплекс музеев. Так возникли: Музей «Столицы Лоцманов» (краеведческий музей), единственный в мире Музей мыши, Музей великого водочника П. А. Смирнова, Музей техники «Мышкинский СамоходЪ», «Усадьба Махаев двор или время по-купечески», Музей крестьянской архитектуры малых форм, Тютчевский дом, Музей печатного и издательского дела. В. А. Гречухин стал автором четырёх десятков книг, в том числе учебников. (Учебник географии «Тропиночка» Мышкинского края, учебник по истории Мышкинского края «Собеседник» он адресовал Мышкинским детям.) За его авторством вышли в свет сотни газетных и журнальных статей, интервью. Круг его общения – творческого, научного, дружеского – был необыкновенно широк. В 1987 году, по рекомендации академика Д. С. Лихачёва, с которым В. А. Гречухин долгие годы переписывался, был разработан культурный проект «Мышкин – город классической русской провинции. Город музеев». Успешная реализация проекта позволила привлечь в провинциальный Мышкин российских и иностранных туристов.

О народности русской власти

Послесловие

Должен признаться: только после прочтения рукописи его будущей книги я понял, зачем он решился вступить на столь отважный, труднопреодолимый путь сотворения документальной повести об императоре Александре Третьем, чьи великие труды во благо процветания России по сей день вызывают у русского народа патриотический восторг, а у прозападно-либеральной чиновничьей власти – страх и негодование.

Этот грандиозный труд, равный научному подвигу, отнял у Владимира Гречухина четыре года жизни, а закончил он его за три дня до ухода на встречу с Богом.

Он не скрывал от меня, что пишет книгу о царе Александре Третьем. Замысел особо не раскрывал. Причин подступиться к столь далекой от краеведения, которому была посвящена вся его жизнь, масштабной исторической личности в контексте великой эпохи, не называл. В письмах последнего года, а переписывались мы тридцать лет, речь шла лишь о просьбе-завещании издать её. Изредка признавался, что работа идет сложно, что опоздал с написанием… Однажды пришел к мысли – не издавать свой вымученный труд.

В письме от 26 марта 2021 года он писал мне:

«Ох, уж четвертый год пишу огромную книгу, которую, скорее всего, не издам (хотя в пределах года может подойти к завершению).

Почему не издам? Причин много, но из них едва не самая серьезная в том, что книга опоздала. И это дело непоправимое. Закончить её всё же надо (хотя бы для собственного понимания, что не бросил “постройку незавершенной”). В чём причина опоздания? А в том, что всё это время много и честно занимался с чужими писаниями, вот до своего руки плохо и доходили.

А в чём суть опоздания? Вот она какова. Бывало, я очень даже не опоздал со своей книгой “Лики четвертого Рима”. Об эпохе, раскрываемой в ней, я успел написать раньше многих, а особенно раньше всех провинциалов. И никто не мог меня упрекнуть ни в заимствовании мыслей, ни в “списании” образов. И это уже – замечательно.

А на этот раз я далеко не первый. Об Александре III уже вышла целая группа серьезных книг, в том числе и в ЖЗЛ. Ну как же за эту тему не взяться, если В. В. Путин за некий образец берет

Императора-славянофила и даже сам открывает ему памятник в Ливадии? Значит, запрет снят, значит “отмашка” свыше дана; значит, автор уже не попадет в “антисемиты”, значит, его научной карьере многое уже не угрожает, а, может, даже и благоприятствует.

Ни одну из этих книг я не читал. И даже не открывал. Прочитаю лишь тогда, когда в своей поставлю последнюю точку.

Правда, моя книжка имеет некоторую ощутимую отличку от всех других. Она состоит из двух больших частей и вся первая – о касаниях судьбы императора к нашему мышкинскому краю. То есть, здесь немалый краеведческий подход, но это, конечно, не спасает. Поэтому завершу эту огромную книгу и пусть лежит».

Не без труда я уговорил его закончить книгу и передать мне её для издания. Одним из основных аргументов, которые повлияли на его позитивное решение, являлось то, что книг в стране о недооцененном созидательном вкладе Александра Третьего в русскую экономику и культуру не то, что много, а наоборот, бессовестно мало. Две значительные научные книги Александра Боханова «Император Александр III» и Александра Мясникова в серии ЖЗЛ «Александр III», которые смогли бы частично прорвать информационную блокаду вокруг единственного царя-антизападника, не смогли этого сделать по причине того, что западники и русофобы, оккупировавшие в России систему образования и культуры, держали завесу молчания и забвения, а тираж самих книг был настолько минимален, что не дошел ни до институтов, ни тем более до средних школ.

У нас было единодушное понимание причин сокрытия от народа правды о правлении Императора-миротворца, или, как называл его Гречухин, – Императора-славянофила, Императора-хозяина, совершившего грандиозное преобразование России. В далеком прошлом подобные русофобы во власти травили гениального историка, сподвижника Петра I, государственного деятеля Василия Татищева. Вместо благодарности за его труды во благо Отечества, за строительство 36 заводов и основание столицы Урала, за знаменитый научный труд «История Российская с самых древнейших времен» он был подвержен опале и сослан в ссылку. А когда кляузы, наветы и обвинения были с него сняты и к нему приехал курьер от царя с орденом Александра Невского, то Татищев вернул его со словами: «Мне он уже не нужен». Ещё больше примеров расправы с учеными и писателями, стоящими на патриотических позициях, являет собой нынешнее время правления Горбачёва-Ельцина-Путина. Все тот же ненавидящий всё русское в России отряд провластных

чиновников уволил недавно директора театра имени Горького, народную артистку Татьяну Доронину, засудил знаменитого академика-патриота Олега Платонова и… И расправились с честным академиком-государственником Игорем Фрояновым, сняв его с поста декана исторического факультета Ленинградского государственного университета.

Заканчивая книгу, Гречухин сказал мне, что это главная его книга, и он доверяет мне её издание, так как уверен, что при прочтении меня не будет пугать многочисленное упоминание слова «русскость», наоборот, оно меня вдохновит… Сожалею, что тогда я не развил тему русскости, не спросил, почему она определена им ключевой, стержневой в книге про императора. Спросил о другом: почему этот труд он считает главным, ведь раньше им была его книга «Лики четвертого Рима»? На подаренном экземпляре так и было написано: «Дорогому Анатолию – мою главную книгу! С любовью – Володя Гречухин. 28.8.2004». Ответ был риторическим: мол, прочитаешь, поймешь, тогда мне важно было сказать слово об удельном князе угличском Андрее Большом и его духовнике Паисии, а нынче – об императоре Александре Третьем, и тебе её первому читать-издавать.

За годы долгой, теплой, искренней дружбы мне довелось издать ему несколько книг, самые почитаемые из которых краеведами – «Тропиночка». «На реках неславных», «Собеседник», «Мышкин. Малый город в большом туризме». Конечно, я дал ему слово – книга увидит свет, не ляжет на пыльную полку, найдет читателя.

Первые же прочитанные страницы книги дали мне ответ на незаданный, повисший в воздухе вопрос, – понятие «русскость», звучащее по всему тексту, касалось личности императора Александра Третьего. Гречухин в своем предисловии так и сказал, раскрывая тайну творческой решимости воссоздать образ великого монарха великой империи: «Причин, побудивших к такой решимости, было немало. И самая первая – это глубокая несходственность Александра Третьего со всеми иными правителями России. Вторая причина – это его неповторимая русскость. И третья причина по сравнению с двумя первыми совсем, казалось бы, невелика, но она глубоко побудительна. Это прикосновенность громозвучной жизни императора к тишайшей жизни моего родного края и его маленькой столицы – города Мышкина».

Неповторимая русскость. Весь день жило в моей душе и бродило в голове это родное, волшебное словосочетание… Оно завораживало, притягивало, раскрывало, будто двери, в знакомый

до сердечной боли мир русских традиций, песен, былин, национальных героев, многие из которых памятны из живописных картин Васнецова и Билибина, из кинофильмов про героев Куликовской битвы – Пересвета и Ослябы, про защитников Севастополя – адмирала Нахимова и матроса Кошки. Я читал с нетерпением, проглатывал на одном дыхании страницу за страницей и понимал, почему моего друга Владимира Гречухина привлекла тема русского характера и мировоззрения императора Александра Третьего. Вот он, наследник престола, отказывается от насквозь прозападной политики своих предшественников, рвет с ними духовную связь, становится русофилом, и переходит к насущным созидательным делам, укрепляя экономику страны и защищая её национальные интересы. Строит Трансиб, Великий Сибирский путь, строит северный незамерзающий порт и город, названный ныне Мурманском. Строит русские национальные театры и школы, причём, образование в школах идет по программам великих соотечественников-педагогов Ушинского и Сороки-Росинского. Грамотность в России с 17 процентов вырастает до 40. Создает крестьянский поземельный банк и отменяет подушную подать. Развивает крестьянские хозяйства и земское самоуправление, исходя из того, что реформы должны основываться не на силе законов, а на силе традиций.

Гречухин поставил цель – выявить исторические особенности правления Царя-хозяина. И когда он приводит разительные доказательства, то ты не только веришь, но и видишь, то есть перед глазами встают картины того, как возникали и развивались в стране национальная экономика, национальная архитектура, национальная армия, национальная культура. Но не только эти факторы возвысят Александра Третьего до недосягаемых высот национального лидера, прозванного либералами «русопятом», а конкретное знаковое строительство в Петербурге Русского музея с коллекцией живописи мирового значения, строительство Исторического музея и Красной площади в Москве. Именно это в большей степени приблизило императора, как правильно отметил Гречухин, к русской национальной душе и русскому национальному характеру.

Книга звала к поиску, изучению, пониманию, открытию… Но ведь именно в этом каждодневном состоянии жил сам Гречухин, выводя на свет экономические достижения и подвиги на духовном и культурном фронте Александра Третьего. Я долго думал-гадал, а почему автору удалась одна из самых сложных писательских задач: он сумел интересно рассказать о том, что сокрыто от посторонних глаз, о твердости и несгибаемости своего героя в движении к высшей цели своей жизни – построению

русского национального государства с идеологемой «Россия – для русских». Он не испугался, что его обвинят в антисемитизме, национализме, в чём, кстати, напрасно обвиняли самого Александра Третьего, а писал-затрагивал самые болезненные политические темы, не избегая острых углов и честных выводов. Безусловно, столь масштабная задача и поистине титаническая работа оказались автору по силам потому, что он прошел огни и воды. Знаю точно, что раздел книги, посвященный многострадальному крестьянскому вопросу, Гречухин выписал грамотно и правдиво до самых малых и незначительных деталей, потому что сам видел и разорение деревни, и животворную силу земли, и терпеливую мудрость крестьян. Отсюда у книги и другие редкие достоинства и удачи – она читается сочувственным взглядом, и я, к примеру, нередко вычитывал даже больше, чем имел в виду автор…

Но самая главная находка в книге, её значимое достижение, великое открытие – это разгадка русских корней императора Александра Третьего, доказательное понимание истоков его глубокой русскости. Кстати, пока я искал название к книге, ведь Гречухин оставил её лишь с условным начертанием имени царя на папке с рукописью, то по ходу чтения одной за другой страниц приходил к мысли, что её следует назвать не просто «Александр Третий – император-миротворец», такие книги уже выходили, а чтобы название раскрывало суть её содержания и главное замысла – «Истоки русскости Александра Третьего». И когда я с такими мыслями-переживаниями стал одолевать последние страницы рукописи, то обнаружил у автора как раз точно такое же словосочетание – «истоки глубокой русскости императора».

В подтверждение своей правоты, я вспомнил волнительную историю с названием книги Владимира Гречухина «Лики четвертого Рима», которую он просил меня передать Александру Солженицыну. Первоначальный заголовок был простым и отвечающим сути произведения – «Князь Андрей Большой Углицкий», но после долгих размышлений Гречухин всё же дал ему иное название, то, что раскрывало замысел, сакральность и новый концепт власти – «Лики четвертого Рима». Первичным названием он мог застолбить, а это зачастую присуще было его творчеству, тему значимости личности угличского князя, отличающегося высочайшей духовностью от брата царя Ивана Третьего. После выхода этого научного труда с большим опозданием, но с таким же талантом и достоверным проникновением в историю, в Угличе была издана книга Сергея Шокарева «Андрей Большой Углицкий». Гречухин её уже не застал, но в ней есть много добрых слов о нём.

Так в чём Гречухин видел истоки глубокой русскости Александра Третьего, вернее, откуда в императоре, живущем вдали от народа русского – за высокими стенами в роскошном дворце, зарождается-пробуждается в характере, в поступках и государственном служении и деяниях эта самая загадочная русскость?!

Ответ у Гречухина самый простой, а всё гениальное, как говорится, – в простом.

Не один писатель Антуан Экзюпери считает, что все мы родом из детства… В правдивость этой мысли верит большинство жителей планеты Земля, никто её не оспаривает, многие, не только философы и писатели, но и ученые, настаивают, что это именно так. Может, потому Гречухин к одной из глав своей книги ставит эпиграмму этого французского классика – «…Все мы родом из детства». Затем, отталкиваясь от неё, развивая ее, он показывает читателю, какое детство было у будущего императора Александра Третьего.

Честно говоря, когда Гречухин однажды мне написал, что одной из причин, побудивших его сесть за написание книги об Александре Третьем, является связь столь значительной личности с его малой родиной – мышкинским краем, то я не придал этому признанию должного внимания. Подумалось: ну проехал по городу Мышкину когда-то император, остановился на пять минут, зашел в храм, ну и о чём тут писать, чем гордиться? У меня также есть подобная причина написать о царе Александре I, который, побывав на моей малой родине и, заглянув в Борисоглебский монастырь, воскликнул: «Это не монастырь, это – целый городок!», но я же не собираюсь писать на основе этого факта целую книгу.

Владимир Гречухин же сотворил значительное произведение о том, что у истоков формирования русского характера Александра Третьего стояли его земляки – уроженцы Мышкинской земли. Написал так, что при чтении не возникает ни сомнений, ни ехидства, веришь буквально в каждый факт, в каждое событие… Вот мальчик Федя Опочинин – один из немногих, кто составлял круг друзей будущего императора. Среди участников детских игр Александра и его братьев Федя Опочинин не относился к потомкам особ с княжескими и графскими титулами. Были дети князей Барятинских и Дадиани, были дети графов Толстых и Ламбертов. И лишь Федя не из княжеского рода, не из знати. В будущем он станет крупным библиофилом и издателем редких исторических документов, а главное – руководителем Мышкинского уездного земства и предводителем дворян Мышкинского уезда. Вот другой персонаж книги,

имеющий связь с Мышкинской землей, и оказавший большое влияние на воспитание будущего императора – это его первая учительница Вера Николаевна Скрыпицына. Она, мышкинская дворянка, не просто хорошая знакомая императора, а наставник и педагог, обладающая могучим даром обучать и воспитывать. Заслуги её в обучении Александра русской грамоте были столь велики, что ей была дарована царем аренда на пятьдесят лет в размере двух тысяч рублей ежегодно. А когда Гречухин пишет, что царские дети называли её чуть ли не второй матерью, то имеет в виду нравственное воспитание, душевное общение, рассказы о народной жизни и русской истории. В детские годы важно получить знания, в какой стране ты живешь, какая у неё история и кто её герои. Если в воспитании Александра Второго принимали участие лишь немецкие преподаватели, презирающие русскую народную культуру и запрещающие изучать русскую литературу по причине «её крайней бедности», то из него и вырос государь, далекий от интересов русского народа. У Александра Третьего другие были учителя, потому в детстве он обрел любовь к национальным традициям и культуре и стал глубоким русским патриотом.

Следующим русским человеком, оказавшим большое влияние на формирование уже политических взглядов наследника российского престола, был князь Владимир Петрович Мещерский. Он – автор постепенного реформаторства экономики страны. Именно с ним Александр Третий совершает ряд судьбоносных путешествий по России, в том числе по Мышкинской земле. По тем документальным фактам и свидетельствам очевидцев, на которые обращает особое внимание Гречухин, князь Мещерский – это, действительно, «человек самых долгих и содержательных отношений с Государем, и, без сомнения, это один из тех, кто оказывал самое серьезное влияние на идеологию и политику Царя Миротворца». И тут краевед Гречухин не был бы краеведом, если бы не только проследил влияние двух главных идеологов консервативного курса России – Мещерского и Победоносцева на императора, но и не изложил в подробностях смысл и значение разных поездок Мещерского то в Мышкин, то в Рыбинск. Глубокое изучение им не только переписки, но и путевых очерков путешествий по Ярославской земле князя приводит его к выводу, что у князя сложилось хорошее мнение о мышкинском городском голове Т. В. Чистове.

Для краеведа-исследователя Владимира Гречухина важно найти и обосновать животворящую связь Царя-славянофила, создавшего могущественное национальное государство, с его малой родиной, с её дворянскими усадьбами и неординарными

личностями. Если бы Гречухин являл собой простого ученого, жаждущего издать монографию об Александре Третьем или выдать на-гора диссертацию о его достижениях, то он наверняка не погрузился бы в изучение тех знакомых мышкинских усадеб, которые, как путеводная звезда, указывали императору и нужную дорогу, и верные нравственные ориентиры. Это как у поэта-гения Николая Рубцова: «Спасибо, скромный русский огонек, за то, что ты в предчувствии тревожном горишь для тех, кто в поле бездорожном от всех друзей отчаянно далек…» Либо как у другого классика современной литературы Василия Белова – голодный мальчик дошел до деревни только потому, что шел на звуки далекой милой гармошки.

Мышкинские усадьбы хоть и рассматривались Гречухиным скромными русскими огоньками, но всё-таки они внесли свою одухотворяющую, полезную роль в формировании русского мировоззрения императора и его деятельном служении Отечеству. Конечно, значение их было бы минимальным, а то и вовсе бесполезным, если бы не их владельцы, родственники и друзья. Родовая усадьба Шишкино связана с Федором Опочининым, спутником детских лет Александра Третьего. Здесь гостем был его друг композитор Мусоргский, которого любил сам император. Древнейшему роду дворян Селифонтовых принадлежала усадьба Артемьева. После того как Наталья Селифонтова стала женой князя Арчила Чавчавадзе, он стал хозяином. Завел там конский завод и разводил породистых лошадей. Его родственница Елена Чавчавадзе недавно сняла прекрасный фильм, посвященный Александру Третьему. Семья великого поэта Федора Тютчева владела по мужской линии усадьбой Знаменское. А так как писатель-славянофил Иван Аксаков был зятем поэта, то приезжал в Мышкин. К радости местных жителей, оставил добрый отзыв о деятельности их главы города Тимофея Чистова: «Городской глава умница и знаток своего дела».

Чтобы понять, зачем писатель Гречухин уделил в своей книге довольно большое место жизни местных усадеб, их созидательной и просветительской роли в эпоху Александра Третьего нужно обратиться к самому автору. А он дал четкое пояснение: «Но нам, краеведам, желающим ясней разглядеть наше русское прошлое, дано посильно проследить пунктирно слабую, но подлинную ниточку исторических перекликов, идущих от царского детства, от Федора Константиновича Опочинина, Михаила Семевского, князей Волынских, дворян Селифонтовых, князей Чавчавадзе в сегодняшний день, в котором образ Александра III, подлинно русского императора, воскрес в своей исторической подлинности.

Он вновь привлекает и ободряет русских людей, и в их числе и жителей срединной России, чьи предки имели счастье видеть этого могучего россиянина в своих родных местах».

Достоверность факта для Гречухина всегда нуждалась в подтверждении. Сообщить читателю, что русские люди стремились увидеть любимого императора и испытывали от этого счастье – это одно дело. Другое – нужно доказательство. И Гречухин добавляет к сказанному, что семья его прадеда Зиновия Тимофеевича шла сорок верст пешком из далекой мышкинской деревни Левцова до Углича, дабы увидеть членов императорской фамилии.

Про «слабую, но подлинную ниточку исторических перекликов» написано, скорее, из скромности характера писателя-краеведа, чем из желания умалить значение истинно важных перекликов одних событий с другими, одних личностей с другими. Не произойди общение Федора Опочинина или Веры Скрыпициной, неизвестно, какими бы вышли линия поведения и государственная служба Александра Третьего. История мышкинских усадеб, к которой имеет пусть и не самую коренную связь император, в книге Гречухина показана для того, чтобы получилась широкая панорама не только собственной жизни Александра Третьего, но и ушедшего века, участником множества событий которого довелось ему быть. То, что Гречухин смакует факт, как император осуществил решительный поворот нашего зодчества к исконно русским мотивам, и что тот был не только тонким ценителем русского изобразительного искусства, но и реальным пропагандистом его, говорит о том, что автор вывел из героя Хозяина русской культуры, понимающего национальную историческую проблематику и осуществившего зримый прорыв русского изобразительного искусства в живую современность. Свидетельств данному выводу множество – это не только открытие императором Русского музея, но и значимая поддержка передвижников. Редкий случай в истории правления русских царей произошел тогда, когда Александр Третий демонстративно купил у художника Поленова картину за баснословную сумму, которая позволила художнику построить на Оке усадьбу – мечту всей его жизни. И любимым художником, истинным единомышленником был назван Васнецов, автор глубоко национально-патриотической живописи.

И опять же краевед Гречухин не был бы краеведом, если бы не отвлекся от государственной значимости фигуры императора и не показал его русскую душу, национальный характер, народность, искренность чувств. Будь он солидным ученым, думающим, как в монографии возвеличить императора через его

грандиозные свершения в экономике и культуре, прошел бы мимо ценности уроков первой учительницы Скрыпицыной и уж тем более не стал бы придавать значение, либо вообще обращать внимание на тот поступок, который совершил Александр Третий, когда по приезду в Мышкин свернул свои планы и направился с поклоном и превеликой благодарностью в далекую усадьбу Кучино к учительнице Скрыпициной. Но Гречухин – краевед, он обожает любой исторический факт, возвышающий историю родного края и соединяющий эту историю с общей историей государства, потому считает его достойным и важным. И выпусти из поля зрения этот берущий за душу благородный поступок, он бы отказал себе в праве быть настоящим краеведом. Ну, а читатель никогда бы не узнал об истоках глубокой русскости благодарного Царя-славянофила.

Из всех историков, создавших жизнеописания Александра Третьего, только Гречухин осмелился вскрыть православную, кровную, промыслительную связь русского царя с родной землей и проследить, какой пользой для страны обернулись привитые ему уроки русскости и державности, и его усилия по укреплению национального самосознания русских людей. По книге Александра Боханова, к примеру, любой читатель сразу определит человека целеустремленного, дотошного и упорного. Отметит также в императоре энциклопедичность, широкий кругозор, способность нестандартно и независимо мыслить. Но нет в его фундаментальном труде ни слова про национальное самосознание русского народа, глубокий русский патриотизм, сохранение национальной исторической памяти, про любовь к национальным началам, к почитанию русского национального уклада жизни. Нет рассуждений, зачем император строил особую самодостаточную русскую цивилизацию и каким образом защищал её национальные интересы. Ну, а понятие «русскость» Александр Боханов вообще избегал… Между тем, у Гречухина оно встречается на страницах книги аж тридцать раз!

Разгадку обоснованности столь частого употребления слова «русскость» следует искать в самом произведении Гречухина. Я нахожу её на первых же страницах. В разделе – «Быть русским человеком», он пишет: «Для Опочинина это являлось необходимым условием подлинных гражданских чувств и подлинной любви к своему Отечеству. А такое, увы, было свойственно далеко не всему русскому дворянству, не говоря уж об его аристократии. Ведь известно, что в Европе не находилось людей более космополитичных, чем русские аристократы. Русская народная национальная жизнь, народный быт, народная культура для них были столь же чужды и далеки, как реальность папуасов с

Новой Гвинеи или туземцев с острова Пасхи. Многим из них был известен русский язык. (Достаточно напомнить, что многие государственные документы ещё в начале XIX века для народного понимания приходилось переводить с французского на русский.) Истинная жизнь, истинный смысл земного существования многим русским аристократам виделись лишь в Европе, но никак не в России. И у Запада они пытались учиться этой истинной жизни. Но научились лишь красивым манерам, красивой трате средств, а не созиданию материальных и культурных основ достойной национальной действительности. Они не стали создателями новой России…»

Понятливей эта цитата Гречухина становится при ознакомлении хотя бы с кругом друзей и единомышленников, окружавших императора в его юные годы, – Федор Опочинин, Вера Скрыпицина, старый унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка Тимофей Хренов, именуемый цесаревичем «военным дядькой». Ни одного этого имени не упоминается в книге Александра Боханова. Зато сказано, что царевич Александр был окружен другими наставниками – это офицер Г. Ф. Гогель, граф Б. А. Перовский, бонна-няня англичанка Екатерина Струтон. Увы, мне неизвестны личности Гогеля и Струтон. Не упомянуты они ни разу и Гречухиным. Непонятно, зачем историк Боханов много размышляет о важности встреч цесаревича Александра с плененным горцем Шамилем. Зато, правда, понятно другое – почему историку Боханову не дано было разгадать истоки глубокой русскости Александра Третьего. Заглянул бы он в биографию рода Скрыпицыных, узнал, что один из родственников Иоасаф Скрыпицын был вначале одним из самых чтимых старцев Троице-Сергиевой лавры, а потом возглавил её, а потом был любимым духовным собеседником Ивана Третьего, а потом крестил будущего царя Ивана Грозного. Обретение таких исторически значимых фактов позволяет иначе оценить духовную атмосферу, в которой дышал и вращался император, и упомянутые мною русские огоньки, определяющие истинный смысл жизни и высокую миссию служения Отечеству.

Император Александр Третий в представлении Владимира Гречухина – воплощение русского национального характера, личность глубоко самобытная, щедро одаренная от природы. В данный вывод, переходящий в убеждение, я верю не только потому, что его научная книга оказалась настолько яркой по языку и весомой по поднятому историческому фактажу, что полностью затмила собой многие монографии… Ещё и потому, что, читая книгу, я общаюсь с живым, остроумным, обаятельным собеседником, и я знаю: Гречухин – русский по духу и поступкам.

Деятельный патриот. Созидатель. Подвижник. Лидер юношеской краеведческой республики. Глава Мышгорода. Инициатор Опочининских краеведческих чтений, мышиного фестиваля, открытия множества очагов народных промыслов. От него веяло внутренней силой. К нему неудержимо тянуло талантливых ищущих людей. Именно Гречухин прославил небольшой провинциальный город Мышкин на всю страну, превратив его в знаменитый туристический центр, открыв в нём академию Краеведения, народный театр, десятки самобытных музеев с мировым именем. Издав 20 книг, умудрился всё связать с историей любимого Мышкинского края. Он – романтик. Борец за сохранение исторических и православных памятников. Он – рыцарь, отважно бросающийся на амбразуру неразгаданных и закрытых исторических тем, он – историк, перемалывающий огромные массивы исторических знаний.

Он, действительно, русский. Человек смелый, сильный и мужественный.

Я давно называю Владимира Гречухина краеведом-просветителем. Ни в одной книге он не впадает в раж по пробуждению недобрых чувств, злобы, пагубных инстинктов, что, к сожалению, сегодня модно и выгодно. В родном Мышкине ему удалось сохранить для нас не только дух провинциального городка, но и уникальный, сакральный центр русского краеведения. Перечитывая его книгу «Лики четвертого Рима», отчетливо осознаешь, что он стал первым российским ученым-историком, который вывел краеведение из области бездоказательных гуманитарных рассуждений, превратив его в серьезную науку. Заслуга его и в том, что он писал об истории и жизни русской провинции, о её бедах и тревогах так, что это не разрушало душу читателя, а наоборот, настраивало на созидание.

Сегодня передо мной новая книга Гречухина. Это несомненный шедевр отечественной краеведческой и исторической прозы. Многим литераторам по вкусу своеобразие прозы, новизна его языка. Но ни у одного из них я не встречал таких сугубо гречухинских самобытных словосочетаний-находок, как, например, «глубокая несходственность», «прикосновенность громозвучной жизни», «русским простым всенародством», «спешность», «добронравственное влияние», «житейских неладностей», «богатырственен», «эти чувствования ослабить», «никаких заумностей», «сберегаемо и помятуемо». Смело добавлю: Владимир Гречухин доказал писательским трудом, что он безоговорочно является основоположником новой русской краеведческой прозы. Более того, пройдя через долгие, всепоглощающие неимоверно тяжелые испытания, он сумел

создать свою школу, а помогли ему во многом его же деловые качества, независимость и оригинальность мышления.

Обычно историки ради придания своему труду научности насыщают книгу массой ссылок на авторитетных ученых, пытаясь то ли поднять её до их высокого уровня, то ли демонстрируя, что уже сравнялись с их недосягаемостью и популярностью. Какая уж тут скромность или оригинальность мышления, научность, способность открывать своё новое?! Одно желание – возвыситься. То есть прославиться. В книге Гречухина тоже есть ссылки, но самая оригинальная и значительная их часть касается краеведов мышкинской, угличской, рыбинской и ярославской школ, к созданию которых причастен он сам. К ним есть доверие, с ними можно спорить, но они выдвигают те разные версии, что основаны на документах и фактах, а не высосаны из пальца. Они, как и сам Гречухин, годами сидят в архивах и музеях, читают не только книги и летописи, но изучают эпистолярное наследие, старые газеты, а, главное, ведут общение с теми старожилами и предками мыслящих людей, которые хранят по домам семейные архивы. Отсюда и рождается доверие к ним, так как частные свидетельства, содержащие «многое, чего нет в книгах», весьма редки и актуализированы.

Ведет Гречухин разговор о жизненных трудах Федора Опочинина, об открытии им в Мышкине библиотеки, и тут же находит подтверждение своим мыслям в книге краеведа-единомышленника из Углича Т. А. Третьяковой «Венок Опочинину», вышедшей в Мышкине в 1999 году. Нужны точные свидетельства взаимоотношений знаменитых семей Тютчевых и Аксаковых, их связь с усадьбой Знаменское, в ход идут ссылки на книгу коллеги по Мышкинской академии Краеведения О. Б. Карсакова «Ф. И. Тютчев, его приятели и друзья. Город Мышкин в общественной жизни России». А как убедительны факты, взятые Гречухиным из книги «Дворяне Скрыпицыны», написанной им в соавторстве с той же Т. А. Третьяковой! И совершенно уместным добротным подспорьем оказалось употребление фактов из книг и статей его единомышленников-краеведов из разных городов Ярославщины – Е. С. Розова, С. Н. Левагиной, С. Н. Овсянникова, О. Ю. Тишиновой и т. д. Со многими из них я душевно общался и знаю, как ценили они и творческие поиски Гречухина, и его научные труды. Они не стеснялись называть его учителем, своей путеводной звездой.

В книгах историков Боханова и Шевелева я, к сожалению, не встретил того пристрастного отношения и цитирования краеведческих трудов, коим отличается труд Гречухина. Боханов преимущественно использует только книги и статьи известных

авторов – барона Дельвига, графа Комаровского, историка Зегера, ученого Ламздорфа, политического деятеля Победоносцева. Не берусь судить, плохо это или хорошо, скорее, не то и не другое. Речь идет лишь о том, что эти авторы жизнеописания Александра Третьего шли обычным путем – обращались к доступным источникам. Но не редким и закрытым, а тем более, частным, краеведческим. А это, на мой взгляд, лишает жизнеописание трудов и подвигов императора, как минимум, чисто народного мнения, лишает непривычного стороннего и широкого взгляда.

Прочтение книги Гречухина порадовало меня, а, более всего, удивило ещё и тем, как он использовал те книги современных историков и писателей, которые я ему высылал большими бандеролями каждый месяц. Зная, что в Мышкине, как и в любом провинциальном городе России, давно закрыты книжные магазины, а тиражи выходящих в московских издательствах мизерны, я выбирал и дарил ему книги близких мне по духу и мировоззрению авторов, исходя из своих пристрастий и увлечений. На каждую такую посылку он сердечно откликался, не скупясь на чрезмерную похвалу и не стесняясь признаться, что такие книги нужны ему как чистый здоровый воздух. Приведу лишь одно такое его высказывание: «Читаю Катасонова. Спасибо, дорогой мой, что прислал. Всё у него понятно и всё, очевидно, вполне именно так, но, право же, обидно, что не доживу до русского поворота. До появления нового Александра III, явно не доживу».

Мог ли я тогда подумать, какой глубокий, содержательный отклик найдут в его душе присланные мною книги?! Казалось, ну прочтет, приобретет новые знания, откроет доселе неизвестные факты, имена, события, изречения. Ан, нет, чтение книг для него оказалось больше, чем чтение. Они поддержали ход его мыслей при написании книги об Александре Третьем, укрепили в правильности своих поисков и выводов. Порой давали ему ключ к открытию тех политико-экономических тайн и загадок, которые волновали и мешали продвижению мысли вперед. У меня сердце заходилось от сердечного волнения и гордости, ведь я неким образом, пусть и не догадывался, а оказался помощником ему, когда то и дело встречал на страницах рукописи фамилии знакомых авторов – Георгия Свиридова, Натальи Нарочницкой, Олега Матвейчева, Виктора Тростникова, Юрия Полякова, Станислава Рыбаса, Никиты Кричевского, Владимира Бондаренко, Ивана Миронова, Валентина Курбатова и т. д.

Две книги, авторами которых были известные современные экономисты и писатели Сергей Глазьев и Егор Холмогоров, видимо, сыграли важную роль в понимании Гречухиным

будущего России, если он неоднократно прибегал к их умозаключениям и полагался на их авторитетные мнение. Я знаком с этими авторами, истинными патриотами России, и всегда разделял их философский подход к формированию в России национально мыслящей элиты, к пробуждению и укреплению в народе чувства национального достоинства. Мимо Гречухина тоже не прошли эти труды, так как он не раз признавался мне, что возрождение России тесно связано с возрождением в русском человеке чувства национального самосознания. И как важна и ценна твердая позиция Гречухина, который знал, что и Глазьев, и Холмогоров сегодня в России прозападными правительственными чиновниками и деятелями культуры шельмуются, отвергаются, дискредитируются, но цитировал их многократно, так как их мысли верны и полезны. Он догадывался, что несмотря на то, что чувство безысходности подтачивает силы этих мужественных русских патриотов почти на всём протяжении их творческого пути, они, именно они, являются продолжателями дела русского Царя-славянофила Александра Третьего, и только такие люди могут вывести Россию из политического, экономического и духовного тупика. Они – прошедшие через труднейшие жизненные испытания, но сумевшие сберечь душевную зоркость, добросердечие, нравственную чистоту. А, значит, и он по долгу совести правдивого историка, болевшего за судьбу своего Отечества, находится в их патриотических рядах.

Мы много и откровенно говорили с Гречухиным на эту больную и горькую тему – тему избавления России от колониального порабощения западниками и космополитами русской культуры, экономики, средств массовой информации. Вернее, мы говорили о том, о чём уже честно и смело сказал гениальный мыслитель и писатель современности Валентин Распутин на Всемирном русском соборе в Храме Христа Спасителя: Россия давно является колонией, и признаки колониальности – чужая экономика, чужие песни, чужая архитектура… На эту трагическую тему до него говорили многие. Ещё в 1812 году герой битвы с Наполеоном отважный генерал Ермолов на вопрос императора Александра I о том, какую высокую награду он желал бы для себя, прямодушно и дерзко ответил: «Государь, сделайте меня немцем!» Этот ответ соответствовал уровню колонизации России тех времен, так как систему управления страной представляли тогда в основном люди немецкой национальности. А после такого же прямодушного и дерзкого выступления-признания Валентина Распутина о колонизации современной системы управления

экономикой и культурой в России сказал талантливейший поэт Николай Зиновьев в своём стихотворении о том, как при встрече с неизвестным человеком Бог спросил, какой бедою тот тесним, и когда человек сказал: «Я русский», то «Бог заплакал вместе с ним».

В книгах Глазьева и Холмогорова речь шла об идеях и программах, способных вытащить страну из либерально-русофобского рабства. Для Гречухина таким спасительным путем могло стать появление на политическом небоскребе такой громадной личности с русской душой и русским характером, как император Александр Третий. Только ему под силу справиться с современной безнациональной элитой, олигархатом, космополитическим чиновничеством.

В порыве откровенности, горьких сомнений и душевного упадка, Гречухин мне писал 2 декабря 2021 года:

«Однако, на что же всё-таки можно бы надеяться? А только на чудо. Только на милость Божию, которая могла послать нам человека во всём главном схожего с Александром III. Чтобы она послала нам “русского царя”. Именно русского. И непременно Царя-хозяина. Другого нам не надо, и другие Россией не управят (как не управили Николай II, Керенский и Горбачёв). Русские сегодня (как и всегда) способны сплотиться только вокруг человека громадной силы духа, большой любви к заботливому хозяйствованию и великой русскости. Боюсь, что ни дети, ни внуки мои такого не дождутся. Всё, очевидно, будет идти точно так же, как у хазарского каганата, променявшего весь земной мир и всю судьбу на иудаизм.

Жизнь моя подошла к тому времени, когда без излишней горести и без всякой иллюзии можно оглядеть пройденный путь и здраво взглянуть вперед. Оглядение этого пути не явило мне ни единого из наших вождей, который бы соответствовал трем вышеприведенным мною признакам истинного хозяина земли русской. (За восемьдесят лет – ни единого?! Увы, так.). Не думаю, что в сегодняшних очень быстро текущих событиях России ещё несколько раз судьба предоставит “для разминки” ещё несколько восьмидесятилетий…»

Кто теперь может после письма такой силы правды и открытости мысли сказать, что не знает, для чего Владимиром Гречухиным из далекого скромного городка Мышкина написана книга о великом императоре Александре Третьем?! Для того и открыта она народу, подарена, чтобы мы осознали, кто нужен нам во главе страны, чтобы продвигали во власть русских патриотов и никогда не сомневались, что главные наши враги – это те, кто не верит в собственный народ, в отечественную историю, в

нравственную силу наших традиций и православной веры.

Закрывая последнюю страницу книги, можно честно себе сказать: книга пророческая, злободневная, актуальная. Конечно, речь идет не о пророческом даре Гречухина. Скорее, о том, что он так глубоко проник умом в закономерности русской истории, что мог увидеть и предсказать грядущее, заразить нас верой, что нашему Отечеству нужен настоящий хозяин с искренней русскостью, разделяющий дух коренной глубины русской народной жизни. Важна и актуальность, так как она отвечает на другой вечный вопрос: должна ли история воспитывать, прививать подрастающему поколению гражданственность, патриотизм? Гречухин тут однозначен – и дает ответ на смежный вопрос, а как это лучше сделать. И как прекрасно, что мы верим ему, мы имеем дело с очень русским душевным человеком, с писателем-краеведом впередсмотрящим, изучающим, пытающимся понять, как всё было устроено в России, в чём логика её истории и как её сберечь.

Сегодня история и правда на стороне Владимира Александровича Гречухина. Его громадное творческое наследие пронизано одним желанием и устремлением – чем скорее наша матушка-Россия обретет достойного правителя масштаба великого императора-русофила Александра Третьего, а с ним и общенациональную духовную устойчивость, тем быстрее она встанет на национальный самобытный путь развития.

Анатолий Грешневиков,

писатель,

депутат Государственной Думы России

notes

Примечания

1

Пушкин в письмах Карамзиных (1836–1837 г.). – М.-Л., 1960.

Смирнова-Россет, А. О. Дневник. Воспоминания. – М., 1989.

3

Карсаков, О.Б. Ф. И. Тютчев, его приятели и друзья. Город Мышкин в общественной жизни России // Тютчевский дом. Альманах. – № 1. – Мышкин, 2019.

4

«О порядке приведения в действие правил о евреях» – нормативный документ кабинета министров Российской империи, был опубликован 3 мая 1882 года. – *Прим. ред.*

5

В сражении при Садовой 3 июля 1866 года прусская армия разгромила австрийские войска, после чего Пруссия возглавила процессе объединения Германии. – *Прим. ред.*

6

Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза (правила в нашей стране под разными названиями с ноября 1917-го по август 1991 года). – *Прим. ред.*